ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ
СТИВЕН БАКСТЕР

БЕСКОНЕЧНЫЙ КОСМОС

The Long Cosmos

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ!

ЛЮБИМЫЙ ПИСАТЕЛЬ НИЛА ГЕЙМАНА
И ЗВЕЗДА БРИТАНСКОЙ НФ

Бесконечный Космос

Стивен М. Бакстер, Терри Пратчетт

Аннотация
Терри Пратчетт, Стивен Бакстер. Бесконечный Космос
Предисловие
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17

Глава 18
Глава 19
Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Глава 32
Глава 33
Глава 34
Глава 35
Глава 36
Глава 37
Глава 38
Глава 39
Глава 40
Глава 41
Глава 42
Глава 43

Глава 44
Глава 45
Глава 46
Глава 47
Глава 48
Глава 49
Глава 50
Глава 51
Глава 52
Глава 53
Глава 54
Глава 55
Глава 56
Глава 57
Глава 58
Глава 59
Глава 60
Глава 61
Глава 62
Глава 63
Глава 64
Глава 65
Глава 66
Благодарности

Аннотация

Лето 2070 года. Самый знаменитый в мире путник Джошуа Валиенте застрял в добровольном творческом отпуске, который превратился в вынужденное изгнание. Перемещаясь через бессчетные миры, он чувствовал себя дома.

Но Долгая Земля полна опасностей – здесь всегда найдется что-нибудь новенькое. Теперь его сына захватил в плен древесный крокодил, а сам он вскарабкался на пятимильную колонну водорода на спине тролля с коробкой спичек в кармане… Что еще может пойти не так?

Терри Пратчетт, Стивен Бакстер
Бесконечный Космос

Джексу Томасу и Малкольму Эдвардсу за их потрясающие званые обеды, на одном из которых возродился цикл «Бесконечная Земля».

Т.П.

Поддерживаю. И, как всегда, Сандре.

С.Б.

Terry Pratchett and Stephen Baxter
THE LONG COSMOS
Copyright © Terry & Lyn Pratchett and Stephen Baxter, 2016
First published as The Long Cosmos by Transworld Publishers, a part of the Penguin Random House group of companies

© М. Максимова, Н. Луц, перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Предисловие

Проект «Бесконечная Земля» родился в ходе беседы на званом обеде в начале 2010 года, когда Терри Пратчетт рассказал мне о научно-фантастическом сюжете, который он когда-то отложил. Еще до конца обеда мы решили развить эту идею в соавторстве. Первоначально мы планировали написать две книги, но к декабрю 2011-го, когда закончили черновик первого тома («Бесконечная Земля»), этот первый том разделился на два. К тому же мы не могли устоять перед искушением исследовать в третьем томе «Бесконечный Марс» и строили планы на грандиозную космическую кульминацию всего цикла… Так что к тому времени мы представили нашим героически терпеливым издателям планы на цикл из пяти книг.

Книги выходили ежегодно, но мы работали быстрее. Время было не на нашей стороне, а Терри хотел заняться и другими проектами. Первая и вторая книги цикла были опубликованы в 2012 и 2013 годах соответственно. А к августу 2013-го мы предоставили издателям черновики трех последних книг, включая настоящую. Впоследствии мы продолжали работу над ними. В последний раз я виделся с Терри осенью 2014 года, когда мы, среди прочего, работали над описаниями больших деревьев в «Бесконечном Космосе» (глава 39 и дальше[1]). Я считал своим долгом проследить, чтобы книга прошла все стадии редактуры и издания.

С.Б.

---

[1] Примечания: 1

На самом деле большие деревья появляются с 40-й главы.

Глава 1

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ

«Вниз» в переходах всегда было направлением к Базовой Земле. Вниз к суетливым мирам. Вниз к миллионам людей. «Вверх» — направлением к безмолвным мирам и чистому воздуху Верхних Меггеров.

В пяти переходах к западу от Базового Мэдисона, штат Висконсин, на маленьком кладбище недалеко от детского приюта, перед памятным камнем жены стоял Джошуа Валиенте. Он спустился вниз настолько, насколько мог. Стоял холодный мартовский день. «Хелен Грин Валиенте Доук».

— К чему все это, милая? — тихо спросил он. — Как мы дошли до такого?

Он не принес цветов. Незачем, дети прекрасно справлялись с уходом за маленьким участком, очевидно, под ненавязчивым присмотром давнего друга Джошуа, сестры Иоанны, которая теперь управляла Приютом. Это сестра Иоанна догадалась поставить памятный камень, чтобы у Джошуа, когда тот приедет, было хоть какое-ни-

будь утешение. Хелен же велела похоронить ее на Базовой, в гораздо менее доступном месте.

На камне стояла дата смерти Хелен, 2067 год. Спустя три года Джошуа все еще пытался смириться с жестокой реальностью.

Он всегда стремился к одиночеству, по крайней мере значительную часть жизни. Даже его приключения в День перехода стали следствием тяги к уединению. Прошло более полувека с тех пор, как безответственный гений Уиллис Линдси опубликовал в Интернете инструкцию по изготовлению в домашних условиях прибора под названием «переходник». Его следовало собрать, прикрепить к поясу, повернуть выключатель — и вы переходите, покидаете старый мир, который теперь все называют Базовой Землей, и оказываетесь в другом: мире тишины и дремучих лесов, если переходить из места вроде Мэдисона в Висконсине, как это сделал тринадцатилетний Джошуа. Поверните выключатель в другую сторону — и вы вернетесь туда, откуда пришли, а если у вас хватит смелости, как у Джошуа, то можно переходить дальше, из мира в мир… Внезапно открылась Долгая Земля — цепь параллельных миров, похожих, но не идентичных, и ни в одном, кроме изначального, Базовой Земли, не было

человечества.

Идеальное убежище для одинокого ребенка, каким был Джошуа Валиенте. Но куда бы ты ни убежал, все равно в конечном итоге вернешься. И вот у шестидесятисемилетнего Джошуа, похоже, не осталось иного выбора, кроме одиночества. Жена умерла, Салли Линдси давно потеряна — две женщины, полные противоположности, определявшие его жизнь, — а единственный сын отдалился.

Вдруг виски Джошуа пронзила резкая, как удар током, боль.

И ему что-то послышалось. Похожее на инфразвуковой рокот глубокого землетрясения, звуковые волны, настолько грандиозные и мощные, что ощущались, скорее, всем телом, чем слухом.

Джошуа попытался сосредоточиться на здесь и сейчас: могиле, имени жены на камне, приземистых строениях этой Ближней Земли, бревенчатых стенах и солнечных панелях. Но далекий звук не стихал.

По Верхним Меггерам эхом разносился какой-то зов.

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ

Намного дальше от Базовой, в озаренном светом звезд пустом небе, где должна была быть Земля

— Не может быть, — сказала Стелла Велч, уставившись на планшет.

Дэв Биланюк вздохнул:

— Знаю.

Стелле было за шестьдесят, Дэву — лет на тридцать меньше. И дело не только в этом, Стелла была Следующей: настолько умной, что, когда она начинала рассуждать или анализировать, Дэв, доктор наук из Университета Вальгаллы и сам далеко не тупица, с трудом за ней поспевал. Правда, с точки зрения Дэва, сейчас она вовсе не выглядела умной, вися вверх ногами в огромной полости глубоко внутри Кирпичной Луны, с торчащими во все стороны седыми волосами.

И, похоже, она была так же, как и Дэв, озадачена Приглашением — посланием, которое уловил радиотелескоп под названием «Циклоп».

— Начнем с того, — сказала она, — что мы еще даже не закончили «Циклоп».

— Конечно. Но тесты отдельных антенн пока были успешными. И мы просто перемещали их по случайным целям, когда это — послание

внеземной цивилизации — появилось в канале данных, само загрузилось и…

— Мы получили доклады, что другие телескопы, в основном на Ближних Землях и на Базовой, тоже засекли это послание. В других последовательных мирах. Это не просто радиомаяк, посылающий сообщения в этом конкретном мире. Это феномен всей Долгой Земли. Как такое может быть?

— По аутернету тоже приходили какие-то странные сообщения, — нерешительно произнес Дэв. — Забавная чепуха с Долгой Земли. Никакого отношения к радиоастрономии. Странности в долгом зове троллей…

Стелла пропустила его слова мимо ушей.

— И потом эта дешифровка. — Она опять посмотрела на планшет. Три простых слова на чистом английском: «ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ».

— Похоже, в основном сообщении скрыто много информации, — сказал Дэв. — Наверное, чтобы извлечь ее всю, нам потребуется запустить «Циклоп» на полную мощность.

— Дело в том, — сурово возразила Стелла, — что сообщение пришло с собственным дешифрированием, встроенным в него, как компьютерный вирус. Алгоритмом, способным переводить на

английский.

— И на другие языки тоже, — заметил Дэв. — Я имею в виду человеческие языки. Мы проверяли. Загрузили эту штуку в планшет китайца из нашей команды…

Дэв получил за это выговор. Но здесь, в двух миллионах миров от Базовой, напряженные отношения между Китаем и западными странами ничего не значили.

— Как? — вырвалось у Стеллы. — Как, черт побери, оно говорит с нами? По всей видимости, безо всяких начальных знаний о человечестве и наших языках? Мы думаем, послание пришло от некой цивилизации в созвездии Стрельца за много световых лет, возможно, из центра Галактики. Наши радиотрансляции не могут проникнуть так далеко, даже с Базовой.

Засыпанный вопросами Дэв потерял терпение.

— Профессор Велч, вы работаете в этой сфере на десятки лет дольше меня. Я учился по вашим учебникам. К тому же вы Следующая. Так почему вы спрашиваете у меня?

Она сверлила его взглядом, и он почувствовал легкую насмешку в ее раздраженном нетерпении.

— Все равно скажи, что ты думаешь? Есть ка-

кие-то идеи?

Он пожал плечами.

— В отличие от вас я привык делить мир с существами умнее себя. Эти — из созвездия Стрельца — еще умнее. Умнее вас. Они захотели с нами поговорить и разобрались как. Важно понять, профессор, что делать дальше.

Стелла улыбнулась:

— Мы оба знаем ответ.

— Нам понадобится телескоп покрупнее, — усмехнулся Дэв.

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ

Еще дальше от Базовой Земли

Впоследствии Джошуа Валиенте назовет этого пожилого тролля Санчо. Но у того уже было своего рода имя. Люди такое имя не могут ни распознать, ни выговорить, это что-то вроде сложного обобщения личности, мотив бесконечной песни троллей.

Сейчас, пируя с другими троллями в медленно угасающем свете весеннего дня, Санчо был обеспокоен. Выронив кусок жирного бизоньего ребра, он встал и обвел взглядом горизонт. Остальные заворчали, ненадолго потревоженные, но быстро

вернулись к трапезе. Однако Санчо неподвижно стоял, прислушиваясь и наблюдая.

У троллей выдался хороший денек в сердце последовательной Северной Америки. Они несколько дней сообща выслеживали стадо животных, отдаленно похожих на бизонов, не сводя глаз с одного старого самца, который, сильно хромая, тащился позади всех. Невидимые тролли неуклонно двигались навстречу заходящему солнцу, параллельно бизонам, в нескольких переходах от их мира, а разведчики постоянно переходили на мгновение, чтобы не упустить добычу из виду, и возвращались доложить обстановку танцами, жестами и уханьем.

Наконец старый бизон споткнулся.

Для бизона это был конец долгой, медленно догорающей жизни. Задняя нога, так полностью и не исцелившаяся от перелома, который он получил еще теленком, наконец предала его.

Задыхающегося от жары бизона тут же окружили охотники, крупные, мощные человекообразные, с черными как смоль волосами, каменными ножами и заостренными палками в огромных руках. Сомкнув круг, они резали и кололи, стараясь попасть в сухожилия, вены и сердце. Тролли были в своем роде в высшей степени разумны,

но делать орудия толком не умели. Они использовали заостренные камни и палки, но не знали способа поражать добычу на расстоянии: у них не было ни луков, ни даже дротиков. Поэтому охота была открытой, контактной, апофеозом грубой физической силы — большие мускулистые тела бросались на добычу, пока не доконали ее своей мощью.

Бизон был старым и гордым, он ревел, попытался подняться, дать отпор, но опять упал под натиском охотников.

И именно Санчо нанес последний удар, размозжив череп бизона массивным камнем.

Собравшись над павшим животным, тролли запели песнь победы, песнь изобилия, песнь уважения тому дару, который принес бизон — жизни. А затем они принялись разделывать тушу, и начался пир: сперва печень, почки, сердце. Скоро благодаря долгому зову троллей весть об охоте распространится по племенам через тысячи миров и навсегда поселится в глубинах памяти некоторых стариков вроде Санчо.

Но сейчас, когда радостный день подходил к концу, Санчо отвлекся от охоты, от пира. Он что-то услышал. Или… не услышал.

Что это? Его разум отличался от человеческо-

го, он был вместительным и полным пыльных воспоминаний. Он не знал человеческих слов, но если бы пришлось, назвал бы услышанное или почуянное Приглашением.

Санчо оглядел племя — самцов, самок и детенышей, которые насыщались с довольным видом. Он много лет прожил с ними, видел, как рождались малыши, падали и умирали старики. Он знал их как самого себя. Они были его миром. Тем не менее он видел, кем они были: горсткой животных, затерянных в пустом гулком мире. Сжавшиеся, уязвимые в темноте.

А из-за горизонта что-то надвигалось.

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ

В нескольких переходах от Базовой, в новой каменной церкви в последовательной версии старинного английского прихода Святого Иоанна-на-Водах

Нельсону Азикиве было семьдесят восемь, и официально он ушел на покой. В самом деле, он вернулся сюда потому, что в долгой бродячей жизни больше всего считал домом свой старый приход на Базовой, хотя и скованный льдом в мире продолжающейся вулканической зимы.

Куда еще ему уходить на покой?

Но для такого человека, как Нельсон, уход на покой был всего лишь формальностью. По мере сил он продолжал работать над различными проектами так же, как всегда. Просто теперь он называл это забавой, а не работой.

Конечно, большим подспорьем стал рост технологической инфраструктуры Ближних Земель, обеспечивающей нужные связи с внешним миром, точнее мирами, без необходимости покидать насиженное место. Поэтому Нельсон каждый день общался в «Мастер-викторине» — онлайн-группе престарелых ворчливых одержимых параноиков, — насколько он знал, ни с кем из них он никогда не встречался воочию. Теперь они рассеялись по Ближним Землям и за их пределами, но тем не менее на протяжении десятилетий поддерживали связь через последовательный обмен картами памяти. Как ни странно, через пятьдесят с лишним лет после Дня перехода никто так и не нашел иного способа передавать сообщения через последовательные миры, кроме как переносить вручную.

В настоящее время вниманием «Мастер-викторины» завладел феномен, известный как Приглашение. Новости о сигнале внеземной

цивилизации, полученном радиотелескопом в Дыре, стали мимолетной сенсацией в новостных медиа Ближних Земель, замкнутых, сосредоточенных на себе, зацикленных на местной политике и знаменитостях. На людей обрушился шквал сообщений и рассуждений о галактическом будущем человечества или неминуемой вселенской гибели, а потом все об этом забыли. Но не участники «Мастер-викторины».

Некоторые считали Приглашение именно тем, чем оно являлось на первый взгляд: посланием от внеземной цивилизации, исполнением мечтаний многолетней программы поиска внеземных цивилизаций. Оно попало в радиотелескопы во всех последовательных мирах, где они были установлены. Другие считали, что объяснение не может быть таким очевидным. Возможно, это тайный эксперимент военных или какой-то корпоративный вирус, или первый шаг давно предсказанного вторжения китайцев в поверженную постйеллоустонскую Америку.

Когда Нельсон получил собственное приглашение, он как раз просматривал сообщения очередного дня на эту горячую тему.

Экраны всех его планшетов и других устройств внезапно погасли. Нельсон, вздрогнув, отки-

нулся в кресле, подозревая, что это очередное отключение электричества — не редкость в мире, который в энергоснабжении полагается на бережное сжигание леса. Но затем экраны один за другим загорелись, на них появилась бритая голова со знакомым спокойным лицом.

Нельсона охватил трепет предвкушения.

— Привет, Лобсанг. Я думал, ты опять исчез.

Лицо улыбнулось в ответ, и во множестве девайсов в комнате Нельсона зазвучал голос, как бой гонга в буддистском храме:

— Добрый день, Нельсон. Да, я исчез. Считай это появление просто голосовой почтой.

Нельсону стало интересно, с какой частью Лобсанга он говорит. Поскольку полностью функционирующий Лобсанг, похоже, распространялся почти на всю Базовую Землю, голосовые сообщения были для него настолько же эффективным методом коммуникации, как петь йодль с помощью азбуки Морзе. Возможно, этот аватар был не более чем изощренным голосовым генератором. Тем не менее, отметил Нельсон, он взял на себя труд снабдить эту «голосовую почту» улыбкой, как в старые добрые времена.

— У меня есть для тебя новости, — сказал Лобсанг. Планшет перед Нельсоном опять очистился,

и лицо Лобсанга сменил ребенок, обласканный солнцем мальчик лет десяти-одиннадцати. — Я сам только что его обнаружил. Пришел сигнал с дистанционного зонда, с запозданием.

— Кто он?

— Нельсон, это твой внук.

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ

Совсем далеко от Базовой, в двухстах с лишним миллионах переходов

Корабль ВМС США «Чарльз М. Дьюк» не подчинялся адмиралу Мэгги Кауфман. В свои шестьдесят восемь она была слишком стара для боевого командования и формально числилась в отставке, но это не удерживало ее от трений с бывшим начальством и номинальными преемниками командного состава остатков американских ВМС. Тем не менее последняя миссия в глубины Долгой Земли была ее идеей, ее вдохновением — черт, результатом двадцатипятилетней кампании, направленной на то, чтобы решить незаконченное дело.

И, когда капитан Джейн Шеридан рассказала ей об извещении, полученном с Базовых Гавайев, Мэгги осознала, что этому делу придется еще

подождать.

Однако она ринулась в бой:

— Но мы уже так близко. Двести с чем-то миллионов миров!

— Осталось еще пятьдесят тысяч, адмирал, самый опасный отрезок.

— Пустяки. Я могу провести это корыто через «опасный отрезок» с закрытыми глазами.

— Боюсь, отзыв предельно ясен, мэм. Мы должны возвращаться. Не каждый день отправляют высокоскоростные суда, чтобы доставить такие приказы. И вообще, извещение для вас. Адмирал Катлер отзывает именно вас.

— В чем дело? Эд Катлер неспособен командовать даже дырявым корытом.

— Ничего не могу сказать, мэм.

— Я в отставке!

— Конечно, адмирал.

— С какой стати мне подчиняться приказам этой старой конторской крысы?

— Но мне приходится подчиняться, мэм, — тихо сказала Шеридан.

Вздохнув, Мэгги посмотрела в окна палубы на бурлящий вулканический пейзаж последовательной Земли и на изящное курьерское судно, зависшее в воздухе рядом с «Дьюком».

— Но мы шли так быстро, — жалобно произнесла она. — И прошло столько времени.

Двадцать пять лет назад она оставила команду ученых на Западе-247830855, очень странной Земле, Земле, которая была всего лишь луной более крупной планеты. Более двадцати лет назад спасательная миссия обнаружила, что ученые пропали.

— Это были мои люди, Джейн.

— Знаю, мэм. — Шеридан еще не было тридцати, но со своей высокой квалификацией она производила впечатление более зрелой. — Но я вот как на это смотрю: за двадцать пять лет они либо умерли, либо сумели выжить. В любом случае они еще немного продержатся.

— Проклятье. Ты не только до смешного молода, ты еще и до смешного права. И проклятый Катлер. Что это — какое-то приглашение?

— Мне сейчас известно не больше, чем вам, адмирал…

Пока они спорили, «Дьюк» начал долгий путь домой. Вернулось ощущение слабого покачивания от регулярных переходов. За окном замелькали миры со скоростью один в секунду, потом два, затем четыре: солнце и дождь, жара и холод, пейзажи, экосистемы и разные погодные

условия возникали и исчезали в мгновение ока. Но никто не смотрел на это обыкновенное чудо.

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ

В другом месте

Зябким мартовским днем бритоголового послушника, сидевшего скрестив ноги за низким столом и работавшего с текстами восьмого века от Рождества Христова, отвлек далекий шум. Слабый зов.

Не разговоры и смех селян в чистом гималайском воздухе: стариков с дымящимися трубками, женщин со стиркой, детишек, играющих самодельными деревянными игрушками. Не звяканье колокольчиков на коровах у перевала. Похоже на голос, подумал парнишка, разносящийся эхом с холодных белых, покрытых льдом гор, нависших над долиной в глубинах древнего Тибета.

Голос, звенящий у него в голове.

Негромкие слова:

«…Человечество должно прогрессировать. Это логика нашего ограниченного космоса. В конечном итоге мы должны вырасти, чтобы встретить его вызовы, если не хотим угаснуть… Подумайте. Мы называем себя разумными, но каким будет

истинный Homo sapiens? Что будет делать? Наверняка станет прежде всего беречь свой мир или миры. Будет смотреть в небо в поисках других разумных форм жизни. И будет видеть Вселенную как единое целое…»

— Джошуа? — позвал парнишка.

Учитель шлепнул ладонью по столу, заставив мальчишку подскочить.

— Не отвлекайся, Лобсанг!

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ
ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ

Слова дождем лились с небес по всей Долгой Земле, везде, где были уши, способные слышать, глаза, способные видеть, и умы, способные понимать.

Стоя над могильным камнем жены, Джошуа не хотел никаких приглашений.

— Оставь меня в покое, черт побери!

Он сердито перешел.

На его месте возник легкий ветерок, коснувшийся лепестков цветов на могиле.

А голос с небес не умолкал.

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ
ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ

Глава 2

Придя на работу последним апрельским утром перед отправлением Джошуа в очередной «творческий отпуск», Билл Чамберс с трудом открыл дверь — в свой собственный кабинет, между прочим. Ведь Билл был действующим мэром Черт-Знает-Где, с досадой осознал Джошуа.

Услышав приглушенные проклятия, он вышел из маленькой ванной комнаты, голый по пояс, с полотенцем на шее и пеной для бритья на половине лица. Хотя утро уже наступило, жалюзи еще были опущены и в кабинете царил полумрак. Билл пытался пройти, не раздавив какой-нибудь особо важный элемент снаряжения, что было весьма непросто. Джошуа не только не убрал раскладушку, но и все остальные свои вещи разложил рядами и кучками на полу и даже на письменном столе.

— Матерь божия, Джош, что ты тут собираешь? — Фальшивый ирландский акцент Билла с каждой встречей становился все сильнее. — Черт-Знает-Где теперь развитый город. Мне нужно к концу недели разобраться с квартальными

налогами.

— Билл, я думал, для этого есть компьютер.

Билл выглядел оскорбленным. То есть более оскорбленным, чем до этого.

— Приятель, такое не доверяют компьютеру! Настоящая бухгалтерия — последнее убежище творческого ума.

— Я вообще-то и сам сидел в этом кресле, помнишь? Я оставлю тебя в покое…

— Какой покой? — Билл пытался продвинуться дальше, перепрыгивая через вещи и покачиваясь, когда неудобно ставил ногу. — Боже, ну и воняет тут, как от набедренной повязки тролля!

Он поднял жалюзи и дернул шнур, чтобы открыть окно с деревянной рамой.

В помещение ворвался свежий воздух, наполненный запахами пыли, сена и весенних цветов, — воздух мира, который был прохладнее остальных на этом участке Долгой Земли, достаточно прохладным, чтобы порой заморозки случались и в июне. Джошуа всегда находил это бодрящим.

И сейчас для Джошуа это был воздух дома, как и в любом другом месте, — во всяком случае, здесь он хранил свои самые важные вещи. Джошуа не входил в число основателей Черт-Знает-Где

и даже не помогал им, но этот город несколько десятков лет был домом для него, его жены Хелен и сына Рода. На самом деле, когда он впервые пришел сюда, единственным устойчивым ориентиром зарождающегося города была кузница. Поскольку железо невозможно перемещать между мирами, кузница служила своеобразной канцелярской кнопкой, которая прикрепляла общину к этой конкретной Земле, а в те годы была еще и местом встреч и обмена слухами. Неслучайно впоследствии Джошуа, Билли и остальные поселенцы именно на этом месте построили мэрию Черт-Знает-Где. Во время торжественного открытия они повесили над дверью железную подкову. Довольно странно, если подумать, ковать подковы в мире, где еще нет лошадей, но люди хотели, чтобы подковы принесли удачу.

Но брак Джошуа распался. Хелен вернулась в Перезагрузку, свой родной город в Кукурузном поясе. А потом умерла. Теперь Джошуа редко виделся с сыном. Род должен был появиться сегодня, но… Во всяком случае, план был такой.

Отойдя от окна в полумрак комнаты, Билл задел веревку, на которой висели рубашки и штаны Джошуа.

— Черт! Что-то не припоминаю здесь белье-

вой веревки. И к чему ты ее привязал? А, вижу, к бюсту основательницы на книжном шкафу. Прямо вокруг шеи. Ей бы понравилось.

— Извини, дружище. Пришлось импровизировать. Хочешь кофе? У меня варится на кухне.

— Спрашиваешь, хочу ли я глоток своего лучшего кофе, прежде чем он выйдет отсюда в твоем мочевом пузыре? Давай, наливай-ка.

Джошуа вытер пену с лица и налил кофе в наименее сомнительную кружку, которую нашел в маленьком шкафчике над раковиной.

— Держи. Без молока и сахара.

— Как всегда.

Билл расчистил угол стола и сел.

— Будем.

Они чокнулись кружками.

— Знаешь, Билл, а ведь было время, когда ты попросил бы — как ты это называл? — капельку чего-нибудь покрепче. Даже так рано утром.

— У меня были вкусы взрослого мужчины…

— Начиная с четырнадцати лет, как я помню, Билли Чамберс, как только у тебя появлялись деньги, и не отрицай.

— Ну, с тех пор я изменился. После стольких лет. Спасибо Утреннему Приливу.

— Тебе повезло с ней. И вашими детьми.

— Моя печень с этим согласна. Как и тебе повезло с Хелен.

— Повезло.

Повисло неловкое молчание.

— За тех, кого нет с нами, — наконец сказал Билл, и они снова чокнулись кружками. Билл осторожно убрал широкополую шляпу со стула за своим столом. — Приятель, все эти кучи. Они правда так необходимы?

— Не сомневайся.

— И все разложено по порядку. — Билл осмотрел комнату. — Теплые вещи, понятно, значит, уходишь на несколько месяцев. Универсальные карты… — На таких картах обозначались объекты, присутствующие на всей Долгой Земле. Ничего человеческого вроде городов и дорог, только горы, реки, береговые линии, ориентиры на местности. — Спасательные одеяла из фольги — есть. А где твой матрас?

— Ты отстал от жизни. Смотри. — В левой руке Джошуа держал сверток размером с бейсбольный мячик. — Аэрогель. Матрас, который помещается в кулаке.

— Или, в твоем случае, в терминаторской кибер-клешне.

— Ага-ага.

— Ботинки. Сандалии для лагеря. Носки! Носков много не бывает. Таблетки для воды. Еда, вяленое мясо и прочее — я так понимаю, неприкосновенный запас?

— Буду жить на подножном корме. Охотиться и ставить силки.

— Охотник из тебя всегда был фиговый, но тебе не повредит скинуть несколько килограммов.

— Спасибо.

— Аптечка — есть. Таблетки от диареи, антигистамины, обезболивающее, слабительное, антигрибковые препараты, дезинфицирующее средство, средство от насекомых, витамины… Что еще? Наконечники для стрел. Тетива для лука. Силки. Сети. Легкий бронзовый топорик. Ножей больше, чем в запасе у мясника. Стандартные электронные приборы: радиостанция, планшет, пеленгатор. — Это устройство использовало навигационные спутниковые системы в развитых мирах, в других случаях просто сообщало наиболее вероятные координаты, основываясь на положении Солнца, Луны, созвездий, продолжительности дня и любых случайных событиях вроде солнечных и лунных затмений. В этой технологии заключалась вся добытая ценой больших усилий мудрость десятилетий путешествий

по Долгой Земле. — Кремневый запал. И спички, молодец. Нагреватель на солнечных батареях. — Опрокинутый раскрытый зонтик с отражающей внутренней поверхностью, который устанавливается на подставку и улавливает солнечные лучи, чтобы кипятить воду. — Калоприемник. Стоматологический клей.

— Ну да, ну да.

— Я только отчасти шучу, Мафусаил. Кофе. Специи. Перец! Конечно, товары на обмен. А, и оружие. Пара бронзовых револьверов. Электромагнитный импульс?

— Да. — Джошуа поднял один из маленьких пистолетов. — Последнее изобретение. Заряжается от солнечной энергии. Или можно просто накачать его, сжимая рукоятку.

Он направил пистолет вниз и выстрелил, проделав аккуратную дырку в углу Биллова стола.

— Эй, имей уважение! Это антикварный стол.

— Нет. Мы сами его сделали.

— Ну, теперь он никогда не станет антикварным. И все это поместится в одном рюкзаке, я правильно понимаю? Надо отдать тебе должное, у тебя есть несколько отличных примочек, Джош.

— А говорят, что после Дня перехода инновации застопорились.

— Жаль, что еще не изобрели неразбиваемое сердце.

Джошуа отвел взгляд.

— Прости, дружище, — сказал Билл. — Прозвучало банальнее некуда. Я бы никогда не сказал такого раньше, верно? Мы с тобой были бойкими парнями. Чувства — это для тех чертовых монашек, а не для нас. Что ж, я изменился. И ты тоже. Но ты изменился, ну, обратно.

Его слова слегка задели Джошуа. Чтобы скрыть это, он снял с веревки рубашку и надел ее. Неожиданно шестидесятивосьмилетний Билл, сидевший на собственном заваленном барахлом столе, потягивая кофе в полумраке кабинета, в глазах Джошуа стал выглядеть настоящим мэром. Зрелым. Как будто шальной старина Билл, прикидывающийся ирландцем, каким-то образом вырос, пока Джошуа не видел. Более того, обогнал самого Джошуа.

— Что значит изменился обратно?

Билл развел руками.

— Ну, например, помнишь, когда повстанцы затеяли движуху в Вальгалле и все тролли Долгой Земли ушли в самоволку? И этот чертов Лобсанг всучил нам твен и велел отправляться на поиски Салли Линдси.

— Боже, Билл, должно быть, прошло лет тридцать.

— Конечно. И, насколько я помню, мы просто легли спать, проснулись и полетели на край Долгой Земли. Не помню, чтобы ты так паковался. Даже чертовы носки.

Джошуа осмотрел кабинет, все свои вещи, лежавшие аккуратными рядами и кучками.

— Нужно все делать правильно, Билл. Нужно удостовериться, что взял все, что все работает. Потом надо все как следует уложить…

— Вот именно. Это говорит не Джошуа, мэр Черт-Знает-Где, Джошуа-отец, Джошуа Валиенте — герой половины чертовой Долгой Земли. Это Джошуа-мальчик, которого я знал в Приюте, когда нам было одиннадцать, двенадцать или тринадцать лет. Когда ты собирал свои детекторные приемники и модели, совсем как сейчас собираешь вещи. Сначала ты все раскладывал и ремонтировал поврежденные детали…

— Красил перед сборкой.

— Что?

— Так всегда говорила Агнес. «Ты из тех ребят, которые непременно красят детали перед сборкой».

— Ну, она была права.

— Чаще всего. На самом деле, до сих пор… И сегодня она должна приехать повидаться со мной, несомненно, чтобы еще раз оказаться правой. Так что, Билл?

— Баланс есть всегда, приятель. Нужно соблюдать пропорции. И, просто чтобы поднять еще один вопрос, господин председатель, не слишком ли ты стар, чтобы срываться играть в Дэниела Буна?

— Не твое дело, — огрызнулся Джошуа.

Билл поднял руки.

— Справедливо. Без обид.

В дверь постучали.

Билл встал.

— Наверное, это сестра Мария Стигмата тут как тут. Оставляю тебя. Все равно, пока ты не уберешься, мне не поработать.

— Билл, я ценю это…

— Только запомни. Установи где-нибудь повыше чертов знак, чтобы было видно с твена, спасательное одеяло на вершине скалы, чтобы тебя можно было найти, когда ты себя угробишь.

— Принято.

На этот раз постучали сильнее.

— Хорошо, хорошо.

За дверью оказалась не Агнес, а сын Джошуа.

Билл Чамберс быстро убрался.

Глава 3

Возникшему в дверном проеме Дэниелу Родни Валиенте было тридцать восемь лет. Выше отца, с бледной кожей, унаследованной от матери, и такими же темными волосами, как у Джошуа. На нем был практичный комбинезон с капюшоном, на плече висела маленькая кожаная сумка. Джошуа заподозрил, что это все вещи, которые он взял с собой, — может быть, вообще все его вещи.

Он вошел. С легким отвращением оглядев груды снаряжения, освободил кресло Билла от барахла и уселся. Все без единого слова.

Джошуа подавил вздох. Однако строгий вид сына заставил его застегнуть пуговицы на рубашке. Затем он взял со стола полупустую кружку Билла и направился к кухне.

— Итак…

— Итак.

— Хочешь кофе? В кофейнике есть немного.

Род, как он теперь заставлял себя называть, покачал головой.

— Я давно избавился от кофеиновой зависи-

мости. Чем меньше пристрастий, тем лучше в Верхних Меггерах.

— Тогда воды? Водопроводная опять идет чистая с тех пор, как…

— Не надо.

Джошуа кивнул, поставил кружки и сел на табурет, с которого пришлось убрать альпинистское снаряжение.

— Рад, что ты пришел.

— Почему?

Джошуа вздохнул.

— Наверное, потому что после смерти твоей матери мы все, что есть друг у друга.

Лицо Рода было каменным.

— Я не «есть» у тебя, папа. И ты не «есть» у меня.

— Род…

— Почему ты в очередной раз исчезаешь в дебрях Долгой Земли? Прямо как во времена моего детства. Как исчезал, когда твой брак с мамой дал трещину. Сообщения по аутернету «Привет, я опять ухожу» на самом деле недостаточно, папа. И, черт возьми, разве ты не стар уже для таких выкрутасов?

— Ты знаешь, Род… Дэниел… Мне кажется, ты всю жизнь меня осуждаешь. Наверное, все винят

своих родителей…

Род перебил его:

— Я пришел только затем, чтобы поговорить о твоем завещании.

— Хорошо. Смотри, все должным образом засвидетельствовано и нотариально заверено, здесь в Черт-Знает-Где и в офисе Эгиды в Мэдисон-Запад-5.

— Папа, юридическая сторона меня не заботит. И я ничего от тебя не хочу. Просто хочу увериться, что все понял, прежде чем ты исчезнешь, сломаешь в глуши свою проклятую шею, и я больше тебя не увижу.

— Прекрасно. Базовые положения ты знаешь. За исключением нескольких даров, например, Приюту в Мэдисоне, я оставляю все твоей тетке Кейти в Перезагрузке или ее здравствующим потомкам. Вот и все…

Кейти была старшей сестрой Хелен. Лет через десять после Дня перехода сестры Грин вместе с родителями пешком отправились в поход по Долгой Земле и приняли участие в основании нового поселка, Перезагрузки, на окраине группы плодородных миров, известных как Кукурузный пояс. Познакомившись с Джошуа, Хелен покинула Перезагрузку, а Кейти осталась, вышла замуж,

вырастила здоровых дочерей и со временем внучек.

Но в этой истории присутствовала и неприглядная сторона. У сестер Грин был брат Родни — фобик, как на новом жаргоне называли тех, кто по своей природе неспособен переходить. Когда семья ушла, Родни остался с теткой. В конечном итоге Родни принял участие в разрушении Мэдисона в Висконсине ядерным взрывом и остаток жизни провел в тюрьме. Когда Дэниел Родни, сын Джошуа, узнал семейную историю полностью, он отказался от детского имени Дэн и принял имя несчастного дяди. Это была только одна из причин натянутых отношений между отцом и сыном.

— Все равно с твоей стороны нет никого, кому я могу завещать, ведь так? — спросил Джошуа.

Род вздохнул.

— Это называется свободный брак, папа. Я сейчас один из пятнадцати мужей. Жен восемнадцать и, по последним подсчетам, двадцать четыре ребенка. Все очень расплывчато — мы разбросаны по многим мирам и постоянно перемещаемся. Сейчас у меня постоянные отношения с Софией. София Пайпер — ты никогда ее не видел и никогда не увидишь. И я типа приемного дяди

ее племянников. Дядя-отчим, если угодно, старые наименования неприменимы. Гибко, но устойчиво, и прекрасно подходит мигрантам Долгой Земли вроде меня. Вообще прошло уже двадцать лет после создания первой пары.

— Это все чушь собачья для стригалей. И не признается законами Эгиды. Когда дело касается наследования собственности…

— Папа, у нас нет никакой собственности, о которой можно говорить. В известном смысле.

— Похоже, ты принял осознанное решение не иметь собственных детей.

— И принимать участие в отвратительном эксперименте по разведению путников?

— Необязательно…

— Ты сам результат планируемого спаривания, папа. И посмотри, как все хорошо обернулось. Твоя мать умерла при родах, отец — педофил и бездельник. Вековая тайная организация по селективному выведению прирожденных путников! Подобное просто так не проходит. И посмотри, что они напустили на человечество — всю дестабилизацию Дня перехода.

— Род, если бы не это, мы бы здесь не сидели. Смотри — до меня так и не добрались. Поэтому Фонд в моем поколении, похоже, не функциони-

ровал, так? И определенно твоя мать и ее семья не имели ко всему этому никакого отношения. Твой дядя был полным фобиком.

— Чепуха. Можно быть носителем гена, который в тебе не выражен. О, какая разница. Плохо или хорошо, по крайней мере эта линия семьи Валиенте заканчивается на мне вместе с нашим испорченным геномом.

— Прекрасно, — бросил Джошуа. Он посмотрел на сына, который напряженно сидел в кресле мэра, ни на секунду не расслабляясь, словно был готов в любой момент сорваться с места. — Чертова молодежь, вы думаете, что сами все это изобрели.

Род встал.

— Все, мы закончили? О, я же принес тебе подарок. Это София придумала.

Он протянул изящный футляр. Внутри оказались легкие солнечные очки. Джошуа посмотрел через них и прищурился.

— Они с диоптриями.

— Да. Твои диоптрии. Нашел у мамы в бумагах.

— Мне не нужны очки…

— Нужны. О, не хочешь — не носи. Пока, папа.

Он вышел. Джошуа неопределенное время просто стоял с очками в руках, в окружении ак-

куратных рядов походных вещей.

Затем в дверь опять постучали.

Сестра Агнес.

Глава 4

Агнес, как всегда практичная, принялась укладывать рюкзак Джошуа.

— Помню, как помогала тебе, когда ты был мальчишкой. Ну, ты показывал мне, как это делается. Запасные штаны на самое дно, мягкие вещи к спине, ножи, пистолеты и прочее спасательное снаряжение сверху. — Она согласилась выпить чая, хотя и скривилась при виде не слишком чистых кружек. — Билли Чамберс всегда был неряхой.

— Ты же проделала весь этот путь не просто, чтобы увидеться со мной?

Она хмыкнула.

— Не льсти себе. Я навещала старых друзей из Нью-Спрингфилда. Помнишь Никоса Ирвина, который обнаружил серебряных жуков? Теперь у него свои дети.

Ее юбка, блузка и кардиган были чистыми и тщательно отглаженными — не похоже на сестру Агнес. Эта привычка появилась только после того, как она вернулась из Нью-Спрингфилда, где обзавелась хозяйством с аватаром Лобсанга.

Ее лицо было подлинным лицом сестры Агнес, подумал Джошуа. Хотя, как ни жутко, моложе, чем у настоящей Агнес, когда он видел ее в последний раз, на смертном одре, целых тридцать пять лет назад.

— Знаешь, Агнес, мне шестьдесят семь лет, скоро шестьдесят восемь. Ты вдруг стала моложе меня.

— Пф-ф. Ты не настолько стар, чтобы я не могла сказать тебе, что ты совершаешь глупую ошибку, в одиночку отправляясь в глушь в твоем возрасте. Потом не жалуйся.

— Ты уже третий человек за утро, который мне это говорит.

— Включая твое сознание?

— Ха-ха.

Она перестала сворачивать носки и коснулась его руки — правой, из плоти и крови, в отличие от протеза на левой. Он заметил, что ее кожа почти так же покрыта старческими пятнами, как и его.

— Ты знаешь, что тебе всегда найдется место у нас. В Приюте. Я и сама время от времени заглядываю туда, просто чтобы убедиться, что юная сестра Иоанна не слишком разошлась.

Юная сестра Иоанна была почти ровесницей Джошуа и уже много лет управляла Приютом.

— Уверен, она это ценит, — сухо сказал он.

— И она рассказала мне все про того мальчика, с которым у них так много сложностей, Яна… как его зовут?

— Кажется, Ян Родерик. Я с ним встречался.

— Да. Что он поглощает все старые книжки и фильмы, которые ты отдал Приюту, как чикагский гангстер нюхает крэк-кокаин.

— Агнес!

— Ой, молчи. Еще один трудный мальчик, как ты. И я уверена, что ему будет полезно почаще с тобой видеться. Единственное, чего не хватает в Приюте, по очевидным причинам, так это хороших мужских примеров для подражания.

— Ну, не уверен, что когда-либо был хорошим примером… Слушай, Агнес, последние три года после смерти Хелен я плыву по течению. Мне нужна смена обстановки. Я ненадолго. Когда я вернусь, Приют никуда не денется…

— Я могу деться.

Его потрясла прямота, с которой она это сказала.

— Агнес, у тебя искусственное тело, разум загружен в гель Корпорации Блэка — ты можешь жить, пока не погаснет солнце…

— Кому захочется это видеть? — Она коснулась

пергаментной кожи на щеке. — Конец должен быть, Джошуа. Я усвоила этот урок от Шими, которая решила, что в итоге хочет быть всего лишь кошкой. Я хотела быть мамой Бена и… это все, чего я хотела. А после я буду готова сложить свое бремя. Моему приемному сыну уже девятнадцать.

— Правда?

— Поверь. Время просто утекает сквозь пальцы, верно? И я не знаю, как долго еще смогу убедительно имитировать старение. И еще есть вопрос хороших манер. Я сама была старой, но кто я такая, чтобы жить в каком-то манекене, изображая боль и страдания ради собственного тщеславия? Когда я знаю, что в любое время могу его выключить. Когда я могу даже снова стать молодой, если захочу. Нет, думаю, мое время должно прийти раньше, а не позже. Так будет правильно.

— Хм-м. А Бен?

— Он знает. Он с девяти лет понял, что мы такое — я и «Джордж». Он это принимает.

— У него есть выбор?

— У кого из нас есть выбор, Джошуа?

Вдруг он понял, что устал от всего этого. Он отстранился, встал и принялся укладывать вещи в рюкзак.

— Тебе сложно, — сказала Агнес. — Я знаю.

— Лобсангу тоже, — проворчал он.

Она вздохнула.

— Я думаю, что давным-давно выполнила свои обязательства по отношению к этому мужчине, Джошуа. В зависимости от того, какого Лобсанга ты имеешь в виду. Тот, за которого я выходила замуж, «Джордж», пропал, когда Следующие запечатали мир Нью-Спрингфилда. Более старая копия, которую ты вернул из отдаленного мира Долгой Земли, стала главной версией, так сказать. Я знаю, что в отношении Лобсанга странно говорить о личности. Их всегда несколько, его личность можно разделить, соединить, залить одну копию в другую…

Лобсанг осознал себя в виде искусственного интеллекта, работающего на субстрате из геля Корпорации Блэка. С самого начала он утверждал, что является в некотором роде человеком — реинкарнацией тибетского мастера по ремонту мотоциклов. До сих пор никто не смог уличить его во лжи. И с самого пробуждения его существование было непростым.

Агнес продолжала:

— Копии синхронизировались до того, как «Джордж» застрял в Нью-Спрингфилде. Новая

версия помнит меня, нашу совместную жизнь. Но он никогда не был моим Лобсангом. И к тому же он пропал.

Джошуа много лет не получал вестей ни от одной из итераций Лобсанга.

— Что, опять?

— Селена Джонс из Трансземного института говорит, что он удалился в какую-то виртуальную реальность, где чувствует себя «в безопасности». У меня нет никакого желания знать куда. Конечно, хоть его индивидуальность — я опасаюсь употреблять слово «душа» — удалилась, остальные его функции работают нормально. Что только к лучшему для структуры человеческого мира.

— Агнес, это модель поведения?

— Похоже на то. Какое-то время он в порядке, потом наваливается какой-нибудь стресс, и он скрывается в раковине — совсем как в тот раз, когда он играл в фермера в Нью-Спрингфилде. А потом цикл начинается снова. Что ж.

— Агнес, это прощание?

— Необязательно. О, Джошуа, все это так глупо! Ты не Дэниел Бун и никогда им не был. Ты был просто мальчиком, который нуждался в уединении…

— Агнес, что-то зовет меня обратно, — выпалил

он. — У меня нет выбора.

Она внимательно посмотрела на него.

— Я помню слова, что ты говорил ребенком. Тишина. Она вернулась, да? Знаешь, я подумала, что дело может быть в ней, когда прочитала все эти глупые новости про сигнал внеземных цивилизаций. В конце концов, дело всегда в ней. — Она вздохнула. — Я часто жалею, что Моники Янсон больше нет. Эта женщина лучше меня могла достучаться до этой твоей стороны. И она сказала бы: что бы ты ни потерял, ты не найдешь этого там. — Она встала. — Я сказала, что хотела, и ухожу.

Внезапно он отвел от нее взгляд.

— О, не плачь, — ласково проговорила она.

Джошуа повернулся, и Агнес заключила его в объятия.

Глава 5

Сестра Иоанна, начальница Приюта в Мэдисон-Запад-5, и ее компаньонки постоянно вспоминали Джошуа Валиенте и сестру Агнес.

Взять хотя бы Яна Родерика, с которым были знакомы и Агнес, и Джошуа. Десятилетний Ян представлял загадку для сестер и персонала, временами даже приводил их в отчаяние, настолько сложной была личность, заключенная в маленьком теле. Сестра Иоанна могла только советовать быть терпеливыми: какой вообще прок от монашек, психологов и учителей, если они неспособны проявить терпение?

Самой сестре Иоанне никогда не составляло большого труда оставаться спокойной с Яном. Однако она не возомнила о себе, что это благодаря каким-то особенным личным качествам. Просто Ян, худенький темноволосый мальчик, во многом напоминал ей Джошуа.

Что касается Джошуа, то он всегда казался непримечательным. Его детским увлечением в Приюте до Дня перехода были одиночные походы, исследования реконструированных прерий

в Мэдисонском питомнике, изготовление радиоприемников и сборка моделей — на самом деле починка некомплектных и сломанных. Все это давало подсказки, что за личность таится под темной мальчишечьей копной волос.

Затем, после Дня перехода, Джошуа стал кем-то вроде местной знаменитости благодаря спокойной уверенности в ту первую ошеломительную ночь, когда внезапно отворились двери последовательных миров и все остальные, включая большинство взрослых, запаниковали.

Сестра Иоанна никогда не забывала того, что Джошуа сделал для нее той ночью. Она не имела ни малейшего представления о том, что с ней случилось: «Я никогда не заходила ни в какие платяные шкафы»… Сара Энн Коутс, как ее тогда звали, уже переживала ночные кошмары, вот почему она попала в Приют на Союзном Проезде. И вот, блуждая в темном последовательном лесу, она почувствовала, что ночные кошмары опять пришли за ней. Во мраке к ней тянулись руки… Она потеряла самообладание.

Джошуа привел ее домой. Он ее спас.

Как казалось сестре Иоанне, День перехода изменил жизнь Джошуа, но не его сущность. Он опять уходил в одиночные походы, только

теперь отправлялся на прогулки по Верхним Меггерам. Он по-прежнему был методичным и терпимым к неудачам, но теперь изготавливал и чинил переходники, а не конструкторы и пазлы. Была в Джошуа и пугающая сторона — он ведь стал первым широко известным прирожденным путником, словно в большей мере принадлежал Долгой Земле, а не доброй старой Базовой. Но в сущности он был простым человеком, думала сестра Иоанна: не тупоголовым, а простым по своему складу, между его моральными принципами и поведением не лежало пропасти.

Она старалась донести до Джошуа, что здесь для него всегда открыта дверь. Это была ее идея поставить памятный камень Хелен Валиенте на маленьком кладбище реконструированного Приюта. Это самое меньшее, что она могла сделать.

Поэтому если сестра Агнес с остальными монашками смогла помочь Джошуа Валиенте, если он в конце концов вырос таким честным и надежным, то наверняка сестра Иоанна, в свою очередь, в состоянии помочь Яну Родерику.

Но Ян был таким загадочным.

* * *

Однажды утром сестра Колин, которой самой было чуть за двадцать, пришла к сестре Иоанне, охваченная беспокойством.

— Этот мальчик творит странные вещи.

— Какие?

— Он слушает.

— И что здесь странного? Что слушает?

— Не что. Кого. Любого, кто приходит. Должностных лиц. Посетителей.

— Я думала, к нему никто не приходит, — сказала сестра Иоанна.

— Нет. Я имею в виду тех, кто приходит к другим детям, даже к сестрам. Если есть возможность, он просто сидит и слушает. И спрашивает, знают ли они какие-нибудь хорошие истории.

— Истории?

— Байки путешественников. Городские легенды. Такого типа.

— Бульварные сплетни? Интернет-слухи? — спросила сестра Иоанна, стараясь говорить строго.

— Ну, наверное. Но похоже, ему нравится слушать людей напрямую. И он записывает в своем стареньком раздолбанном планшете. Даже до-

бавляет время, дату и место. Людям становится жутковато, если они замечают.

— Ну…

— И потом вопросы. Он спрашивает об очень странных вещах. Он опять смотрит один из старых фильмов Джошуа.

— А.

Упорный интерес Яна к старой, созданной до Дня перехода, научной фантастике побудил сестер более тщательно присматривать за приютской коллекцией, собранной в основном Джошуа. Одно дело держать в порядке потрепанные книги в мягких переплетах, но чтобы успешно конвертировать различные столетние фильмы с кассет, дисков и устаревших форматов для просмотра на современных планшетах и экранах, понадобились основательные технические знания. И после всех этих усилий мальчишка снова и снова возвращался к горстке любимых.

— Дай угадаю, что он смотрит. «Первые люди на Луне».

— Нет.

— «Аватар»… «Мышь на Луне»… «В поисках Галактики»!

— Да, этот.

— Ха! Я так и знала!

— Он начал задавать вопросы, будто раньше никогда не видел фильма, а вы знаете, что он смотрел его раз двадцать. «Как называется это место?» — «Ну, это планета». — «Но как она называется? Она настоящая?» — «Она только в кино». — «Можно отправиться туда по-настоящему? Что там в космосе на самом деле? Есть такие люди, как мы?» И тому подобное. Снова и снова. И в ответ нельзя строить догадки, даже о подробностях какого-нибудь тупого старого фильма, потому что знаешь: он проверит и вернется к тебе.

— Ничего удивительного, что десятилетний мальчик интересуется космосом.

— Знаю. — Сестра Колин вздохнула. — Просто он такой — вы знаете — Ян.

— Я с ним поговорю.

* * *

Сестра Иоанна потихоньку подготовила все, чтобы провести вечер с Яном. Пообещала, что они будут сидеть вместе на старом диване и смотреть какой-нибудь его старый фильм или читать книгу — что он захочет.

Они уселись перед большим настенным экраном, на котором шел «Контакт» — фильм, кото-

рый они смотрели вместе столько раз, что сестра Иоанна узнавала каждый кадр. Ян делал пометки в маленьком планшете. Рядом с ним на диване лежала пара старых книг: «Контакт», роман, по которому был снят фильм — точнее наоборот, роман был написан по фильму, — и «Мир-Кольцо». Оба смотрели с философским видом и хрустели попкорном.

Сейчас на экране была радиоастроном Элли Эрроуэй в детстве, с отцом.

— Знаете, — заметил Ян, — этому фильму восемьдесят лет. Что-то вроде того. Но они говорят прямо как сейчас.

Что за восприятие у этого десятилетнего мальчика? Люди диву даются, когда Ян выдает такое.

— Наверное. Как ты думаешь, почему?

Он пожал плечами.

— Потому что мы все смотрим одни и те же старые фильмы. Новых больше никто не снимает.

Она решила, что это правда.

— Я читала, что после Дня перехода для телевидения настали не лучшие времена, потому что невозможно организовать трансляции между последовательными мирами. Затем Йеллоустон и вовсе покончил с ним. Знаешь, супервулкан в сороковом году.

— Поэтому мы смотрим одно и то же снова и снова, — сказал Ян. — Как будто все застыло.

Она улыбнулась.

— Наверное. Больше никто не знает, как зовут Папу Римского, зато капитана Кирка знают все.

— Никогда о нем не слышал.

— Услышишь, Ян. А чем тебе нравится этот фильм?

— «Контакт»? Мне понравилось, как она находит закономерности, понимаете? В сигналах с неба. Все эти числа. Вот почему мне хочется смотреть этот фильм — потому что сигнал с неба правда поймали, да? В Дыре. В этом сигнале нашли числа?

— Не знаю, — честно ответила сестра Иоанна. Она не сильно заинтересовалась сигналом, когда о нем вкратце упомянули в новостях. Большинство сообщений об этом казались ей мрачными домыслами.

Ян беззаботно жевал попкорн.

— Я нашел в библиотеке несколько книг о том, как искать закономерности в числах и тому подобном. Закономерности есть и в природе, можно увидеть одни и те же спирали у подсолнуха и галактики.

— Правда?

Сестра Иоанна никогда не была грамотеем. Она сразу вспомнила давно умершую сестру Джорджину, самую образованную среди монахинь. Книги, которые читал Ян, вполне могли когда-то принадлежать Джорджине. Джорджина никогда не упускала случая напомнить, что училась в Кембридже.

— Не в том Кембридже, который в Массачусетсе, а в настоящем, который в Англии, — пробормотала сестра Иоанна.

— А? — недоуменно посмотрел на нее Ян.

— Ничего. Просто вспомнила… — На нее снизошло озарение. — Закономерности. Вот почему тебе нравится, как люди рассказывают истории? В них тоже есть закономерности?

Он пожал плечами, жуя попкорн.

«Может, он сам не сознает, что делает», — подумала сестра Иоанна. Поиск закономерностей — поиск логики в хаосе жизни. «Контакт» — поиск способа достучаться до отсутствующего. На самом деле в фильме это есть: немного дешевый прием в сцене, где юная Элли пытается по радио установить контакт с умершим отцом.

Это имело смысл, если учитывать биографию Яна. Отца он никогда не видел, а мать сама была почти ребенком и росла с нарушением познава-

тельных функций. Первые четыре года жизни он провел в относительном одиночестве с матерью в постйеллоустонском лагере для беженцев на Ближних Землях, пристанище нищих и зависимых. Одним из негативных аспектов великого открытия Долгой Земли стало то, что появилось слишком много места, и такие случаи проходили незамеченными. Мать старалась как могла, но даже толком не научила Яна говорить, они общались на собственной разновидности детского лепета.

Потом мама тоже пропала. Соседи спасли растерянного и напуганного малыша от голода. Внезапно в четыре года Ян Родерик потерял единственный человеческий контакт, единственную возможность общения. Ошеломленный непривычной обстановкой, он целый год не произносил ни слова.

Сестра Иоанна всегда старалась держать в уме подобные моменты. Ребенок есть ребенок, а не набор обстоятельств. Тем не менее такая информация полезна.

— Что ты сейчас записываешь?

— Доказываю, что Элли Эрроуэй из Мэдисона в Висконсине.

— Правда? — удивилась она.

— В кино не говорится прямо. Но в первой главе книги мама Элли берет ее на прогулку по Стейт-стрит. — Он прищурился. — В Базовом Мэдисоне тоже была Стейт-стрит, да, сестра?

— Да, была.

— И в книге говорится, что она живет у озера в Висконсине. — Его маленькие пальцы стремительно забегали по планшету. — Она идет повидать маму в доме престарелых в Джейнсвилле. И смотрите, в кино… — Он уверенно прокрутил назад к сцене, где юная Элли соединяет на карте нитками кнопки, которые показывают ее радиоконтакты. — Видите кнопку на месте ее дома?

— Точно на Мэдисоне, — изумленно сказала сестра Иоанна.

— Потом отец говорит ей, где находится Пенсакола.

— Верю тебе. Ого! Кто бы мог подумать? Висконсинцы вступают в первый контакт. Ух ты!

Они дали друг другу «пять», и сестра Иоанна осмелилась обнять мальчика, слегка пощекотав, чтобы он засмеялся; он не слишком любил физический контакт.

Затем они унялись и стали смотреть древнее кино дальше.

Сестра Иоанна осторожно произнесла:

— Сестра Колин говорит, ты спрашивал, почему люди не летают на другие планеты.

— Простите, — машинально ответил Ян.

При всех предосторожностях она выбрала неправильный тон. Слишком много детей в Приюте были сверхчувствительны к критике и наказанию, которое обычно следовало до того, как они приходили сюда.

— Нет, не извиняйся. Все в порядке. Мы просто разговариваем. Ты же знаешь, что американцы летали на Луну и обратно.

— Конечно. Лет сто назад. А с тех пор нет.

— Думаю, это из-за Долгой Земли. Зачем лететь на Луну, когда во все другие миры можно просто пойти пешком?

— Но они все скучные. Все как Мэдисон, только без людей и всякой всячины.

— Понимаю, о чем ты. Но на Долгой Земле есть множество миров, где не нужны скафандры, там можно дышать воздухом… — Сестра Иоанна вспомнила, как Джошуа в юности говорил так же: «В Верхних Меггерах я фактически привязанный к планете астронавт, лишенный очарования старых космонавтов, но зато там можно остановиться, чтобы отлить»…

Она подавила улыбку.

— Долгая Земля больше, чем Мир-Кольцо?

Ей пришлось посмотреть на обложку книги, чтобы получить приблизительное представление, что такое Мир-Кольцо: какое-то огромное сооружение в космосе.

— А какой величины Мир-Кольцо?

— Как три миллиона Земель, — без запинки ответил Ян.

— О, Долгая Земля гораздо больше.

— Правда? — Его глаза расширились от удивления. — Клево!

* * *

Позже, когда начнутся всякие чудные дела, сестра Иоанна припомнит подобные разговоры. Как ни странно, прошлое Яна Родерика практически подготовило его к дальнейшему.

Подготовило к ответу на Приглашение.

Дело в том, что Ян Родерик оказался прав. Помешанный на поиске внеземных цивилизаций, закономерностей и на математических головоломках, он потихоньку начинал осознавать, что в мире появилось нечто новое — новое и реальное. Закономерность, таящаяся не в числах, не в радиосигналах с неба, а в историях, которые рассказывали друг другу люди. Истории рас-

пространялись по локальным сетям Ближних Земель, телеграфным и телефонным проводам, через маленькие спутники связи в более развитых первопроходческих мирах, а дальше через аутернет — низкотехнологичные самодельные коммуникационные системы в миллионе миров Долгой Земли, а там, где со связью было совсем плохо, на безлюдных планетах — передавались из уст в уста у костров, где путешественники встречались и беседовали.

И — так уж совпало, что во время прощания с Агнес Джошуа впервые за долгое время вспомнил свою старую знакомую Монику Янсон, — одна из таких историй касалась странной встречи, случившейся с самой Янсон много лет назад…

Глава 6

В 2029 году, всего лишь через четырнадцать лет после Дня перехода, судьба человечества на бесконечных просторах Долгой Земли оставалась весьма неопределенной. А на самой Базовой, в Мэдисоне, штат Висконсин, и его последовательных версиях, мысли сорокатрехлетней Моники Янсон, лейтенанта Мэдисонского полицейского управления, все больше занимала напряженность между путниками и теми, кто не умел переходить.

Напряженность и ее жертвы.

Стюарт Манн был физиком-теоретиком, а не врачом или психологом. Моника Янсон познакомилась с ним на одной из множества научных конференций, которые посещала, пытаясь постичь феномен Долгой Земли. Манн показался ей одним из наиболее человечных участников: он почти понятно разговаривал, обладал чувством юмора и лишь толикой раздражающего высокомерия, которое демонстрировали многие ученые. Сейчас, когда он ласково разговаривал с Пострадавшей Женщиной, здесь, в летнем

домике, который ее семья построила в этой версии Мэйпл-Блаф — на Западе-31, достаточно удаленном, но все еще связанном с Базовой мире, — Янсон подумала, что подход к больному у Манна гораздо лучше, чем у многих врачей, с которыми ей приходилось сталкиваться. Поэтому она и предложила проконсультироваться именно с ним.

Манн сидел на диване рядом с пациенткой и улыбался, хотя было очевидно, что женщина его не видит. Лет пятидесяти, седой, тучный, в твидовом пиджаке с ярко-алым галстуком-бабочкой — единственным проявлением позерства. Пациентка была в пеньюаре.

— Расскажите, что вы видите, — просто попросил Манн.

Пострадавшая Женщина повернула голову в его сторону. Ее глаза не походили на глаза слепых людей, которые встречались Янсон. Они моргали, двигались, фокусировались. Она что-то видела. Просто не Стью Манна. Она теребила звенья медной проволоки на запястье. Ее звали Беттани Даймонд.

— Деревья, — сказала она. — Я вижу деревья. Светит солнце. В смысле, я чувствую солнечное тепло, но… Дети играют. Гарри спускается из

дома, который мы построили на дереве. Амелия бежит ко мне… — Она поморщилась, сидя на диване, и Янсон представила маленькую девочку, бегущую перед глазами Беттани. Одна сторона лица Беттани была сплошным синяком: остаток побоев, полученных в больнице, в результате чего ее речь стала нечеткой.

— Гарри берет переходник. У него гигиенический пакет. Мы всегда заставляем детей носить гигиенические пакеты во время перехода.

— Он собирается перейти сюда? — мягко спросил Манн.

— О да. Им запрещено переходить без нас дальше, чем на один мир.

— Вы можете сказать, где он находится? Куда он собирается вернуться?

Беттани показала на середину ковра в гостиной.

— Мы разметили лентой контуры дома в соседних мирах. Ничего страшного не случится, если они попробуют перейти в стену. Вы же знаете, тебя просто вытолкнет, но дети расстраиваются.

И с легким хлопком появился Гарри, чумазый и потный шестилетний мальчик, перешедший на ковер прямиком из леса. Точно в том месте, куда показывала Беттани.

Где она, сидевшая на Западе-31, видела его на Западе-32.

Личико Гарри скривилось, и он поднес ко рту гигиенический пакет, но его не вырвало. Мать, не видя, потянулась к нему.

— Хороший мальчик. Храбрый мальчик. Иди сюда…

* * *

Манн и Янсон вышли на кухню.

Муж Беттани сварил им кофе. Он был в белой сорочке и галстуке, тщательно отглаженных брюках и черных кожаных ботинках. Когда Беттани выписали из больницы, он вернулся с работы и забрал детей от ее сестры, чтобы семья могла вновь собраться вместе здесь, в летнем домике, этом убежище от охватившего Базовую антипереходного безумия. Хозяин налил им кофе и оставил одних.

Манн потягивал кофе из кружки.

— Понятно, почему врачи обратились к вам, лейтенант Янсон. Зная вашу… специализацию. Работу, которую вы проделали в области преступлений, связанных с переходами, и социальных вопросов.

— Но врачи не понимают. Она же почти фобик,

верно? Беттани Даймонд. Ей очень тяжело даются переходы, хоть она и построила этот летний домик за тридцать один переход от Базовой. Тем не менее она носит браслет путника. Она верит в переходы и их пользу, вопреки тому, что сама не слишком хороша в этом…

Это было время, когда, несмотря на усилия властей, широкую известность получили первые свидетельства того, что некоторые люди способны переходить от природы, без помощи переходника Линдси. Напряжение между теми, кто не был способен переходить, и прирожденными путниками все возрастало. Последние оказались в длинном списке неугодных групп, и человечество пустило в ход унаследованный из прошлого арсенал дискриминационных ужасов. Согласно заявлениям борцов за права человека, в некоторых странах Центральной Азии в тела путников вживляли железо. Таким образом, если они перейдут, то истекут кровью из какой-нибудь пробитой артерии. В некоторых американских штатах рассматривали до ужаса похожие проекты: установку стальных кардиостимуляторов в тела опасных заключенных. Перейдешь — и твое сердце остановится.

А в большинстве штатов, как и во многих стра-

нах мира, прирожденных путников как минимум заставляли носить разные знаки, например электронные браслеты с меткой. Доводом служила необходимость отслеживать потенциальных преступников. Критики называли такие знаки желтыми звездами. Янсон считала, что эти глупости скоро пройдут. А пока среди молодежи появилась мода носить фальшивые переходники в знак протеста. Это породило даже направление уличного искусства, а дизайнеры разработали браслеты из медных и даже платиновых звеньев, символизирующие цепь миров Долгой Земли.

Но все это почти не имело отношения к Беттани Даймонд, юристу, жене, матери. В больнице Базового Мэдисона другой пациент напал на нее только потому, что она обратилась туда из-за проблем со зрением, которые явно были связаны с переходами. Ситуацию усугубило и то, что она демонстративно носила браслет путника, но это вряд ли послужило поводом к нападению.

— Так что вы думаете о ее патологии? — спросила Янсон.

Манн продолжал пить кофе.

— Пока очень рано говорить. Возможно, понадобится больше похожих случаев, чтобы разобраться в феномене. В конце концов, в прошлом

мы многое узнали о функционировании мозга, изучая травмы. Повреждаете что-нибудь внутри и смотрите, что перестало работать снаружи.

— Однако я твердо верю, что способность переходить — свойство человеческого сознания. Или, по меньшей мере, сознания человекообразных. Насколько нам известно, животные с совершенно другими видами сознания не переходят. В настоящее время основные теории устройства Долгой Земли, да и те только предварительные, базируются на квантовой физике: вероятность того, что вокруг настоящей реальности существует что-то вроде облака множества других реальностей. И в некоторых квантовых теориях сознанию отводится фундаментальная роль.

— Как в копенгагенской интерпретации?

Он улыбнулся:

— А вы подготовились.

— После полицейской академии прошло много лет, так что не судите строго…

— Возможно, сознание, наблюдая какой-либо квантовый феномен — кот в ящике одновременно и жив, и мертв, пока вы туда не заглянете, — выбирает, какая из вероятностей станет реальной. Таким образом, осознанное видение в некотором смысле создает реальность. Или, может, перено-

сит вас туда. Некоторые верят, что именно это и происходит, когда вы переходите: вы вдруг можете видеть Запад-32 или любой мир, чувствовать вкус и запах, касаться его, и это переносит вас туда. Как будто вы устраиваете некий огромный коллапс волновых функций. Извините, получилось немного технически. Это все очень приблизительно, потому что мы так мало знаем основы. Даже сам механизм зрения — загадка. Подумайте об этом.

Манн поднял красную кружку:

— Вы способны узнать эту кружку сверху или снизу, при ярком свете или в тени, на любом фоне. Как вы это делаете? Какая модель заложена в коре вашего мозга?

Но даже и без нейрологии сознание является тайной. Каким образом вся поступающая информация соотносится со мной: с моим внутренним восприятием красного, например, или круглого, или кружек? А еще существует тайна взаимодействия сознания с квантовым миром.

Вся область изучения Долгой Земли еще только зарождается и находится на стыке наук: нейрологии, философии, квантовой физики. Нам известно только, что даже со зрением случаются не до конца понятные экзотические расстройства,

которые мы называем агнозиями, их причиной обычно является какое-то повреждение мозга. Бывает агнозия лиц, когда вы не узнаете даже членов семьи, агнозия мест, цветов…

— Так, может, у Беттани какая-нибудь агнозия переходов? — спросила Моника.

— Возможно, но это не более чем навешивание ярлыка на то, чего мы не понимаем. Послушайте, я уверен, что у Беттани что-то пошло не так во время сложного процесса обработки информации. Она видит, не переходя. Несколько часов в день мир, который она видит, необязательно тот, в котором она живет. Поэтому она натыкается на мебель и видит, как ее дети играют в соседнем мире, но не слышит их, не может прикоснуться к ним, а они, конечно, ее не видят. И врачи пока не умеют лечить то, чего не понимают. Они говорят, что промежутки времени, когда она видит не так, увеличиваются. Еще год — и ее зрение навсегда застрянет в последовательных мирах.

— Она не сможет видеть своих детей, даже когда они будут рядом.

— Но она сможет их обнимать, — заметил Манн. — Прикасаться. Слышать.

— Сегодня она сказала, что слышит пение птиц, какого не слышала никогда раньше.

— Пение птиц?

— Почему этому не повлиять и на остальные органы чувств? Может случиться так, что в итоге весь ее разум отделится? И она будет ощущать себя полностью в одном мире, пока ее тело будет лежать в коме в другом?

— Не знаю, лейтенант. Мы только должны обеспечить ей защиту, что бы ни случилось.

Где-то в доме Беттани звала детей. Янсон пожалела, что рядом нет Джошуа Валиенте, чтобы помочь ей разобраться с этим.

Точно так же позже, после ее смерти, Джошуа будет часто не хватать совета Янсон.

А Ян Родерик, делая заметки в планшете на своем детском языке, будет пытаться понять, что значит история Пострадавшей Женщины применительно к зрению, переходам и жизни в бесконечном множестве вероятных миров.

И за их пределами.

Глава 7

Приглашение приходило из космоса во всех мирах Долгой Земли. И в одном мире на краю космоса началась подготовка ответа на него.

Холодным апрельским днем Дэв Биланюк и Ли Малоун в одинаковых синих комбинезонах стояли, нервничая, у входа на базу Космо-Д. Вокруг расстилалась местная версия северной Англии — поросшая травой песчаная прибрежная равнина с разношерстными фермами и рабочими поселками, сменяющаяся дальше округлыми холмами. Свежий бриз с моря подхватывал песни троллей, с удовольствием вкалывающих на полях и стройплощадках. Прозаичная картина, подумал Дэв. С трудом верится, что они в двух миллионах переходов от Базовой.

Но перед ними высилась ограда, за которой находилась хорошо охраняемая база Космо-Д с кучей дорогой и мощной техники. Единственной целью разбросанных по окрестностям поселков было поддержание базы.

А за ее пределами лежала в некотором роде бесконечность.

Сорок лет назад Джошуа Валиенте нашел альтернативную Землю, где Земли не было вообще. Планету постоянно бомбардировали огромные космические камни, и однажды в этой вселенной сокрушительный удар угодил прямо в центр. В результате возникла Дыра, и она оказалась чертовски полезной для тех представителей человечества, которые по-прежнему лелеяли мечты о космических полетах. Потому что здесь для выхода в космос не нужны мыс Канаверал и ракетные комплексы размером с собор. Нужно только перейти в Дыру, где когда-то была Земля, в вакуум. С тех пор люди отправлялись в космос отсюда.

И вот сюда идут Следующие. Дэв почувствовал, как в его руку скользнула рука Ли.

Рановато они вышли, но им не сиделось на месте в ожидании визита Следующих. Высокой, худой, темноволосой Ли, подстриженной почти наголо, было лет двадцать пять — немного меньше, чем Дэву. В управленческой иерархии Космо-Д он считался ее номинальным начальником. Однако она была невероятно способной, и Дэв чуял, что ему недолго ею руководить, даже если их робкие попытки завязать личные отношения получат продолжение. Тем не менее

сейчас она нуждалась в его поддержке.

Он стиснул ее руку.

— Не волнуйся. Ты знаешь профессора Велч по университету Вальгаллы. Следующие могут нагонять страх, но на самом деле не кусаются.

— Дело не в этом. Ну, разве что чуть-чуть. Это как в колледже, когда стоишь перед суровым руководителем, который сейчас разнесет твою работу в пух и прах.

— И, вспомни, они вкладывали деньги в Космо-Д. Да ведь проект радиотелескопа «Циклоп» был их инициативой.

— Но раньше же они нами не интересовались? Они рассматривали Дыру только как удобное место для размещения огромной космической антенны. А теперь пришло Приглашение, и они идут, чтобы взять на себя руководство.

Дэв пожал плечами.

— Ну, они не берут руководство…

— А нас пошлют лесом.

Следующие были разновидностью людей. Отличающиеся генетически и морфологически, они вышли из горнила Долгой Земли. И, вне всяких сомнений, они были однозначно умнее обычных людей.

— Говорят, когда рядом Следующие, люди про-

сто расходный материал.

— С этим можно поспорить…

С мягким хлопком над их головами возник изящный дирижабль. Он сразу начал снижаться, из него выкатился похожий на язык пассажирский трап и опустился на землю недалеко от охраняемых ворот базы. Внутри судна двигались неясные фигуры.

— Надеюсь, ты прав, — нервно ответила Ли.

* * *

Даже Следующим пришлось пройти необходимые процедуры безопасности, прежде чем ступить на охраняемую территорию.

Не то чтобы в настоящее время предпринимались какие-то враждебные действия против Космо-Д, но база все же была уязвимым, высокотехнологичным, энергетическим объектом, и хотя абсолютная защищенность на Долгой Земле представляла проблему, все же находились способы ее достичь. Единственным официальным входом на Космо-Д был путь, которым сейчас воспользовались Стелла Велч и Роберта Голдинг: перейти из более близких миров к охраняемой территории, а потом шагнуть за ворота.

Встретить их поручили Дэву и Ли.

Дэв повел Ли к твену.

— Сказать по правде, я больше нервничаю по поводу их одежды. Судя по слухам о том, как живут Следующие в своей глуши…

— Без одежды, за исключением карманов, как я слышала. Но профессору Велч лет сто…

— Не столько…

— Без одежды она будет выглядеть как тающий снеговик.

Дэв рассмеялся.

— Я передам ей твои слова.

По трапу из твена спустились две женщины в сопровождении члена экипажа, катившего тележку с грудой багажа. К облегчению Дэва, среди Следующих не было полуголых, они носили практичную дорожную одежду: куртки и брюки темных тонов. Следом сошли еще несколько членов экипажа и начали закреплять на земле удерживающие канаты.

Разумеется, Дэв узнал Стеллу Велч, которая уже несколько раз приезжала в Космо-Д. Роберту Голдинг он никогда не встречал, но слышал, что она главная в организации, которую Следующие образовали на Ферме, своей секретной базе. Худощавая, темноволосая, в очках, с узким лицом, она выглядела моложе, чем он ожидал — может,

лет на сорок пять.

— Посмотри, — сказал Дэв. — Они выглядят вполне нормально.

— Хм… Смотря что считать «нормальным»…

Представление с короткими рукопожатиями было недолгим.

— Вы оказали нам честь своим визитом, мисс Голдинг, — сказал Дэв.

У нее был слегка озадаченный вид, будто он произнес что-то неуместное.

— Вы очень любезны. Но это дела, разумеется. Наш проект…

— О, тут не только дела, Роберта, — вклинилась Стелла Велч. — По крайней мере, с точки зрения двух моих бывших студентов. Мы попросим их отложить собственные проекты, чтобы помочь нам с «Кларком». Они здесь одни из самых способных.

Дэв ощутил, как его любезное выражение застывает от этой сомнительной похвалы. Он взглянул на Ли. Проект «Кларк»? Никогда не слышал такого названия.

— Наш транспорт ждет? — спросила Роберта.

— Переходящий шаттл в Дыру? — уточнил Дэв. — Он всегда наготове. Но если вы захотите сначала осмотреть базу…

— Мы бы предпочли отправиться сразу, — ответила Стелла и двинулась к воротам — она же знала дорогу. — Мы прошли необходимый биоскрининг на борту твена, официальное разрешение сейчас загружается.

Дэв и Ли бросились за ними.

— Похоже, вы спешите.

Роберта едва повернула голову.

— Да.

— Итак, — пробормотала Ли Дэву, — мы здесь одни из самых способных? Давай покатаемся на качелях из шины. Может, они бросят нам бананов.

— Тише, — прошептал он, подавляя усмешку.

Глава 8

Ангар с переходящими шаттлами находился в самом центре комплекса: бетонная коробка в окружении топливных складов. Шаттлы стояли ровным рядком. Каждый конический аппарат походил на командный отсек «Аполлона», но стоял на четырех ногах, с пузатым двигательным блоком и сферическими топливными баками внизу.

Чтобы попасть в космос, достаточно было перейти в Дыру. Не нужно даже выводить шаттл из ангара.

Все шло как по маслу. Багаж прибывших увезли куда-то в жилую зону, оставив только ручную кладь. Затем под присмотром персонала в белых комбинезонах с капюшонами всех четверых подвергли заключительному медосмотру, который завершился обеззараживающим душем, и выдали чистые ярко-синие комбинезоны НАСА. Каждый комбинезон был оснащен устройствами контроля температуры, аварийного обеспечения кислородом и неудобными вшитыми подгузниками на случай прочих непредвиденных ситуаций.

Следующие переносили все это с терпеливой

скукой. Глядя на них, Дэв предположил, что такое отношение стало привычным для тех Следующих, которые работали среди людей. Терпеливая скука.

Они с легкостью забрались в шаттл, расселись в креслах, установленных рядами на двух возвышениях внутри небольшой кабины, и пристегнулись. Автоматизированный шаттл не нуждался в пилоте.

Дэв почувствовал себя экскурсоводом.

— Это все рутина, — сказал он. — Мы каждый день мотаемся туда-сюда на шаттлах…

— Обойдемся без банальных фраз, — беззлобно сказала Роберта. — Мы не туристы.

— Показатели безопасности, которых они достигли, совсем не банальные, — возразила ей Стелла. — Правда, после того, как мы появились и провели несколько проверок, стало еще лучше.

Роберта рассматривала Дэва.

— Культурное развитие тут тоже небанальное. Дэв Биланюк. Полагаю, ваши имя и фамилия имеют разное происхождение? Похоже на индийское и славянское…

— Мама из Дели, папа из Минска. Оба оказались в Дыре. Я — второе поколение обитателей Дыры.

— Вы могли бы переехать, если бы захотели.

Очевидно, вы унаследовали их мечты о космосе.

Ли подалась вперед, насколько позволяли ремни.

— В этом нет ничего необычного. Особенно учитывая, что еще может предложить Долгая Земля. Рабский труд на фабриках у подножия космических лифтов на Ближних Землях либо бесцельное шатание в обносках, сбор фруктов и погоня за каким-нибудь забавным оленем. Я тоже из второго поколения жителей Дыры. По крайней мере, тут мы стремимся к настоящей мечте человечества, которая появилась еще до переходов. И о которой вы и не вспоминали, пока вам что-то не понадобилось.

— Ли… — начал Дэв.

Стелла подняла руку.

— Все нормально.

И они перешли под контролем искусственного интеллекта шаттла.

* * *

Один переход на запад — и они упали в пустоту, где должна была находиться Земля. За иллюминаторами, где только что светило бледное английское солнце, расстилалась темнота. И, как всегда, отсутствие гравитации вызвало ощуще-

ние падения.

Затем шаттл резко крутанулся и запустил двигатели, начав торможение.

Любой объект, расположенный на Земле на широте Космо-Д, оказавшись в космосе, двигался со скоростью сотен миль в час, поэтому в Дыре ее нужно было гасить. Вот для чего предназначались ракетные двигатели.

Дэв был рад, что переход положил конец разговору. И со злорадством заметил недомогание на лицах обеих Следующих, включая Стеллу, которая совершала это путешествие не в первый раз. Может, они и обладают сверхчеловеческим интеллектом, но сейчас, он подозревал, обнаружили, что вестибулярный аппарат и животы у них устроены вполне по-человечески и так же бурно реагируют на смену гравитации, как и его собственные.

Торможение продлилось всего несколько секунд и быстро закончилось. Они снова ненадолго оказались в невесомости. Затем шаттл еще раз повернулся при помощи маневровых двигателей, чьи хлопки звучали так, будто кто-то лупил снаружи по корпусу палкой, и с резким рывком главный двигатель начал движение к стыковочному узлу.

Теперь через маленький иллюминатор перед собой Дэв видел висевшие в космосе конструкции.

Прямо по курсу шаттла громоздились соединенные между собой огромные бетонные сферы, отмеченные поблекшими от солнца черными буквами от «А» до «К», похожие на природные образования, например на лягушачью икру. Это и была Кирпичная Луна, первая приемная станция Космо-Д, которая вращалась по орбите последовательных Земель, находящихся по обе стороны от Дыры. Дальше под прямыми солнечными лучами искрился «О'Нил», новая и более крупная станция, похожая на стеклянную бутылку, наполненную ярким зеленым светом и окруженную огромными хрупкими конструкциями, веслами и тарелками, а также сетчатыми антеннами. Вся эта штуковина лениво вращалась вокруг длинной оси «бутылки». И только маленькие аппараты, роящиеся около стыковочных отсеков в торцах сооружения, давали представление о его масштабах: длина «бутылки» составляла двадцать миль, а ширина — четыре.

А позади всего этого, затмевая даже «О'Нила», нависала глыба из льда и камня. На ее поверхности кипела работа: вспышки разгонных

двигателей, проблески садящихся и взлетающих аппаратов. Колоссальный астероид, который называли просто Глыба, за несколько десятилетий подвели ближе к Кирпичной Луне и теперь непрерывно добывали из него материалы для строительства таких объектов, как «О'Нил» и телескоп «Циклоп».

— Итак, это и есть Кирпичная Луна, — пробормотала Роберта. — Замешанный троллями бетон. Ха! Отличное начало покорения космоса человечеством.

Ли только сердито зыркнула.

Дэв начал отстегиваться.

— Мы здесь не задержимся, это только пересадочная станция. Нас ожидает аппарат, который перевезет нас на «Джерард К. О'Нил». Условия там гораздо комфортнее. К примеру, есть гравитация, благодаря вращению станции. Мы с удовольствием покажем вам проекты, которые там разрабатываем…

— Это излишне, — просто сказала Роберта. — На этой Кирпичной Луне, этой бетонной коробке, есть средства наблюдения за ходом работ на «Циклопе»? А также компьютерная поддержка, какой-нибудь искусственный интеллект?

— Конечно.

— Я не имею ни малейшего желания задерживаться дольше необходимого. В конце концов, ситуация неотложная, мы понятия не имеем, сколько времени осталось до конца передачи Приглашения, но должны убедиться, что извлекли из него всю информацию. Проект «Кларк» — единственная причина моего пребывания здесь. — Она тихо рассмеялась. — А не ваши новые игрушки.

Ли кипела от злости, и Дэв постарался подавить собственное раздражение.

— Что ж, давайте надеяться, что вы так же обрадуетесь своей новой игрушке, когда мы построим ее для вас.

Роберта и Стелла обменялись удивленными взглядами. Человекообразная обезьяна вздумала дерзить.

Больше никто не произнес ни слова до самой Кирпичной Луны, когда на корпусе с грохотом сомкнулись стыковочные захваты.

Глава 9

На Кирпичной Луне не было гравитации, и там передвигались, подтягиваясь на веревках, развешанных вдоль стен, и шестах, пересекающих сферические помещения.

Огромные сферы соединялись круглыми отверстиями, и по мере продвижения вглубь у людей создавалось впечатление, что они плывут в центр каких-то гигантских сот или, как выразился один посетитель с Базовой Земли, это походило на обширные древнеримские канализационные системы с бетонированными камерами и цилиндрическими коридорами. А после десятилетий эксплуатации запах в Кирпичной Луне стоял соответствующий. Хотя там периодически спускали все летучие вещества, воду и воздух, казалось, что кислый запах человеческих тел, несвежей пищи, пота, крови и мочи сочится из самих стен.

Здесь все время стоял гул насосов и вентиляторов. Стены в местах, где их не скрывали кабели и трубы, были завалены скопившимся за десятки лет барахлом, от допотопных планшетов и раций

до остатков заброшенных научных экспериментов и сувениров, оставленных людьми, которые здесь жили и работали: потускневшие фотографии, детские рисунки, рукописные заметки, граффити на бетоне. Даже жилые отсеки в центре кластера с двухъярусными койками, камбузом, медпунктом и мрачными туалетами в условиях невесомости выглядели крайне неприветливо.

Долговременные космические станции становятся затхлыми. Это не те места, где можно открыть окна для хорошей генеральной уборки. И вообще, эта грубая, старая конструкция была первой колонией людей в этой вселенной без Земли, так что стыдиться было нечего. Но Дэв ничего не мог с собой поделать.

И он не спускал глаз с гостей. Они передвигались почти без проблем, хотя и несколько скованно, а Роберте, похоже, было особенно неприятно прикасаться к грязным стенам. То здесь, то там в ящиках и горшках росли растения и цветы в пятнах солнечного света из иллюминаторов. Зелень притягивала взгляды гостей — еще одна примитивная реакция, доставившая Дэву мрачное удовлетворение.

Им встретилась лишь пара человек, оба в спецодежде Космо-Д, как и Дэв с гостями. Они с любо-

пытством глянули на Следующих. На Кирпичной Луне никогда не было много народу, только немногочисленный, периодически сменяющийся персонал, чья основная работа заключалась в поддержании древнего сооружения и очистке воздуха и воды. Кроме них здесь находилось всего несколько пассажиров, пересаживавшихся с одного шаттла на другой.

Наконец они добрались до сферы, в обиходе известной как обсерватория. Большая часть сооруженной троллями бетонной оболочки здесь была заменена полосами стали и алюминия и закаленным стеклом. Поручни для рук и ног помогали держаться на месте. Было темно, искусственное освещение приглушили.

За иллюминаторами не было солнца и расстилалось непроглядно-черное небо. Все четверо посетителей рассредоточились в темноте.

Дэву, чей отец был настоящим католиком, это место всегда казалось странно похожим на церковь. Он тихо сказал:

— Лучше немного подождать, пока глаза привыкнут к темноте. Кирпичная Луна обладает небольшой маневренностью, чтобы сохранять ориентацию станции. И она вращается очень медленно, чтобы ни одна ее секция не перегре-

лась на солнце. Но этот отсек всегда отвернут от света.

— Я вижу какую-то планету, — Роберта показала на огонек в темноте.

Она на мгновение задумалась, и Дэв представил вычислительный процесс ее продвинутого интеллекта: задачка по небесной механике на определение того, что она видит.

— Марс, — объявила она.

— Да, Марс, — подтвердил Дэв. — Во всяком случае, Марс этой последовательной вселенной. Но его положение слегка отличается от нашего Марса, потому что…

— Здесь нет Земли. Разумеется.

Она опять его оборвала. Он подавил раздражение. Похоже, у этих Следующих развилась привычка снисходительно относиться к тусклоголовым, с которыми они имеют дело.

Он заметил усмешку Ли — ее зубы блеснули в приглушенном свете.

Роберта провела пальцем по небесному экватору.

— И астероиды.

Дэв едва различал их — полосу искр на фоне более разреженных звезд.

Стелла кивнула.

— Это обломки местной Земли, конечно. Мертвая Земля, как ее называют. Похоже, большая часть массы планеты пропала при ударе, возможно, была выброшена за пределы Солнечной системы, но остатки сформировали новый пояс астероидов, богатый силикатами и железом.

— Этот местный пояс существенно помог при строительстве нашей базы, — сказал Дэв. — Например, большой «О'Нил» был сконструирован из железа и алюминия и снабжен летучими веществами из астероидов Мертвой Земли. Эти камни находятся очень близко от нас по сравнению с классическим поясом астероидов и сильно облегчают жизнь.

Роберта огляделась с некоторым интересом.

— «Мертвая Земля». Я понимаю, что есть противники вашей эксплуатации ее ресурсов. Похоже на расхищение могилы.

Ли возразила:

— Но некоторые считают, что мы в каком-то смысле выражаем почтение планете, используя ее обломки. — Она с вызовом посмотрела на Роберту. — Полагаю, вы обе позиции считаете нелогичными.

— Нисколько. Только человек с очень слабым эмоциональным воображением останется

равнодушным к такому, к руинам целого мира, предположительно, планетарной биосферы такой же развитой и богатой, как и на самой Базовой Земле. Но то, что вы здесь делаете, нельзя считать правильным или неправильным. Вы просто действуете. — Она окинула взглядом небо. — Так где же «Циклоп»?

Стелла подплыла к ней и показала.

— Там, на четыре часа.

Посмотрев в ту сторону, Дэв увидел только черный диск, затмевающий звезды.

— На самом деле, — пояснил он, — мы видим только щит, укрывающий радиотелескоп от помех с орбитальных станций и шаттлов.

Нажав несколько кнопок, он вывел на большой экран изображение огромной кружевной тарелки: антенны космического радиотелескопа.

Роберта посмотрела на щит, который сам был громадной конструкцией.

— Жаль, что его нельзя увидеть невооруженным глазом, но я чувствую масштаб.

— Понимаете, — сказала Стелла, — когда мы более-менее организовали свое общество, астрономия и в особенности радиоастрономия стали для Следующих одной из первых больших научных программ. Сфера, в которой возможен огромный

прогресс в знаниях благодаря простому развитию технологий. Мы начали с тройки супер-Аресибо. На Базовой это был большой радиотелескоп, антенну которого расположили в вулканическом кратере в Пуэрто-Рико. Мы сконструировали тарелки гораздо больших размеров в кальдерах на одной из Земель: близ Олдувайского ущелья, в Пинатубо и в Йеллоустоне в Северной Америке — давно потухшей копии земного вулкана. Если вы представите их расположение на земном шаре, то увидите, что мы ведем наблюдения за экваториальным небом двадцать четыре часа в сутки.

Но с выходом в космос мы превзойдем их возможности. Нашей первой разработкой стал «Циклоп». Единственная параболическая тарелка диаметром пять километров. Мы назвали его в честь проекта столетней давности. Тогда планировали построить такой телескоп на земле из конгломерата тысячи антенн поменьше. Даже незавершенный, телескоп достаточно хорош, чтобы поймать самую отчетливую версию Приглашения.

Она достала из сумки собственный планшет и вывела на его экран данные о сигнале.

— В некотором роде это классическое обнаружение послания внеземной цивилизации.

Чрезвычайно сильный сигнал. Поляризованный, словно отправленный радиотелескопом такого типа, которые мы сами умеем строить. Частота сигнала близка к минимуму фонового шума Галактики. Мы знаем, что под верхним уровнем структуры сигнала много деталей, но большая часть их теряется в шуме. А то, что у нас есть, слишком сложно. На настоящий момент они никак не поддаются дешифровке.

— Поэтому мы здесь, — спокойно заметила Роберта.

— Мы по-прежнему не знаем, откуда он исходит, — сказал Дэв. — У него стационарный источник на фоне звезд. Похоже, он расположен в созвездии Стрельца…

— Логично, что источник находится там. — Роберта оглянулась через плечо, и Дэв понял, что она смотрит прямо на созвездие Стрельца. — Центр Галактики — самое вероятное место для нахождения высокоразумных существ. Спиральные рукава, где мы живем, — это звездные волны, что плещут вокруг галактического диска. Ядро, где звезды гуще, где интенсивность потока энергии огромна, — опасное место, но здесь первые миры, богатые камнем и металлом, сформировались на миллиарды лет раньше Земли, здесь

должен быть пик галактической цивилизации. И все это расположено в направлении Стрельца.

— И вы считаете первостепенной задачей поймать это Приглашение и разобраться в нем, — сказала Ли.

Роберта оглянулась на нее.

— Конечно. Что может быть важнее? Вы не задумывались, почему они предприняли попытку контакта именно сейчас? Они каким-то образом узнали, что здесь есть мы или кто-то похожий на нас: я имею в виду, технологическая цивилизация. И это несмотря на то, что наши собственные радиосигналы не могут транслироваться дальше, чем примерно на один процент от расстояния до ядра Галактики.

— Мы также знаем, что Приглашение приходит по всей Долгой Земле, — задумчиво добавил Дэв.

И, если верить ненаучным слухам в аутернете, оно улавливается способами, весьма далекими от использования радиотелескопов, — напрямую в просторные головы тех загадочных человекообразных, троллей. Дэв помалкивал об этом, зная, что его хозяева-Следующие не захотят слушать такие сенсационные домыслы. С другой стороны, похоже, еще кое-что совпало по времени. Он осторожно сказал:

— Может быть, они почувствовали, что мы начали переходить. И поэтому сейчас отреагировали…

Стелла его проигнорировала.

— Разумеется, мы должны извлечь из Приглашения всю информацию, какую сможем, — всю, если нам придется принять обоснованное решение о том, как реагировать.

— Вы имеете в виду — как отвечать, — заметила Ли.

Роберта спокойно возразила:

— Необязательно. Мы получили приглашение, но не обязаны его принимать. Пока не уверены, что оно в наших интересах.

Ли фыркнула:

— В интересах Следующих?

— В интересах всех нас, всех обитателей Долгой Земли.

Дэв улыбнулся.

— Это старый спор, восходящий к Карлу Сагану[2] и Стивену Хокингу. Сторонники контакта и противники.

Роберта мрачно кивнула.

---

[2] Примечания: 2

Карл Саган (1934–1996) — американский астроном, астрофизик, популяризатор науки. Автор романа «Контакт», по которому в 1997 г. сняли одноименный фильм.

— Настоящая дилемма. Мы слишком много дискутировали по этому вопросу. Прежде всего мы должны узнать, с чем имеем дело.

— Что ж, определенно прослушивание не причинит вреда, — сказала Стелла. — Что касается телескопов, то у нас есть новая конструкция, которая вскоре превзойдет возможности «Циклопа».

Она провела планшетом над панелью управления, и на больших настенных экранах появились новые изображения.

Дэв увидел рисунок висящей в космосе сферы, из которой во все стороны, как шипы, торчат башни, из-за которых центральное тело кажется маленьким. Сфера своим странным видом напоминала морского ежа.

— Что это? — поинтересовалась Ли.

— Скажите, что вы видите? — спросила Роберта.

Ли пожала плечами.

— Похоже на астероид, из которого торчат башни.

— Это астероид, — ровно ответила Роберта, — с торчащими из него башнями.

— Это ваш проект «Кларк»?

— Назван в честь писателя прошлого века, который предсказал…

Дэв сглотнул.

— Эти шипы, наверное, длиной сотни миль.

— Даже тысячи.

— А где вы возьмете астероид?

Роберта выглянула в иллюминатор.

— Используем объект, который вы уже освоили. Вашу Глыбу.

— Он предназначается для других целей. Других «О'Нилов»…

— Мы можем заплатить, — пренебрежительно сказала Роберта.

— Кажется, я понимаю, — заявила Ли. — Со штуковиной такого размера вы сможете ловить длинноволновое излучение, выходящее далеко за пределы обычных радиоволн — длиной даже десятки километров. И гравитационные волны тоже?

— Вот именно. У нас нет оснований считать, что Приглашение ограничено длиной волн, на которых мы его засекли. Мы хотим поймать его целиком.

Дэв испытал инженерный азарт.

— Чертовски сложный проект. У нас ушло десятилетие на сооружение «О'Нила». В какой срок вы оцениваете создание этой махины?

— Два месяца, — прямо ответила Роберта.

Настал черед Дэва смеяться. Ли онемела от изумления. Даже Стелла казалась удивленной.

— Как вам удастся так быстро управиться? — спросил Дэв. — Учитывая производственные мощности на Космо-Д… Даже если вы увеличите их на сто процентов…

— Репликаторы, — догадалась Стелла. — Ты говоришь об использовании технологии серебряных жуков в строительстве «Кларка»? Это единственный способ управиться так быстро.

— Это еще под вопросом, — ответила Роберта.

Дэв глянул на Ли, и та подмигнула. Отрадно видеть разногласия у Следующих, даже если он понятия не имеет, о чем они толкуют.

— Что такое «технологии серебряных жуков»? — любезно поинтересовался он.

— Скоро узнаете, — посмотрела на него Стелла. — Высокоэффективный репликатор и технология повторной сборки. Инопланетная технология. Насколько мы знаем, она уже разрушила одну последовательную Землю.

Дэв вытаращил глаза.

— Разрушила Землю?

— Долгая история, — сказала Стелла.

— Нет опасных технологий, если обращаться с ними правильно, — заметила Роберта. — А эта

позволит закончить строительство максимально быстро, как ты сказала. Телескоп «Кларк» будет очень большим, но с довольно простой структурой. Идеальное применение для репликаторной технологии. Разумеется, предварительные результаты начнут появляться гораздо раньше того, как «Кларк» будет закончен. И тогда нам придется решить, как реагировать. Я увидела достаточно. Мы должны обсудить подробности. Мне нужно встретиться с вашим руководством и в то же время избежать экскурсий по «О'Нилу». Стелла, что они делают на том объекте?

Та усмехнулась.

— Гуляют по травке и гоняются за цыплятами в невесомости вдоль оси вращения.

Ли вспыхнула.

— Вы нас совсем списываете со счетов? Все, что мы здесь построили. Космические полеты — давняя мечта, ее лелеяли задолго до вашего появления, и наконец мы ее исполнили.

— Возможно. Но, дитя, — печально ответила Роберта, — разве ты не видишь, что все это уже сметено прочь? Потому что теперь до вас добралась Галактика. Что ж. У нас много дел. Мы можем вернуться в шаттл?

Глава 10

Свою первую ночь на Западе-1520875 Джошуа провел на дереве.

Не то чтобы он вел точный счет, в конце концов, он в творческом отпуске и смысл не в счете. А уж после уничтожения целого мира, Запада-1217756, из-за нашествия инопланетных существ, когда Долгая Земля с обеих сторон от этой раны оказалась запечатанной, подобная нумерация, наверное, не имела смысла.

На самом деле в данный момент важнее было выбрать дерево, а не мир.

Джошуа нашел это дерево на скалистом утесе, выбрал ветку покрепче и устроился у ее основания. Он убедился, что рюкзак висит так, что до него легко дотянуться, накрыл ноги плащом и привязал себя к дереву несколькими витками веревки. Эту привычку он завел еще с тех пор, как мальчиком бродил в одиночку, когда ему впервые пришлось искать убежища высоко на деревьях.

Он посмеялся над собой.

— Всему, что я знаю о выживании в дикой при-

роде, я научился у Робинзона Крузо, — сказал он безлюдному миру. Потому что Робинзон тоже забрался на дерево в первую ночь на своем острове. Так уж случилось, что в рюкзаке Джошуа лежала и сама книга — одна из двух, которые он взял с собой. Древняя книжка в мягкой обложке, та самая, которую он мальчишкой читал в Приюте и снабдил обширными комментариями округлым детским почерком, за что получил от сестры Джорджины наряд вне очереди. Чистка картофеля, насколько он помнил. Что ж, он честно собирался вернуть книгу на книжную полку, которую сестра Иоанна, шутя лишь наполовину, называла «Библиотекой Джошуа Валиенте».

— Я же здесь не навсегда, — сказал он себе.

Джошуа устал как собака. Он попытался задремать, но безуспешно. И потом, солнце еще не зашло.

Жуя вяленое мясо и запивая водой, он осматривал свой новый дом. Это была далекая версия Монтаны за полтора с лишним миллиона переходов от Базовой. Он находился где-то рядом с размытой границей между группой изобильных зеленых миров так называемого Пояса Вальгаллы, в которых центр последовательных версий Северной Америки занимало мелководное внут-

реннее море, и гораздо более засушливых и менее популярных у путешественников миров, настолько неприветливых, что у них имелось только научное обозначение — Паравенерианский пояс. Этот мир однозначно выглядел как переходный, с сухой пустыней паравенерианского мира, в которой попадались водотоки и рощицы деревьев неизвестных Джошуа пород, но как ему показалось, листопадных и влаголюбивых.

Он был один, совсем как Робинзон. Никто не знал, что он здесь. На самом деле он сам позаботился об этом.

Сообщив Агнес и сестрам, Биллу Чамберсу и Роду, и еще нескольким избранным знакомым, что отправляется в творческий отпуск, Джошуа сел на один из немногих коммерческих твенов, что еще путешествовали по Долгой Миссисипи из Ближних Земель до Вальгаллы за один миллион четыреста тысяч переходов на Запад. За несколько дней на борту он наедался самыми питательными блюдами, какие только мог найти, отмачивал свое стареющее тело в чистой мыльной воде и починил все зубы у бортового дантиста. Он даже отдал протез левой кисти на техосмотр приписанному к экипажу специалисту из Корпорации Блэка.

Прибыв в Вальгаллу, он попросился на выбранный наугад более мелкий твен, частное геолого-разведочное судно, и прошел еще сто тысяч миров или около того, перемещаясь географически до последовательной версии Монтаны. Дальше он переходил пешком, продвигаясь в глубь этой группы пограничных миров к нетронутым территориям.

И вот он здесь, в этом мире, на утесе, высоко на дереве.

Должно быть, до него через этот мир прошло множество путешественников, направлявшихся на запад. Он и сам проходил дальше. Много раз. Может быть, некоторые даже обосновались здесь, хотя только самые упорные пионеры зашли бы так далеко. Ну и что? Даже большую часть Ближних Земель, последовательных версий рядом с Базовой, никогда не исследовали по-настоящему, дальше удобных для жилья мест. Зачем утруждаться и идти куда-то в труднодоступные места? После Дня перехода минуло более пятидесяти лет, но стоит чуть отойти от проторенной дорожки, и ты окажешься среди экзотической, нетронутой природы. Именно это и привлекало Джошуа.

Он тщательно выбирал место. Недалеко протекала река. Дерево, на котором он устроился,

напоминало платан с мелкими листьями, оно росло в рощице таких же на вершине утеса из песчаника. Ниже, на юго-западном склоне, но на несколько ярдов выше песчаного берега, Джошуа обнаружил выемку, не совсем пещеру, но, приложив некоторые усилия, наверное, можно прорыть мягкую породу и углубить ее. Это обеспечит хорошее убежище, и у него будет достаточно света и отличный вид на окрестности.

Что касается безопасности, то опытный глаз подсказывал ему: соорудить частокол, чтобы перекрыть подходы к выемке по земле, труда не составит. Дым от костров сам по себе должен отгонять от утеса живность, а на случай внезапного нападения людей или человекообразных сверху можно поставить ловушки. Если он окажется в осаде, рощица на утесе будет служить источником дров. До зимы он успеет все построить и сделать запасы, так как прибыл в середине лета. В любом случае Джошуа надеялся, что в этом мире не бывает сильных морозов.

Ему придется изучить местность, запомнить расположение рощ и источников воды, ориентиры на случай, если заплутает во время бури или если ему придется быстро убегать от гризли. Со временем он распространит эту воображаемую

карту на третье измерение, включив в нее похожие ориентиры в соседних мирах. Затратив усилия на частокол, он будет привязан к этому миру, по крайней мере до тех пор, пока не решит закончить отпуск. Но последовательные миры всегда рядом, в качестве убежищ — ведь переходить могут только разумные существа, альтернативных источников пищи, укрытия от непогоды и даже засад во время охоты. У Джошуа никогда не возникало проблем с воображаемыми картами. Лобсанг пришел к выводу, что такой способ визуализации мира, или миров, изначально лежит в основе его повышенной способности переходить.

И подготовка вполне оправданна, потому что угрозы есть всегда. По крайней мере, с животными все просто: они либо хотят тебя съесть, либо не хотят быть съеденными тобой. Угрозы от разумных существ серьезнее, как от злоумышленников-людей, так и от некоторых человекообразных. Были люди, считавшие человекообразных Долгой Земли просто животными. Никому не убедить Джошуа, что в сердце эльфов-убийц, которых он повстречал за многие годы, не было злобы.

— Ну, у Робинзона тоже были каннибалы, —

сообщил он миру. — А у меня бандиты и эльфы. Но он собирался выжить, чтобы рассказать свою историю, как и я.

Ответа не последовало.

«Какой тихий мир, — подумал Джошуа. — Даже птиц не слышно».

Он не слышал даже долгого зова троллей, даже его эха. Что было весьма необычно: тролли водились почти везде. Но одной из причин, по которым он здесь остановился, было именно их отсутствие. Джошуа нравились тролли, но сейчас ему не слишком хотелось находиться рядом с ними, потому что если тролль увидит тебя, то расскажет племени, которое добавит эту новость в свой долгий зов — бесконечную импровизированную оперу, которая объединяет всех троллей в нечто вроде информационного бассейна. Если тебя зовут Джошуа Валиенте, новость разлетится, и глядишь — уже вся Долгая Земля знает, какого цвета твои трусы…

Но вдруг в тишине мира раздался звук. Глубокий рокот далеко на севере, похожий на львиный рык, но более низкий, почти как что-то тектоническое. Большой зверь объявлял о своем присутствии. Джошуа предстояло изучить не только местность, но и созданий, с которыми он

разделит этот мир, хотя, если повезет, ему никогда не придется оказаться поблизости и лично познакомиться с большинством из них.

Его окружал классический пейзаж Верхних Меггеров. Солнце клонилось к горизонту, и Джошуа Валиенте чувствовал себя королем всего, что видел.

— В Мэдисоне, когда я был ребенком, я был ничем, — объявил он. — Я не хотел быть ничем. Когда я перешел, а остальные спотыкались и плакали, я просто шел дальше, я стал чем-то. Я. Джошуа Валиенте! Прямо здесь!..

Отлично. Так какого черта он не может заснуть?

Он достал из рюкзака вторую книгу. Это был толстый том в мягкой обложке, кое-как переплетенные листы шероховатой бумаги Ближних Земель. И время их не пощадило. Это был дневник Хелен, который она начала вести в одиннадцать лет, до путешествия в глубь Долгой Земли вместе с семьей. Практически все, что сохранилось от его брака: эта книга и его обручальное кольцо. Он наугад пролистал страницы.

«Я скучаю без Интернета. Я скучаю без мобильника!!! Я скучаю по школе. По некоторым одноклассникам, во всяком случае. А по неко-

торым совсем не скучаю. Я СКУЧАЮ ПО РОДУ. Хотя, конечно, иногда он был такой странный. Я скучаю по группе поддержки. Папа говорит, я должна еще написать о том, что мне нравится. Иначе внукам будет скучно читать. Внукам?! Мечтать не вредно…»

Если он и плакал, пока не уснул, то это никого не касается.

* * *

Во мраке ночи, под неуловимо другой луной, его что-то потревожило.

В темноте раздавались обычные крики — охотники и жертвы выходили из теней, нор и из-под пней проживать свои ночные жизни: едва различимая симфония голода и боли, когда одна маленькая жизнь за другой на несколько часов становилась пищей для кого-то с более острыми зубами. Нет, Джошуа Валиенте потревожило не это, к этому он привык.

Тишина. Вот что его разбудило.

Тишина. Великое дыхание мира, всех миров, которое он всегда ощущал в промежутках между незначительными звуками жизни, в шуме непогоды. Время от времени он сталкивался с ее воплощениями, по крайней мере, он так думал.

Вроде гигантского сложного организма, называвшего себя Первое Лицо Единственное Число, который они вместе с Лобсангом и Салли Линдси обнаружили в мире далеко за Дырой уже, надо же, сорок лет назад. Но Тишина была еще глубже. Всегда была и всегда будет. Она была голосом самой Долгой Земли, взывающим к глубинам его сознания.

Но здесь, сейчас, Тишина была другой. Была в ней какая-то настойчивость. Словно какой-то огромный зверь сидел под деревом, пытаясь выманить его вниз, навстречу клыкам и острым когтям… Сомнительное приглашение.

Сидя в одиночестве на дереве, в этом пустом мире, без сна, Джошуа казался себе таким маленьким.

Несмотря на все перешучивания с Агнес и Биллом, отметив шестьдесят восьмой день рождения после ухода из Черт-Знает-Где, он прекрасно осознавал собственную растущую дряхлость органов чувств — да, он нуждался в этих чертовых очках, что подарил Род, — нехватку сил. И также прекрасно осознавал неизбежный конец своего существования. Мир — все миры, великая панорама Долгой Земли, для открытия которой он сам сделал так много, — казался необъятным,

подавляющим. Все это будет существовать и дальше, независимо от жизни или смерти Джошуа. В чем смысл всего — всего, что он сделал со своей жизнью?

И почему даже сейчас Тишина не оставляет его в покое? Подобные вопросы мучили его всю взрослую жизнь, когда он позволял им, а он, похоже, так и не приблизился к ответам.

— И что? — произнес он вслух. — Агнес, Лобсанг, Салли, будут в конце книги ответы?

Но ответа по-прежнему не было. Джошуа покрепче затянул веревки и, один, в темноте, решительно закрыл глаза.

Глава 11

Утром Джошуа первым делом решил запастись водой.

Оставив рюкзак в безопасном месте на дереве, он спустился и с оружием в руках направился к берегу ленивой реки, которую заметил где-то в полумиле к востоку. С собой он взял сложенные пакеты для дневного пайка пищи и воды. На некоторых деревьях он увидел огромные орехи, похожие на кокосы, и запланировал в перспективе выдолбить несколько штук, чтобы использовать в качестве емкостей для запасов воды. Всему свое время: сейчас нужно найти завтрак.

На ходу он держал ухо востро на случай любых опасностей — не только экзотических вроде выскакивающего из засады карликового тираннозавра, но и более обыденных: змей, скорпионов или их местных родичей, даже ловушек, оставленных эльфами или другими путешественниками. Глаза воспалились и болели, будто в них насыпали песка: он не выспался, был раздражен и нетерпелив. В это утро ему уже не казались таки-

ми привлекательными хлопоты по обустройству безопасного лагеря, который он с увлечением планировал. Теперь он столкнулся с необходимостью в самом деле приняться за работу.

Наверное, он отвлекся. Даже не заметил группу бизонов, пока не подошел к ним на пятьдесят ярдов.

Джошуа замер как вкопанный.

Масса покрытых пылью черных тел сгрудилась на клочке зеленого луга. Они напоминали бизонов и наверняка относились к крупному рогатому скоту. Но были до странности молчаливыми и держались очень тесно, на голове у них торчали причудливые, крепкие на вид рога. Молодняк прятался между ног родителей.

И вот они заметили наблюдающего за ними человека.

Крупный самец поднял голову и предостерегающе заревел. В мгновение ока бизоны сгрудились еще теснее, молодняк загнали в середину стада, а взрослые встали головами наружу — ощетинившийся рогами неровный круг. Они будто превратились в единое бронированное чудовище — огромное, свирепое, колючее, словно еж.

Довольно крутая реакция на присутствие единственного слабого человека. Местные опасности

тоже должны быть крутыми. Не очень обнадеживает.

Джошуа осторожно попятился и обошел стадо стороной.

Он приблизился к реке, к югу от невысокой обрывистой скалы — пыльной и разрушенной. На берегу внимательно осмотрел воду — он давно узнал, что практически в любом внутреннем водоеме по всей Долгой Земле можно наткнуться на крокодилов, аллигаторов или их родичей. Но река была широкой, медленное течение несло ил и зеленую муть. Джошуа заметил, что она остается мелкой на довольно большом удалении от берега. Он шагнул вперед, разворачивая пакеты.

Когда Джошуа вошел в мутную воду и ему открылся обзор за скалой, он увидел других крупных животных.

Пригнувшись, он вернулся под прикрытие скалы и присел на корточки. Опять он очутился в нескольких дюжинах ярдов от стада крупных животных, даже не заметив их. Но они находились с подветренной стороны от Джошуа, не могли его учуять и никак на него не отреагировали.

— Как ты всегда говорил, Лобсанг, — пробормотал он. — Хочешь встретить диких животных — иди к воде…

Выглядывая из-за скалы, он попытался определить, что видит. Эти животные, по крайней мере, не имели ничего общего с коровами, хотя взрослые особи были массивными четвероногими с мускулистыми телами. Внимание Джошуа привлекли бронированные маски на мордах всех тварей, протянувшиеся от щек и вокруг глаз на голову, образуя надо лбом блестящий белый гребень. На первый взгляд они выглядели как панцирные динозавры — трицератопсы или анкилозавры. В детстве он повидал немало реконструкций таких существ в книгах и Интернете, а попав на просторы Долгой Земли, встречал их близких родичей, возникших в результате иных эволюционных путей. Но мощные тела этих созданий покрывал густой коричневый мех или шерсть, а не чешуйчатая шкура рептилии или перья, которые ассоциируются с динозаврами. Джошуа рассмотрел детенышей, осторожно замерших под ногами взрослых. Их бронированные маски еще не развились в полной мере, и под ними проглядывала основная форма.

Когда они наклонились напиться, Джошуа увидел, как они распрямили и погрузили в воду хоботы.

Слоны или мамонты. По-видимому, у этих

созданий бивни, всегда являвшиеся прихотью естественного отбора, развились в тяжелую бронированную маску через всю морду. Но почему твари размером со слона нуждаются в броне и почти бесшумно крадутся на водопой всем стадом?..

Из более глубокого места реки вырвалось существо, похожее на аллигатора, но прямоходящее, на двух толстых задних лапах.

Джошуа укрылся в тени утеса.

Хищник бегал как машина — неутомимо, целенаправленно, почти бесшумно. На коротких передних лапах у него было по одному огромному изогнутому когтю, словно коса у Смерти. Идеальное орудие для потрошения, даже если использовать их на животном размером со слона. Джошуа уже доводилось видеть подобных тварей. Доводилось от таких убегать.

К его огромному облегчению, аллигатор не обратил на него внимания, очевидно, увлеченный слонами.

Для своих размеров слоны отличались быстротой. Предостерегающе трубя — больше не было нужды соблюдать тишину, — они сгрудились в боевое построение так же быстро, как и те бизоны. Взрослые сомкнули бронированные морды,

а молодняк теснился за их барьером. Они напомнили Джошуа римские когорты, выставившие щиты против варваров.

И тут аллигатор прыгнул. Он перелетел через щит и приземлился прямо на спины слонов. Хищник принялся резать и рвать добычу когтями-лезвиями, а слоны ревели и били его в брюхо бронированными мордами. Поднялась пыль, в воздухе разнеслось зловоние крови и помета, слоны вопили от боли и страха.

Незамеченный, Джошуа сбегал к воде, торопливо наполнил емкости и двинулся прочь, оставив поле битвы позади.

* * *

Он не чувствовал себя в безопасности, пока не вернулся на дерево и не привязался там.

Значит, здесь дела обстояли так. Большие травоядные, похоже, произошли от млекопитающих, а хищники, которые на них охотились, были рептилиями.

Джошуа давно узнал, что такие смешанные экосистемы — динозавры против млекопитающих — не были чем-то необычным на этом участке Долгой Земли. Каждый мир в цепи Долгой Земли отличается от соседних, сильно или слегка, в

зависимости от случайных последствий некоторого набора прошлых событий. Время от времени достигается критическая точка, тогда происходит резкий скачок. Чем дальше от Базовой, тем больше накапливаются эти различия и тем глубже в прошлое уходят эти узловые точки. Такой по существу вероятностный плавильный котел.

И этот мир был настолько удален от его собственного, что грандиозное событие, уничтожившее динозавров на Базовой Земле, здесь было не более чем слухом, прошедшей на волосок опасностью, дурным сном из далекого прошлого.

Как бы то ни было, ясно, что нужно быть внимательнее. Нужно сосредоточиться на окружающей обстановке, а не замыкаться в своей шестидесятивосьмилетней голове.

И это неплохо, подумал Джошуа с мрачным удовольствием. Даже будучи растерянным тринадцатилетним первопроходцем, он быстро понял: как бы далеко ни ушел, тебе не убежать от страхов, сожалений и горечи, которые теснятся в твоей голове. Но, по крайней мере, в одиночестве, сосредоточившись на первостепенных вопросах — на выживании, — можно запихнуть весь этот груз подальше в темноту, где ему самое место. Это была одна из причин его творческих отпусков.

Он налил во фляжку воды из пакета, бросил очищающую таблетку, отхлебнул и тут же сплюнул речной песок. Нужен фильтр. Он заворчал от досады. Провел здесь большую часть суток и до сих пор не позаботился о питьевой воде.

Сестра Агнес говорила ему, что он слишком стар. Наверное, следовало разбить лагерь в каком-нибудь окультуренном парке на Ближних Землях, возможно, в заповедной прерии вокруг Мэдисон-Запад-5. И если бы он не был таким упрямцем, то мог хотя бы перейти в мир, где слоны не нуждаются в броне. Он усмехнулся. Черт, нет.

Когда сердцебиение успокоилось, он спустился с дерева и принялся размечать шагами будущий частокол.

Глава 12

Наступил пятый день.

Позавтракав местными мелкими и весьма кислыми ягодами, полоской зайчатины — или, по крайней мере, мяса животного, похожего на зайца, — и остатками вяленого мяса, Джошуа отправился на обход. Он проверил ловушки и силки, которые установил по краям рощиц. В этом обманчиво тихом мире он постоянно был начеку и держал оружие под рукой, но уже привыкал к заведенному порядку. К сожалению, он также привыкал к чувству голода, и, похоже, полоса невезения никак не кончалась. Все ловушки оказались абсолютно пустыми, как и раньше.

Возможно, придется подумать о том, чтобы забраться подальше в заросли. Он знал, что там водится дичь, по крайней мере в кронах деревьев. На границе леса он вытащил из ловушки невезучего зайца. Невезучего потому, что, похоже, тот уже получил травму до того, как попасть в ловушку. Зверек очень походил на зайца, но между лапами имелась кожная перепонка, как у белок-летяг, наверное, приспособление для жиз-

ни на вершинах деревьев. И, возможно, на него напало другое летающее существо, поскольку его левое «крыло» было рассечено, а большая часть одной щеки вырвана, из-за чего в окровавленном рту обнажились мелкие зубы. Зверек был еще жив, и Джошуа искреннее обычного попросил прощения, когда как можно аккуратнее оборвал маленькую жизнь.

Он подождал, пока заяц остынет и с него сбегут блохи, а затем отнес его домой, освежевал и зажарил на костре с местными ягодами и диким чесноком. Мясо оказалось нежным и вкусным, но его было мало.

Пока этот заяц оставался его единственной добычей, потому он и помнил его в таких подробностях. Похоже, в этом мире не бегали звери вроде обычных кроликов или зайцев, и попасться в силки было некому. Возможно, здешние наземные хищники были слишком свирепыми, к тому же трава росла довольно скудно.

Когда Джошуа подошел к пятой пустой ловушке, над ним пронеслась тень.

Он инстинктивно метнулся под прикрытие деревьев. Бесшумный летун в небе не сулил ничего хорошего.

Джошуа осторожно взглянул наверх. Над крона-

ми деревьев парило огромное существо. Сначала он подумал, что это какой-то планер с размахом крыльев футов в пятнадцать, но быстро понял, что это живое существо — слишком изящные очертания крыльев, сквозь растянутую почти до прозрачности кожу виднелись кости. Тонкие лапки, вооруженные жуткими на вид когтями, и клюв размером с самого Джошуа, полный сверкающих зубов. На крыльях не было перьев, а узкое и длинное тело покрывали цветные пятна. Наверное, какой-то птерозавр, самый огромный из тех, что ему доводилось видеть, опасный хищник, несмотря на хрупкие на вид крылья. Неудивительно, что тут нет птиц — подобные создания без труда вытеснили их, за миллионы лет эволюции добившись совершенства своего вида.

И, возможно, по этой же причине здесь так мало, если они вообще есть, маленьких, похожих на кроликов млекопитающих, обитающих на земле. Слишком легкая цель для убийц в небе. Он вспомнил, как Билл Чамберс советовал разложить на вершине утеса что-нибудь яркое вроде серебристого спасательного одеяла на случай, если его постигнет какое-нибудь несчастье и на поиски пошлют твены. Теперь Джошуа радовался, что инстинктивно отверг этот совет и не привлек

внимания небесных чудовищ.

Он настороженно следил, как птерозавр полетел прочь, на запад. Что бы ни было в сегодняшнем меню твари, по крайней мере Джошуа туда не входил.

А когда он снова опустил глаза на землю, то увидел тролля.

* * *

Крупный пожилой самец, гора черного меха с вкраплениями седины вокруг лица и на спине: некоторые не совсем точно называют это «серебристой спиной». Тролль сидел на корточках и всматривался в голый участок земли перед собой. Один. Его соплеменников нигде не было видно, но Джошуа знал, что они должны находиться где-то поблизости.

Джошуа вздохнул и вышел из-под деревьев. Он почти всегда был рад встрече с троллями, но не в этот раз.

— Ну вот, обзавелся соседями…

Тролль сердито глянул на него, поднял похожую на паровой молот руку и приложил палец к губам. Тихо. Однозначный жест, один из элементов неофициального языка жестов, сформировавшегося на просторах Долгой Земли и пришедшего

из лабораторий, ферм, фабрик и прочих мест, где тролли жили и работали рядом с людьми, иногда даже по собственному желанию.

Джошуа замер и закрыл рот. Он научился не спорить с троллями. Тролль же вернулся к внимательному изучению земли.

Прошло некоторое время. Тролль стоял совершенно неподвижно, но не напряженно. Джошуа приходилось труднее, поскольку солнце поднималось все выше и ему захотелось пить, а в животе заурчало.

Он до сих пор не заметил тролльего племени и не услышал их зова. Во встрече с одиноким троллем не было ничего необычного. Может быть, племя отправило его в соседние миры искать пищу или воду или разведать вероятные опасности. Но Джошуа так не думал: обычно разведчики были намного моложе, быстроногие и с более острым зрением и слухом. Может быть, этому пожилому самцу под конец жизни захотелось побыть наедине с собой и он, как Джошуа, отправился в троллий творческий отпуск. Даже после многих лет организованного Лобсангом и ему подобными интенсивного изучения коллективного поведения троллей люди мало что знали о них, особенно об их жизни в дикой природе. Если бы

Джошуа додумался захватить троллий зов, он мог бы спросить.

Джошуа становилось скучно, начинала кружиться голова. С него хватит. Он открыл рот…

Ба-бах.

Тролль с силой шарахнул мощными кулачищами по земле, и к изумлению Джошуа, тонкая корка треснула и раскрошилась, а под ней открылась полость глубиной в пару футов. В темноту убегали неровные тоннели…

И зверьки. Похожие на безволосых кроликов или крыс бледные существа с когтями и зубами, предназначенными для рытья, ползали друг по другу, щуря крошечные розовые глазки от яркого света. Они моментально бросились наутек из центрального гнезда, извиваясь и протискиваясь в тоннели, словно утекая от вторжения дневного света.

Тролль с ревом спрыгнул в дыру, раздавив парочку зверушек своими большими ножищами, схватил в каждый огромный кулак по зверьку и тряс их, пока они не обмякли, после чего отбросил в сторону и наклонился за следующими. Он посмотрел на Джошуа: на сморщенном, как у гориллы, лице безошибочно угадывалось приглашение.

Джошуа бросил свои пожитки, спрыгнул в дыру и попытался воспроизвести действия тролля. Но ему требовались обе руки, чтобы удержать одного кролика, а когда он сумел поймать зверька, тот оказался больше и сильнее, чем выглядел, и впился острыми, как иглы, зубами в кожу у основания большого пальца, так что Джошуа его выпустил.

— Черт!

Джошуа наклонился и попробовал еще, на этот раз протягивая протез.

— Кусай за это.

Теперь он схватил кролика за зад, чтобы избежать укусов. Пробормотав извинения и стараясь не попасть под удары страшных когтей на задних лапах, он ударил зверушку головой об землю и услышал, как хрустнула шея.

— Ха!

Затем он отбросил дрожащий труп в сторону и огляделся в поисках следующего.

Но все выжившие кролики сбежали, расползлись по тоннелям. На счету Джошуа оказался один жалкий трофей. Возле тролля лежали две кучки, в каждой из которых было по пять, десять или даже двадцать зверьков. Большой старый тролль посмотрел на одну-единственную тушку

рядом с Джошуа, на собственную добычу и снова на Джошуа.

— Ух!

Джошуа раньше уже слышал, как смеются тролли. К этому звуку невозможно привыкнуть. Он тут же присоединился к троллю и смеялся, пока не заболел живот.

После тролль бросил Джошуа еще одну кроличью тушку, с легкостью сгреб свою добычу в охапку, еще раз засмеялся: «Ух!» — и перешел.

* * *

Тем вечером, перед заходом солнца, Джошуа освежевал обоих кротокроликов и зажарил их на шампурах над костром. Ему не терпелось приняться за мягкое, сочное мясо. Но он знал, что после пяти голодных дней нельзя переедать, и решил отложить второго кролика, чтобы засолить его и высушить на солнце.

Конечно, эти маленькие млекопитающие с резцами как у грызунов и предназначенными для рытья когтями не были кроликами, крысами или кротами, хотя в некоторой степени походили на каждого из них. Может, они были как африканские землекоповые, о которых он слышал: те, что обитают в больших лабиринтах под землей,

ползая друг по другу в темноте… Землекоповые живут колониями вроде роя, как общественные насекомые, где размножаются только несколько пар, а остальные особи стерильны и приходятся друг другу братьями, племянниками и племянницами. Может быть, здесь все устроено точно так же.

— И может быть, вот куда подевались все местные кролики и зайцы, — сказал он вслух. — Под землю, где можно скрыться от крокодилов-убийц, суперптерозавров и всего прочего, против чего обзавелись броней здешние слоны. Однако не от умного тролля. Или от могучего охотника Джошуа. Ха!

Не успел он это произнести, как почувствовал, что тролль наблюдает за ним.

Большой седой самец вернулся. Он сидел на самой границе освещенного костром круга. Даже в тусклом вечернем свете Джошуа видел размазанную вокруг его рта кровь. Его наверняка привлек аромат жарящегося мяса. Тролли любили приготовленное мясо и использовали огонь, если находили, например, после удара молнии, но так и не научились его добывать.

— Среди троллей никогда не было короля Луи, приятель.

— Ух?

— Неважно.

С некоторым сожалением Джошуа взял наполовину съеденного кролика и второго, готового, но еще целого, и понес их троллю. Он сел на землю перед троллем и положил перед ним нетронутую тушку, как вежливый официант.

— Ваша крыса, сэр, хорошо прожаренная, как вы и заказывали…

— Ух!

Тролль впился в мясо.

Джошуа сел и принялся за еду вместе с троллем, разве что медленнее, разглядывая дальнего родственника.

С самого Дня перехода археологи, включая юного Нельсона Азикиве, пытались понять, почему в новых мирах отсутствует человечество. Они обнаружили кремневые орудия в пыльных последовательных версиях Олдувая. Обнаружили окаменелые кострища в глубинах пещер в последовательных Европах. Но искра разума так никогда и не зажглась под тяжелыми лбами ни в одном из миров, кроме Базовой. Наверное, говорили комики, во всех других мирах черный

монолит[3] просто потерял адрес человекообразных обезьян…

Но в этих безлюдных мирах обнаружились другие человекообразные, эволюционировавшие из того же базового корня, что и человечество. Предположительно, все они считались потомками человека умелого, Умельца, исчезнувшего два миллиона лет назад, но очень сильно отличались друг от друга, встречи с некоторыми были более приятными, чем с другими. И некоторые в своем развитии научились в полной мере использовать преимущества просторов Долгой Земли.

Из всех двоюродных братьев человечества тролли были образцовыми.

— Погляди на нас, приятель, — произнес Джошуа. — Два старика в глухомани. Я-то считал себя Робинзоном, и вдруг появляешься ты. Я не могу называть тебя Пятницей. Как насчет Санчо?

— Ха?

— Помоги мне, сестра Джорджина. Мы всего раз читали эту книгу на испанском… «La mejor salsa

[3] Примечания: 3

В научно-фантастическом романе Артура Кларка «2001: Космическая одиссея» черный монолит обучает питекантропов использованию простейших орудий труда.

del mundo es el hambre»[4].

— Ха!

— Приятного аппетита, друг мой.

Ветер усилился, и искры от костра взвились высоко в темное пустое небо.

[4] Примечания: 4

«Голод — самый лучший соус в мире» — цитата из романа Сервантеса «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский».

Глава 13

На девятый день своего пребывания в этом мире Джошуа попробовал поохотиться на крото-кроликов сам.

Тролль Санчо, конечно, не мог объяснить, как он выслеживает добычу. Джошуа оставалось только наблюдать, предполагать, подражать и учиться.

Но он потихоньку начал распознавать внешние признаки кроличьих гнезд. Это были широкие обесцвеченные круги на земле шагов двадцати в поперечнике — из-за мочи тысяч кроликов, просочившейся наверх из их тесных нор. А над центральной камерой земля немного приподнималась, образуя очень низкий купол, едва заметный, если лечь на землю и смотреть одним глазом. Затем нужно было добраться до самой середины холма, где находились центральные камеры со сравнительно тонкими крышами, и там долго ждать, замерев, как статуя, пока потревоженные шагами кролики вернутся из более глубоких тоннелей и опять займутся своими делами в камерах под поверхностью. Оставалось

только проломить тонкую крышу — Джошуа усиливал свои маленькие человеческие кулаки булыжником — и нырнуть в извивающуюся кучу мяса, пока кролики опять не разбежались.

Итак, после трех успешных охот с Санчо Джошуа в одиночку разведывал подозрительную территорию неподалеку от леса. Едва заметный круг на земле — есть. Невысокие купола, почти неразличимые на сухой осыпающейся пыли, — есть. Джошуа провел напряженные полчаса на солнцепеке, неподвижно, замерев как статуя, держа наготове булыжник размером со свою голову.

Как только он занес булыжник, из леса выскочил слоненок.

Джошуа не верил глазам. Он даже не знал, что слоны живут в лесу, хотя почему бы им туда не захаживать. Ему потребовалось мгновение, чтобы осознать: слоненок, от какой бы опасности он ни бежал, направляется прямо на драгоценный кроличий муравейник. Хуже, за детенышем из леса, пронзительно трубя, выскочила мать.

И Джошуа, мысли которого в старом мозгу текли медленно, словно желе через соломинку, стоял прямо у них на пути. Слоненок бегал быстро, быстрее, чем он ожидал.

Детеныш вмиг оказался рядом.

Джошуа выронил камень и в самый последний момент откатился в сторону. Бивневая броня слоненка еще не оформилась, но уже была тверда как сталь и щетинилась острыми концами — Джошуа разминулся с ней на считаные дюймы. Следом неслась мать с намерением догнать детеныша, человека она едва заметила.

По несчастной случайности, когда Джошуа барахтался в пыли, отчаянно пытаясь убраться прочь, слониха опустила тяжелую заднюю ступню ему на ногу.

Он почувствовал, как со звуком треснувшей ветки сломалась кость. Перекатываясь прочь, он ощущал, как края кости скребутся друг о друга.

— Идиот! — завопил он. Как можно быть таким медлительным? К тому же он Джошуа Валиенте, самый знаменитый в мире путник. Почему он просто не перешел в безопасный мир? Потому что его отвлекло желание заполучить вожделенный муравейник кротокроликов?

«Потому что ты слишком стар», — услышал он шепот сестры Агнес.

Потом накатила боль, он заревел и потерял сознание.

* * *

Когда он очнулся, боль в ноге ослабела до тупой пульсации.

Он лежал в грязи там, где упал. Он не сдвинулся с места, даже не перевернулся. На земле, прямо у него перед лицом, виднелись нечеткие следы огромных плоских ступней слонихи и небольшая дорожка засохшего помета, возможно, оставленная запаниковавшим слоненком, когда тот бежал из леса от какой-то угрозы. Как ни странно, подумал Джошуа, слоновье дерьмо не слишком вонючее. Наверное, благодаря вегетарианской диете.

Возможно, по чистой случайности, он все еще был жив, несмотря на то, что лежал здесь, неподвижный и беззащитный, как мешок с мясом, а его кровь впитывалась в землю Верхних Мегеров.

Он перебрал свои возможности. Подобные сценарии он обдумывал много раз. Можно срочно перейти, если на него нападет какая-нибудь зубастая пасть, понукаемая голодным желудком. Иначе он будет страшно уязвим.

Но если получится, лучше оставаться в этом мире. Здесь его снаряжение, за только начатым

частоколом — пища, вода, аптечка. Если он сумеет вернуться в углубление в скале — это недалеко — или даже залезть в свое убежище на дереве, то можно перекантоваться там, пока рана не заживет настолько, что можно будет без вреда передвигаться. Пока не наступит зима. Насколько суровы зимы в этом мире?..

До этого еще надо дожить, сказал он себе. А сначала добраться бы до проклятого лагеря, иначе он не переживет ночь, не говоря уже о том, чтобы дотянуть до зимы. Ему на глаза не попалось ничего, что можно было использовать как костыль, чтобы разгрузить сломанную ногу. Если бы только доползти до леса, подобрать какую-нибудь упавшую ветку, на которую можно опереться, и доковылять до лагеря…

«Хороший план», — сказал скептический внутренний голос.

«Черт, сосредоточься».

Прежде всего нужно перевернуться на спину. Джошуа взмахнул рукой и перекатился.

Но как только он шевельнул сломанной правой ногой, боль вернулась — самая сильная с тех пор, как много лет назад двое биглей почти по-доброму отгрызли ему кисть. От боли он распластался, ничего не соображая, опять чуть не

потеряв сознание.

Джошуа заставил себя поднять голову. По крайней мере нога выглядит прямой, кости не торчат. Однако брюки испорчены, штанина измята и окровавлена. Он откинулся назад.

Перелом мог быть и хуже, но и этот достаточно скверный. Ему не уползти отсюда и тем более не встать. Тут нужен вертолет, современная больница, хирург и команда медсестер. О, и анестезиолог. А он даже не знает, где его вода и сможет ли он до нее дотянуться.

«Я же говорила, — раздался в ушах голос сестры Агнес, — ты стареешь. Слишком рискуешь. Тебе не следовало уходить опять, в одиночку».

«Ты даже не расстелил гребаное серебристое одеяло на гребаном утесе, как я тебе советовал, ты законченный гребаный идиот», — вторил Билл Чамберс.

«Ты заплатишь за гордыню, папа, — говорил Род. — Собственной жизнью…»

— Еще нет, — прорычал Джошуа. — Мой план… Санчо? Санчо! Санчо!

Он звал, пока опять не потерял сознание. Последней ясной мыслью была слабая мольба о том, чтобы первым на его крики отозвался тролль.

* * *

Санчо старался быть осторожным. По-своему. Как узнал Джошуа, тот среди своих соплеменников считался исключительно разумным. Но он был таким же сильным и огромным человекообразным, как орангутан, и за всю жизнь не совершал более тонких действий, чем обкалывание камня.

Он поднял Джошуа и перекинул через плечо, как мешок угля.

Джошуа закричал, но потерял сознание еще до того, как тролль успел сойти с залитой кровью земли.

Глава 14

Ровно в 11.30 «Преподобный Уильям Баклэнд» плавно и бесшумно поднялся в летний воздух. Под носом твена уменьшались роскошные постройки туристического курорта «Двадцать-двадцать». Группу зданий со стеклянными стенами окружали площадки для твенов, а дальше тянулись нелепые ярко-зеленые поля для гольфа на месте вырубленных сосновых лесов, которые покрывали эту версию южной Англии на Западе-20000.

Нельсон Азикиве и сестра Агнес бок о бок сидели перед большим обсервационным окном, глядя на разворачивающуюся внизу панораму. Ненавязчивая официантка накрыла перед ними к чаю маленький столик: фарфоровый сервиз, чайник и чашки, блюдо с печеньем, маленькие бумажные салфетки. На Агнес была длинная черная юбка, удобная обувь и бледно-розовый кардиган поверх белой блузки. Ее седые волосы были коротко и аккуратно подстрижены. Нельсон никогда не видел ее в монашеском одеянии, и тем не менее казалось, что над ней всегда витает тень апостольника, даже сейчас. Безотчетно

Нельсон дотронулся до своей шеи: ворот рубашки был расстегнут.

Но Агнес, конечно же, заметила.

— Не волнуйтесь, Нельсон. Вы все еще выглядите как викарий — вероятно, выглядели так еще до того, как стали им, — но думаю, никто не замечает, или им все равно. Как считаете?

Нельсон оглядел остальных пассажиров. Многие из них были новыми бездельниками-богачами. В основном пожилые пары, молча сидевшие рядом, одетые по устаревшей и непрактичной дойеллоустонской моде Базовой, которая в последнее время стала признаком богатства. Но именно благодаря их деньгам летали твены. В углу сидела группка подростков с замученными учителями, наверное, ученики какого-нибудь колледжа Ближней Земли на дорогой экологической экскурсии. Еще несколько молодых людей с энтузиазмом что-то записывали и снимали на планшеты, даже когда твен проплывал над полями для гольфа и саунами на берегу озера. Никто не обращал внимания на Нельсона и Агнес, самых загадочных пассажиров, если бы кто-нибудь знал их истории.

— Вы правы, конечно. Люди не обращают внимания на других.

— И никто в Ближних Землях, — подмигнула Агнес, — не знает про вашего тайного внука, Нельсон. Никто, кроме нас с Лобсангом.

Даже сейчас, спустя месяцы после загадочного телефонного звонка с этой удивительной новостью, сердце Нельсона глухо забилось.

Тень твена пересекла небольшую рощу и напугала маленькое стадо животных, похожих на оленей. Не ожидал увидеть их так близко к курорту, подумал Нельсон. Может быть, они научились кормиться отбросами. Еще одно ненавязчивое изменение поведения животных человеком.

Он думает о чем угодно, кроме своей неожиданной новой семьи. Внук…

Затем твен начал переходить.

Оленей словно стерло с лица земли, курорт — пятно бетона и стекла — исчез, ему на смену пришли озера и девственный лес. А потом все снова изменилось. И снова, и снова. Рябь миров, которые скоро стали сменяться со скоростью один в секунду или около того, почти в ритме человеческого сердцебиения. Основной характер рельефа сохранился: река, на берегу которой построили курорт, очертания холмов этой далекой версии южной Англии. Но все остальное быстро исчезало, даже деревья, сосняки, лежащие между

ними травянистые равнины. Через дюжину переходов они попали из солнечного света в мир, где буря коротко пробарабанила в окна, миг — и ее уже нет, — пропала, словно огни при падении напряжения в поврежденной постйеллоустонской электросети.

Агнес вздохнула и прижала палец к виску.

— С вами все в порядке, Агнес? Я и сам не слишком хороший путник, но существуют препараты, по крайней мере для такого старомодного мешка с костями, как я. Для вас же…

— О, все хорошо. Я не Джошуа, но всегда неплохо переходила при помощи переходника, если было нужно. И когда Лобсанг… восстановил меня, как какую-нибудь старую мебель, которую нашел на свалке, я обнаружила, что превратилась в суперпереходящего андроида с суровым взглядом. Но мне не очень-то нравится переходить. — Она посмотрела на Нельсона. — И вообще, какой смысл? Все, что мне было дорого, люди — все находилось там же, где и я, дома. Хотя, конечно, переходы могут быть полезны с точки зрения морали, согласны? Думаю, именно это и стоит за туристическими услугами, которые вы помогли организовать.

— «Баклэнд»? Да, полагаю, это была моя идея,

когда я узнал о существовании центра «Двадцать-двадцать», хотя моя доля в коммерческих перевозках весьма скромна… Вы замечали, что миры с круглыми номерами всегда привлекают дорогие объекты? Особенно гольф-клубы. Жаль, что я не додумался до этого в День перехода и не прикупил землю! И основателям «Двадцать-двадцать» понравилось отправлять со своего курорта туры на природу. Все говорят про Джошуа, про его приключения и романтику Верхних Меггеров, очень далеких миров. Я тоже не великий путник, Агнес. И кроме того, меня всегда больше тянуло к близким мирам, тем, которые называют Ледовым поясом, — мирам, которые более или менее похожи на Базовую. Их больше тридцати тысяч в обе стороны от Базовой. Именно поэтому они меня и привлекают, потому что похожи на Базовую, наш мир.

— Только без людей.

— Именно так. Ну а что, даже здесь, в Британии на Востоке-1 и Западе-1 можно встретить волка, бурого медведя, рысь — животных, которые делили с нами эти острова не далее как в бронзовом веке. Среда без крупных хищников разбалансирована, это патология. — Нельсон улыбнулся. — Заметьте, я сумел протащить упо-

минание о своем герое.

— Вы имеете в виду название дирижабля? Уильям Баклэнд? Никогда о нем не слышала.

— Священник и натуралист начала девятнадцатого века. И сторонник Всемирного потопа. Даже когда начали находить первые окаменелости и геологам стало понятно, как в действительности устроен мир, Баклэнд продолжал отстаивать реальность Всемирного потопа. Но главное в Баклэнде то, что он придерживался доказательств. Идеальный пример трений между религией и наукой.

— Весьма похоже на Лобсанга, — сказала Агнес. — Сущность тибетского буддиста, заключенная в высокотехнологичное тело.

— Знаете, Агнес, Баклэнд самолично обнаружил самые первые останки динозавров — мегалозавров — здесь, в Британии, в Оксфордшире. Экспедиция Музея естественной истории — думаю, им пришлось зайти дальше Дыры — обнаружила животных, очень похожих на доживших до наших дней мегалозавров. Они привезли обратно кладку яиц, и теперь мегалозавры живут в дикой природе в заповеднике Лондона на Западе-3. Детеныши почти хорошенькие! Но все это исследования для других.

Агнес посмотрела вниз, снова отвлекшись на пейзаж. Мелькающие внизу ландшафты становились более пустынными, сосняков было все меньше, а расстояние между ними все увеличивалось. В одном из миров твен едва заметно задержался на несколько секунд. По земле, словно тени от облаков, двигались огромные животные, покрытые шерстью насыщенного грязно-коричневого цвета. Как только пассажиры хорошенько рассмотрели их и сделали несколько снимков, переходы возобновились, и стадо исчезло из вида.

Агнес откинулась на спинку кресла.

— Это были мамонты?

— Думаю, да. Агнес, миры Ледового пояса не идентичны, в некоторых холоднее, чем в других. Здесь, как и на курорте «Двадцать-двадцать», климат напоминает южную Скандинавию, или точнее — Базовую Скандинавию до Йеллоустона. Но в районе Запада-17000 мы достигнем группы более оледенелых миров. Тундры, где единственные деревья — это стелющаяся полярная ива, а крупные животные — мамонты, овцебыки и шерстистые носороги.

— Не слишком зрелищно.

— Вам может повезти, но это пустынная местность. Межледниковые миры, где лед на время

отступил, впечатляют больше. Львы, бегемоты, слоны.

— Похоже, Англия намного интереснее, чем я предполагала.

— Ну, не настолько интереснее, — улыбнулся Нельсон. — Очень любезно с вашей стороны проделать столь долгий путь, чтобы увидеться со мной. Я бы сам к вам приехал…

— О, я совсем не против добавить еще одну встречу к тому, что называю прощальным туром. И, как вы знаете, у меня был корыстный мотив. Спасибо, что показали мне найденные вами сведения о семье Джошуа со стороны отца. Это помогло мне понять несчастного мальчика и его семью, через столько лет.

Этому «мальчику», с ностальгией подумал Нельсон, шестьдесят восемь лет.

— Знаете, я правда пыталась найти отца, — сказала Агнес, — когда Джошуа рос. Я знала, что он остерегался нас, монахинь. Что ж, теперь он умер и унес свою историю с собой. Из того, что рассказал мне Джошуа, я сделала вывод, что под конец Фредди стал гордиться своим сыном. Так что он в каком-то смысле оставил наследие, несмотря на ужасные обстоятельства рождения Джошуа. — Она пристально посмотрела на

Нельсона. — Похоже, совсем как вы, Нельсон, проказник.

Нельсон почувствовал, как заполыхало лицо.

— Агнес, это не предмет для шуток.

— Да. Извините. Уверена, сообщение от Лобсанга стало для вас большим потрясением.

— Так и есть.

— И когда вы связались со мной, спрашивая, известно ли мне что-нибудь о вашем загадочном внуке, я и сама была в шоке. Видите ли, Лобсанг никогда не исчезает просто так. Это не в его стиле. Он оставляет мне маленькие подарки, в системах у меня дома, даже в моем планшете. Файлы, которые открываются при определенных условиях, например, при сочетании вашего имени со словом «внук». На несколько секунд или минут появляется его аватар, иногда времени хватает для разговора. Джошуа почему-то называет это «пасхалки».

— Термин из старых компьютерных игр.

Агнес неодобрительно нахмурилась.

— Для меня получать такие новости совсем не игра.

Нельсон напряженно подался вперед.

— Я знаю только, что у меня есть внук. И хотя моя жизнь едва ли была беспорочной, я могу

представить только один случай, когда… Лобсанг не упоминал Запад-700000 или его окрестности?

Теперь Агнес улыбнулась.

— Вообще-то, да. Значит, вы знаете, где их искать.

— Их?

— Ваших сына и внука.

Это его ошеломило.

— Вот я дурак, сосредоточился на внуке. Даже не подумал про дочь или сына.

Агнес наклонилась и накрыла ладонью его руку, искусственная кожа ее передвижного модуля была успокаивающе теплой.

— Нельсон, в таких делах не существует правил. Вам просто нужно отыскать свой путь.

— При всей моей нелюбви к дальним переходам я обязан отправиться к ним.

— Конечно. И обязаны вернуться и рассказать мне об этом, если я все еще буду здесь. Ой, простите. — Она снова сжала его руку. — Не хотела быть такой прямолинейной.

Нельсон сел ровно.

— Я слышал о ваших планах. От общих друзей. О ваших планах умереть.

— От Джошуа?

— На самом деле от сестры Иоанны из Приюта.

Мы поддерживаем связь. — Он подбирал слова. Как священнику, ему, конечно, часто доводилось беседовать на эту тему, но никогда с сущностью вроде сестры Агнес. — Вам это действительно нужно?

— А какая альтернатива? — Она весело улыбнулась. — Не грустите, Нельсон. После моего рождения прошло уже больше ста лет. Моя жизнь, или жизни, была гораздо насыщеннее, чем я когда-либо воображала. Или заслуживала.

Он фыркнул.

— Я этого не приемлю.

— Теперь я просто хочу, чтобы все это прилично закончилось. — Она подумала и кивнула. — Да, именно так. Прилично. И вы, дорогой Нельсон, можете мне помочь.

— Конечно. Как?

— Помогите им. Всем, кто скучает по мне, всем неравнодушным.

— Например, Джошуа.

Она улыбнулась.

— Мне не найти лучшего человека для этой просьбы.

— Это невидимый ошейник на моей шее, да?

— Боюсь, однажды примерив, вы заполучили его навсегда.

— А как же Лобсанг?

— О, с ним я уже попрощалась. По крайней мере с его «пасхалками».

Теперь землю внизу захватывали ледники. Ландшафт менялся по мере того, как твен переходил от тундры к бескрайней полярной пустыне, где ветер гонял по замерзшей земле ледяные кристаллы.

— Как в песне, — пробормотала Агнес. — Бесконечная зима.

— Сестра?

— Пойду-ка я прилягу. Привилегия старой леди.

— Вас разбудить к обеду?

Она улыбнулась, поднимаясь.

— Конечно. Не могу же я пропустить обещанных вами львов и бегемотов… О, и еще одно. Трой. Вашего внука зовут Трой. Передавайте ему привет от меня.

— Обязательно, Агнес. Спасибо вам.

Глава 15

Ли Малоун и Дэв Биланюк вместе со Стеллой Велч и Робертой Голдинг ждали за оградой Космо-Д под облачным июньским небом в удаленной версии северо-западной Англии. Багаж кучей валялся на земле.

Твен приближался — быстро растущая точка на горизонте. Он казался небольшим, на серой оболочке не было никаких отметин, за исключением пятен солнечных панелей, гондола гладкая и на вид тесная. Обыденное зрелище — подобные воздушные суда уже сорок лет курсировали по Долгой Земле. Тем не менее этот неприметный аппарат представлял собой нечто в высшей степени примечательное. Потому что этот твен отвезет Дэва и Ли на Ферму, пристанище Следующих, для консультаций по проекту, вдохновленному небесным посланием.

— Знаешь, — пробормотал Дэв Ли, — перед тем как попасть в Дыру, я мог представить, каково там. Прореха в Долгой Земле — шаг в космос. Экзотично, но постижимо. Сейчас же, с этой «Фермой», я буквально не имею понятия, чего ожидать. Но

полагаю, в этом и смысл: чтобы мы не могли даже вообразить, чем они там занимаются.

— Интересно, почему твен сюда летит? — задала Ли практичный вопрос.

— А?

— В смысле, почему он не перешел в воздухе прямо над нами?

— Не сомневаюсь, что есть веская причина, — ответил Дэв. — Но мы слишком тупые, чтобы понять. — Он оглянулся на Стеллу с Робертой, которые терпеливо ждали в своих скромных комбинезонах. — Раздражает, когда ты относишься к расе второго сорта, правда?

Ли усмехнулась.

— Не знаю. Забавно пытаться их понять.

Твен приземлился с ровным гулом турбин, и из бока гондолы опустился трап.

По нему быстро сошел мужчина. Высокий, худой, лет сорока, в экстравагантной одежде: шорты цвета хаки с широкими подтяжками и множеством карманов. С тканевых петель свешивались различные инструменты. Его грудь и руки были обнажены, как и тощие ноги. Дэв с удовольствием отметил, как он дрожит на прибрежном ветру, резком, несмотря на июнь.

С лица Ли не сходила усмешка.

— А также у Следующих очень плохой вкус в одежде.

— Я это слышала, — сказала Стелла. Она словно сама старалась сдержать улыбку. — В отличие от вашего тщеславия, мы предпочитаем красоте практичность. Этого человека зовут Жюль ван Херп. Он живет на Ферме, но мы попросили его помочь, потому что…

— Я один из вас, — немедленно добавил Жюль. Его улыбка была широкой и нервной. Он пожал всем руки. — Я имею в виду, не Следующий. И кто же я тогда? Предыдущий? Ха-ха. Идемте, берите вещи и поднимайтесь в твен. Давайте уйдем с этого ветра и отправимся…

* * *

Жюль повел их по трапу в гондолу, и твен за ними закрылся. Турбины загудели, Дэв ощутил рывок, и дирижабль сразу же полетел.

Стелла с Робертой куда-то ушли, а Жюль повел Ли с Дэвом по коридору с гладкими стенами в маленькую каюту без иллюминаторов. Закрыв за собой дверь, Жюль засуетился, раскладывая спрятанные в панелях сиденья, открывая встроенный буфет с напитками и закусками.

— Садитесь, не стесняйтесь…

Опуская на пол багаж, Дэв и Ли обменялись взглядами. Дэв провел рукой по гладкой серой стене.

— Иллюминаторов нет. Что это за материал? Какая-то керамика? А если я открою дверь…

— Я бы не советовал. Ладно, устраивайтесь. Поездка будет недолгой, но…

Ощущение было как от резкого падения, словно они пересекли Дыру, где нет гравитации, и их охватил глубокий, пронизывающий холод.

Жюль усмехнулся.

— Так будет еще не раз.

Дэв инстинктивно схватился за спинку стула. Ли дрожала.

— Никогда так не переходила, — сказала она.

— Должно быть, это слабое место. Я слышал о них. Как червоточины в Долгой Земле, фиксированные туннели из одного мира в другой. Я слышал, они словно высасывают энергию. В этом случае мы уже далеко, и географически, и последовательно.

Ли оглядела голые стены.

— Скорее всего, Стелла с Робертой в каком-нибудь обсервационном салоне. А мы ни черта не видим…

Еще одно захватывающее дух падение. Дэву

стало дурно, но он старался не подавать виду.

— Дерьмо, — выругалась Ли. — Больно. Как удар в живот.

Еще один повергающий в дрожь переход.

— Лучше сядьте, — сказал Жюль.

Ли и Дэв опустились на сиденья.

Ли посмотрела на Жюля.

— Почему вообще Следующие держат в секрете местоположение Фермы?

— Почему? Был по крайней мере один военный проект по их уничтожению, полуофициальный, одобренный и чуть не приведенный в исполнение. Вы понимаете, зачем вас везут туда?

Бледная Ли пожала плечами.

— Хотят обсудить, как отвечать на Приглашение.

Все больше подробностей которого получил телескоп «Кларк», огромный морской еж, стремительно сооруженный в Дыре при помощи почти магического молекулярного репликатора и сборочных технологий Следующих.

— И поскольку мы с самого начала участвовали в проекте со стороны Дыры… — продолжала Ли.

— Ваша точка зрения будет полезна, — сказал Жюль. — Следующие любят консультироваться с хорошо информированными тусклоголовыми

по проектам, которые могут их коснуться. Как и в данном случае. — Он пристально посмотрел на них. — Кстати, вам лучше привыкнуть к этому выражению. Тусклоголовые. На Ферме так говорят, даже не задумавшись. У них нет намерения задеть.

Дэв и Ли изумленно уставились на него.

— Они вас выслушают, — продолжал Жюль. — Необязательно поступят согласно вашим рекомендациям, но примут во внимание ваши слова, когда будут выносить расширенное суждение о том, как сделать лучше. Если хотите услышать мое мнение, то физическое пребывание там на самом деле великая вещь, даже если они к вам не прислушаются. Так что они будут учитывать вас, когда начнут обдумывать другие факторы. Даже просто находясь там, вы напоминаете им о существовании людей. Знайте, вы увидите и услышите много такого, что, возможно, вас поразит. Даже озадачит. — Он оглядел себя. — Поверьте, дело даже не в том, как они одеваются. Просто не придавайте значения. А меня считайте туземным проводником. Или переводчиком.

Дэв пристально смотрел на него.

— Ты обычный человек, да? Живешь среди Следующих. Ты и слова не сказал о себе. У тебя

есть работа, семья?.. Почему ты так живешь?

«Каждый день в постоянном унижении», — подумал он, но не стал говорить вслух.

У Жюля загорелись глаза.

— Вы поймете, если дадите волю воображению и отбросите собственную жалкую гордость.

— Ты ослеплен, — нейтрально заметила Ли. — Я слышала, что такое случается с людьми, которые живут рядом со Следующими.

— Но они ослепительны. — Жюль ущипнул свою одежду в стиле Следующих и нервно усмехнулся, оглядывая каюту. Словно подозревал, что за ним наблюдают хозяева, которым он так отчаянно старался угодить.

Дэв увидел на лице Ли что-то вроде жалости, ей было жалко Жюля. Сам он чувствовал только отвращение. Он не собирается терять себя в благоговении перед Следующими, что бы ни увидел на Ферме. На это он был настроен решительно.

Еще одно тошнотворное, резкое, пробирающее холодом падение.

— Еще долго? — жалобно спросила Ли.

Глава 16

Ферма оказалась чередой расчищенных в густом лесу полян, соединенных широкими прямыми просеками.

Роберта и Стелла повели Дэва и Ли прочь от приземлившегося твена по одной из таких просек между стенами высоких стволов, а Жюль шел следом. Он сказал, что багаж можно забрать позже. День был умеренно теплым и свежим, небо — голубым, а вокруг сильно пахло лесом. Дэв взмахнул руками, пытаясь справиться с тошнотой после путешествия.

— Мы можем быть где угодно, — сказала Ли. — Я имею в виду географически.

— Похоже на лес умеренной зоны, — заметил Дэв. — Эти деревья какие-то родственники дубов? Листва полностью распустилась, как будто сейчас лето. Так что мы можем по-прежнему находиться в Северном полушарии. Но в зависимости от климата на каждой конкретной Земле леса умеренного пояса можно встретить где угодно от экватора до полюсов.

— И конечно, — добавил Жюль, — флора может

оказаться совсем не местной. Возможно, все это было пересажено. Возможно, вы находитесь в каком-нибудь обширном искусственном дендропарке.

— Мы работаем в космосе, — с легким раздражением сказала Ли. — Мы знаем звезды, планеты. Мы способны вычислить широту, исходя из продолжительности дня, и даже предположить долготу, если увидим что-нибудь вроде лунного затмения…

— И какая вам от этого польза? Даже если вы узнаете географическое положение, вы понятия не имеете, в каком из последовательных миров находитесь.

— Мы не прирожденные путники, — сказал Дэв. Им не позволили взять с собой переходники Линдси. — А что, если бы мы ими были? Или если бы у нас с собой были переходники и мы попытались бы перейти? Что тогда?

Жюль пожал плечами.

— Протяженный пояс миров по обе стороны от этого гораздо менее гостеприимен. Даже твену их не пройти. Поверьте мне, единственный путь сюда или отсюда лежит через слабые места.

— Значит, ты такой же пленник, как и мы, — решила Ли.

— И что? Я доверяю Следующим. Они знают, что лучше для человечества и для меня.

Ли с видимым отвращением отвернулась от него.

Наконец они подошли к более крупной поляне, на которой стояла группа больших конических построек. Земля между ними была вытоптана до пыли. Роберта и Стелла выглядели неуместно в строгих пиджаках и брюках, которые надели для поездки. Они без лишних слов провели гостей к самому большому из домов.

Низкие сложенные из камня стены хижин покрывала тростниковая крыша на каркасе из длинных прямых бревен. В центре располагался очаг, и над крышами некоторых домов курился дымок. Дэв удивился, насколько простыми и примитивными они выглядели. Таким мог быть пейзаж в Европе железного века. Тем не менее то тут, то там мелькали элементы высоких технологий, металлические проблески в материалах построек.

Несколько взрослых беседовали, разбившись на группки. Все они были одеты как Жюль. Дэв мысленно называл это «без штанов, но с карманами». Вокруг носились дети, некоторые почти голышом, другие — в укороченных версиях взрос-

лой одежды. Проходя мимо, Дэв уловил обрывки разговоров: не английская речь, хотя он узнал несколько английских слов. Быстроговор, невнятная скоростная тарабарщина за пределами его понимания. Больше всего его поразило, что три-четыре человека могут говорить одновременно, явно способные слушать один словесный поток и произносить другой. Он практически видел, как из одной головы в другую передаются потоки информации по параллельным высокоскоростным каналам.

Несколько человек кивнули проходящим Роберте и Стелле, но ни один даже не взглянул на Дэва и Ли. И на Жюля тоже, как заметил Дэв.

— Они обращают на нас не больше внимания, чем на собак на поводке, — пробормотал он Ли.

— Бобик, лежать.

Их привели в пустой дом. Одно большое помещение без перегородок, однако напротив двери у стены были кучей свалены какие-то панели. Темные углы освещались напольными цилиндрическими лампами, явно электрическими. Немного мебели: низкие койки, кушетки, кухонная зона, оборудованная глянцевыми ящиками из металла и керамики. Дверь в ванную.

Жюль принялся суетиться на кухне. Роберта

и Стелла сели на кушетку, передохнули и затараторили на быстроговоре. Через полминуты они повернулись к неловко стоящим в дверях Дэву и Ли.

— Извините, — сказала Роберта. — Проходите, садитесь. В человеческих мирах мы стараемся избегать быстроговора. Такое облегчение вернуться и нормально выражать свои мысли… У этого здания иное назначение, но это самое близкое к гостевому дому из того, что есть у нас. — Она показала на перегородки. — При помощи этих ширм вы можете разгородить отдельные комнаты. Вам, вероятно, понадобится уединение.

Ли нахмурилась.

— Подразумевается, что вам уединение ни к чему.

— Помни, Ли, — откликнулся Жюль, — они цивилизованнее нас. Им не нужно избегать друг друга так, как нам.

— Ваш багаж принесут… — продолжила Роберта. — Что еще? Жюль может показать вам, как пользоваться кухней. Мы в основном едим свежие дары леса, но, возможно, вам будет легче воспользоваться пищевыми принтерами.

— Пищевыми принтерами? — нахмурился Дэв.

— Как ваши принтеры материи, но более слож-

ные. И в некоторой степени основанные на технологии серебряных жуков. Вы кое-что знаете об этом. Управляются голосом, можно попросить широкий ассортимент еды.

— Репликаторы, — заключил Дэв. — У них есть репликаторы.

Он шагнул вперед, чтобы рассмотреть керамические ящики. Никаких проводов. Может быть, это какая-то технология направленного пучка, невидимая передача?

— С этими устройствами, — сказала Роберта, — мы сделали большой шаг к настоящему постдефицитному обществу. Теперь не нужно тяжело трудиться, чтобы не умереть с голода. Никогда.

Дэв не смог устоять:

— Он может сделать мне «Эрл Грей»?

Ли расплылась в улыбке:

— Горячий!

* * *

Вечером оба остались в гостевом доме.

В основном по совету Жюля. Он сказал, чтобы они держались вместе и особенно не приближались к детям Следующих. Даже сейчас, через четверть века после основания Фермы, многие

взрослые выросли в человеческих мирах и знали, как обращаться с обычными людьми, с уважением либо как-то иначе. Но дети, рожденные на Ферме, были совсем другими. Для них люди лишь экзотические животные.

Жюль нервно улыбнулся.

— Они не всегда… добрые. На самом деле некоторые Следующие считают, что их детям на пользу расти среди людей. Потому что вы оказываете селекционное давление. По-настоящему умные, они, поняв, что умнее окружающих, скоро осознают, что самое умное — не дать окружающим догадаться об этом. По словам Роберты, ее учитель говорил, что ей следует сделать на лбу татуировку «Никто не любит слишком умных» в зеркальном отражении, чтобы вспоминать об этом каждое утро в ванной…

Они поставили несколько перегородок и собрали койки.

— Итак, — нерешительно произнес Дэв. — Хочешь сдвинем кровати?

Ли оглянулась на перегородки.

— Глазков в стенах я не вижу. Но сомневаюсь, что наше уединение имеет для них хоть какое-то значение. Не больше, чем мы рассматриваем право на уединение хомяка в клетке. Если они сочтут,

что это полезно или поучительно, будут ли они мучиться от угрызений совести по поводу наблюдения за брачными играми конкретных особей шимпанзе? Ищите острые ощущения где-нибудь в другом месте, козлы. — Она показала средний палец. — Хотите об этом побыстроговорить?

Глава 17

Утром они позавтракали яйцами бенедикт и кофе из репликаторов. Затем пришла Роберта Голдинг и забрала их на первую встречу.

Заседание проводилось в одном из больших круглых домов. Здесь уже собралось человек двадцать. Они сидели рядами на полу или на кучах подушек: в основном взрослые, один или два серьезных подростка. На всех была характерная «без штанов, но с карманами» одежда, хотя бедра и грудь оставались прикрытыми. Все с планшетами, которые выглядели так, словно только что вышли с какого-нибудь завода Ближних Земель.

Стелла Велч уже стояла перед впечатляющим экраном и произносила речь на стремительном быстроговоре. Роберта подвела Дэва с Ли к сиденьям в задних рядах. Один или два Следующих глянули на них, остальные не проявили любопытства.

— Это просто предварительная презентация Стеллы о том, что мы на настоящий момент обнаружили в Приглашении, — прошептала Роберта. — Надеемся, что эта группа придет к

консенсусу, прежде чем представить заключения и рекомендации Рональду с Руби.

— А это кто такие? — нахмурилась Ли.

— Увидите. Естественно, все заседание будет на быстроговоре, но я постараюсь держать вас в курсе. Конечно, буквальный перевод невозможен. В быстроговоре много понятий, которые нельзя выразить на человеческом языке. И вполне возможно, что к концу напряженного заседания вроде этого сам язык эволюционирует, появятся новые слова, даже грамматические структуры…

— Мы поняли, — устало произнес Дэв. — Просто давайте нам краткое содержание.

Экран загорелся, и Стелла взмахом рук вывела сложную техническую схему, которая сама начала собираться: трехмерные элементы один за другим затанцевали на экране с поражающей глаз скоростью. Время от времени Стелла жестами вытаскивала какой-нибудь элемент из общей выборки, чтобы увеличить его, повернуть, указать на особенности, и изображения вращались в ответ. Дэву все казалось чуждым. Даже те части, что выглядели как детали конструкции, были причудливой формы, изогнутые, узловатые.

И вся презентация шла в головокружительном темпе.

— Прошла уже половина доклада Стеллы, — сказала Роберта. — Слишком много, чтобы изложить вкратце.

— Это все касается Приглашения? — спросила Ли. — Выглядит как инженерная конструкция.

— Ничего такого не было в самом послании, — ответила Роберта. — Встроенная в него информация, которую мы поймали с помощью «Кларка», не поддается расшифровке. Слишком сложно…

Ли не смогла сдержать триумфальной усмешки.

— Даже для вас? Ха!

Роберта была невозмутима.

— Мы на самом деле думаем, что очевидное содержание было некой ловушкой, отвлечением. Похоже, Приглашение действует на более примитивном уровне. На сам разум. Словно содержание сигнала действует неявно — гипнотически, хотя это не совсем верное слово.

Мы и так это знали, подумал Дэв. Например, из сообщений наблюдающих за троллями по всей Долгой Земле, если только эти Следующие слышали об этом. Радиосигнал из космоса был всего лишь одним из элементов послания. Оно приходило во все последовательные миры в форме… чего? Снов, видений, стремлений? И,

согласно хозяевам троллей-рабочих в Космо-Д, эти обитатели Долгой Земли с непостижимым мышлением тоже уловили Приглашение в собственной форме. Оно касалось не только людей и Следующих, оно касалось всех и каждого.

— Значит, это… что-то наподобие космической телепатии, — неуверенно сказала Ли.

Роберта подняла изящные брови.

— Мы стараемся избегать таких расплывчатых терминов. Но английского слова нет. Считайте это… видением. Видением, которое, вероятно, можно представить как техническую схему. Это и попытались сделать наши самые светлые умы. Результат вы сегодня видели. Конструкция Следующих в ответ на чужое видение. Поверхностный уровень послания гласит: ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ. Более глубокий уровень: ЗДЕСЬ ОПИСАНО КАК. Но это цель, которую мы должны достичь сами.

«При помощи человечества, — подумал Дэв, — и троллей, и всех, кто в каком-то смысле подготовлен собственными версиями послания».

— Кажется, я понимаю, — сказала Ли. — Видение конструкции. Как вертолеты на набросках Леонардо за столетия до их появления. Он увидел их мысленным взором. Но вертолеты предназна-

чены для полета. А для чего эта штука?

— Может быть, придется ее закончить, чтобы разобраться, — ответила Роберта.

— Вы хотя бы знаете, откуда приходит сигнал? — спросила Ли.

— Точно определить невозможно, но откуда-то из Стрельца. Мы по-прежнему считаем, что он поступает глубоко из сердца Галактики. Уже какое-то время — еще до инцидента с серебряными жуками, задолго до того, как засекли Приглашение, — мы наблюдали за аномалиями гравитационных волн, исходящих из системы черных дыр в самом центре Галактики.

— Аномалии? — переспросил Дэв.

— Содержащие структуры, которые мы не можем проанализировать.

Ли усмехнулась.

— Приятно слышать, что вы чего-то не можете.

— Значит, у вас есть суперпродвинутые инопланетяне, которые пытаются установить контакт, — сказал Дэв. — Мы, тусклоголовые, обдумали все это сто лет назад. Межзвездное послание? Оптимистичный сценарий: «Контакт». Великолепное галактическое будущее. Пессимистичный: «Для Андромеды». Порабощение и уничтожение.

Роберта задумалась.

— В этих фильмах может содержаться полезная информация.

Дэв не понял, искренне ли она это сказала.

— Рад услужить.

Масштаб изменился, и на виртуальной схеме на экране отдельные элементы слились в единую структуру — обширную, гладкую, замысловатую. Она напомнила Дэву огромный солнечный протуберанец или скопище антенн — сотни тарелок, вместе глядящие в небо. Возможно, это было что-то более экзотичное, неординарное, воспроизведение какого-то иномирового города.

— В грубом приближении элементы делятся на два класса, — сказала Роберта. — Хотя есть и существенные пересечения. Более крупные проще, по крайней мере, по информационному содержимому, и лучше структурированы. Но вы видите, что даже они зачастую многосложны. Более мелкие элементы изощреннее и хитроумнее. И вне зависимости от типа сложнее, чем человеческий мозг. Даже чем мозг Следующего.

— Черт побери! — невозмутимым тоном произнесла Ли, и Дэв подавил улыбку.

— Мы полагаем, что если будет решено сконструировать этот прибор, то наша технология

репликаторов здесь, на Ферме, сможет печатать многие из маленьких, замысловатых элементов. Но у нас пока нет возможностей сооружать более крупные. Особенно то огромное количество, которое, похоже, предусмотрено.

— А поэтому вам приходится отдавать часть работы нам, тусклоголовым, — сказала Ли. — Промышленные комплексы на Базовой и Ближних Землях.

— Да. — Роберта немного послушала. — Некоторые из присутствующих отмечают практические трудности работы с людьми вообще, в эпоху рассредоточения централизованной власти и ослабления корпоративной культуры. К тому же здесь сидит группа, известная как Смиренные, идеологическое движение Следующих за сосуществование с людьми, которое получило особенную поддержку в промышленных Ближних Землях, где нужно будет делать большую часть работы. Возможно, вы слышали представителя этой группы — Марвина Лавлейса, — моего бывшего коллегу, который ныне проводит большую часть времени в человеческих мирах. Марвин настроен подозрительно по отношению к мотивам отправителей послания — подозревает их в манипуляциях нашим сознанием.

Ли улыбнулась.

— Как и говорил Дэв. «Для Андромеды».

— И правда полезно, если есть и противоположная точка зрения. Следующие не такие параноики, как люди. Но другие поднимают вопрос срочности. Вы видите, времени может быть в обрез. Если крупномасштабная индустриализация людей потерпит крах, то реализация проекта «Приглашение» некоторое время будет невозможна. До тех пор, пока Следующие не разовьют сеть крупных заводов обрабатывающей промышленности, вероятно, роботизированных, под собственным непосредственным управлением. Окно возможности закрывается. Другие присутствующие напоминают, что в связи с такой срочностью уже проделана предварительная работа по подготовке человеческого населения Долгой Земли к подобному проекту.

— По подготовке? — переспросил Дэв. — Что это значит?

— Наш главный инструмент на данный момент медиавирусы.

— Медиавирусы? — нахмурилась Ли.

— Мемы, — пояснил Дэв. — Думаю, она говорит, что они внедряют идеи в нашу культуру, чтобы нас контролировать.

— Это уже перебор! Какое они имеют право ковыряться в наших умах?

— Что ж, это нравственная дилемма. На самом деле после появления учения Стэна Берга обострились дебаты о наших отношениях с человеческим миром. Когда дело касается сигнала, должны ли мы продолжать проект без полной консультации с вами? Ведь в итоге последствия, похоже, ударят по человечеству точно так же, как и по Следующим.

— Чертовски верно, — сурово ответила Ли. — Вы хотите сказать, что всерьез собирались не консультироваться с нами?

Роберта бросила на нее взгляд.

— В ходе ваших ранних механизированных войн на полях сражений были убиты миллионы лошадей. Перед войнами вы давали животным право вето на участие?

— Я не чертова лошадь.

Дэв отвлекся на последнее изображение на экране, которое разрасталось по мере того, как виртуальная камера отступала назад. Теперь отдельные элементы терялись в общем море. Фокус сместился на горизонт, все пространство до которого заполняла конструкция, и Дэв с удивлением заметил, что линия горизонта изогнута.

— Роберта, насколько большой будет эта штука?

Она пожала плечами.

— У нас еще нет всех деталей, мы до сих пор не знаем. Когда соберем полностью, предположительно, она будет обширнее территории большинства штатов. Но меньше, чем континентальная часть США.

Ли с изумлением уставилась на нее.

— Больше, чем штат?

Присутствующие зашевелились и продолжили обсуждение, разбившись на небольшие группы, пока Стелла убирала экран. Несколько участников с озабоченным видом поспешили к выходу.

— Думаю, мы пришли к согласию, — сказала Роберта.

— Мы? — в замешательстве переспросил Дэв. — Чтобы прийти к заключению по этому вопросу, у человеческих ученых и инженеров ушло бы немало дней. Если бы они вообще пришли к заключению.

— Нам легче разговаривать, — мягко ответила Роберта. — Мы с большей готовностью, чем вы, способны отбрасывать все личное — гордость, личные дрязги и территориальность. Наша логика позволяет решать многие предварительные

вопросы, мы все сразу знаем очевидные ответы. Вы видите, мы склонны быстрее соглашаться по вопросам тактики. Существенные разногласия у нас только на уровне стратегии. В этом случае, конечно, дебаты сводятся к одному из двух — принять ли Приглашение и воплотить видение или нет. А вот и Рональд с Руби.

Ли похлопала Дэва по плечу.

— Смотри.

* * *

Дэв повернулся к двери.

Полдюжины Следующих заносили на плечах нечто вроде деревянных носилок. На носилках на креслах с высокими спинками со свободными ремнями бок о бок сидели еще два Следующих. Они были одеты как все — шорты и жилеты с карманами, их тела выглядели нормальными — человеческие взрослые, худощавые, если не изможденные. Помощник наблюдал за капельницей, подключенной к руке сидящего слева. Рональда или Руби? Дэв не мог определить, кто из них мужчина, а кто женщина.

Но все это шло фоном. Дэв не мог оторвать глаз от голов этих существ: черепа раздуты, как воздушные шары, с редкими клочками темных волос

на том, что выглядело как болезненно растянутая кожа, и более-менее нормальные человеческие лица, непропорционально маленькие на таких головах.

Как только диковинная процессия вошла в зал, Дэв заметил молодую Следующую нормальных пропорций, которая стояла рядом с носилками, но не помогала их нести. Ее лицо не выражало никаких эмоций.

С величайшей осторожностью Рональда и Руби поставили перед экраном, лицом к собравшимся. Одно из этих существ, похоже, женщина, Руби, оперлась о руку сопровождающей девушки.

Роберта прошептала почти с благоговением:

— Девушка с ними — Индра Ньютон. Она кузина самого Стэна Берга и во всех отношениях лучшая среди нас. Предположительно, самая умная в новом поколении, возможно, умнейшая после самого Стэна и основной толкователь леденцов.

Дэв не мог отвести от них глаз.

— Леденцов?

— Боже, — пробормотала Ли. — Что это?

— Один из наших экспериментов, — ответила Роберта. — Попытка обойти наследие и ограничения нашей человеческой природы. В этом случае речь идет о том, что размер черепа ограничивает

рост и развитие мозга. Это новый вид, у которого плод способен переходить из матки, минуя родовые пути.

— Я слышал о таком в дикой природе, — сказал Дэв. — В отчетах Джошуа Валиенте о его первой экспедиции в Верхние Меггеры. Где-то в Кукурузном поясе есть вид эльфов, которые практикуют такой трюк.

— Оттуда мы и почерпнули идею, — подтвердила Роберта. — Согласно Валиенте, именно Салли Линдси назвала их «леденцами». Мы нашли их, выделили соответствующий генный комплекс. Эти существа никак не пользуются своими увеличенными лобными долями. Возможно, со временем мы… Рональд и Руби уже во многих отношениях существенно умнее наших лучших ученых. Им еще не исполнилось и двадцати. Они стали чем-то вроде арбитров в диспутах — как сейчас, например. В этом эксперимент сработал… И сейчас именно Рональду и Руби принадлежит основная заслуга в переложении инопланетного видения на язык конструирования. Думаю, они готовы говорить.

— Уже?

— Их уже ввели в курс дела по Приглашению. У Стеллы не заняло много времени изложить

им вкратце заключения по прошедшему заседанию…

— Приветствуем.

Дэв вздрогнул, осознав, что леденцы смотрят на него с Ли. Тот, что слева, заговорил. Единственное слово, произнесенное слабым голосом, голосом дряхлого старика, а не юноши. Но это было слово на английском. А это что, улыбка на искаженном лице?

— Приветствуем наших гостей, — сказал леденец. — Дэв Биланюк, Ли Малоун. Вы должны услышать решение, ибо оно повлияет на вас и ваши семьи. Меня зовут Руби. Это Рональд. Как сказали бы вы, это не основная наша работа. Я зарабатываю на жизнь, танцуя в профессиональном балете, а Рональд футбольный квотербек.

Дэв недоверчиво уставился на нее. Шутка? Ли нервно засмеялась.

— Теперь о насущном вопросе. Вы должны знать, что наука Следующих уже сильно отличается от человеческой…

— И даже очень, — добавил Рональд. Его голос был таким же слабым, но чуть более глубоким. — Грубо говоря, мы вернулись к Лейбницу, который спорил с Ньютоном, и снова начали с этой точки. В смысле, говорим о школьных ошибках!

Стелла Велч кашлянула.

Руби улыбнулась.

— Извините. Наша собственная наука еще развивается, и нам самим не помешает смирение, как и предостерегал нас Стэн Берг.

— Мы, Следующие, в науке, точнее в философии, ориентируемся на правило Трех Больших Пальцев Стэна Берга. Он завещал нам быть смиренными перед лицом Вселенной. Такими мы и будем в данном случае. Мы должны с благодарностью принимать это видение от Галактики. Действуя осмотрительно, мы не будем заносчиво полагать, что настолько превосходящая нас раса ищет нашего уничтожения. Они сказали: «Присоединяйтесь к нам». У нас нет причин считать это Приглашение обманом.

Постигайте, говорил Берг. Мы должны объять Вселенную во всей ее полноте, и если восприятие этого Мыслителя, этой машины с небес представляет лучшее окно во Вселенную, чем наши собственные органы чувств и приборы, опять же, мы должны принять этот дар.

И Берг говорил: «Творите добро». Нам нужна ваша помощь в этом начинании. Но мы удостоверимся, что вы предоставите помощь со своего полного согласия, что с вами будут поступать

этично и ваша безопасность будет стоять во главе угла. Мы лично предпримем необходимые шаги, чтобы удостовериться в этом.

Дэву стало любопытно, что это за «необходимые шаги».

Рональд пошевелился и поднял тонкую, как тростинка, руку.

— Я понимаю, что это будет не только ваше решение; никто не говорит за все человечество. Тем не менее мы оценим вашу ответную реакцию. Вы согласны с нашими заключениями?

Ли и Дэв обменялись взглядами. Дэв чувствовал на себе взгляд Индры Ньютон, непонимающий, словно она озадачена их присутствием.

Ли поморщилась.

— Это все слова. В конце концов они могут выкинуть что угодно.

Дэв принужденно усмехнулся.

— Может быть. Но я всегда с оптимизмом смотрел на контакт. Наверное, поэтому стал работать в Дыре. Давайте строить эту штуковину. Когда приступим?

* * *

— Скажите мне вот что, — обратилась Ли к Роберте и Стелле, когда собравшиеся начали

расходиться. — Вы говорили про подготовку человечества. Что это за медиавирусы?

— Байки, — ответила Роберта. — Переходящие из уст в уста. Как еще можно передать послание человечеству, разбросанному по Долгой Земле? Байки: идеи, которые как вирусы внедряются в ваше доверчивое воображение.

— Какие еще байки? — с нажимом спросила Ли.

Роберта улыбнулась.

— Такие, как байка о Западе-314159.

Глава 18

Оказалось, что, как и встреча с леденцами, это был еще один случай из Того Самого Путешествия — первой экспедиции Джошуа Валиенте в глубины Долгой Земли в компании Лобсанга целых сорок лет назад. Случай, никогда полностью не упоминавшийся в отчетах, небылица, которую воскресили, переиначили и шепотом передавали из уст в уста по всей Долгой Земле ради цели Следующих…

Это произошло примерно на второй неделе Того Самого Путешествия, уже после знаменательной, хоть и беспокойной встречи Джошуа с леденцами, неожиданным новым видом человекообразных.

Однажды утром Джошуа проснулся и понял, что твен перестал переходить. Они находились в западной части миров, которые позднее назовут Кукурузным поясом, на Западе-314159.

Усталость Джошуа объясняла, почему он не заметил остановки. А когда он выглянул в иллюминатор, то сразу понял, почему Лобсанг задержался именно в этом мире.

Мир, похожий на мяч для боулинга, абсолютно гладкий, под безоблачным синим небом.

— Джокер, — сказал Джошуа. — Мы уже видели такие.

— Совершенно верно. — Лобсанг взглянул на планшет. — Последним был Запад-115572. Думаю, на этот раз нам обоим нужно взглянуть.

— Нам, Лобсанг?

— Мне позволено немного любопытства. — Он улыбнулся. — Не беспокойся, Джошуа, я уверен, что в твоих руках я в безопасности…

* * *

Они стояли посреди пустоты.

Нет. Не совсем.

Джошуа отпустил свисающую с дирижабля лестницу и осторожно шагнул вперед. Он стоял на плоской, однообразной поверхности нежно-голубого цвета. Небо над головой — абстрактный белый купол. Джошуа сделал еще шаг, развернулся. Куда ни глянь, во все стороны до подернутого дымкой горизонта тянулась пустая равнина. Больше похоже на искусственный объект, а не на мир. Абстракция, к тому же перевернутая: сверху белая, а снизу небесно-голубая.

И в центре ее стояли два грязных человека,

или один человек и симуляция. Теперь Джошуа видел, что они не отбрасывают тени. Свет был рассеянным, это пустое небо освещало землю, хотя как знать — все могло быть наоборот.

Лобсанг выглядел таким же озадаченным. Он шагнул вперед, хлопнул в ладоши и крикнул:

— Эй!

Звук поглотился, не оставив эха.

Джошуа неуверенно огляделся.

— Лобсанг, что это такое?

— Такие миры упоминаются в отчетах, — сказал Лобсанг. — Включая этот. Путешественники называют их битками. Вид джокера. Жуткое место, которое торопишься побыстрее пройти.

— Трещина в Долгой Земле, что ли?

— Возможно. Или…

— Что?

— Это мои безумные предположения, Джошуа. Нечто вроде перекрестка. Я имею в виду, с другим Долгим миром. Как будто два ожерелья пересекаются в одном месте.

Историки отметят в этой фразе удивительную прозорливость Лобсанга, учитывая, что на тот момент парочка еще не повстречалась с Салли Линдси, королевой слабых мест. Опять же, степень знаний Лобсанга всегда оставалась за-

гадкой.

— Два мира пересекаются…

— Миры каким-то образом сливаются, — продолжал Лобсанг. — Смешиваются. Пока не остается вот это. Абстракция. Остается только общее, самые основные свойства. — Он подпрыгнул на пару дюймов. — Гравитация. Значит, этот мир обладает массой. Размер. Мы можем измерить расстояние до горизонта, если дадим себе труд. Похоже на математическую модель, а не на мир. Набор чисел без подробностей.

— Или на имитацию в компьютерной игре.

Лобсанг вздохнул.

— Джошуа, я сам похож на имитацию в компьютерной игре.

— Тогда откуда свет, голубая поверхность?

Лобсанг внимательно посмотрел вокруг.

— Это как материя, из которой состоит все остальное. Свет, который сияет за реальностью, придавая ей плотность… Не смотри на меня так, Джошуа. Ты должен помнить, что мои мыслительные способности превосходят твои, моя скорость обработки данных на несколько порядков быстрее. У меня много времени на размышления. Даже пока люди вроде тебя говорят.

— Справедливо.

— И я размышляю о природе Долгой Земли. Даже о мирах Платона и…

— И потом ты куришь еще?

Лобсанг ничего не ответил.

— Идем. Мы его записали, поехали дальше.

Джошуа потянулся к лестнице на дирижабль.

Но Лобсанг стоял чуть поодаль и всматривался в воздух.

— Джошуа, взгляни.

Они походили на дождевые капли. Частицы тумана. Идеально сферические капли воды неподвижно висели в воздухе вокруг Лобсанга.

* * *

В ретроспективе 2030 год, когда Джошуа отправился в экспедицию с Лобсангом, оказался для него весьма хорошим. Тогда он даже стал знаменитым.

2070-й складывался совсем по-другому.

Глава 19

Джошуа пребывал в плену ночного кошмара.

Он лежал на земле.

Во рту кровь, под щекой грязь.

Его переворачивали на спину, отчего ногу накрывала новая волна боли. С ним обращались как слабоумный ребенок с куклой, таская за руки и ноги. Когда он слабо сопротивлялся, его прижимали к земле.

Сквозь кровавую пелену проглядывали громадные фигуры, покрытые черной шерстью. И все это смешивалось с мучительной болью.

Отключка. Пробуждение. Опять отключка.

Это повторялось снова и снова. Кошмар растянулся на дни.

* * *

Джошуа приходил в себя медленно, постепенно.

Он лежал и не сопротивлялся. Разве у него был выбор?

Он вспоминал пазлы, которые доставал из глубин старых шкафов в Приюте. Потертые старые

реликвии в порванных коробках, изображающие сцены из мира, который исчез задолго до его рождения: всадники на Диком Западе, меркурианские космонавты в серебристых скафандрах. Утраченные мечты. Занимаясь пазлами в одиночку, он порой целыми часами дотошно раскладывал фрагменты по категориям: уголки, края, кусочки неба или моря, или серебристого скафандра, края с небом, морем или скафандровым серебром… Просто надо запастись терпением, по одному кусочку зараз, и медленно, шаг за шагом появляется картинка. Чем больше картинки сложишь, тем больше еще остается.

Серебристые скафандры. Интересно, почему он о них думает.

Было темно, а потом светло. Дни проходили один за другим.

В этом мире скоро наступит осень, подумал он, как и во всех мирах Долгой Земли. Скоро дни будут все короче и холоднее. Сейчас он ничего не мог с этим поделать. Только терпеть.

Постоянной спутницей была тупая боль в ноге, и его беспокоило состояние перелома.

Как и штаны, порванные в клочья. Он всегда был паршивым портным. Он чуть не рассмеялся, но в груди болело.

* * *

Небо над головой стало первым сошедшимся кусочком пазла. Голубое небо с редкими облаками. И воздух холоднее, чем он помнил. Уже настолько близка осень? Сколько он здесь пролежал?

Он ощущал запах земли, густой животный аромат троллей, слышал журчание воды. Никаких признаков людей, даже дыма костров. Он по-прежнему в Верхних Меггерах. Значит, никто не пришел, никто его не отыскал. Он даже не знал, находится ли еще в том мире, где обустроил лагерь…

Над ним склонилось лицо тролля, возникшее словно из ниоткуда. Джошуа дернулся назад.

Тролль, вздрогнув, тоже отшатнулся, но только затем, чтобы вернуться более осторожно, с любопытством. Это было молодое животное, очень юное, детеныш. Округлое лицо покрывала маска густой черной шерсти, черты лица были детскими, почти человеческими, если не считать бороды. Определенно, он совсем не был похож на того более старого тролля, который спас его, когда…

Когда его свалил слоненок в маске штурмовика

из «Звездных войн». Он теперь вспомнил. И слониху, которая неосторожно наступила на него.

— Ух!

Тролль опять подскочил к нему. Беспомощно лежащий на земле Джошуа отполз от быстрого, целеустремленного порыва этого мощного молодого животного — тролль ведь был животным. Джошуа заставил себя не переходить. Он должен верить в то, что здесь ему лучше, чем где-нибудь в другом месте. Кроме того, тролли могут просто перейти за ним.

Неожиданно его взяла за затылок рука, сильная волосатая лапа, и приподняла ему голову. Перед лицом появилась другая рука, сложенная чашкой, с водой в ладони. Джошуа рефлекторно открыл рот, и вода, холодная вода с песком попала в него, ее было больше, чем он ожидал. Он поперхнулся, но заставил себя проглотить.

Затем его отпустили, он упал с глухим стуком, и по истерзанному телу прокатилась волна боли.

— Ух!

В поле его зрения проковылял взрослый тролль и исчез из виду.

Пока Джошуа лежал, пытаясь отдышаться, он почувствовал присутствие других троллей. Разумеется, здесь будут еще тролли. Молодняк вроде

того детеныша нельзя оставлять без присмотра. Теперь он слышал, как двигаются их массивные тела, кожистые ступни скребут землю, слышал обрывки песен, словно проба голоса в опере на клингонском.

— Ну, — проговорил он. Собственный голос показался ему хриплым, рот ощущал всю паравенерианскую сухость. — Мне не помешает еще глоток.

Словно в ответ над ним склонился другой тролль. Это был взрослый, крупный, не старый самец, не Санчо. Самец с любопытством заглянул в глаза Джошуа и довольно больно ткнул в щеку.

— Ой!

— Ух!

Он приподнял Джошуа, на этот раз осторожнее, и устроил полусидя. Джошуа заметил за спиной самца молодого тролля и самку, которая смотрела с чем-то вроде любопытства, если не интереса в глазах. Рядом с ней стоял еще один детеныш, как показалось Джошуа, тоже самка, хотя из-за черной шерсти было трудно определить пол даже у взрослых. Малышка вцепилась в ногу взрослой, словно от застенчивости. Наверное, это семья. Джошуа знал, что в дикой природе тролли придерживаются моногамии, небольшие семьи

объединяются в племя из нескольких дюжин и даже больше особей. Насколько ему было известно, никто не знал, являются ли взрослые самцы в каждой «семье» на самом деле биологическими отцами отпрыскам, о которых заботятся.

Задний фон был невзрачным: пыльная равнина, небольшая роща с ягодными кустами по краям, звук, похожий на журчание текущего невдалеке ручья. Добрый край, если ты тролль. Джошуа по-прежнему мог находиться в мире, где строил лагерь, или где-нибудь поблизости.

Бац! Без предупреждения ему в рот засунули еду — кусок окровавленного мяса, какой-то овощ. Взрослый самец кормил его грубо, так что Джошуа казалось, что его бьют. Внезапно ему так наполнили рот, что он боялся подавиться.

Он поднял руку, ему удалось вытащить изо рта кусок пищи. Он уронил мясо на землю — насколько он знал, это могла быть сырая слонина. Затем, более осторожно, взял овощи, разломанный корнеплод, похожий на сырой картофель, что-то зеленое и спутанное, еще что-то мягкое и красное — какой-то фрукт. Начав жевать корнеплод, Джошуа ощутил дикий голод.

— Салат очень неплох.

Поддерживающий его крупный самец попы-

тался запихнуть ему в рот еще еды. Но Джошуа остановил его жестом и вместо этого сам взял у него приемлемый по размерам кусок.

Самка с двумя детенышами подобралась ближе, не сводя с него глаз. Боковым зрением он заметил группу побольше — еще тролли, с любопытством наблюдающие. До него дошло, что, наверное, они никогда не видели такого старого человека.

— Большое спасибо, — проговорил он с набитым ртом. — Не знаю, как я сюда попал. Наверное, меня притащил к вам мой приятель Санчо, что-то я его нигде не вижу… — Он вздохнул. — Что-то мне подсказывает, что я буду докучать вам еще какое-то время. И я не могу называть вас «крупный самец» или «детеныш-неопределенного-пола». Ты Патрик. — Он показал на взрослого. — Ты, мать, будешь Салли. Я когда-то знал одну Салли… Мальчик — Мэтт, девочка — Лиз. Черт, где я выкопал все эти имена? — Он покачал головой и ударил себя в грудь. — А я Джошуа Валиенте. Поищите меня в долгом зове.

Затем, набравшись смелости, он впервые посмотрел на поврежденную ногу. К его огромному облегчению, она выглядела прямой, более-менее. Однако штаны были порваны еще сильнее, чем он помнил. Разумеется, на ногу не наложили

шину, не перевязали, а судя по волнам боли, когда он двигался, ему не дали ничего похожего на обезболивающее.

Но если он вылечит ногу достаточно, чтобы стоять без посторонней помощи — и если не умрет, — то появится реальная возможность перейти в какой-нибудь обитаемый мир. В Вальгалле или на Ближних Землях он сможет исправить все хирургическим путем.

Если.

Он посмотрел в лица наблюдающих троллей. Патрик озадаченно поморщился.

— О, мне бы троллий зов. Подозреваю, вы спасли мне жизнь. Спасибо.

Вдруг желудок скрутило волной тошноты. Несмотря на боль в ноге, Джошуа откатился от Патрика, взрослого самца. Его мучительно вырвало недожеванной едой.

Потом снова сел, поддерживаемый Патриком. Тело, голова пульсировали жаром.

— Дерьмо. В рану попала инфекция. Неудивительно.

За спиной Салли он мельком увидел на земле серебро скафандра.

Он прищурился, напрягая немолодые глаза, пытаясь рассмотреть получше. Попробовал вы-

прямиться. Серебро оказалось спасательным одеялом. Оно валялось на земле рядом с остальным снаряжением: рюкзак, плащ, аэрогелевый матрас, спальный мешок, поблескивали его ножи. Похоже, у Санчо хватило сообразительности опустошить лагерь и принести вещи сюда. Шансы на выживание только что стремительно возросли.

— Санчо, ты мой герой.

— А?

— И серебристый скафандр! Я знал, что должна быть причина, почему он так ко мне привязался. Наверное, заметил это в полусне краем глаза. Патрик. Помоги. Пожалуйста, принеси все эти вещи…

Чтобы донести до тролля это сообщение, понадобилось несколько нетерпеливых знаков на языке жестов. Первым, до кого дошло, оказался детеныш Мэтт, и вскоре вся семья сообща перетаскивала пожитки. Изготовленные людьми предметы казались такими крошечными в их огромных ручищах.

К этому времени у Джошуа начала кружиться голова, его тошнило, мучила жажда. Он попытался определить, что ему нужно сделать в первую очередь до того, как он потеряет сознание. Сна-

чала он накрыл все снаряжение спасательным одеялом, чтобы уберечь от непогоды. Затем вытащил из рюкзака маленький радиоприемник, положил на солнце для зарядки и принялся передавать на коротких волнах просьбу о помощи. Если посчастливится и кто-нибудь попадет в этот мир, его должны услышать. Если будут слушать радио, в отличие от большинства нынешних стригалей, и если озаботятся откликнуться на призыв. Шансов мало, но это лучше, чем ничего.

Затем он нашел антибиотики и проглотил их, не запивая.

Он почти закончил. Так тяжело было сосредоточиться. Но оставалось еще одно важное дело, которое необходимо было сделать, прежде чем Джошуа поглотит темнота.

Патрик и Мэтт, отец и сын, все еще были здесь и с любопытством ковырялись в груде снаряжения. Джошуа схватил их за руки и заставил посмотреть на него.

— Нужно починить мою ногу. Если я буду ворочаться, могу снова сломать проклятую кость. А с шиной гораздо больше шансов на то, что нога исцелится и останется прямой. — Он порылся в мешке. — У меня есть эластичный бинт. Я покажу, что делать. Но сначала принесите планки.

Дощечки. Прямые ветки…

Он бормотал, а они таращились на него с полным непониманием. Он принялся объяснять жестами. Подобрал с земли пару веточек, прижал к ноге и показал на рощу.

И опять Мэтт понял первым. Интересно, он уже контактировал с людьми?

Казалось, прошла целая вечность, пока они нашли несколько подходящих веток. Джошуа проглотил таблетку стимулятора, чтобы еще немного продержаться в сознании. Подумал, не пожертвовать ли драгоценной ампулой морфина, но решил, что не стоит. До сих пор выживал без него и еще неизвестно, что случится, прежде чем он отсюда выберется…

Когда Патрик принялся туго обматывать повязку вокруг сломанной ноги, боль накатила невыносимая, даже по сравнению с той, что была раньше. Не только из-за нечеловеческой силы тролля, но и из-за его неосторожности. Джошуа знал, что Патрик старается как может. Он с трудом сел и стал пробовать повязку, не слишком ли она тугая, иначе нога может онеметь и начнется гангрена.

Наконец он лег на спину и выплюнул деревяшку, которую сжимал зубами.

— Да, это моя вина, Агнес! Ты меня предупреждала. — Слова перешли в крик, когда Патрик изо всей силы дернул повязку. — Я сам нарвался. Я сам виноват. Только прекрати! Прекрати!..

Глава 20

Летом 2070 года, когда Джошуа пребывал в творческом отпуске, который обернулся катастрофой, а Дэв Биланюк и Ли Малоун заглянули в будущее человечества на Ферме, Нельсон Азикиве предпринял собственное длительное путешествие. Длительное путешествие по последовательным мирам, несмотря на неприятные ощущения от самого процесса перехода. Но для Нельсона оно того стоило. Потому что он отправился на поиски внука, о существовании которого только что узнал.

Несмотря на старческое зрение, Нельсон одним из первых заметил шторм, приближавшийся к этому живому острову, транспортеру.

Он сидел на мягком светлом песке северного пляжа, или скорее, на покрытом песком боку, который похожее на остров существо этим утром решило подставить низкому солнцу. Транспортер, которого Лобсанг, его первооткрыватель, во время первого визита Нельсона тридцать лет назад назвал Второе Лицо Единственное Число, всегда находился в движении, реагируя на тече-

ния и ветра, на смену сезонов — всегда в пути, преследуя собственные цели.

Перед Нельсоном раскинулось море. Небольшие волны ласкали берег, дальше поверхность насыщенного синего цвета оставалась ровной и безмятежной, во всяком случае пока. Тасманово море. Где-то восточнее располагалась Новая Зеландия, вернее, необитаемая версия островной группы, носящей такое имя на Базовой. Этот же приятный мир находился в семистах тысячах переходов на запад от Базовой Земли.

А над островом, терпеливо удерживаемый в заданной точке бортовым компьютером, висел небольшой двухместный твен, который и доставил сюда Нельсона. Глянцевый, сверкающий панелями солнечных батарей твен служил напоминанием о том, что Нельсон здесь чужой, что его дом далеко-далеко, на другом конце планеты и за много переходов по загадочной цепи миров Долгой Земли. Но пока он сидел здесь, на этом пляже, который не был пляжем, со своим сыном Сэмом. С сыном, о существовании которого узнал всего несколько месяцев назад.

Сэму, почти такому же темнокожему, как и его отец, было двадцать девять лет. Обнаженный по пояс, похожий на атлета, он прищурившись

смотрел вверх.

— Твой корабль движется. Знает, шторм идти.

Он показал на север.

— Шторм идет… — поправил Нельсон. — Неважно.

Прибыв на остров, Нельсон узнал, что мама Сэма, островитянка Касси, всегда говорила сыну, что его отец не один из островитян, а «умный красавчик», который прилетел много лет назад и только раз пошел с ней в джунгли… Касси сделала все возможное, учитывая доступные ей ограниченные ресурсы, чтобы дать Сэму достаточное образование, чтобы он смог общаться с отцом, когда Нельсон вернется, поскольку всегда в это верила. Она хорошо поработала, и не Нельсону придираться к грамматике молодого мужчины. Кроме того, родным языком Сэма был вполне приличный креольский, в котором преобладал английский, но вплеталось множество других языков. Это Нельсон виноват, что не может говорить на местном языке, а не наоборот.

Теперь Сэм показывал на север, водя пальцем вдоль горизонта.

— Видишь? Черное пятно.

— Оно кажется таким далеким. Безобидным.

— Далеко, не безобидное, скоро здесь. Небесный

корабль поворачивается носом к ветру?

— Если придется, он полетит над грозовым фронтом… Нам нужно укрыться?

— О, остров присматривает за нами, не беспокойся.

И Сэм говорил это в прямом смысле. Сидящему на естественном на вид пляже Нельсону остров казался таким же твердым, как его геологические аналоги. Невозможно было поверить, что это вовсе не остров, не безжизненный выступ кораллов или скалы, а живое существо, явно до некоторой степени разумное и способное заботиться о грузе из живых созданий на своей спине, включая поколения людей. Но стоило пробыть здесь всего несколько дней, чтобы в этом убедиться.

Он снова задумался. Сэм терпеливо смотрел на него.

— Извини, Сэм. Замечтался.

— Покажу тебе.

— Да?

Сэм сунул руку в карман штанов — старых джинсов, давно выцветших до бело-голубого цвета, — достал маленькую статуэтку и передал ее Нельсону.

Нельсон аккуратно взял ее, повернул. Стройное тело, вырезанное из слоновой кости. Что ж, на

острове обитали карликовые слоны, даже мамонты, и когда они умирали, то оставляли достаточно костей для подобных изделий. Руки и ноги были просто схематичными росчерками, а вот лицо было прорисовано более подробно. И на волосах пятнышко какого-то красного пигмента.

Нельсона охватило тепло узнавания.

— Касси. И она улыбается.

— Да.

— Я помню, она всегда носила в волосах алые цветы. — Нельсон словно вернулся в свой рабочий кабинет, когда аватар Лобсанга впервые сообщил ему о далекой семье. Он подумал, что уже очень стар, и вдруг переживает самый яркий эмоциональный опыт в жизни. — Знаешь, я этого не хотел.

Он взглянул на Сэма. Ему было ужасно неловко обсуждать с сыном вопросы его зачатия.

— Мама говорила, она хотела. Как только ты появился…

— Да-да, хорошо. Меня подталкивали еще и с другой стороны.

— Твой друг Лобсанг? Я знаю историю.

— Он самый. Дал понять, что это чуть ли не мой долг. Оплодотворить кого-нибудь в качестве взноса в генофонд островитян. Ха! Что ж, в конце

концов… Это была любовь, Сэм. Хоть и короткая, на один миг. Можешь в это поверить?

— Мама так говорила, всегда.

— Несмотря на болтовню Лобсанга про генофонды, я почему-то никогда не думал, что из этого что-то получится. Что она на самом деле забеременеет. Что можешь родиться ты. Не говоря уже о маленьком Трое! Это просто за пределами моего воображения. Полагаю, виной тому полжизни в лоне англиканской церкви. Если бы я знал, я бы вернулся.

— Нет. — Сэм забрал костяную статуэтку и теперь нежно сжимал ее в руках. — Мама знала. Твоя жизнь далеко отсюда. Я был подарком от тебя, говорила она, а позже малыш Трой. Отец, когда люди здесь умирают, их не хоронят, как в Англии. — Он произнес немного неправильно — «Эн-глии», но Нельсон не стал его поправлять. — Мы приходим из острова. Мы возвращаемся в остров. Камеры, полные живых существ, зеленых и розовых, где мы лежим мертвые.

Нельсон представил себе резервуары с жизнью глубоко в теле острова, в которых растворяются трупы его пассажиров, да, людей, и, предположительно, других животных, населяющих его поверхность.

— Это кажется уместным, — мягко сказал он.

— Мы ничего не храним после мертвых, — сказал Сэм. — Не так, как ты говоришь. Ни праха. Ни камней на острове — смоет водой! Вместо этого у нас памятки. В камере глубоко внутри острова. — Он опустил глаза на маленькую статуэтку. — Это ее.

— Я бы хотел посмотреть. — Этот путешествующий остров бороздил последовательные океаны по меньшей мере несколько веков. Камера мертвых должна быть забита маленькими статуэтками вроде этой, рядами схематичных фигурок и улыбающихся лиц, самые древние проглядывают из глубины веков. — Знаешь, я был значительно старше твоей матери. Я не ожидал, что переживу ее.

— Она умерла в сорок семь. Хороший возраст! Старые уходят улыбаясь, освобождая место для детей.

— Как малыш Трой.

— Как Трой. — Сэм взял отца за руку, его сильные коричневые пальцы сомкнулись вокруг грубой, покрытой старческими пятнами кожи Нельсона. — Моя мама увидела внука, счастливого и здорового. Чего еще желать?

В этот миг раздался низкий, раскатистый гул.

Как будто тысяча монахов начали молиться басом. Звук шел словно изнутри острова.

— Что это?

Сэм встал и аккуратно убрал статуэтку Касси обратно в карман.

— Остров зовет. Идем.

Нельсон встал, после долгого сидения на песке тело затекло. Гул продолжался, и Нельсон подумал, что ощущает его ступнями, что сама поверхность острова вибрирует. Шторм теперь выглядел скоплением черных туч, сгущавшихся в небе, самые верхние стремительно двигались. Скоро они закроют солнце. Нельсон, моргнув, посмотрел на небо в поисках твена, но тот уже скрылся из вида.

Сэм снова взял Нельсона за руку, и они медленно пошли по пляжу.

Огромные люки уже открывались. Диски с неровными краями крепились к исполинским мышцам, как у гигантских устриц или ракушек, пластины хитинового панциря, лежавшего под слоем камней, земли и живых существ. В открывшихся люках Нельсон видел примитивные пандусы, ведущие вниз, в камеры, где мягко сиял темно-синий подводный свет.

И со всех концов острова шли люди: мужчины,

женщины и дети — самых маленьких несли на руках, — совсем немного пожилых и ни одного старика возраста Нельсона. Все они спокойно спускались по пандусам внутрь острова. Никто не выказывал страха или паники. Взрослые, ступая в сумрак, переговаривались между собой. Дети с криками носились между ними, их голоса эхом отдавались в просторных внутренних камерах. Люди казались счастливыми, с восторгом принимая перерыв в привычном порядке вещей.

Нельсон покачал головой.

— Они как будто на рождественской распродаже. Вернее, на одной из тех рождественских распродаж, какие были до…

— Что, отец?

— Неважно.

— Спускаемся по пандусу, пока не пришли животные. И шторм…

Над головой тучи закрыли солнце, внезапно стемнело и заметно похолодало. Нельсон услышал пронзительный трубный звук. Мамонты идут! Его охватила глубокая внутренняя дрожь.

Он позволил сыну отвести себя вниз по пандусу.

Глава 21

— Помедленнее, Трой! Я уже не так молод…

Но этот худой, гибкий десятилетка в одной набедренной повязке был сгустком энергии.

— Иди сюда, дедушка! Иди смотреть, как лошади крутят слонов!

Держа Нельсона за руку, он пытался затащить его дальше во внутренности транспортера.

— Трой, бережнее с дедушкой!

Мать Троя звали Люсиль. Насколько знал Нельсон, она была постоянной партнершей Сэма. В глубине души он был рад, что мальчик растет хотя бы в подобии нормальной семьи, знает своих отца и мать. Не то чтобы Нельсон имел предубеждение насчет таких вещей. И вообще, когда он впервые посетил остров с Лобсангом, ему пришло в голову, что в такой маленькой общине отношения неизбежно становились гибкими, с прагматичными нравственными суждениями.

Люсиль, невысокая и хорошенькая, негромко журила сына:

— А теперь вниз-вниз, тихо! Посмотри на других детей. Вот крошка Молл, Росита, Паркер

— хорошие дети, вниз-вниз…

Они находились в помещении очень органического вида, с гладкими, изогнутыми, замкнутыми стенами, переходящими — нет, вырастающими в замысловатые формы. Словно ты внутри огромной морской раковины. Нельсон был крупным мужчиной, гораздо выше низкорослых островитян. Ему пришлось пригнуться, чтобы не стукнуться головой. Но помещение было на удивление просторным.

А свет, проникавший сверху через прозрачный панцирь транспортера и через толщу морской воды, был ярким, по-океански зелено-голубым. Они в самом деле погрузились.

У Нельсона мелькнула мысль о насекомых: мухах, пауках, муравьях, термитах. Трудно представить, чтобы они попарно маршировали в естественные трюмы транспортера, но эти создания необходимы для любой функционирующей экосистемы. Нельсон решил, что они нашли собственные способы пережить эти периодические погружения.

Между тем все пассажиры громадного брюха транспортера были в безопасности. Нельсон оглядел помещение: люди бродили, сидели на одеялах, негромко разговаривали. Когда-то он

работал инженером, разрабатывал программное обеспечение, и теперь пытался размышлять в этом ключе. Как работает транспортер? Этот сухой, наполненный воздухом отсек должен служить камерой плавучести и одновременно надежным убежищем для обитателей — животных и людей. Воздух был достаточно свежим, хотя и странно солоноватым, с органическими нотами — возможно, морских водорослей. Интересно, на сколько хватит воздуха. Наверное, надолго. Остров в милю длиной должен изобиловать такими воздушными камерами, чтобы вообще держаться на плаву. А может, у транспортера есть какой-то изощренный способ пополнять запасы воздуха.

Внук, похоже, вознамерился провести экскурсию по некоторым из этих камер.

— О, Трой, оставь в покое бедного дедушку!

— Все в порядке, — сказал Нельсон, понизив голос до уровня, которого, похоже, все придерживались здесь, под водой, внизу-внизу. — Я рад возможности увидеть все это. Не беспокойтесь, я не позволю ему измотать меня.

— Ну, хорошо. Только разок. Не наступи на хороших мальчиков и девочек, которые спят как полагается.

— Не буду. Дедушка, идем…

* * *

Они осторожно прошли по неровному полу камеры, с улыбками и извинениями перешагивая через людей. Как и сказала Люсиль, люди здесь по привычке располагались небольшими семейными группами — сидели, лежали, тихо разговаривали. Некоторые дети спали, свернувшись рядом друг с другом или около родителей. Другие играли в спокойные игры ракушками, бусинами и картами, нацарапанными на листах из чего-то, похожего на кору эвкалипта.

— Разумно, — прошептал Нельсон Трою.

— Что, дедушка?

— Сидеть смирно и спать. Так воздух не тратится зря.

Трой выглядел озадаченным, и Нельсону понравилось, что мальчик пытается понять замечание, а не пропускает мимо ушей и не спорит.

Нельсон предположил, что здесь собралась большая часть населения острова. В сумраке их было трудно сосчитать, но, по его приблизительной оценке, людей тут было около сотни. Меньше быть просто не могло, чтобы генетическое разнообразие популяции оставалось стабильным на протяжении поколений. Разнообразию помогало

периодическое вливание посторонних генов, вроде его собственных, с некоторым смущением отметил он.

С другой стороны, для большего количества здесь мало места. Насколько Нельсон мог судить, островитяне практиковали воздержание, секс без проникновения, прерванный акт и, похоже, у них были различные контрацептивы из островной флоры. Конечно, ни один из этих методов не был безотказным, но в целом местным удавалось поддерживать разумный баланс своей численности. Нельсону стало интересно (но он не спрашивал): не научились ли они поддерживать свою численность на низком уровне на собственном горьком опыте в результате всплеска рождаемости и недостатка пищи в прошлом. Определенно, помогает короткая ожидаемая продолжительность жизни, как отметил Сэм: старики вежливо исчезают, оставляя место молодым.

Нельсон в потемках споткнулся о чью-то ногу. Он опять замечтался.

— Дедушка! Осторожнее!

— Прости, Трой. Веди, а я буду смотреть под ноги.

Трой повел Нельсона, все время немного спеша, вверх и вниз по спускам и по коротким коридо-

рам. Они прошли через другие камеры, многие просторные, как та большая общая спальня, но большинство пустые. Все были органические — гладкие стены, изгибы, никаких углов у пола и потолка. Из одной камеры в другую вели короткие коридоры, похожие на расположенные впритык трубы. Несомненно, Нельсон пробирался внутри живого существа, которое было намного больше его. Он чувствовал себя лилипутом.

Самые близкие к верхнему панцирю камеры, просвечивающиеся и пропускающие зеленоватый свет, заполняла пенистая вода. Нельсон предположил, что здесь нашли пристанище планктон и другие организмы, пополняющие запасы кислорода во внутреннем воздухе. А наградой за кислород планктону служит защита от морских созданий, которые им питаются.

На некоторых нижних уровнях Нельсон увидел еще более странное зрелище. Открывшаяся взгляду нижняя поверхность острова оказалась покрытой огромными сложными конструкциями. Некоторые из них представляли собой большие трубы с растущими на концах зелеными шариками.

Такое устройство озадачивало Нельсона, но Трой, похоже, все об этом знал.

— Дельфины. Маленькие киты. Морские свиньи. Заплывают кормиться. Крутятся туда-сюда в трубах!

Нельсону показалось, что он это видит. Этот механизм — возможно, один из нескольких, — которым пользуется остров, когда нужно перемещаться. Он заманивает больших морских млекопитающих в эти изобилующие кормом трубы, и в обмен на еду животные плывут изо всех сил, постепенно толкая остров туда, куда он хочет.

Убежище в обмен на воздух, пища в обмен на передвижение. Очень умная сделка, думал Нельсон на ходу. Умные детали природной конструкции, как и все части этого странного симбиотического создания, действующие в гармонии, чтобы поддерживать целое.

Тем не менее он не видел ничего похожего на центральную нервную систему: ни нервных каналов, ни спинного мозга. Нельсон предположил, что Лобсанг, который знал о таких вещах гораздо больше (разумеется, Лобсанг почти обо всем знал гораздо больше, чем кто-либо), сказал бы, что Нельсон узко мыслит. Похоже, что транспортеры произошли от колониальных существ, от сообществ живых организмов. Транспортеру

необходимо мыслить, но для этого совсем не нужно ничего похожего на человеческий мозг, точнее, мозг млекопитающего. Возможно, разум транспортера возникает из сети взаимодействия сообществ живых организмов на его борту. Взять тот планктон в верхних камерах. На одном уровне каждая одноклеточная водоросль занята своими делами: питанием и размножением, в то время как на другом уровне все сообщество водорослей само по себе образует сложную сеть. Аналогично на борту транспортера карликовая лошадь, выщипывающая высокую траву, обедает, но в то же время это действие может быть «мыслью» более высокого разума.

Может быть, мультивидовое сотрудничество и совместное обитание на самом деле норма на Долгой Земле — норма для земной жизни. Даже во время пребывания на острове Нельсон наблюдал, как разные виды дельфинов плавают вместе. А в Путешествии тридцатого года Валиенте и Лобсанг даже обнаружили где-то в девятистах переходах от дома группу разных видов человекообразных — продукт иной последовательной эволюции, счастливо живущих бок о бок. Нельсон предположил, что когда-то подобные сцены можно было увидеть и на Базовой, но, к своему

величайшему позору, Homo sapiens довольно быстро избавился от всех родичей ближе шимпанзе. И, в изоляции, люди пришли к выводу, что жесткая конкуренция, даже истребление, были неизбежны. Нельсон преисполнился решимости обсудить все это с Лобсангом, когда выпадет такая возможность — если Нельсон сам переживет обратную поездку, если Лобсанг вообще вылезет из своего последнего электронного нутра…

Он услышал лошадиное ржание. Животные были близко.

Они пришли в камеру, где находились мамонты, карликовые, но все равно впечатляющие, на взгляд Нельсона. Насколько он помнил палеобиологию, это были колумбийские мамонты, обитатели низких широт, а не шерстистые виды, приспособленные к более холодным условиям. Похоже, что здесь находились самки и молодняк. Взрослые сгрудились в кучу, переплетя хоботы и мягко сталкиваясь бивнями, детеныши укрылись у них под ногами. Для питья здесь была лужа воды в углублении на полу, но никакой пищи Нельсон не увидел. Трубные голоса походили на раскаты грома.

Нельсону камера казалась большой, но, очевидно, была слишком тесной для диких животных,

особенно обитателей равнин, вроде мамонтов. Определенно гораздо меньше, чем многие вольеры в зоопарках, которые видел Нельсон. Тем не менее животные ждали освобождения так же спокойно, как и люди в общей камере. Интересно, нет ли в воздухе какого-нибудь мягкого транквилизатора, который выделяет транспортер, чтобы смирять своих обитателей, пока они находятся взаперти. На некоторых транспортерах — таких, как самый первый, открытый Джошуа и Лобсангом, в мире, расположенном гораздо дальше этого, — животные, похоже, содержались практически под наркозом. Во внутренностях создания, которое путешественники назвали Первое Лицо Единственное Число, они видели птиц, маленьких животных, даже слонов, вроде этих, погруженных в какую-то жидкость, не бодрствующих и не спящих, никогда не гуляющих и не плавающих. Возможно, у транспортеров есть множество стратегий хранения. Никто не знает.

На транспортерах были некоторые странные твари, но не настолько странные, как сами острова.

Трой шел впереди на цыпочках, Нельсон следовал за ним.

Они нашли лошадей, маленьких и лохматых. И

кого-то, похожего на вомбатов, и на броненосцев, и на ленивцев — разнородная смесь существ, многие из которых вымерли на Базовой Земле, но, по-видимому, по-прежнему процветают в этом мире и соседних. Самой близкой аналогией для Нельсона был Ноев Ковчег. Время от времени ему на глаза попадался кто-нибудь маленький — крыса или мышь, но они с Лобсангом давно пришли к выводу, что эта «коллекция» если вообще имеет какую-то цель, то стала результатом стратегии отбора животных весом примерно со взрослого человека плюс-минус один порядок величин. Мыши и крысы были здесь такими же гостями, как и Нельсон.

Он вспомнил, что они с Лобсангом могли только предполагать предназначение всего этого. Лобсанг подозревал, что транспортеры, некогда естественные создания, продукт дарвиновской эволюции, были модифицированы. Слегка перестроены для какой-то осознанной цели.

«Быть может, они коллекционеры, — размышлял Лобсанг. — Современные Дарвины или их агенты, которые собирают интересные образцы. Для чего? В научных целях? Чтобы населить какой-то гигантский зоопарк? Просто из эстетических потребностей?»

Но они беседовали на подобные темы давным-давно, и у Нельсона по-прежнему не было ответов.

Лошади ржали и суетились. Нельсон чувствовал, что транспортер и сам содрогается и покачивается. Тошнотворное и сильное ощущение, словно гуляешь во время небольшого землетрясения.

Ладошка Троя скользнула в его руку.

— Трой? Ты в порядке?

— Да. — Но в голосе мальчика не было убедительности.

— Часто он так делает? Транспортер.

— Не часто. Иногда. Обеспокоен.

— Штормом?

— Нет, не штормом.

— Тогда чем?.. Ладно, неважно. Идем. Вернемся к твоим маме с папой?

Глава 22

Через три дня после шторма Нельсон сидел в маленькой парусной шлюпке посреди спокойного моря примерно в полумиле к востоку от острова, который не был островом. Сэм и небольшой экипаж занимались привычными делами: присматривали за удочками, проверяли сети и ловушки для омаров. Рыболовство было тяжелой работой, но, как и во всем, что делали островитяне, здесь присутствовал элемент игры. Почти нагие, в ярком утреннем свете они смеялись, шутили и соревновались в том, кто сильнее затянет узел и вытянет самую большую рыбу из глубин этого далекого моря.

Даже твен Нельсона вернулся. Когда шторм стих, дирижабль снова завис над островом, словно полупрозрачная рыба в ясном теплом воздухе. Нельсон рад был снова оказаться на открытом воздухе, и, похоже, все в мире шло хорошо.

Сам Нельсон наслаждался отдыхом. На восьмом десятке он считал каждый год сносного здоровья подарком. К тому же все эти островитяне намного моложе его — вот пусть и работают. Если рыба

захочет, она сама клюнет на удочку Нельсона, а нет — так нет.

Около полудня, насколько он мог судить по положению солнца, к нему подошел Сэм. Нельсон медленно приходил в себя — видимо, задремал. Сэм установил подобие зонтика из пальмовых ветвей и достал корзину из листьев, в которой оказалась вода, сок какого-то экзотического фрукта и запеченная рыба. Нельсон с благодарностью принялся за еду, жалея только, что его притупившиеся с возрастом вкусовые рецепторы неспособны по достоинству оценить специи.

Сэм, жуя свою порцию, внимательно смотрел на отца.

— Завтра уезжаешь?

— Самое позднее — послезавтра. Визит к врачу, сынок. Когда доживешь до моих лет… Этот твен набит таблетками, которые я должен принимать.

Сэм улыбнулся.

— Оставайся. Солнце. Рыбалка. Живи с нами.

Нельсон вздохнул.

— Но я этого не заслуживаю. Я всего лишь провел здесь несколько ночей и заделал ребенка твоей бедной матери. Извини, что так грубо.

— Счастлив жить, отец. Благодарен за дар

жизни. Счастлив с Люсиль, с Троем. Счастлив, счастлив. Возвращайся, мы будем заботиться о тебе столько…

— Столько, сколько мне осталось?

— Столько, сколько хочешь.

Нельсон вздохнул.

— А я фантазировал, что заберу вас всех в Англию. Мы не придем к соглашению, да? И поэтому в итоге расстанемся. Я пойду своей дорогой, а вы — своей, это худшее решение из всех…

И в этот момент, когда он говорил об отъезде, сидя в неподвижной лодке посреди почти бесконечного моря, под идеально чистым небом, ему показалось, что он услышал, как Трой зовет его.

* * *

Впоследствии он не мог точно сказать, слышал этот зов или нет. Тем не менее позже он вспомнил, как за несколько дней до того Трой решил, что транспортер чем-то обеспокоен. Мог ли живой остров знать о грядущем?

Конечно, некоторые из присутствующих в лодке что-то почувствовали. Они сидели или стояли и, нахмурившись, оглядывали горизонт.

Затем один из юношей выпрямился и показал на запад.

— Смотрите! — тревожно воскликнул он. — Остров! Остров!

Все сидящие и стоящие в лодке повернулись в ту сторону. И Нельсон сразу же понял, почему наблюдатель так нервничал.

Транспортер, низкая темная громада посреди океана с зеленой бахромой леса в центре, исчез. Не погрузился — этот процесс всегда занимал некоторое время. Исчез, пропал. Перешел, понял потрясенный до глубины души Нельсон.

Экипаж взялся за дело с присущими юности энергичностью и решительностью. Нельсон понял, что они предвидели идущую волну. Внезапное исчезновение животного размером и формой с небольшой остров означало перемещение огромных масс воды. Рыбаки привязывали ловушки и снаряжение. Один любезный молодой человек даже обвязал пояс Нельсона веревкой для безопасности. Нельсон едва заметил это действие и рывок лодки, когда прошла большая волна. Сэм, отрезанный от семьи, со слезами на глазах выл от боли, продолжая работать.

И опустошенный, объятый ужасом, рыдающий Нельсон поднял лицо к твену, висевшему в беспокойном небе.

— Лобсанг! Если ты меня слышишь — помоги,

Лобсанг! Помоги мне вернуть Троя!

Глава 23

«Почти с самого начала деликатной кампании Следующих по подготовке человечества к участию в будущем проекте Ян Родерик знал об этой игре, даже если не мог выразить словами то, что он уловил, даже если не знал, что знает», — думала сестра Колин. Историй стало еще больше, правдивых и невероятных, целое море. Впоследствии сестра Колин узнает, что все они вносили свой вклад в комплекс мемов, связанных с Приглашением. Истории передавались из уст в уста в разобщенных поселениях людей Долгой Земли и тщательно изучались Яном Родериком, когда он на них натыкался.

Истории, как, например, — сестра Колин читала через его плечо — байка о человеке, известном как Джонни Шекспир, датированная предположительно двадцатью годами после Дня перехода.

* * *

Мистер Клиффорд Дрисколл, родившийся в Базовом Массачусетсе, был учителем английского.

Он всегда страстно любил Шекспира, но это его не оправдывает. К благу тех его учеников, которые были способны слушать и хотели учиться, эта страсть питала беспокойный, напряженный, но убедительный стиль преподавания, причем зачастую очень успешный.

В те дойеллоустонские дни начало его карьеры проходило в маленьких общественных средних школах родного Базового Массачусетса. В отличие от новых миров Долгой Земли, Шекспир вместе со всем культурным наследием цивилизации Базовой, по крайней мере, был доступен ученикам мистера Дрисколла — достаточно было коснуться клавиатуры или шепнуть в телефон. Но его не покидало ощущение, что учеников постоянно отвлекают от учебы технологические игрушки, нескончаемый фоновый шум высокотехнологичной массовой культуры Базовой, равно как и непреходящий интерес к развивающимся юным телам друг друга.

И мистер Дрисколл сам становился все более беспокойным. Старый холостяк в свои пятьдесят с хвостиком, проживший более двадцати лет в воздержании, приближающийся к последнему этапу своей карьеры перед уходом на пенсию, мистер Дрисколл сформулировал новую цель. Он

должен идти туда, где нужен. Где может принести пользу.

Окрыленный духом миссионерства, он нашел место учителя в школе, расположенной, по его мнению, в одном из колониальных миров, на Западе-3, в маленьком последовательном городке Массачусетса с быстро растущим населением и экономикой, базирующейся на лесозаготовках. Мистеру Дрисколлу это место казалось романтичным островком человеческих дерзаний в великом безмолвии всемирных лесов. Быстрый рост колонии в течение нескольких лет после Дня перехода обеспечил ему отрадно переполненные классы учеников.

Но были и проблемы.

Даже в начале 2030-х годов культура американского Запада-3 не была примитивной. Городки побольше уже связывали оптоволоконные кабели, телевидение, телефоны. Этот мир еще не был пропитан технологиями, они не так сильно отвлекали учеников. Но в их головах не оставалось места для английской литературы, не оставалось места для Шекспира. Судьбой местной молодежи была работа на лесопилках. Базовая Земля и ее тысячелетняя культура казались далекой блистательной абстракцией. На что им литература? На

что в таком мире Шекспир?

Этот вопрос становился все более существенным для мистера Дрисколла по мере того, как он больше узнавал об этой Долгой Земле, в глубины которой сделал несколько робких шагов.

Он подружился с Четом Уилсоном, слесарем-любителем, который вел очень популярные практические курсы в обширных школьных мастерских. Уилсона, уроженца сельской местности Базового Массачусетса, волновали только его приборы. Он был человеком не своего времени: по мнению мистера Дрисколла, он выглядел бы как дома под капотом первого «Форда», и если бы ему разрешили строгать целыми днями, он бы только этим и занимался. Трудно было отыскать человека, более не похожего на ревнителя культуры мистера Дрисколла. Тем не менее они нашли точки пересечения в обоюдной страсти к своим предметам и желании учить.

Однажды мистер Дрисколл невзначай поинтересовался у Уилсона, насколько далеко распространилась по Долгой Земле волна колонизации.

Чет Уилсон втянул воздух сквозь зубы и ответил:

— Надо подумать.

Спустя некоторое время он сказал:

— По правде, никому не известно. Я знаю, что есть широкий пояс возделанных миров, который начинается за сотню тысяч отсюда.

— Говоришь, сотня тысяч? — Для мистера Дрисколла это было запредельно.

— Не все Земли до него населены. Пока не все. Но ты же знаешь, как люди размножаются, у них есть все шансы.

Мистер Дрисколл был потрясен.

— Все эти Земли. Все эти дети, юные умы! Они будут уметь только рубить лес, пахать землю и добывать железную руду. Или просто бродить, собирая фрукты. А их дети вырастут, зная еще меньше. Уилсон, что станет с наследием нашей цивилизации через несколько поколений? Скажи мне! Словно тысячелетия борьбы за знания и память были просто сном… Я должен об этом подумать.

Он ушел, бормоча себе под нос.

Невозмутимый Уилсон ничего не сказал.

Двадцать четыре часа спустя мистер Дрисколл вернулся в мастерскую, с энтузиазмом приговаривая:

— Есть, Уилсон! Есть!

Уилсон пристально посмотрел на него и немно-

го отодвинулся.

— Шекспир! Вот ответ. Что представляет венец нашей цивилизации? Шекспир и его творения! Как вообще человеческий мир может называться цивилизованным, если не знает Шекспира? Вот в чем отныне моя миссия, Уилсон. Я уже подал заявление в школу. Я не задержусь здесь, тратя остаток жизни на горстку безразличных учеников. Вместо этого я принесу в Долгую Землю Шекспира! Таким образом я буду формировать грубые умы. «Зрелище — петля, чтоб заарканить совесть короля…»[5] Совесть, да, вот что это. Я дам Долгой Земле ее совесть.

— Как?

— Что — как?

— Как ты принесешь Шекспира в последовательные миры?

— Ну, я над этим еще не думал, — сотрясал воздух мистер Дрисколл. — Я могу пойти туда и рассказывать о Барде…

— Что толку из этого, если они не смогут прочитать.

— Правда. Правда. Может, бродячий театр с постановками великих пьес? Нет, нет, слишком

---

[5] Примечания: 5
Шекспир. «Гамлет» (*пер. М. Лозинского*).

сложно организовать, а я не импресарио. — Внезапно он вскочил на ноги. — О! Есть! Я буду носить экземпляры полного собрания сочинений в компактном издании. На бумаге, конечно. Уверен, на электронику в этих пограничных мирах нельзя полагаться. Одно издание на город, чтобы скопировать и раздать. Но даже так, учитывая такое множество Земель… Тогда одно на мир! Символическое действие, которое может вдохновить других подхватить мою акцию и, так сказать, буквально распространять слово Барда.

— Нужно сценическое имя.

— Что?

— Чтобы все слышали о том, что ты задумал. Что-нибудь запоминающееся.

— А! Понимаю. Псевдоним. Возможно, бродячий менестрель.

Чет Уилсон втянул воздух сквозь зубы и ответил:

— Надо подумать.

Спустя некоторое время он сказал:

— Джонни Шекспир.

— Но меня зовут не Джон. Боюсь, не понимаю…

— Как Джонни Яблочное Семечко[6]. У него яблоки, у тебя…

— Шекспир! Да! Уилсон, ты гений. Один мир зараз, точно как Яблочное Семечко бродил по Дикому Западу, я буду сеять Шекспира на каждой новой Земле. И великое древо нашей цивилизации будет расти настолько далеко, насколько шагнет нога человека или, по крайней мере, насколько смогу шагнуть я. Я должен объявить об этом прямо сейчас. Я закажу с Базовой коробку книг и начну…

— Понадобится большая коробка.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, говорят, что люди рассеялись до Запада-1000000 и еще дальше. Если хотя бы одна десятая процента этих миров заселена, тебе понадобится тысяча книг. Далеко ты пронесешь тысячу книг?

— Ну… — Мистер Дрисколл никогда не отличался практичностью. План рушился, даже не начав воплощаться. Он беспомощно сел. — Уилсон, что же мне делать?

Чет Уилсон втянул воздух сквозь зубы и ответил:

---

[6] Примечания: 6

Настоящее имя Джонатан Чепмен (1774–1845) — американец, ставший впоследствии фольклорным персонажем, миссионер. По легенде, первым начал сажать яблоки на Среднем Западе.

— Надо подумать.

* * *

На следующий день Уилсон позвал мистера Дрисколла в свою мастерскую.

— Это всего лишь опытный образец. Его нужно малость подправить. Но я считаю, он справится…

Штуковина, стоящая на верстаке, на первый взгляд показалась мистеру Дрисколлу каким-то гротескным крабом. Это была книга, полное собрание сочинений Шекспира, но она стояла на тоненьких ножках длиной всего несколько дюймов, и мистер Дрисколл заметил свисающие снизу миниатюрные манипуляторы.

— Уилсон, что это?

— Ты когда-нибудь слышал о принтере материи, Дрисколл?

Решение Уилсоном дилеммы мистера Дрисколла было по сути простым и, благодаря довольно развитой индустрии принтеров материи, незамысловатым на практике. Это было полное собрание сочинений Шекспира, способное воспроизводить само себя.

— Ты приходишь в какой-нибудь новый мир. Ставишь этого паренька на землю в лесу, и он

работает, пока ты сидишь себе и раскуриваешь трубку.

— Но я не курю, Уилсон.

— Курить необязательно. Дело вот в чем. — Уилсон изобразил пальцами бегущие ножки. — Он подскакивает к какому-нибудь дереву — сгодится упавший ствол, даже поросль. И начинает пережевывать древесину в целлюлозу, чтобы изготовить бумагу, затем находит чернильный орешек или что-то подобное, чтобы сделать чернила. И потом, страница за страницей…

До мистера Дрисколла дошло.

— Выскакивает Шекспир.

— Именно. У него уйдет день или около того, чтобы выплюнуть копию себя.

Уилсон производил на мистера Дрисколла впечатление человека, которому — ведь он преподавал в школе, — наверное, пришлось поработать над собой, чтобы использовать фразу вроде «выплюнуть» вместо менее благозвучных альтернатив.

— В хорошем переплете и все такое. На спине у него контрольный экземпляр, лазерное устройство сканирует текст, проверяет, чтобы не вкралось ни одной ошибки.

— И на следующий день вот он я, с новеньким

Шекспиром, чтобы вручить его жаждущей новой цивилизации. Изумительно, Уилсон. Изумительно!

Уилсон еще немного побубнил о том, что принтер способен в ограниченных пределах чинить и обслуживать самого себя, опять же используя компоненты, полученные из древесины.

— Немного нанотехнологии, и ты можешь сделать почти что угодно из угля. Даже алмазы, чтобы починить лазерный сканер или соорудить новый.

И начал распространяться насчет того, что пока у принтера не собьется программа, проблем не будет…

Мистер Дрисколл больше не слушал. Он уже мечтал о речи, в которой объявит миру о своей затее.

* * *

Собрав вещи для похода, мистер Дрисколл вернулся на Базовую и поехал в Брокенстроу-Крик к югу от Уоррена в Пенсильвании, где Джонни Яблочное Семечко, чье настоящее имя было Джон Чепмен, родившийся добрых три сотни лет назад, посадил свой первый питомник. Там мистер Дрисколл поместил на стену планшет,

чтобы запечатлеть для потомков момент, когда в одиночку, рядом с принтером Шекспиром, он провозгласил намерение нести Барда в новые миры:

— Старым поколениям эта технология покажется странной. Но сегодня союз высших достижений искусства и науки Базовой Земли будет вдохновлять юные умы и взращивать цивилизацию во всех новых Землях. Прямо как во времена Шекспира. Шекспировский Лондон был столицей мира, сердцем мировой культуры, и своими пьесами Шекспир нес этот новый мир своим зрителям. И теперь, в этой новой панораме множества Земель, я… о, прошу прощения…

Запись прервалась, потому что принтер материи в поисках древесины откусил ножку его стула.

И затем, повернув рычаг переходника, мистер Дрисколл отправился в путь.

* * *

Поначалу все шло хорошо.

Вскоре мистер Дрисколл совладал с неопытностью и стал закаленным путешественником по Долгой Земле, с сильными легкими, неутомимыми ногами, загрубевшими ступнями, даже его

желудок привык к тошноте при переходах. Останавливаясь не в каждом мире, он решил зайти в глубь Долгой Земли, насколько сможет, там и тут разбрасывая литературные семена и полагаясь на то, что время и сам Шекспир позаботятся о более широком распространении.

Останавливался он на несколько дней. Посылал оригинальный образец своего принтера материи в лес размножаться и ждал, пока появятся новые копии. Иногда он жил в палатке. Иногда представлялся местным, останавливался поговорить, почитать Барда, дать один-два урока. Затем с новеньким, только что изготовленным собранием Шекспира он отбывал, обычно с благодарностями, полным рюкзаком еды и бутылкой свежего лимонада.

Молва начала его обгонять. В некоторых мирах фермеры и их дети здоровались с ним и предлагали подвезти к ближайшему поселку.

За три года он обошел сотни миров. Он испытывал огромное и глубочайшее удовлетворение от успеха своего проекта.

И вот он пришел на Запад-31415 в глубине Ледового пояса.

Он отпустил принтер материи и после обычного освежающего ночного сна на лесной поляне

отправился за свежеиспеченной копией Барда. Вскоре он наткнулся на контрольный экземпляр, как обычно, спящий в позе, которую мистер Дрисколл, не будучи техником, всегда интерпретировал как «отдых после тяжелой ночной работы». Но рядом лежала не очередная копия для чтения с еще влажными страницами и яркой печатью чернилами из чернильного орешка, а еще один контрольный экземпляр, еще один крабоподобный прибор, книга на тоненьких ножках. Озадаченный, мистер Дрисколл потянулся к новому контрольному экземпляру — но тот ускользнул от него и скрылся из виду.

Мистер Дрисколл был скорее раздражен, чем обеспокоен. Он не был практичным человеком и привык к тому, что механизмы всех видов подводят его. Он пустил настоящий контрольный экземпляр в другую часть леса, решив, что, возможно, в этой было что-то странное с деревьями, хотя такое объяснение и противоречило научной точке зрения, и прождал еще ночь. На следующее утро, как и полагается, новенький экземпляр Шекспира сидел на куче листвы.

Подобрав его, мистер Дрисколл отправился в ближайший городок и приятно провел день, беседуя с мало интересующимися литературой

фермерскими детьми в их милой маленькой школе. На вкус мистера Дрисколла, это был особенно приятный поселок, жители которого, подобно амишам, решили насколько возможно отказаться от современных технологий в построении своего нового мира.

На следующее утро мистер Дрисколл перешел, больше не думая о Западе-31415.

До тех пор, пока десятью днями позже его не догнал разгневанный фермер и не потребовал вернуться.

* * *

На Западе-31415 его привели на лесную поляну, где он отпустил контрольный экземпляр Шекспира. Поляны больше не было. Казалось, что целая куча деревьев просто выкорчевала сама себя. Мистер Дрисколл озадаченно хмыкнул.

— «Пока Бирнамский лес не выйдет в бой на Дунсинанский холм…»[7]

— Что? Что? Смотри сюда, мужик. Смотри, что ты натворил!

Фермер потащил мистера Дрисколла дальше в лес, и теперь тот увидел, что расчищенный

---

[7] Примечания: 7
Шекспир. «Макбет» (*пер. М. Лозинского).*

участок не пуст, а заполнен крабоподобными созданиями, которые ползают, суетятся, взбираются на стволы окружающих деревьев, а страницы у них на спинах трепещут, как крылья божьей коровки. Это были Шекспиры — не экземпляры для чтения, как те, что он оставлял в пройденных мирах, а контрольные экземпляры, принтеры материи, воспроизводящие сами себя. Все эти копии, в свою очередь, тоже делали копии, распространяясь по лесу…

— Что ты будешь с этим делать? — закричал фермер.

— Я? Что я могу сделать?

— Мы уже потеряли кубометр леса! За десять дней! И оно распространяется все быстрее. — Он схватил мистера Дрисколла за грудки. — Знаешь, что ты натворил, знаешь? Мы пришли сюда, чтобы сбежать от этого дерьма — современных технологий. А ты заявляешься с дурацкими книгами и напускаешь на нас нанотехнологичное бедствие. Серую слизь! Что ж, это твоя вина, белый голодранец. Что ты будешь с этим делать, а?

Он мог сделать только одно.

— Вернусь на Ближние Земли так быстро, как только найду твен.

— А потом?

— А потом спрошу Уилсона.

* * *

— Кубометр леса за десять дней, а? — Чет Уилсон втянул воздух сквозь зубы и сказал: — Надо подумать.

Спустя некоторое время Уилсон ответил:

— Понимаешь, произошла мутация.

— Мутация?

— Контрольный Шекспир всегда был способен на большее, не только страницы штамповать. Ну, я скажу тебе, на что. Он может создавать запчасти для себя, даже воспроизводить механизм. Он сконструирован так, что может ремонтироваться после сильных повреждений. Просто процесс резервного копирования зашел слишком далеко, вот и все.

— Слишком далеко? Уилсон, ты спятил?

— Он теперь не просто ремонтирует себя, а делает новые копии целиком. Я не виноват. Возможно, это из-за того, как ты с ним обращался.

— Я?!

— Тебе следовало просто выключить его и включить заново. Обычно это срабатывает. По-видимому, контрольный экземпляр сбросил настройки и восстановился. Но маленькие

проказники, которых он производит… — Он снисходительно пощелкал языком. — Вот шалун!

— Но… но… Я отказываюсь брать на себя ответственность за этот бардак. И даже так, я не понимаю, как двухфунтовая книга может переработать кубометр лесоматериалов за десять дней.

— А, так это экспоненциальный рост. Размножаются, как кролики, стоит только начать, понимаешь? В первый день их становится двое. На второй из двух — четверо. На третий четверо превращаются в восемь…

— Да, да.

— Через десять дней у тебя уже тысяча с чем-то копий. А тысяча двухфунтовых копий — это уже кубометр, мой друг. Вот куда ушли твои лесоматериалы.

— Ну, это не мои лесоматериалы. — Нематематический ум мистера Дрисколла утомился, постигая эту концепцию. — Но если я правильно тебя понимаю, то на одиннадцатый день кубометр превратится в два. А потом два станут четырьмя. И затем…

— Вот именно.

— К чему это приведет, Уилсон? К чему это приведет? И что мне делать?

— Бежать, как Антигон[8] от медведя, — ответил Уилсон.

* * *

Следующие несколько недель стали сенсацией, по крайней мере для обитателей Запада-31415 и призванных на помощь агентов федерального правительства Базовой.

Колонисты поспешно и с возмущением эвакуировались после того, как через двадцать дней был уничтожен лес с тысячами кубометров запасов древесины.

Через тридцать дней были переработаны миллионы кубометров деревьев, оставив проплешину, видимую из космоса.

А через сорок дней исчезли миллиарды кубометров, и выжившие на континенте животные бегали по поднимающемуся шекспировскому морю.

Всего через пятьдесят дней после того, как мистер Дрисколл выпустил копию контрольного экземпляра, на Западе-31415 были переработаны почти все деревья — значительная часть планетарной наземной биомассы. Голодные книги

---

[8] Примечания: 8
Персонаж «Зимней сказки» У. Шекспира.

Барда слонялись по опустошенным равнинам.

Мистер Дрисколл позвонил Уилсону из тюрьмы, где ожидал суда.

— Это ужасно, Уилсон! Говорят, книги опять мутировали. Поедают другие виды растительного вещества: траву, кустарники. На берегу океана некоторые отважились войти в воду и поглощают водоросли. Внутри материка некоторые нападают друг на друга. Бард ест Барда! И обвиняют меня! «Разносись, зимний ветер, и вой! Ты безвреднее злобы людской»[9]. Ну, правительство объявило карантин и подумывает организовать какую-нибудь операцию по ликвидации последствий…

— Хорошая идея. Для нее нужно кодовое слово. — Чет Уилсон втянул воздух сквозь зубы и произнес: — Надо подумать.

Спустя некоторое время Уилсон сказал:

— «Укрощение слизи»? Что думаешь, Дрисколл? Дрисколл?

* * *

Такие истории только заставляли Яна Родерика искать новые, подобные им. И сестра Колин все

---

[9] Примечания: 9

У. Шекспир. «Как вам это понравится» (*пер. П. Вейнберга).*

сильнее беспокоилась о нем.

Глава 24

Позже Джошуа сравнивал время, когда его лихорадило, с пребыванием под водой. Как будто он не спал по-настоящему, а погрузился в неглубокое озеро и смотрел на мир над собой через выпукло-вогнутую линзу, по которой шла рябь. А над поверхностью день сменялся ночью и на него смотрели большие, похожие на луны, лица троллей.

Иногда они его двигали. Патрик, большой молодой самец, поднимал его, обхватив за спину мохнатой ручищей. Поврежденная нога тут же посылала по всему телу новую волну боли, и Джошуа слабо сопротивлялся и протестовал. Позже он со стыдом вспоминал некоторые выражения, от которых покраснел бы даже Билл Чамберс.

Временами, когда он выныривал из алой темноты своего сна навстречу дневному свету, они пытались его кормить. Он не был голоден, но всегда дико хотел пить, выплевывал пищу и требовал воды. Иногда они позволяли ему не есть, а иногда кормили насильно. Самец сажал Джошуа, позволив голове откинуться назад, чтобы

открылся рот, а самка, Салли, пихала корешки и листья, а также вливала кислый сок какого-то фрукта. Джошуа давился, мотал головой и пытался выплюнуть все. Но Патрик сжимал ему челюсти, а Салли гладила горло, и Джошуа глотал — у него не оставалось выбора.

После он понял, что они пытались накормить его какими-то лечебными растениями, чьи свойства, без сомнения, были выявлены благодаря случайным открытиям в течение тысячелетий: мудрость, хранившаяся в странном коллективном сознании троллей — их долгом зове. Учитывая, что постепенно Джошуа выздоравливал, это, видимо, сработало. Хотя современные антибиотики из его рюкзака, которые он глотал каждый раз, когда достаточно приходил в себя, чтобы вспомнить об этом, тоже, несомненно помогли.

Он знал, что тролли спасали ему жизнь. Просто они всегда были так неаккуратны. Большие мускулистые человекообразные, чей метод охоты заключался в том, чтобы собраться группой и завалить зверя размером с молодого слона на землю. Матери даже переносили детей, держа на весу за одну руку или за загривок.

— Что до медсестер, этим троллям нужно под-

учиться обращению с пациентами…

Джошуа понял, что сказал это вслух. Значит, сейчас у него период ясного сознания.

Он лежал на спине, глядя в безоблачное небо. Воздух был прохладнее, чем он помнил до лихорадки. Наверное, на этой венерианской планете наступает осень. Сколько он здесь пролежал? И он до сих пор не знает, насколько суровой будет зима. Приблизительные характеристики мира можно прикинуть, исходя из пояса, в котором он находится, но чтобы установить точно, нужно прожить год или больше. А прежде чем понять, сможешь ли ты прожить этот год…

Перед его затуманенным взором появилось троллье лицо. Серое сморщенное лицо в окружении седеющих черных волос. На мгновение Джошуа растерялся.

— Санчо!

— Ух.

— Привет, приятель. Ты меня спас. Ты и твои родные…

Слева прилетело что-то мягкое и ярко-розовое, ударило Санчо в висок и откатилось прочь.

— Что за черт?

— Ха!

Санчо повернулся в ту сторону, сердито зырк-

нул и пропал из вида.

Джошуа сумел повернуть голову налево. Санчо ковылял за одним из детенышей, возможно, Лиззи. Очевидно, это она запустила в него помпоном болельщицы. Она убегала, смеясь, как умеют только тролли.

Помпон болельщицы. Откуда у тролля взяться помпону болельщицы? Мало того, Джошуа показалось, что он узнал расцветку.

— Санчо!

Джошуа попытался подняться на локтях, чтобы видеть больше. Но это отняло слишком много сил. Когда он пошевелился, в голове все как будто стало жидким, и он упал в обморок.

Глава 25

Настал день, когда он выздоровел.

Ну, ему так казалось. Он пробудился от настоящего сна. Зрение было ясным, только побаливала голова, но жажда мучила по-прежнему.

Он осторожно сел. В верхней части тела чувствовались слабость и дрожь, голова на мгновение закружилась, когда он ее повернул, но это прошло. Правая нога, вытянутая перед ним, представляла то еще зрелище. Голая, грязная, перевязанная окровавленными бинтами между двумя массивными ветками. Тролли ни в чем не деликатничали. Но боль притупилась до пульсации глубоко в кости, и Джошуа боялся, что с ней придется смириться до конца своих дней.

Оглядевшись, он увидел поблизости свою аптечку — в укрытии ближайшей скалы, по-прежнему под защитой спасательного одеяла. На первый взгляд ее не трогали, не считая того, что он сам в ней рылся. Джошуа покопался в рюкзаке, достал нож и засунул его за пояс сзади. Тролли — это хорошо, но он чувствовал себя в большей безопасности, если под рукой было какое-нибудь

оружие.

Однако воды здесь не было, и унять жестокую жажду стало самой насущной проблемой. А также опустошить болезненно переполненный мочевой пузырь. До берега мелкой, неторопливой реки было недалеко — дюжина шагов, не больше. Пустяк, если идти обеими ногами, но дьявольски сложно в его состоянии. Он опять огляделся. Поблизости ничего, что можно использовать как костыль. Он попытался подняться, помогая себе руками и сгибая здоровую ногу, но поврежденная представляла непреодолимую помеху. Вскоре ослабевшие мышцы начали дрожать, и он плюхнулся на землю.

Перед глазами появилось лицо тролля — видение из болезни. Это был детеныш-девочка, Лиз. Повертев головой, Джошуа разглядел на некотором расстоянии группу ее сородичей, которые искали друг у друга блох, и еще нескольких у реки. Похоже, большая часть племени отсутствует.

Лиз была смышленой и быстро сообразила, чего он хочет. Не задумываясь, подхватила его под мышки и без особых усилий, с обычной троллей бесцеремонностью поставила на ноги. Он закричал, когда нога повисла в воздухе, но Лиз никуда не ушла, и он сумел встать прямо. Обхва-

тив ее за плечи, Джошуа держался, балансируя на левой ноге.

Он выдавил усмешку.

— Спасибо. Знаешь, ты подходящего роста. Теперь — вода?

Он показал на реку и на свой рот.

Она отправилась в путь, но слишком быстро. Джошуа попросту тащили, он дико подскакивал, а больная нога волочилась по земле.

— Эй! Помедленнее, торопыга. — Прыг, прыг. — Маленькими шажками…

Когда они отошли от места, где он лежал, Джошуа увидел, что земля вокруг его снаряжения истоптана и перепачкана. Он смутно помнил, как его перемещали. Должно быть, его обмывали после того, как он пачкался, или по крайней мере переносили на другое место, снова и снова. Наблюдения за троллями показывали, что они заботятся о своих больных и стариках. Возможно, знают, как перемещать лежачих в подобных случаях. Все равно ему настоятельно необходимо помыться как следует, он должен раздеться и осмотреться, нет ли пролежней, не говоря уже о том, чтобы хорошенько обследовать ногу.

Ему вдруг стало стыдно оттого, что он был так беспомощен перед этими троллями, и на него

нахлынула волна благодарности за то, что они сделали. Он обнял могучие футбольные плечи Лиз:

— Малышка, ты самая лучшая медсестра, какую я встречал.

— Ух?

* * *

Он добрался до скалы, где облегчился, как Остин Пауэрс.

Затем Лиз помогла ему войти в реку. Огромный старый тролль, которого Джошуа назвал Санчо, сидел на берегу и выбирал блох из длинной грязной шерсти на ногах. На приближающегося Джошуа он взглянул без любопытства. Под боком у него лежал лохматый розовый мяч, заляпанный грязью: помпон болельщицы.

Пытаясь с помощью Лиз сесть в грязь у реки, Джошуа кивнул Санчо.

— Как я уже говорил, я перед тобой в долгу, и преогромном, старина. Ты откликнулся первым.

Санчо пожал плечами — очень человеческий жест — и вернулся к усердной охоте на блох.

Джошуа отвлекся на ярко-розовый помпон. С каких это пор тролли носят с собой вещи? Тем более помпон болельщицы.

— Но это не мое дело, старина. Носи этот помпон, делай что хочешь.

Санчо даже не поднял головы.

Джошуа вернулся к своим заботам. Сидя на заднице, осторожно двинулся к реке, погрузил в воду руку, плеснул воды в рот, на лицо. Потом полил водой засохшую корку грязи на больной ноге. Ему хотелось погрузиться полностью, но он боялся опасностей, которые неизбежно подкарауливают в воде. Он мысленно сделал зарубку начать использовать очищающие таблетки для питьевой воды, но он же до сих пор выживал в этот неопределенно долгий период болезни, когда единственной посудой служили сложенные чашкой ладони тролля. Может, за годы блужданий по Долгой Земле он приобрел что-то вроде иммунитета.

Солнце скрылось за облаками, и боль в глубине ноги усилилась. «Чудесно», — подумал он. Он станет одним из тех старых хрычей, которые костями чувствуют перемену погоды.

Он оттянул повязку и остатки штанины. На голой коже были грязь, кровь, что-то похожее на засохший гной, а когда он смыл слой грязи, завоняло гнилью. Но он также обнаружил на ране какие-то растения: листья, корни, зеленая каши-

ца. Тоже лекарственные средства троллей? Если так, то, похоже, они подействовали. Разрыв на коже так и не был зашит, но более-менее зажил. У него будет замечательный шрам, чтобы пугать внучатых племянниц в Перезагрузке. Но, как он с облегчением заметил, признаки инфекции или симптомы гангрены отсутствовали, в противном случае, несмотря на всю помощь троллей, он потерял бы ногу, а то и жизнь.

Он осторожно, медленно ощупал голень до самого перелома. Там на кости был твердый узел, который болел, если на него надавить. Так что он прекратил ощупывание. Значит, срослось неровно. Но с поддержкой Лиз он может ходить. Если сделать какие-нибудь костыли, то можно передвигаться. Могло быть гораздо хуже.

Продолжая осторожно разматывать эластичные бинты, он обнаружил еще кое-что неожиданное: сделанные кое-как планки, привязанные не только его бинтами, но и кусками веревки, по-видимому, взятой из его рюкзака, с аккуратными узлами.

— Ты это видишь? — громко спросил он. — Тролли с помпонами. И вот тролли завязывают узлы. Спорим, Лобсанг, ты никогда такого не видел?

— Тролли завязывают узлы.

Слова звучали так, словно говорили в маленький рупор. Вздрогнув, Джошуа комично растянулся в прибрежной грязи. Слова на английском! Абсолютно неожиданно.

Над ним захохотал тролль. Конечно, это был Санчо, наблюдающий за его ужимками. Санчо держал троллий зов.

Джошуа пристально посмотрел на него.

— Так это был ты!

Санчо опять поднял троллий зов. Размером и формой он напоминал кларнет: труба, покрытая какими-то электронными деталями. Когда Санчо поднес его ко рту, троллий зов заработал:

— Тролли завязывают узлы! Хорошие узлы большие узлы крепкие узлы.

— У тебя есть помпон болельщицы, а теперь еще и троллий зов. Какого черта?

Но, конечно, если говорить не через троллий зов, Санчо не поймет ни слова.

— Дай мне эту штуку.

Санчо протянул троллий зов.

* * *

Отдельные тролли умнее шимпанзе, но не настолько умны, как люди. Некоторые специалисты

считают их по интеллекту равными давно исчезнувшему человеку прямоходящему. Их острый ум проявляется в коллективном поведении: совместной охоте и долгом зове — бесконечном хоре, в котором словно заключены как глубочайшие воспоминания их расы, так и отчеты о настоящем — что разведчики нашли за горизонтом пищу, что детеныш выказывает признаки усталости в походе.

Тем не менее по отдельности тролли тоже имеют язык: уханье, пыхтенье, жесты и, да, песни — уж точно более мудреный язык, чем у шимпанзе. Чтобы общаться с ними, нужно всего лишь перевести с их языка на свой.

И несколько десятилетий назад Лобсангу это удалось с первым тролльим зовом.

Джошуа повертел инструмент в руках. То, что этот прибор выглядел гораздо замысловатее старого образца Лобсанга, было неудивительно. Удивляло, что этот чудаковатый старый тролль носил его с собой. Перевернув инструмент, Джошуа обнаружил надпись на маленькой пластиковой табличке:

СОБСТВЕННОСТЬ УНИВЕРСИТЕТА ВАЛЬГАЛЛЫ

ДЕЛОВОЙ ЦЕНТР ДВА
НЕ УДАЛЯТЬ

Джошуа хлопнул себя по голове. Вальгалла! Вот где он видел такие помпоны. Его сын Род в бытность свою Дэном ходил в школу в Вальгалле, самом крупном городе Верхних Меггеров. Дэн не пробыл там достаточно долго, чтобы поступить в колледж, но они с Джошуа несколько раз играли там в футбол.

Джошуа повернулся к Санчо и уставился на него.

— У тебя какие-то дела с университетом Вальгаллы?

Подняв троллий зов, он повторил вопрос.

Санчо слушал, нахмурившись. Затем забрал троллий зов, его кожистое лицо сморщилось от сосредоточенности. Все лингвистические структуры, начиная от основ грамматики, у людей и троллей сильно отличаются. Все, на что способен троллий зов, так это предложить наиболее вероятный перевод.

Наконец Санчо показал на свою грудь.

— Факультет.

— Что? Ты учишься на факультете? В колледже? О, я понял. Они тебя учили, правильно? Как

Лобсанг троллей в заповеднике. Хм-м. Или, может быть, ты изучал их…

— Должность! Должность Санчо! Ух! — Он уронил троллий зов в грязь, заухал, зашлепал по воде и сложил свои огромные ручищи над головой, очевидно, очень развеселившись.

Джошуа вопрошал себя, не лихорадочный ли это бред.

* * *

С приближением вечера вернулись остальные тролли. Некоторые несли еду — корнеплоды в горстях, мелкую дичь. Крупная самка Салли тащила на плече тушу какого-то животного, похожего на оленя, но, возможно, не оленя.

Они собрались поближе к тому месту, где так долго пролежал Джошуа, возле утеса. Тролли поделили между собой овощи и фрукты.

Теперь, будучи более дееспособным, Джошуа видел, что это хорошее место: защищенное утесом, да и вода недалеко. Такое же хорошее, как и то, что он выбрал для своего частокола. Можно спрятаться в скалах, если нагрянет стадо бронированных слонов. Есть даже выступ сверху для защиты от тех настырных птеродактилей.

Джошуа наблюдал, как взрослые разделывали

оленеподобное животное. Они разрезали шкуру каменными ножами, которые поспешно подобрали с земли. Затем, сняв шкуру и отбросив, начали расчленять тушу, отрезая конечности, вынимая внутренности. Потрошение было очень умелым, даже по человеческим стандартам, хотя Джошуа подумал, что люди бы бережнее отнеслись к шкуре и сухожилиям, которые можно использовать. И люди не стали бы набивать рты сырым мясом прямо в ходе работы.

Тем временем Джошуа, который тихо сидел рядом с Санчо, прислонившись спиной к скале, обнаружил, что попал в центр внимания. Подошли Салли с Патриком и уханьем выразили удовольствие видеть его очнувшимся, подвижным и улыбающимся. Мэтт кувыркнулся и бросился было побороться, но, к облегчению Джошуа, Санчо преградил ему путь своим громадным предплечьем.

Тогда Патрик предложил Джошуа кусок сырого мяса. Джошуа взял, благодарно кивнув.

— Спасибо, но для меня немного недожарено. Я только разогрею его в микроволновке…

Это было делом пары минут даже для прикованного к земле — собрать очаг из нескольких плоских камней, пары охапок сухого хвороста

и принесенных ветром веток, скопившихся в расщелине скалы. Кремень, несколько клочков бумаги для растопки — и вот уже костер разгорелся. Тролли были в восторге. Вскоре и дети, и взрослые таскали на дрова ветки побольше.

Джошуа насадил подарок Патрика на импровизированный вертел и стал держать мясо над огнем. Зашкворчал жир, и аромат жареного мяса заставил троллей хлопать себя по животам.

— Ты… популярный, — сказал Санчо через троллий зов.

Джошуа широко улыбнулся и взял трубу.

— Это хорошо, я, вероятно, пробуду здесь какое-то время. Нужно начинать отрабатывать свое содержание. И, слушай, Санчо…

— А?

Он покачал головой.

— Я думал, что знаю троллей. Я встречался с троллями сорок лет. Какое-то время мой лучший друг был мировым спецом по троллям… Видимо, больше нет. И я никогда не встречал такого тролля, как ты.

Санчо поразмышлял — или что он там сделал, взял трубу и прогудел:

— Умнее, чем тролли в среднем.

— Хм. Интересно, кто научил тебя таким сло-

вам.

— Библиотекарь. — Он ткнул себя в грудь. — Санчо-библиотекарь.

Слово было четким и не вызывающим сомнений.

— Что?.. Жаль, что здесь нет Лобсанга. Ему бы понравилось.

— Ты оставайся. Присоединяйся к нам.

Что-то в этой фразе развеселило старого тролля, он рассмеялся:

— Присоединяйтесь к нам. Присоединяйтесь к нам.

Другие тролли подобрались ближе и стали смеяться вместе с Санчо, пока ели, в шутку боролись, обнимались. И они запели — восхитительную многоголосую песню, которая возносилась в небо, словно дым.

Сидящему у костра Джошуа понадобилось некоторое время, чтобы узнать мотив.

— «Лови волну»! Санчо, напомни когда-нибудь рассказать о сестре Барбаре — она любила эту песню. Знаешь, она родилась в Калифорнии. Мы звали ее Сестра-Серфер…

— Ух?

Джошуа стало интересно, что делают тролли-библиотекари.

Глава 26

По мнению сестры Колин, Яна Родерика следовало посадить под домашний арест за то, что он сбежал в Мэдисон-Запад-3. А не поощрять, отправляя в бессрочную прогулку по более далеким мирам. Не вознаграждать.

И почему сопровождать его должна именно сестра Колин?

Сестра Иоанна улыбнулась.

— Колин, это всего лишь Запад-31, а не Верхние Меггеры.

— Но он уже самостоятельно побывал на Западе-3. Он говорит, если не найдет на Западе-31 то, что ищет, у него на примете еще целый список миров.

— Так и есть. Попросите его показать номера. 3, 31, 314… У него все продумано, простая маленькая стратегия.

— Но, насколько я понимаю, он даже не знает, что это!

— Если бы он знал, то не было бы смысла искать, верно?

— Значит, я должна просто идти дальше столь-

ко, сколько он хочет?

— Я уверена, вы прислушаетесь к своему здравому смыслу, сестра.

— Но почему я? Я городская девчонка.

— Серьезно?

— Вы знаете, что да. Я родилась и выросла в Мэдисоне.

— Вы имеете в виду Мэдисон-Запад-5. Поверьте мне, сестра Колин, я знаю, что Запад-5 теперь наша столица, но по сравнению с большими дойеллоустонскими городами Базовой Запад-5 — это Додж-Сити.

— Что?

— Неважно.

— И какой смысл в этих числах? Я не в ладах с математикой, сестра. Я даже рецепт прочитать не в состоянии.

— Что ж, это правда.

— Почему бы не отправить Ассумпту или Джоан…

— Потому что вы ему нравитесь, сестра Колин.

— Правда?

— По сравнению с большинством из нас — да.

— Откуда вы знаете?

— Жизненный опыт. Послушайте, сестра, хватит спорить. Для вас это станет возможностью

роста, а для него шансом проявить себя. Собирайтесь — только рюкзаки, Колин!

— Невозможно, — выдохнула сестра Колин, которая никогда не путешествовала налегке.

Сестра Иоанна улыбнулась и вручила ей потрепанную книжку в мягкой обложке — «Руководство для путника по Долгой Земле».

— Вперед, отправляйтесь. Экзистенциальные тайны сами себя не раскроют, знаете ли.

— Это Ян так их называет?

— Называл бы, если бы позволял словарный запас…

Итак, потратив день на сборы, сестра Колин в практичном комбинезоне и апостольнике отправилась в путь вместе с Яном. За спиной каждый нес легкий рюкзак, а на поясе переходник.

Они покинули Приют на Западе-5 утром. Паровой трамвай отвез их в центр города, где возвышался большой деревянный сарай Капитолия, в котором заседал Конгресс Соединенных Штатов. Само здание было копией уничтоженного Капитолия на Базовой.

Там они вышли и перешли в сторону Запада-31. Однако оба были не слишком хорошими путниками, и сестра Колин настояла на том, чтобы двигаться медленно, делая между переходами

перерывы по десять-пятнадцать минут, хотя таблетки от тошноты, которые они приняли, оказались весьма эффективными. Поэтому им потребовалось несколько часов, чтобы миновать мозаику последовательных Мэдисонов, каждый из которых был более-менее застроен, хотя и не так, как на Западе-5.

На обед они остановились в закусочной на Западе-20.

До Запада-31 они добрались около четырех часов дня. Стоял сентябрь, но в этом мире день выдался теплым и солнечным. Конечно же, география этого последовательного Мэдисона была практически такой же, как на Западе-5. Был здесь и Капитолийский холм, а если немного пройтись, то они без сомнения обнаружат озеро. Но здесь не было никакой серьезной застройки, только следы колес среди прерии, ведущие к берегу озера. Казалось странным, что такой близкий мир настолько пуст. Но даже во время великого исхода после взрыва Йеллоустона и эвакуации Базовой всего лишь около дюжины миров на восток и на запад вместили почти все бежавшее население. Ведь, в конце концов, каждый мир был целой Землей в натуральную величину, каждая последовательная Америка — девственным

континентом размером с родной.

Правда, здесь, на Западе-31, на вершине Капитолийского холма стояла гостиница для путешественников, на шесте отважно трепетал флаг с голографическими звездами и полосами Эгиды США. Сестра Колин заранее разузнала про это место и забронировала номера. Теперь она тяжело взбиралась на холм, а Ян тащился следом. К тому времени, как они дошли до крыльца, ботинки у обоих были в грязи.

Это сборище одноэтажных домиков можно было бы назвать мотелем, уныло подумала сестра Колин, если бы сюда хоть когда-нибудь добирались автомобили. И если не знать, что это переделанные временные казармы, наскоро построенные американскими военными в дни хаоса и бегства после Йеллоустона, когда последовательные Мэдисоны превратились в лагеря беженцев. Тем не менее регистратор оказалась дружелюбной, а их смежные комнаты — чистыми.

Войдя в комнату, Ян не потрудился разобрать вещи, а сразу разложил на кровати свой планшет и рукописные заметки, после чего установил на столике маленький самодельный радиоприемник. Он щелкнул выключателем, и экраны сразу

же замерцали. Вздохнув, сестра Колин оставила его в покое. Она и раньше видела его таким.

У себя в номере на маленькой газовой плите она вскипятила чайник. Очевидно, готовили тут самостоятельно и без электричества — отопление и свет обеспечивались за счет бутилированного биотоплива. Когда ей захочется помыться, придется снова кипятить чайник. И она надеялась, что батарейки у Яна сядут не слишком быстро.

Она взяла кружки с кофе и прошла через общую дверь в комнату Яна. Сосредоточенный на приемнике, он даже не снял верхнюю одежду. Она поставила кружку на стол рядом с ним.

Он поморщился.

— Не залейте мои приборы.

— Не залью. А теперь послушай меня, Ян. Ты выпьешь этот кофе и снимешь куртку, а потом я приготовлю тебе что-нибудь полезное, и ты это съешь.

Он посмотрел на нее и улыбнулся. У него были тонкие черты лица, а сам он выглядел недокормленным, но она всегда считала, что его улыбка освещала комнату.

— Что-нибудь полезное?

— Наглец. Просто помни, что я тут главная.

— Конечно, Колин.

Она поджала губы.

— Для тебя — сестра Колин.

Она была чуть больше, чем вдвое, старше его и усвоила, что со старшими детьми из Приюта надо вести себя пожестче. Дружелюбие со стальным стержнем — вот решение. Сестра Колин оглядела домик: голые стены, выскобленные полы.

— Что за место. Такое впечатление, будто построившие его солдаты только что уехали… Лучше бы ты потащил меня на Запад-3, куда отправился сначала. Там у них настоящие мотели. С электричеством. И душем. — Она вздохнула. — А если мы не найдем то, что ты ищешь, в этом мире, нам придется отправиться дальше, да? Куда?

— Наверное, на Запад-314.

— Триста четырнадцать? Это далеко. — Она посмотрела на его планшет, на заметки. У него была папка на кольцах с компьютерными распечатками и вырезками из зернистых газет Ближней Земли. — Что ж, мы здесь, идем по твоему следу. Может, тебе стоит помочь мне понять? Откуда взялись эти числа, Ян?

Он уставился на нее.

— Разве не очевидно?

— Я всегда ненавидела математику, а загадки еще больше. Просто сделай вид, что я не имею ни

малейшего представления, о чем ты говоришь.

Он взял свою папку и принялся листать, пока не нашел страницу, покрытую рядами цифр.

— Посмотрите.

Она наклонилась, чтобы прочитать.

3,14159265358979323846…

Она пожала плечами.

— И? Лотерейные номера? Астрология?

— Сестра, это первые три тысячи цифр числа пи.

— Какого пи? А-а, пи. Что-то связанное с окружностями?

— Верно. Оно получается, если разделить длину окружности на ее диаметр. Это бесконечное число.

— В отличие от моего внимания. Дай-ка еще раз посмотрю. Три запятая один четыре один пять… О, поняла. То есть мы ищем миры, которые соответствуют цифрам числа пи.

Он страдальчески посмотрел на нее. Тоже мне новость.

— Ты начал с Мэдисон-Запад-3. Теперь ты пришел на Запад-31. А потом идет 314. — Она была довольна собой, потому что разгадала закономерность, пусть даже ему пришлось ткнуть ее

носом. Но последовательность шла дальше. — Но это значит: если мы не найдем то, что ты хочешь, здесь или на Западе-314, то будет 3141… — Цифра казалась ей огромной. — Где это? Хотя бы в пределах Ледового пояса?

— Конечно, сестра. — Он достал таблицу, похожую на цветной геологический разрез. Некоторые слои были отмечены большими красными звездочками. — Смотрите, у меня есть таблица Мелланье по Долгой Земле. Здесь видны пояса — вот Ледовый пояс, и Рудный, и Кукурузный, — и я отметил миры из зашифрованных сообщений.

— Понятно…

Колин задумалась о практических вопросах. Даже несколько сотен миров — это большое расстояние, чтобы переходить пешком. Сестра Иоанна сказала ей потратить столько времени, сколько нужно, и заверила, что у нее хороший кредит, обеспеченный Приютом. Возможно, местные твены летают так далеко, пересекая последовательные Мэдисоны. Но отправиться за тысячи миров… Не придется ли им ехать через всю страну к одному из больших транспортных узлов Долгой Миссисипи? Насколько далеко подразумевала сестра Иоанна?..

Ян внимательно смотрел на нее.

— И эти… миры пи… имеют какое-то отношение к тем историям, которые ты собираешь, да?

— Да, — сказал он, с трудом сохраняя терпение. — Истории появляются в новостях или в Сети. Люди их обсуждают, и они становятся типа вирусными. А потом появляются истории про истории. А потом начинаешь видеть закономерность.

Он показал ей вырезки в своей папке и интернет-страницы, сохраненные на планшете. Была здесь странная история про женщину, которая не могла переходить, но видела последовательные миры. Ее звали Беттани Даймонд, и у нее было двое детей. Сестра Колин припомнила, что видела версию этой истории в каком-то низкопробном документальном фильме из серии «невероятно, но факт». Даймонд умерла в 2030 году в ходе постъядерных беспорядков в Мэдисоне. И оказывается, последние годы жизни женщина провела здесь, в маленьком поселении на Западе-31.

Была также история про Джонни Шекспира. Эта история, невероятная, но вполне возможная сказка Долгой Земли, была описана в детской книжке. И предположительно, герой дал волю своим самовоспроизводящимся томам Шекспира на Западе-31415.

— Видите? — Ян ткнул в страницу грязным пальцем. — Вот эта дала мне настоящий ключ. Первые пять цифр! Они смотрели прямо на меня…

Колин показалось, что она слышит женский голос, очень слабый, как будто издалека. Это был очень тихий мир.

Сбитая с толку, она повернулась обратно к Яну.

— Так ты веришь, что все эти истории…

— Я считаю, что они — послание. Я думаю, их запустили в новости, в Интернет, в аутернет. Нужно только собрать вместе ключи, увидеть закономерность. И тогда все очевидно.

— Что очевидно?

Он покачал головой, раздраженный ее непонятливостью.

— Что в одном из этих миров происходит что-то важное.

— Миров пи?

— Да! Люди что-то делают. И им нужна помощь.

— Откуда тебе знать?

— Потому что они ее просят. Что еще все это может значить?

Она снова услышала слабый голос.

— И теперь ты здесь, и у тебя радиопередатчик,

и ты транслируешь… что именно?

— Свое имя, где мы находимся, и цифры числа пи. Я говорю им, что знаю про их зов, что я понимаю. — Он постучал пальцем по приемнику. — Это коротковолновое радио. Его можно поймать в любой точке этой Земли.

— Но какая помощь может им понадобиться от…

— От ребенка вроде меня? — Он вызывающе и сердито глянул на нее. — Может, если мне хватило ума разгадать код, то я достаточно умный, чтобы помочь? Даже если я всего лишь ребенок.

— Извини, — быстро сказала она. — Просто для меня это все так сложно.

— Но вы не можете отрицать, что это реально.

— Полагаю, что нет… — И снова этот голос. Она посмотрела на грязное окно. — Ты никого не слышишь? Леди за стойкой регистрации сказала, что мы тут единственные гости.

Ян уставился на нее, а потом бросился к приемнику и увеличил громкость.

Неожиданно голос стал кристально четким.

— …Оставайтесь на месте и продолжайте передачу. Мы определили ваше местоположение по сигналу, но нам потребуется несколько часов, чтобы добраться до вас. Спасибо, что ответили на

наше сообщение и потрудились приехать. Меня зовут Роберта Голдинг, и я с нетерпением жду встречи с вами. Не пытайтесь отвечать, это сообщение закольцовано. Будьте уверены, что мы уже в пути. Оставайтесь на месте и продолжайте передачу…

Сестра Колин и Ян просто таращились друг на друга.

Потом Ян вскочил на ноги и забегал по комнате, ударяя кулаком воздух.

— Да! Я был прав!

Сестре Колин хотелось присоединиться к нему, но она сказала:

— Ян, успокойся. Мы еще не знаем, в чем дело.

— Будет весело…

Она схватила его за плечи и заставила остановиться. Мальчик тяжело дышал.

— Но я все равно главная. Договорились?

— Договорились.

Конечно, он пообещал бы что угодно ради встречи с этой женщиной, Голдинг. Сестра Колин вздохнула.

— Полагаю, я должна радоваться, что нам не придется забираться в Верхние Меггеры или еще куда… А теперь, пока эта леди не явилась, ты согласен успокоиться, снять куртку, а потом

умыться и поесть?

Глава 27

На самом деле Роберта Голдинг появилась только на следующее утро.

Она прилетела на маленьком вертолете, спустившемся на Капитолийский холм с пустого голубого неба осеннего Висконсина. Разумеется, Ян был взволнован.

— Простите, что я так долго. Нас, сотрудников службы реагирования, в каждом из контрольных миров всего по горстке. Мне пришлось лететь из последовательного Манхэттена.

Сестра Колин нахмурилась.

— Контрольные миры?

— Она имеет в виду миры пи, — прошептал Ян.

— О…

Ян предвкушал полет на вертушке, но Роберта настояла на том, чтобы зайти к ним в мотель.

— Ты же просил меня приехать увидеться, — сказала она Яну. — И если мы будем работать вместе, важно познакомиться с тобой.

Ян сделал круглые глаза.

— Мы будем работать вместе?

— Если, — строго поправила сестра Колин по

пути обратно в мотель. — Она сказала «если». И я тоже говорю «если», молодой человек. Посмотрим, чем все обернется.

Роберта стояла посреди комнаты Яна, сосредоточенно просматривая его материалы, бросила взгляд на его планшет, самодельный радиопередатчик, папку с вырезками, выказывая полное одобрение. Хотя трудно сказать, о чем она думает, признала сестра Колин. Роберта в свои, наверное, сорок с лишним была худощавой, серьезной, носила очки и строгий, безликий брючный костюм. И была довольно неэмоциональной.

Наконец она кивнула сестре Колин.

— Он хорошо справился. Я прекрасно понимаю, насколько трудной может быть жизнь для такого ребенка. И, конечно, для вас. Я когда-то была такой, как он. Многие из нас были.

— «Нас»? «Такого ребенка»? Мисс Голдинг, вы ни слова не сказали о том, что здесь происходит, кто вы…

— Мы Следующие, — просто ответила Роберта.

Сестра Колин уставилась на нее с изумлением.

— Круто! — сказал Ян.

Сестра Колин взяла себя в руки.

— Следующие. Ладно. И Ян прав? Я имею в виду, вы посылали своего рода сообщения?

— Да. Мы участвуем в проекте. В большом конструкторском проекте, который… Ну, он слишком большой, чтобы мы смогли справиться в одиночку.

— Что за проект? — вырвалось у Яна. — Что за конструкция? Для чего?

— Еще не знаем. Подозреваю, чтобы узнать, нам придется построить большую ее часть. Если вообще построим, это все на стадии обсуждения. Но, понимаешь, мы тоже получили послание откуда-то. Если ты присоединишься к нам, то все узнаешь.

— Но я знаю, что это. Сигнал от внеземной цивилизации. Как в «Контакте». Какое-то время об этом говорили в новостях.

Роберта улыбнулась.

— Определенно, так это началось. Но вскоре исчезло из новостных сводок, правда? Странные новости из Верхних Меггеров не такое важное событие, как угроза военного конфликта между США и Китаем. Ян, по-видимому, у тебя концентрация внимания выше, чем у большинства представителей вашего вида.

— Вашего вида. — Сестра Колин нахмурилась. — Мне это не нравится. Как там вы нас называете? Тусклоголовые? Так что, в вашем

проекте вам нужна помощь тусклоголовых?

Роберта ответила мягко:

— Нас по-прежнему мало, наши ресурсы ограниченны. Вас же много, и вы располагаете ресурсами многих миров.

— Так почему вам не обратиться в большие строительные компании? К правительству?

— О, мы обратились. Вы могли об этом слышать. Мы называем себя Посланниками — то есть мы объединились под таким названием. — Она улыбнулась. — Корпорация «Посланники». Да, мы заключили контракты со многими крупнейшими концернами Базовой Земли, Ближних Земель, даже Вальгаллы. Но похоже, проект даже для них слишком велик.

— Насколько велик? — спросил Ян.

Она улыбнулась.

— Меньше планеты.

Ян вытаращил глаза.

Сестра Колин никак не могла взять в толк.

— Ладно, — сказала она. — Вы распространяли эти истории…

— Нам нужно было попросить помощи у всех, со всех миров, у обычных людей, общественности. Но это единственный способ контакта, который объединяет Долгую Землю. И что может быть

лучше, чем послать сообщение, закодированное в историях, которые передаются из уст в уста от одного человека к другому? Разумеется, необходимо, чтобы сообщение услышали только те, кто может или желает помочь.

— Такие, как десятилетний мальчик?

Ян быстро возразил:

— Но я понял, сестра. Это не просто числа. Важно, о чем истории. Они что-то говорят о проекте. История Беттани Даймонд говорит о том, что это касается того, как мы видим миры Долгой Земли. История о Битке говорит о том, как связаны различные Земли. А про Джонни Шекспира — ну, он случайно переделал целый мир. Наверное, прямо как ваш большой проект.

Роберта пристально посмотрела на сестру Колин.

— Видите, сестра, все зависит от того, что за десятилетний мальчик.

— Но правда, что я могу сделать? — спросил Ян.

Роберта прикоснулась к радио.

— Ты смастерил это из набора?

— С некоторыми улучшениями, — как ни в чем не бывало ответил он.

— Ян, если ты можешь делать такое, ты нам

пригодишься. Мы дадим тебе спецификации репликаторов — вроде принтера материи. И ты сможешь делать детали.

— Детали? Для чего?

— Ну, нам необязательно знать. Пока что. Мы ничего точно не знаем. Полагаю, узнаем, когда все будет собрано. Это коллективное сотрудничество, как его называют, действует по всей Долгой Земле. Итоговая установка будет на Западе-три миллиона…

— Дайте угадаю. — Сестра Колин пролистала записи Яна с числом пи. — Запад-3141592. Правильно?

— Все верно, сестра Колин. Мы выбрали этот мир умышленно. Хотя идея с числом пи возникла в связи с событиями на Западе-3141. — Ее улыбка увяла. — Даже Следующие не могут на это повлиять.

Сестра Колин не поняла, что Роберта имеет в виду.

— И 3141592. Это далеко. За Дырой?

— Да. Мы не знаем, что будет делать эта машина. Поэтому не помешает построить ее подальше. Если мы вообще ее построим.

— Помню, когда об этом говорили в новостях, — сказала Колин, — многим людям не нравилась

сама идея строительства. Может, это какая-то ловушка, типа большой бомбы, которую они заставят нас построить, чтобы потом она взорвалась.

Роберта рассмеялась.

— Если вас успокоит, мы тоже в глубине души этого опасаемся.

Колин нахмурилась.

— Если бы я не привыкла к снисходительности старших сестер, я бы обиделась на ваш тон.

— Мы сможем отправиться посмотреть эту штуку? — спросил Ян.

— Почему бы и нет. Но тебе придется поговорить об этом с сестрой. — Роберта встала. — Думаю, на сегодня мы закончили. Будем на связи.

— Мы живем на… — начала сестра Колин.

— В Приюте в Мэдисон-Запад-5. Я знаю.

Ян, поддавшись импульсу, дернул Роберту за руку.

— Пи есть в «Контакте». Вот что натолкнуло меня на идею о числовом коде.

Роберта улыбнулась и подмигнула сестре Колин.

Которая уже пыталась сообразить, как будет объяснять все сестре Иоанне.

Глава 28

Когда Нельсон увидел, что его внук пропал в чреве исчезнувшего транспортера в том теплом мире в семистах тысячах переходов на Запад, его первым порывом было обратиться за помощью к Лобсангу.

Его сын Сэм и другие рыбаки немедленно направились к ближайшей земле — покрытому зеленью, но необитаемому острову. Там была пища, вода и топливо для костров. Посовещавшись с товарищами, Сэм сказал, что они будут ждать возвращения транспортера с их семьями. Что еще им оставалось делать?

Но Нельсон знал: не стоит надеяться на то, что ситуация разрешится сама собой. Какой бы новый феномен ни демонстрировала Долгая Земля, его масштаб был гораздо крупнее, чем человечество. И чтобы справиться с ним, нужна помощь сущности более великой, чем человек.

Поэтому он вызвал свой твен и отправился прямиком к Ближним Землям.

* * *

Вернувшись домой, Нельсон узнал, что случившееся с ним в далеком последовательном Тасмановом море было частью более масштабного феномена. При помощи интернет-ресурсов и приятелей, включая старых друзей из «Мастер-викторины», он обнаружил, что его транспортер в семистах тысячах переходов не единственный, который исчез. Конечно, транспортеры всегда умели переходить из одного мира в соседний. Но теперь они исчезали совсем, вместе с живым грузом, по свидетельствам растерянных наблюдателей в нескольких удаленных друг от друга мирах.

Куда они отправились? Как они путешествуют? И почему сейчас? Ответов не было ни у кого.

Но, естественно, Нельсона волновали не сами транспортеры, а Трой, пропавший в чреве исчезнувшего существа. Трой, его внук, обретенный и потерянный за несколько недель… И Сэм, сын Нельсона, тоже брошенный, оставленный в растерянности на острове недалеко от последовательной Новой Зеландии с крохотной рыболовецкой флотилией.

Только Лобсанг мог бы помочь. Но он пропал.

Со временем Нельсон выяснил, что Лобсанг находится в виртуальной реальности, в убежище, которое заперто внутри некоего корпоративного файервола. Пока Нельсон бессильно бился об этот барьер, словно бабочка о стекло, он довольно хорошо узнал Селену Джонс из Трансземного института, секретаря Лобсанга.

В итоге только в декабре 2070 года он получил нужную ему лазейку, когда приехал на похороны сестры Агнес в Приют в Мэдисон-Запад-5. Это было странное, мрачное мероприятие. Нельсон произнес надгробную речь и помог нести гроб, который казался весьма тяжелым. Пели гимн «Наступило утро» под проникновенный аккомпанемент списанного передвижного модуля Лобсанга, исполнявшего на рояле версию Рика Уэйкмана.

И именно на похоронах Нельсон встретился с Беном Абрамсом, урожденным Огилви, приемным сыном Агнес и Лобсанга. Бен помогал Лобсангу скрыться и теперь согласился помочь Нельсону его найти.

Но он предупредил, что это означает отправиться в путешествие еще более странное, чем все предыдущие…

Глава 29

Миновав последний горный перевал в этот весенний день в Гималаях, путешественники наконец опустились ниже снеговой линии. Нельсон почувствовал под теплыми ботинками холодную, но твердую скалу. Он ненадолго остановился рядом с Беном Абрамсом. Укутанные в многослойную одежду, в плотных штанах, стеганых куртках и рукавицах, в шерстяных шапках в тибетском стиле, оба они, должно быть, выглядели толстыми, как тролли. Изо рта шел пар.

Подняв голову, Нельсон посмотрел на гору перед собой. Она почти отвесно вздымалась в кристально-голубое небо — гранитная стена в обрамлении сверкающего белого льда.

— Деревня в долине под нами, — сказал Бен Абрамс.

Внизу Нельсон увидел струйки дыма, и в абсолютной тишине ему послышался звон коровьих колокольчиков. Все казалось таким маленьким на фоне огромной горы.

— Представляю, каково прожить там всю жизнь. Человечество здесь ничтожно.

— Да. Чертовски потрясающий вид? О, простите, Нельсон…

— За упоминание черта? Не волнуйся. Собачий ошейник я снял давно и далеко отсюда. Приятно стоять на твердой земле, правда?

— Согласен, Нельсон.

— Хотя я не настолько выдохся, как должен был, судя по тому, сколько мы прошли, — добавил Нельсон. — И судя по высоте, на которой находимся.

— Более двух миль над уровнем моря.

— И судя по моему возрасту. — Он посмотрел на свою руку в рукавице, повернул ее. — Но, значит, это не я? Не мое тело.

Оно морщинистой оболочкой лежало сейчас в некоем подобии камеры сенсорной депривации в Трансземном институте на Ближней Земле, окруженное датчиками, с внутренними мониторами в носу и ушах, в то время как сознание проецировалось в это виртуальное место.

Нельсон содрогнулся.

— Вам холодно? — спросил Бен.

— Нет. Называй это экзистенциальной тревогой.

Бен усмехнулся.

— Просто забудьте об этом. О внешнем мире.

Принимайте то, что видите, что чувствуете. Мы прошли через перевал над…

— Да, я помню. Типа того. Помню, что было раньше. — Они несколько недель добивались разрешения на эту симуляцию. — И я помню поход — но так, как помню запись в чужом дневнике. Я не помню, как делал каждый шаг. Даже последний шаг перед тем, как мы вышли прямо сюда…

— Нельсон, расслабьтесь, — сказал Бен. — Ваши воспоминания о путешествии в основном лишь эскиз. Не глубже, чем нужно.

Девятнадцатилетний Бен был спокойным, сильным, уверенным. Он говорит как выходец из лесной глуши, что никак не вяжется с явно хорошим образованием, подумал Нельсон. Но ведь он вместе с приемными родителями, Лобсангом и Агнес, провел раннее детство в затерянном в глуши поселке.

— Так это место…

— Недалеко от Ладакха. Западный Тибет. Он входит в состав Индии, что сохранило его от ужасов китайской оккупации. Потом, после Дня перехода, Ладакх стал центром основной миграции с Базовой, поскольку здесь собирались буддистские общины и расходились по свободным последовательным Гималаям. Иными

словами, свободным от китайцев. Вы видите воссоздание поселка на Базовой, каким он был до Йеллоустона. Лобсанг попросил об этом особо.

— Да, Лобсанг. К которому мы сюда пришли.

Бен, круглолицый под меховым капюшоном, посмотрел на него с легким любопытством.

— Это была ваша идея, Нельсон. Вы захотели прийти сюда…

— Я уже вспомнил. Прости.

— Не извиняйтесь, Нельсон. В таком сбое памяти нет ничего необычного. Просто внутри подобной симуляции должен быть предел. Сокращение памяти, как и физических границ. Симуляция не может быть бесконечной или бесконечно подробной. Она должна где-то начинаться, с какой-то отправной точки пространства и времени. По крайней мере, если мы сойдем вниз с таких вот гор, это будет полностью согласовано с самой симуляцией. Мы не должны создавать Лобсангу когнитивных проблем.

— Тогда вперед.

Но Бен колебался.

— Вы уверены, что это необходимо? Лобсанг жил нормальной жизнью, рос здесь много лет.

Нельсон улыбнулся.

— «Нормальной» для тибетско-буддистского

послушника?

Бен вздохнул.

— Я не слежу за ним каждый день. Мешает учеба в Вальгалле. В последнее время я наблюдал за ним пристальнее, с тех пор, как маму начало подводить здоровье… Ему придется примириться с ее смертью, это одна проблема. Также у Лобсанга недавно были признаки какого-то когнитивного расстройства. Словно его что-то отвлекло. Может, дело было в нем самом, а может, снаружи этой искусственной среды. — Он посмотрел на Нельсона. — Может, он знал, что вы идете.

— А может, что-то случившееся — из-за чего я здесь — потревожило и Лобсанга.

— Идемте, теперь недалеко. Уверен, селяне встретят нас приветливо, и мы сможем согреться. Они всегда добры к странникам — ну, это просто необходимо в таком-то месте…

* * *

Они бок о бок побрели вниз в деревню. По пути из транспорта им встретились только велосипеды и пара ручных тележек.

Деревня показалась Нельсону маленькой и тесной — кучка одноэтажных домишек. Было несколько современных строений из шлако-

блока и гофрированной стали, но большинство жилых домов и общественных зданий были построены из старого камня. Нельсон представил, какого труда стоило вырубить каждый камень и спустить с горы. Принесенный сюда, он будет использоваться повторно, снова и снова. Нельсон заметил на окраине деревни загоны со скотом — крупными животными с густой черной шерстью, изогнутыми рогами и колокольчиками на шеях. В самой деревне встретилось еще больше животных: собаки, длинношерстные козы, которые, похоже, бродили где им вздумается.

Люди поглядывали на пришельцев с любопытством и без враждебности.

Ростом все были ниже Нельсона, правда, он считался довольно высоким. И мужчины, и женщины казались круглыми в своих тяжелых одеждах. Но многие были одеты на современный западный манер — стеганые куртки, ботинки на шнурках и перчатки ярких расцветок. Детей было мало, но ведь сегодня рабочий день, в школе занятия. Взрослым следует быть на работе на полях или в ближайших городах, а детям в учебных классах. Молодые женщины и мужчины поражали привлекательностью, а у пожилых лица были загрубевшими и морщинистыми, как

старая седельная сумка.

Нельсон задержался у молитвенного барабана — цилиндра с замысловатыми узорами высотой в половину его роста.

— Почти бессмысленная красота, — пробормотал он Бену.

Пока они стояли, к ним подошел глубокий старик и, схватив Нельсона за руку, с энтузиазмом пожал, тараторя что-то непонятное. Нельсон только улыбнулся в ответ.

Теперь к гостям подходил мужчина лет шестидесяти. Под пальто он носил что-то вроде рясы с яркими узорами.

— Мистер Азикиве, мистер Абрамс? Мое имя Падмасамвхава. Зовите меня Падма, как Лобсанг. Мистер Абрамс, мы связывались…

— Зовите меня Бен.

— И, конечно, мистер Азикиве, мы встречались на похоронах Лобсанга — э, двадцать пять лет назад? Странно вспоминать об этом в нынешних обстоятельствах.

— Вот что значит быть другом Лобсанга, — сказал Нельсон. — Я хорошо это помню. И пожал бы вам руку, если бы этот старый приятель отпустил мою.

— Он один из старейших жителей деревни. Он

гадает, американец вы или африканец. В любом случае он говорит, что рад вас здесь видеть как друга и сторонника далай-ламы. Ему девяносто два. И, если вам интересно, этот аватар в точности соответствует его физическому телу. — Понизив голос, он добавил: — Около пяти процентов людей, которых вы здесь видите, — аватары живых людей. Остальные — компьютерные симуляции. Бывает нелегко понять, кто есть кто. А я в реальности гораздо старше, чем человек перед вами.

— В таком случае я впечатлен. Этот старичок довольно гибок.

— Он ежедневно сто раз простирается ниц перед Буддой в семейном святилище. Превосходный способ сохранять гибкость спины. Прошу в мой дом, давайте уйдем с холода…

Падма жил в маленькой хижине на окраине деревни. Стены украшали цветные драпировки, на полу лежал толстый ковер. У одной стены стоял узорчатый алтарь — аккуратный, симметричный, с позолоченными рамками вокруг красных панелей. Полки заполняли сувениры и маленькие статуэтки Будды.

— Прошу садиться. Я бы предложил вам чай, но Лобсанг недалеко. Уверен, вы хотели бы встретиться с ним как можно скорее.

— Именно за этим мы и пришли, — подтвердил Нельсон.

— Должен сказать, что на самом деле этот дом не мой, а моего кузена. Я настоятель монастыря в Ладакхе — в смысле, в реальном мире, на Базовой. Но, как вы знаете, я старый друг Лобсанга. Мы с ним много лет сотрудничали по духовным вопросам. Когда он решил… э, погрузиться в эту среду в своей последней итерации, я был рад посвятить часть своего времени тому, чтобы сопровождать его, быть его духовным наставником, пока он здесь растет.

Нельсон полагал, что у них с Лобсангом такие же тесные отношения, как у Лобсанга с семьей, под которой следовало понимать Агнес, Бена, Селену и, конечно, Джошуа Валиенте. Что бы ни заявлял Лобсанг о своем происхождении — что он был душой тибетского мастера по ремонту мотоциклов, реинкарнированной в суперкомпьютер на гелевом субстрате, — никто из них, даже Нельсон, никогда не исследовали полностью все, что под этим подразумевалось. Тем не менее что-то в этой экзотической биографии заставляло Лобсанга возвращаться сюда снова и снова. И вот он опять здесь.

— Вы очень добры, сэр, — сказал Бен.

Падма внимательно посмотрел на него.

— А ты, его приемный сын, молодец, что не обижаешься на его отсутствие в твоей жизни. Лобсанг решил в некотором смысле начать заново, вырасти в традициях веры своих предков. Ты сам так молод. Физически и духовно Лобсанг сделал себя моложе, чем ты. Как странно!

Бен пожал плечами.

— Я всегда знал, что мои родители… как-то отличаются. Еще до того, как они сказали мне правду о своей настоящей природе. Фактически еще до того, как сказали, что я приемный.

Еще до того, как в Нью-Спрингфилде, где он жил, появились инопланетные прожорливые монстры, подумал Нельсон.

— А, ребенка никому не одурачить, — сказал Падма.

— Но я был сиротой. Кто знает, что со мной сталось бы, если бы не Агнес с Лобсангом? Думаю, я могу простить им необычность. Они были тем, кем были.

— Ты мудр для такого молодого человека. А что касается денег, потраченных на эту деревню…

Нельсон усмехнулся.

— Я поспрашивал в Трансземном. На эту симуляцию ушел ВВП небольшого государства.

— Но Лобсанг может это позволить. И вы уверены, что вам необходимо его сейчас побеспокоить?

Нельсон посмотрел на Бена.

— Бен задавал мне этот вопрос. Боюсь, что да. Он единственный, к кому я могу обратиться за… Скажем так, он никогда не простит мне, если я его не позову. Но меня не покидает ощущение, что происходящее достаточно серьезно и рано или поздно он все равно каким-то образом узнает. Он же Лобсанг.

Раздался пронзительный свист и радостные возгласы мальчишек.

— А. — Падма улыбнулся. — Наверное, забили гол.

— Гол?

— Подходящий момент, чтобы вмешаться. Если вы пойдете за мной…

* * *

За деревней, на примитивном поле под горой, играли в футбол две команды послушников, по шестеро с каждой стороны. Все — мальчики в возрасте от двенадцати до пятнадцати, бритоголовые, в фиолетовых рясах. Одна команда праздновала гол, а другая отчаянно спорила.

— Теперь я увидел все, — произнес Бен. — Послушники играют в футбол.

Падма снисходительно улыбнулся.

— Молодые люди не могут все время изучать тысячелетние манускрипты о природе сознания.

— Интересно, как они различают, кто в какой команде, — заметил Нельсон.

Падма рассмеялся. Раскатистый хохот эхом отразился от горы.

Нельсон услышал, как капитан проигравших бранит полузащитников:

— Слушайте, я знаю, что это не ваша позиция, но когда защитник идет вперед, вы отступаете, чтобы его прикрыть. Вы поддерживаете его. Всегда нужна поддержка!

Бен переглянулся с Нельсоном.

— Думаю, мы его нашли, — сказал Нельсон.

Падма подозвал капитана проигравших. Тот подбежал трусцой, юный, здоровый, с румяными щеками. Но когда он уставился на Нельсона с Беном, то замедлил бег и помрачнел. У Нельсона слегка заныло сердце. Гималайский сон для этого мальчика уже закончился.

— Учитель, я знаю этих людей, — сказал мальчик Падме.

— Знаешь. Этот человек — твой друг — хоро-

ший давний друг. А этот парень — что ж, это твой сын. Твой приемный сын.

Лицо мальчика исказила гримаса.

— Зачем они пришли?

Нельсон шагнул вперед.

— Это моя вина. Я уговорил Бена привести меня сюда. Мне показалось, что это важно.

— Ты нужен им снаружи, — мягко произнес Падма.

— Я помню. — Мальчик прижал к глазам кулаки. — Я помню! Зачем вы пришли?

Нельсон с изумлением увидел, что тот плачет. Мальчик съежился, присел на корточки, из-под стиснутых кулаков текли слезы.

Падма неуклюже опустился на колени рядом с ним.

— Помни, Лобсанг. Помни, чему тебя учили священные тексты. «Понимание чьей-то истинной природы есть освобождение».

— Мы отстаем только на один гол! О, зачем вы пришли? Зачем?

Глава 30

Зима сменилась весной, а тролли, похоже, не собирались никуда уходить от утеса, к которому принесли Джошуа.

Постепенно выздоравливая и ожидая, пока за ним прилетят, чего могло и не случиться, Джошуа заново разбил лагерь возле утеса. Установил маленькую палатку с матрасами из аэрогеля и спальным мешком. Его радио до сих пор работало, транслируя свой главный сигнал: «Я здесь». И после некоторых размышлений Джошуа, как и предлагал Билл Чамберс, разложил на вершине утеса то, что осталось от серебристого спасательного одеяла, чтобы их было видно издалека. По крайней мере, когда одеяло не брал Санчо. Конечно, опасно привлекать к себе много внимания. Джошуа не забыл тех огромных птерозавров, но посчитал, что в данный момент преимущество быть подобранным каким-нибудь добрым самаритянином и вернуться в человеческие миры намного перевешивало риск. И кроме того, с ним были тролли. Они смогут хотя бы предупредить, если не защитить, в случае угрозы с неба.

А пока он жил среди троллей.

Их охота была прекрасным зрелищем. Разведчики расходились по местности, на самом деле — по мирам, и, возвращаясь, пели стаду об угрозах, бурях или источниках еды, воды и укрытиях. Другие разведчики отправлялись проверять эти доклады, потом возвращались и пели о своих находках. Очень быстро племя приходило к единому решению. На слух Джошуа это было, словно разношерстный хор внезапно и ликующе разражался превосходным исполнением оды «К радости» — и отправлялся на поиски вкусняшек. Лобсанг пришел к выводу, что в этом и заключалась сущность коллективного разума троллей, приспособленного к жизни во множестве последовательных миров. Племя троллей походило на пчелиный рой: разведчики возвращались из последовательных миров и танцевали для остальных новости о пище и угрозах.

Теперь у него было время понаблюдать за ними с более близкого расстояния. И, возможно, дольше, чем кто-либо до этого в дикой среде, размышлял он. Джошуа казалось, что он обнаружил доселе неизвестные аспекты в их поведении. Например, появлялись разведчики, которых он не узнавал — притом что со всей этой шерстью

и так было трудно наверняка сказать кто есть кто, — и присоединялись к разведчикам «его» племени, а может, и других, и начинали ухать, прыгать, хлопать по земле, а иногда даже в шутку бороться, десятки троллей из нескольких разных племен в одной куче.

«Это как Новый год в Бостоне», — подумал ошарашенный Джошуа.

Но хотя тут очевидно присутствовал сильный элемент игры — и флирта, поскольку некоторые парочки периодически отделялись от остальных, — Джошуа был уверен: все это каким-то образом связано с коллективом, каждый жест, каждое уханье и крик — это выражение пришедшей в голову или полученной от кого-то мысли.

В некотором роде не существовало отдельных троллей, они существовали только вместе, как коллектив. Точно так же, как одна пчела не является настоящим индивидуумом, отдельным от роя. А Джошуа знал о пчелах, в детстве он провел много страшных часов, помогая сестре Реджине ухаживать за единственным ульем Приюта. Племя троллей видело и чувствовало как единое целое, а помнило посредством танцев и долгого зова. И новое поведение, которое он наблюдал, похоже, вписывалось в это. Пчеловоды знают,

что иногда трутни из ульев на несколько миль вокруг собираются на что-то вроде конгресса и торопливо делятся информацией в жужжащем воздушном танце. Возможно, здесь происходило то же самое: племена троллей, живущие за много миль друг от друга — и за много последовательных Земель, — делились своими знаниями о возможностях и угрозах.

— Надо рассказать Лобсангу, — сказал Джошуа. — На Долгой Земле всегда найдется что-нибудь новенькое.

И когда очень маленький детеныш умер от какого-то заболевания, которое Джошуа не сумел ни распознать, ни вылечить, он стал свидетелем поведения, о котором слышал раньше. Детеныша похоронили в примитивной, выкопанной скребками могиле, и племя собралось вокруг нее, разбрасывая лепестки цветов.

* * *

Ему либо просто повезло, что тролли жили рядом во время его выздоровления, либо повезло еще больше, что они намеренно остались, проявив доброту к потрепанному старому человеку со сломанной ногой.

Он не заслужил такого везения, думал Джошуа

в минуты мрачного настроения.

В конце концов, тролли не просили его появляться здесь. И травму он получил по собственной глупости. Многие люди из Верхних Меггеров оставили бы его валяться в грязи, забрав все мало-мальски стоящее. Даже Салли Линдси, размышлял Джошуа с горьким юмором, возможно, бросила бы его, сочтя смерть от голода или зубов какого-нибудь хищника подходящей наградой за беспечность. Долгая Земля — суровое место, грубое место, которое ничего тебе не должно. В итоге глупые отсеиваются — и даже великий Джошуа Валиенте, самый известный первопроходец, не застрахован от этого.

Только этого не случилось. Спасибо троллям.

Ему хотелось верить, что и он отдавал им что-то взамен.

Ведь у них было много общего. Считалось, что у троллей и людей были общие далекие предки, которые жили в африканских саваннах Базовой. Предки троллей отправились в глубь Долгой Земли, чтобы стать суперпереходящими охотниками, а предки людей остались на Базовой и расселились по континентам, научившись выживать, ударять камнем о камень и расщеплять атомы. Но, подумал Джошуа, они должны иметь

общие глубокие первобытные воспоминания о тех совместных ранних днях — воспоминания о клыках леопарда. Леопардов Джошуа не видел, зато здесь водились хищники настолько свирепые, что слонам потребовалось отрастить броню. Тролли были большими, тяжелыми, умными животными, но, несмотря на всю сложность их песни, несмотря на всю мощь их мышц, в дикой природе они оставались такими же нагими, как и человек умелый два миллиона лет назад. Джошуа видел, как, сбившись в кучу в темноте, они прижимались к каменной стене утеса. Как они просыпались от ночных звуков, и родители крепче обнимали детенышей. Как облако страха окутывало племя.

Так что Джошуа внес свой вклад в то, чтобы сгладить этот страх. Он показал троллям свои инструменты, ножи, маленькие пистолеты и что он умеет с ними делать. И проверял, чтобы каждый вечер горел огонь — костер, который они с троллями поддерживали всю ночь.

— Санчо, называй меня мужчина-детеныш.

— Ух?

Они оставались с ним, пока он выздоравливал, и наоборот, он оставался с ними.

Но он не был троллем.

Шли недели и месяцы, а он застрял в добровольном творческом отпуске, который превратился в вынужденное изгнание.

В конечном счете больше всего он скучал по Хелен.

Оглядываясь назад, он удивлялся, сколько времени потратил зря вдали от нее. В итоге их совместная жизнь казалась такой короткой. Он держал в руках ее дневник, переживший месяцы его болезни.

— Хелен, — говорил он, — если я выберусь из этой передряги, то приеду навестить тебя в Базовом Мэдисоне, где ты лежишь, даже если мне придется всю дорогу прыгать на пого. Клянусь.

Когда на Джошуа накатывало такое настроение, к нему приходил старый тролль Санчо.

* * *

Была середина дня, солнце стояло высоко в небе. Джошуа сидел на вершине утеса в потрепанной широкополой шляпе и расстегнутой рубашке.

Это был самый теплый день после зимы, и воздух казался неподвижным и душным одеялом. С высоты Джошуа видел большой кусок местности — почти никакого шевеления. Некоторые тролли

лениво сидели в тени утеса, но большинство где-то пропадали, наверное, ушли собирать пищу в какой-нибудь из соседних миров. Слоны толпились возле реки выше по течению и негромко трубили, поливая водой свои бронированные морды.

Тут и появился Санчо с троллим зовом, сувениром от Университета Вальгаллы. Его стареющее тяжелое тело неуклюже поднималось на утес, хотя и не так неуклюже, как Джошуа с негнущейся правой ногой. Санчо сел рядом с Джошуа, накинул на плечи серебристое одеяло и с едва уловимым стариковским презрением окинул взглядом окрестность.

Затем в молчаливой просьбе протянул похожую на боксерскую перчатку ручищу. Джошуа вздохнул и отдал ему свои солнечные очки.

— Только не погни снова чертову оправу.

— Ух, — сказал тролль, напялив очки на свое широкое лицо. Джошуа вынужден был признать, что каким-то образом очки Санчо шли.

Иногда они сидели вот так рядом несколько часов подряд, молча, каждый жевал травинку. Как два старых лодочника возле Миссисипи, раздумывал Джошуа, а часы текли, как воды реки.

А иногда они разговаривали.

Санчо выплюнул сгусток зеленой слизи.

— Один.

Он передал Джошуа троллий зов для ответа.

— Кто, я? Или ты?

— Почему один почему?

Джошуа пожал плечами.

— Мне нравится быть одному. Или раньше нравилось.

Старый тролль поджал губы и прищурился, вслушиваясь. Джошуа всегда было интересно, сколько из сказанного доходит до тролля. С трольим зовом оставалось только кричать и надеяться.

— Ребенок одинокий?

— Да. Ребенком я тоже был одинок. У меня были друзья, которые заботились обо мне. Думаю, я сломаю троллий зов, если попытаюсь объяснить, кто такая сестра Агнес.

— Ух.

— Ты тоже один. Я вижу. Где твоя семья?

Тролль снова сплюнул, обхватил сверху голову рукой, как орангутан, и почесал грязную подмышку.

— Семья счастлива здорова голодна, далеко. Дети с мамой-и-папой. Мама-и-папа с детьми. Старые тролли, я, уходят. Нет детей, нет мамы-и-

папы, уходят. Это племя, это племя, это племя.

Джошуа представил небольшой клан пожилых одиноких троллей, чьи дети выросли и стали самостоятельными, а самки, вероятно, больше не способны к зачатию. Они кочуют по последовательным просторам, не совсем одни — настоящий одиночка долго не проживет, — но от одного племени к другому. Наблюдали ли люди такое поведение? Наверное, они просто предполагали, что старики, которых они видели в любом племени, были бабушками и дедушками, даже прабабушками и прадедушками, которые помогают молодым поколениям. Даже Лобсанг мог попасть в эту ловушку, наблюдая за троллями в ограниченном пространстве своего заповедника на Ближних Землях, где старики вроде Санчо не имели обычной свободы передвижения.

Теперь Санчо постучал пальцем по своему черепу.

— Библиотекарь.

— Да. Ты уже говорил. Ты библиотекарь. Так тебя называли в колледже? Что это значит, Санчо?

— Большая голова. Много помнить.

— Память?

— Много помнить. Помнить для троллей. Старое время, давно время прошло. Погода. До людей.

— Хм. До Дня перехода. Когда золотой век для троллей закончился…

— Полная голова.

— Полная чего? Полагаю, воспоминаний. Историй? Значит, так ты зарабатываешь себе на хлеб? Рассказываешь истории разным племенам?

— Библиотекарь.

Джошуа улыбнулся.

— Да, приятель. И, наверное, все, что ты знаешь, пополняет долгий зов…

Он понимал, насколько полезной может быть подобная информация для троллей, как и для любой группы людей. Всегда стоит заботиться о горстке стариков, которые могут вспомнить, что они делали, когда в последний раз случалось наводнение, которое бывает раз в десять лет, или сильная буря, или голод, или суровая зима, когда найденный под снегом определенный вид грибов может спасти тебе жизнь… Вероятно, в случае с троллями это будут сведения, полученные и в более далеком прошлом, много поколений назад. Воспоминания об извержениях вулканов, землетрясениях и даже падениях астероидов, уроки того, как тролли переживали подобные катастрофы раньше. Джошуа начал представлять разум Санчо пещерой, глубокой, темной и загадочной,

полной сокровищ, информации — памяти.

Лобсанг изучал троллей со времен Того Самого Путешествия в 2030 году. Однажды Лобсанг сказал Джошуа, что культура, в отличие от инстинктивного поведения, накапливается вне генома, вне тела, вне памяти одного индивидуума. Человеческая культура хранится в артефактах, книгах, инструментах, зданиях, множестве изобретений и открытий, передающихся из прошлого и доступных для каждого нового поколения. У троллей точно так же, только все их знания о мире заключаются в долгом зове, песне, существующей вне головы одного животного. Лобсанг говорил о долгом зове как о компьютерной системе, обширной, способной адаптироваться к информационной сети, закодированной в музыке.

Что ж, может быть, библиотекари, закаленные старики с большим опытом, были вроде запоминающих устройств с высокой плотностью записи, внедренных в эту непостоянную сеть, буферными хранилищами мудрости своего вида.

Пока Джошуа размышлял об этом, Санчо с необычной нежностью похлопал его по руке.

— Мама, папа, ребенок один, бу ух. Старый хрыч один, кому какое дело?

Тролль его жалеет, неожиданно понял Джошуа.

Это животное его жалеет. На мгновение его охватило раздражение. Джошуа всегда было неуютно от чужого внимания, и он не любил жалость. Но раздражение быстро прошло.

— Ты спас мне жизнь, старина. Полагаю, ты заслужил право на это чувство.

— Бу ух, — ласково сказал старый тролль и обхватил голову другой рукой, вычищая другую подмышку.

Тогда-то Джошуа и услышал приглушенное гудение в небе, не похожее на жужжание насекомых или шум птерозавра.

Санчо не выказывал никаких признаков тревоги.

— Похоже на звук аэроплана, старик.

— Ух?

— Дай-ка сюда…

Джошуа выхватил очки у тролля и напялил на себя. Он с трудом поднялся на ноги и, опираясь на костыль, огляделся, заслонив ладонью глаза от солнца. Звук словно эхом отражался в засушливой местности. Джошуа потребовалось несколько секунд, чтобы засечь самолет — сверкающую искорку в белесом небе. Но теперь самолет направлялся в его сторону, возможно, привлеченный серебристыми бликами спаса-

тельного одеяла.

Когда он пролетел над утесом, покачивая крыльями, Джошуа разглядел гладкую белую обшивку воздушного аппарата без опознавательных знаков, за исключением регистрационного номера и логотипа Корпорации Блэка в виде стилизованного буддистского монаха, обозначавшего возможность переходить во время полета. Крылья были недлинными, хвостовой стабилизатор — толстым, а сам корпус имел форму короткого цилиндра.

Тролли не обращали на самолет никакого внимания.

Но Джошуа расплылся в улыбке.

— Только раз в жизни я летал на таком самолете. И знаю, кто это. — Рискованно навалившись на костыль, он снял шляпу и замахал ею. — Род! Род Валиенте! Спускайся сюда!

Глава 31

Самолет плавно приземлился в полумиле от утеса. Джошуа направился к нему, ковыляя на самодельном костыле.

Санчо и остальные взрослые тролли проявили абсолютное безразличие к чуду техники, которое внезапно спустилось с пустого неба. А вот Мэтт понесся к самолету впереди Джошуа — клубок любопытства и энергии на пыльной земле.

Мэтт добежал до самолета как раз в тот момент, когда открылся люк и вылез Род. Он уже сменил летную форму на практичную линялую рубашку, походную куртку, джинсы и широкополую шляпу. На спине он нес тяжелый на вид белый рюкзак. Мэтт прыгал перед ним, стоял на голове и кувыркался в пыли. Джошуа увидел, как его сын усмехаясь опустился на колени, чтобы поговорить с Мэттом, а потом достал что-то из кармана и подкинул вверх. Мэтт поймал это одной рукой, ухая и кувыркаясь, и помчался обратно к утесу.

Род встретился с хромым отцом всего-то в сотне ярдов от утеса. Он замедлил шаг, как-то опасливо, словно определяя настроение Джошуа.

— Привет, папа.

— Род.

— Послушай, пап, я знаю, что нарушил твой творческий отпуск. Я также вижу, что у тебя проблемы. — Он похлопал по рюкзаку, в котором, как предположил Джошуа, лежали медикаменты. — Что ж, я пришел подготовленным. Ты можешь либо сказать, что я слишком долго сюда добирался, либо разозлиться. Так?

— Род…

— Но я пришел не из прихоти и не потому, что ты задержался. У меня есть для тебя новости…

— Хватит болтать. — Джошуа шагнул вперед и обнял сына. Род пах самолетом, машинным маслом, электричеством и новой обшивкой кабины. Джошуа боялся предположить, чем пах он сам. — У меня проблемы. Сломал проклятую ногу. Спасибо, что прилетел, сынок.

Они неуклюже разомкнули объятия и черепашьим шагом побрели к утесу.

Если они стеснялись друг друга, то Мэтт не стеснялся никого. Он вернулся со своей сестрой Лиз, оба начали ухать и кувыркаться вокруг Рода. Род опять полез в карманы.

— Друзья, у меня хватит сахара для обоих.

Они поймали белые куски прямо в воздухе и

бросили в свои широкие рты.

— А ты хорошо ладишь с троллями, — заметил Джошуа.

— Это так удивительно? Папа, мы, моя семья, живем среди троллей. Или они среди нас. Ты должен это знать. И знал бы, если бы провел с нами какое-то время.

— Ладно, ладно. Но их матери и отцы не одобрят, если ты продолжишь кормить их сахаром.

Род вскинул брови.

— Папа, он генно-модифицированный. Никакого кариеса и безвреден для пищеварительной системы. Ты отстал от жизни.

Они дошли до скалы и примитивного лагеря Джошуа. Санчо все еще сидел на вершине утеса, опять закутанный в спасательное одеяло. Он наблюдал за приближением Рода с серьезным, но рассеянным интересом. Род поклонился ему и сказал:

— Ух?

— Ух. — Санчо отвернулся, очевидно, восприняв появление Рода как само собой разумеющееся.

— Это племя троллей спасло мне жизнь, — сказал Джошуа. — Особенно он, Санчо, после перелома. Иначе я бы не справился.

Род опять посмотрел на Санчо и кивнул.

— Я впечатлен. Не удивлен, но впечатлен. Дай и мне взглянуть на твою ногу.

* * *

Они расположились в тени утеса. Род сбросил рюкзак и расстегнул на нем молнию. Внутри кроме медикаментов оказалась маленькая сумка-холодильник, из которой он извлек несколько бутылок холодного пива и протянул одну отцу вместе с открывашкой.

— Это тебе для анестезии. Лучшее из Вальгаллы.

Сидя на земле, Джошуа сковырнул крышечку и с наслаждением сделал долгий глоток.

— Просто невероятно!

Род тоже отпил пива и посмотрел на Санчо. Затем передал троллю бутылочку.

Санчо взял ее — бутылка почти утонула в его огромной покрытой шерстью ручище — и подозрительно осмотрел. Потянулся за тролльим зовом и спросил:

— Легкое?

— Ни в коем случае, — ответил Род.

Тролль проворчал, сорвал крышечку зубом, похожим на надгробный камень, и сделал затяжной глоток.

Род вымыл руки стерилизующей жидкостью, натянул хирургические перчатки и принялся за ногу Джошуа. Срезал грубые бинты, снял планки, которые прилипли к коже благодаря темно-зеленой массе пережеванной растительной кашицы. Род ткнул в нее.

— Троллья припарка?

Джошуа пожал плечами.

— Наверное. Я был в отключке, когда они делали это со мной. Некоторые я прикладывал сам.

— Я видел, как они это делают. Собирают траву, перемалывают коренными зубами и прикладывают. В их больших головах хранится много сведений о народной медицине, специфичной для миров или групп миров, которые они посещают… Признаков инфекции нет. Черт, я бы ее уже унюхал. Я все это уберу, вколю тебе антибиотики. — Он посмотрел на отца. — Видишь, все, что я знаю, — это полевая медицина. Возможно, я буду более неуклюжим, чем эти тролли. Хочешь обезболивающее?

— Я скажу, если понадобится. — Пока Род работал, Джошуа откинулся назад, не выпуская из рук пива. — Так как ты меня нашел?

— Без труда. Твой старый приятель Билл Чамберс здорово помог. Когда ты задержался, он

позвал меня.

— Задержался? Какого черта мне задерживаться? Я в творческом отпуске. В творческом отпуске по определению не «задерживаются».

Род только рассмеялся.

— Билл показал амбарную книгу, которую он завел на тебя.

— Амбарную книгу?

— Сколько в среднем времени с девяностопроцентным доверительным интервалом проходит, прежде чем ты с ним связываешься. Полагаю, Билл знает тебя как никто с тех пор, как вы вдвоем ставили на уши этот ваш Приют в Мэдисоне.

— Я ни с кем не связываюсь.

— Конечно, ты — нет, папа. Поэтому он знает, сколько ты отсутствуешь. И у него также есть способ предсказать, какое место в Верхних Мегерах ты посетишь следующим, основываясь на тех, где побывал раньше. Можешь назвать это алгоритмом.

— Алгоритмом?

— Он хранит все в папке.

— В папке?

— Так или иначе, когда ты задержался, Билл послал сообщение, и я отправился искать в вероятных местах. Найдя нужный мир, я пошел по

твоему радиосигналу, и спасательное одеяло, в которое закутался твой приятель…

— Ой.

— Прости. Уверен, что не нужно обезболивающее?

— Я могу выпить еще пива.

Род передал ему бутылку и продолжил работать.

— Скажу честно, папа. Когда я вылетел, то спрашивал себя, что я найду. И будет ли что находить.

Джошуа нахмурился.

— Вот что ты думаешь? Что я был в каком-то смертельном походе?

Но разве удивительно, что Род так о нем думал? Он представил лицо Билла Чамберса, такое же морщинистое, как и его собственное, со скептицизмом смотрящее на него. «Я тебя предупреждал. Если будешь продолжать шляться в одиночку, ты сгинешь там, долбаный идиот. Ты не знаешь и половины правды о себе, да?..»

Рода передернуло от прямоты Джошуа, но он сказал:

— Папа, нам трудно понять, почему тебе так нужно уходить в эти творческие отпуска. Снова и снова.

— Я делал это всю жизнь. С тех пор, как Агнес и сестры позволили мне в одиночку отлучаться из Приюта на ночь. — Он с трудом подбирал слова. — После Дня перехода, когда Долгая Земля открылась — во всяком случае, лично для меня, — если я возвращался на Базовую, к миллиардам людей, скученным на клочке мира — мира не толще, чем лезвие ножа, — мою голову сжимало, словно в кулаке.

— Хм-м. Но, папа, ты сейчас ближе к семидесяти, чем к семнадцати. — Род показал на поврежденную ногу рукой в перчатке, перепачканной зеленью от компрессов. — И могло быть даже хуже. Билл говорил, что ты избегаешь миров, где много троллей.

— Предполагалось, что это одиночное путешествие. Тролли, благослови их боже, могут быть шумными соседями, если ищешь тишины. Или той единственной Тишины.

— Значит, тебе повезло. Папа, у тебя есть люди, которым ты нужен. Семья.

Джошуа бросил на него сердитый взгляд.

— Семья, которая ушла от меня.

Род отвернулся, сосредоточившись на ноге.

— Ага, ну, может, сейчас все иначе.

— Сейчас иначе? — Джошуа вспомнил. — Ты

сказал, что у тебя есть новости. Что за новости?

Род пожал плечами.

— Хорошие новости, плохие новости. И немного новостей, которые тебя не удивят.

— Расскажи те, что не удивят.

— Лобсанг тебя зовет.

Отхлебнув пива, Джошуа откинулся назад и рассмеялся.

— Нет, черт побери, это меня не удивляет. Я думал, что он опять исчез, что у него очередной периодический сбой.

— Как я понял, да. Но твой старый приятель Нельсон Азикиве пошел и привел его обратно.

— Куда пошел? Неважно. Так что, на Долгой Земле разгорается новый кризис?

— Как всегда. И они хотят, чтобы ты вернулся, папа, Нельсон и Лобсанг…

— Все по-старому. Скажи плохие новости, — прямо попросил Джошуа.

Род поднял голову.

— Сестра Агнес умерла.

— А. Ладно.

— В Приюте были поминки. Прости, папа. Я знаю, как вы были близки.

— Да. Даже после того, как Лобсанг ее вернул, она по-прежнему оставалась Агнес. Что в сумме

дает много лет. Но мы попрощались. А что за хорошие новости?

На этот раз Джошуа мог поклясться, что Род покраснел под загаром.

— София беременна. Теперь, папа, если ты не помнишь, кто она такая…

— София Пайпер. За кого ты меня принимаешь? Твоя… — Он помедлил, не желая использовать неправильное слово. — Партнерша?

— Примерно так.

— Значит, ты станешь отцом. — Опять же, было ли это слово правильным применительно к свободной семье Рода? — Я имею в виду, биологическим отцом.

— Да. А ты станешь биологическим дедушкой, — сухо ответил Род.

Что ж, это были хорошие новости. И неожиданные. Правда потрясающие. Словно мир перестраивался вокруг Джошуа, словно все вокруг него, его отношения с сыном, скалы и деревья, и тролли приобрели новое значение.

После такого пропадает всякое стремление к самоубийственным поступкам, если оно вообще было.

— Ого, — сказал он наконец.

— Так что ты думаешь? — спросил Род.

— Наверное, у тебя здесь нет сигар.

— Возьми еще пива.

— Ты всегда говорил, что не собираешься это делать. Заводить собственных детей.

Род опять пожал плечами.

— Мы человеческие существа. Сложная загадка. И знаешь что? Мы передумали.

— Ты влюбился в Софию, вот что.

— Наверное. И, думаю, ее племянники, которые все время крутятся рядом, тоже на нас повлияли. Мы всегда с таким трудом с ними расставались. Остальные члены семьи закатили вечеринку, когда узнали. У нас так принято.

— Хорошо. Но, Род…

— Да?

— Спасибо, что признался. Спасибо, что рассказал.

Род выглядел смущенным.

— Ну, мне в любом случае пришлось ехать спасать твою задницу. Я не мог не сказать тебе…

— Все равно спасибо.

— Не за что.

И, решил Джошуа, сейчас не время напоминать Роду об Освальде Хаккете и о Фонде, и об отвратительном генетическом наследии Валиенте. Джошуа принял решение жить с этим и двигать-

ся дальше. Может, Род сделает то же самое.

Наконец Род сел и принялся стягивать хирургические перчатки.

— Готово. Будет держаться, пока не вернемся в Вальгаллу или на Ближние. Итак. — Он посмотрел на небо. — Пора обедать?

— Почему бы нет? Я делюсь с троллями. С меня костер и специи, с них мясо. Род, скажу тебе, что кулинария троллей больше всего подходит тому, кто очень, очень голоден…

Род широко улыбнулся.

— Знаю, папа. Схожу в самолет, принесу еще пива.

Глава 32

Звезда-убийца ослепительно сверкала на светлом вечернем небе Запада-3141.

Она была такой яркой, что заставляла предметы отбрасывать тени, соперничая даже с заходящим солнцем. Ярче любой звезды обычных созвездий, ярче Венеры, ярче Луны. Но небо затягивали клубы дыма. На горизонте местами горел лес, пламя стекало вниз по склону холма, словно спецэффекты во «Властелине колец», еще одном любимом фильме Яна. А река под носом дирижабля была забита телами каких-то крупных травоядных: целые стада, погибшие и смытые течением.

— Сверхновая, — мрачно произнесла Роберта.

— Ничего себе, — отозвалась сестра Колин.

Подошел Ян, с круглыми от удивления глазами, все еще держа за руку молодого матроса, который привел его на эту наблюдательную палубу.

Когда пришло время забрать Яна на проект Следующих на Западе-3141592, на отрезок пути до Вальгаллы Роберта купила им билеты на коммерческий твен, обычный дирижабль. Экипаж привык обращаться с детьми и был добр к Яну.

Теперь мальчик стоял между Робертой и сестрой Колин и недоуменно таращился в иллюминатор. Колин положила ладонь ему на плечо.

— Вот что особенное в этом пи-мире, Ян, — сказала Роберта. — Кажется невероятным, что все это произошло из-за звезды, которая находится, возможно, за тысячу световых лет отсюда. Катастрофа, занявшая всего секунду…

— Сверхновая, — проговорил Ян. — Я читал про такие.

— Далекая сверхновая, да. Недостаточно далекая. Для обитателей этого мира все случилось без предупреждения. Первая разрушительная волна прилетела со скоростью света вместе с картинкой взрыва: высокоэнергетические гамма-лучи и рентгеновское излучение ударили, как только взрыв стал виден. Озоновый слой смело, и на поверхность Земли обрушился солнечный ультрафиолет. Вероятно, все произошло так внезапно, что даже большинство переходящих существ не успели отреагировать. И сверхновая еще не закончила. На пути волна космического излучения, летящая медленнее света, она прибудет через несколько лет.

— Мэм, у нас до сих пор нет полной информации о человеческих жертвах, — сказал матрос. — Пер-

вые доклады поступили от путешественников, пытавшихся пройти через этот мир несколько дней спустя. Конечно, Долгая Земля довольно неорганизованное место. Наверное, придется подождать заявлений о пропавших.

— Ого, — тихо произнес Ян. — Известно, какая это звезда?

— Еще нет, — ответила Роберта. — Наверное, астрономы в Университете Вальгаллы или в Дыре смогут это выяснить. Кандидатов множество. Вследствие какого-то случайного события в этой конкретной вселенной могла взорваться любая из крупных массивных звезд. Сириус, Канопус, Ригель, Альтаир, Денеб, Спика, Вега…

Ян посмотрел на нее:

— Вега?

Сестра Колин тоже не знала об этом событии.

— Страшно, что это так близко к дому. Мы привыкли думать, что такие вещи происходят в Верхних Меггерах. Не здесь…

— Не здесь, в Ледовом поясе, — сказала Роберта. — Не в родном поясе Базовой, нет. По нашим приблизительным расчетам, сверхновая поблизости может взорваться всего в одном из десяти миллионов последовательных миров. Не повезло, что одна обнаружилась так близко. Вот, Ян, это

самый сильный вред, который может причинить вселенная: катастрофа, распространяющаяся на тысячи световых лет. Но бояться не нужно. Если тебя накроет сверхновая — с этим ничего не поделаешь. Как говорим мы, Следующие, надо быть смиренными перед лицом вселенной. Но со временем — очень долгим, конечно, — жизнь воскресает, разум восстанавливается, строительство начинается снова. И если это Долгий мир, то восстановление происходит быстрее. Через несколько лет, когда тут станет безопасно, люди вернутся прямо сюда. Тролли тоже. Они принесут с собой животных и семена. Вернут эту Землю к жизни. — Она немного неловко наклонилась, чтобы оказаться на одном уровне с Яном. — К тому же, Ян, мы получили приглашение. Сообщение от каких-то далеких людей. Так что видишь, несмотря на все ужасы вроде сверхновых, вселенная полна жизни. — Она внимательно смотрела на мальчика с вымученной улыбкой. — Так должно быть.

Ян обдумал ее слова.

— Вега, — произнес он после паузы. — Именно туда отправлялась Элли Эрроуэй. Знаю, это всего лишь выдумка. Но интересно, что стало с тамошними жителями.

Глава 33

Род решил остаться на несколько дней. Спешить некуда, сказал он отцу, хотя Джошуа в этом сомневался, учитывая беременную партнершу Рода в лесах и то, что Род говорил о Лобсанге. Но Род хотел удостовериться, что с ногой Джошуа все в порядке, прежде чем тронуться в обратный путь, который мог оказаться долгим, хоть и легким в предназначенном для переходов самолете.

Так что они обустроились здесь.

Джошуа заметил, что тролли сразу приняли Рода. Конечно, его уловка с сахаром не помешала. Но Род был молод, здоров и, очевидно, привык к троллям. К тому же он был намного активнее, чем когда-либо Джошуа, даже до того, как сломал ногу и стал нахлебником. Род играл с молодняком, с Мэттом и Лиз — в метание, салочки, гонки, в охоту. У него хватало благоразумия не ввязываться в излюбленные троллями состязания по борьбе, потому что, как Джошуа знал по опыту, даже у детенышей хватка была такая, что они могли сломать ребра. Род проверил ловушки Джошуа и поставил несколько своих. И, конечно, каждую

ночь они поддерживали костер для защиты от клыков и когтей из темноты и чтобы готовить огромное количество мяса, которое тролли с удовольствием поглощали.

По вечерам они вели долгие неспешные беседы о том о сем. Как иногда казалось, настолько же неспешные, как исцеление Джошуа, и, наверное, это была неплохая аналогия. В отношениях отца с сыном еще много нужно было исцелять. Но Джошуа интриговали принесенные Родом новости о прокатившейся по всей Долгой Земле сенсации: Приглашении, некоем послании внеземной цивилизации, и слухи о колоссальном промышленном проекте Следующих, как говорили, в Верхних Меггерах, за Дырой. На Долгой Земле всегда что-то происходит, так думал Джошуа.

На третий день своего пребывания Род завоевал еще больше поклонников среди троллей благодаря помощи в охоте.

Все началось с суматохи, когда разведчики, переходя туда-сюда между мирами, сообщили обрывками песен, что наткнулись на большого старого слона. Раненый, он отстал от своего стада самцов. Джошуа сидел с Родом и Санчо и слушал, как бесконечная песнь троллей поглощает их сообщения. Для исследования находки перешло

еще несколько разведчиков. Санчо через троллий зов, как мог, комментировал происходящее Джошуа и Роду.

Затем молодые взрослые самцы и самки собрались и начали готовиться к охоте. Они вооружались каменными ножами, песни становились более резкими и возбужденными. Род прихватил пару своих ножей, копье, которое Джошуа от безделья выстругал из прямой и ровной ветки, и побежал к группе.

Джошуа не смог устоять и присоединился к ним. Это однозначно будет самое эффектное убийство с тех пор, как он жил с племенем. Поэтому он попросил Санчо помочь ему подняться, они запрыгали между мирами, пока не нашли место убийства, и там они приготовились наблюдать.

Тролли уже окружили слона. У животного в верхней части бедра зияла большая рана, вероятно, нанесенная каким-то крупным хищником, и, измученный болью, он не мог долго идти. Земля у него под ногами была запятнана кровью.

И вот тролли окружили его.

Слон попытался прорваться. Он трубил и мотал головой, защищаясь бронированной мордой от тяжелых кулаков троллей и отбиваясь от нападавших острыми передними краями костяной

маски. Джошуа с облегчением увидел, что Род стоит на приличном расстоянии от ближнего боя, в то время как тролли колотили, кололи и били животное дубинками.

Но когда слон особенно яростным толчком разбросал мучителей и ненадолго остался один, трубя и вздымая хобот, Род метнул копье Джошуа. Наконечник ударил в щеку, уязвимое место под лицевой броней. Слон завопил, изо рта и хобота хлынула кровь. Пока Род стоял позади и смотрел, тролли опять окружили добычу и свалили умирающее животное на землю.

Бесстрастно наблюдавший Санчо взял троллий зов.

— Хороший бросок.

— Это мой сын.

Санчо смерил Джошуа взглядом и презрительно спросил:

— Правда? Твой? Ха!

* * *

К концу дня тролли набили животы стейками из слона и расслабились. Матери кормили грудью младенцев, самцы искали в подмышках и других местах блох и прочих паразитов, детеныши крутились под ногами и лениво боролись, некоторые

из молодых взрослых терпеливо долбили орудия, тренируя навыки и добавляя мусора на участке, служившем бесконечно пополняемым складом. Одна или две пары занимались, как обычно, шумным, очень быстрым сексом. И над всем племенем, словно облако, висела нескончаемая песня — комфортное бормотание.

Джошуа сидел рядом с Санчо, который, как всегда, завернулся в присвоенное серебристое одеяло. Этим вечером Род был с ними, все еще забрызганный кровью слона, которого помогал убивать и разделывать.

Джошуа решился заговорить:

— Знаю, я уже спрашивал, но мне интересно, как тебе удается так ладить с троллями?

— Просто ты никогда не видел меня в лесу, папа. Меня и мою семью. Вот так мы и живем и поощряем своих детей. Жить с троллями. Я хочу сказать, нужно следить, чтобы дети не пострадали. Тролли большие и тяжелые животные, они могут быть неуклюжими… Но польза перевешивает. Тролли сильно отличаются от людей. Чтобы с ними поладить, нужно понять, что у тебя с ними общего, и от этого отталкиваться. Хорошо прочищает мозги.

— Хм-м. Ты учишься быть разумным в этой

сложной вселенной. При этом думая, что просто обкалываешь лезвие или разводишь костер.

— Вот именно. И наши дети впитывают уроки. Такие как прибрать за собой.

Джошуа улыбнулся.

— Я могу играть в эту игру. А как насчет того, чтобы учиться на твоих ошибках?

— Не укради.

— Не бери, а лучше отдавай.

— Познай себя.

Это удивило Джошуа.

— Настолько глубоко?

— Почему нет? С троллями на Долгой Земле стали обращаться гораздо лучше, чем в твое время.

— Мое время? Сынок, я еще не ушел в отставку.

— Разве ты не подавал когда-то президенту Старлингу петицию о жестоком обращении с троллями?

— Да, но тогда он был простым сенатором Джимом. Все же, возможно, в итоге это изменило ситуацию.

— Пора на боковую. Собираюсь завтра подготовить самолет. Может, послезавтра полетим.

— Что за срочность?

Род ухмыльнулся.

— Только в том, что у нас кончается пиво, которое распробовал твой приятель Санчо…

Так уж вышло, что план не сработал.

Глава 34

Задолго до появления Рода на самолете Джошуа начал прогуливаться, каждый день чуть дальше.

Большую часть зимы он ходил на костылях — ветках, которые Салли или Патрик приносили из рощиц, а он обстругивал ножами. Пришлось потрудиться, чтобы подобрать нужную длину, а для удобства использования Джошуа пожертвовал одной из своих рубашек, чтобы сделать набитые мхом подкладки для подмышек. Также он обжег на огне плоские концы костылей, которые опирались на землю, но они все равно быстро стирались.

И все-таки каждый день он проходил все больше.

Он ходил вокруг утеса, в роще и по берегу реки, пытаясь восстановить силу здоровой ноги, рук и спины. Лучшим средством в случае большинства угроз оставался переход, он позволил бы избежать любого хищника, кроме человекообразных, например эльфов. Но Джошуа считал, что, если когда-нибудь надумает переходить обратно в более населенные Земли, ему обязательно потре-

буется свобода передвижения, чтобы спасаться от таких угроз, как наводнения, и обходить географические изменения вроде внутренних морей пояса Вальгаллы. Поэтому нужны были костыли и пешие прогулки.

Потом, конечно, прилетел Род. Теперь у Джошуа были нормальные костыли, изготовленные в Вальгалле, легкие и складные, из медицинских запасов самолета, и более легкий способ вернуться домой на самолете, а не просто переходить. Но он все равно гулял каждый день, восстанавливая силы. В конце концов, никогда не знаешь, что может случиться. Они с Родом находились далеко от дома, и если самолет их подведет, им придется полагаться на собственные силы, чтобы выжить.

В тот день Джошуа ковылял вдоль берега реки, беззаботно слушая песню троллей, как обычно, погруженный в ее простую красоту. Но мир оставался опасным, и Джошуа всегда носил с собой оружие: ножи и бронзовый пистолет. И старался находиться в поле зрения троллей. Вот и теперь, осмотревшись, он увидел, что Салли играет с Лиз около утеса, а несколько самцов вдалеке мелькают, переходя туда-сюда, наверное, в поисках добычи. Старый Санчо сидел по-турецки на вершине утеса, завернувшись в серебристое спа-

сательное одеяло, как в плащ. Джошуа невольно улыбнулся при виде волосатого Супермена. Неподалеку Род возился с самолетом.

И тогда, продолжая идти вдоль реки, стараясь не вляпаться в липкую прибрежную грязь, в которую костыли могли погрузиться на фут, а то и больше, Джошуа заметил маленького Мэтта. Тот в одиночестве сидел на корточках у воды и пел, бездумно рисуя пальцем в грязи. Рядом никого не было. Никого, чтобы примчаться на помощь, если случится худшее, а «худшего» здесь целый список.

И это было странно.

Каким образом Мэтт оказался так далеко от всех? Детеныши троллей обладали хорошими инстинктами в этом отношении. А как всегда говорила Салли Линдси, если ты не разовьешь хорошие инстинкты, то не продержишься долго в Верхних Меггерах. Должно быть, что-то заставило Мэтта поверить, что он по-прежнему близко к остальным, так что обычные тревожные звоночки молчали.

Джошуа дошел до Мэтта и встал, тяжело дыша, сломанная нога висела мертвым грузом. Поворачиваясь на костылях, Джошуа оглядел окрестности, берег реки, воду. Не считая трол-

льего детеныша у ног, он был один — не видел ни одного тролля со своего места. Мэтт даже не поднял головы. Просто тролль у реки, который играет в грязи и, поглощенный мелодией, тихонько подпевает нескончаемой песне племени…

Песня. Вот что не так. Песня была чересчур громкой. Вот почему Мэтт не насторожился, он слушал песню и, осознанно или нет, воспринимал ее громкость как знак того, что рядом много троллей. Но их не было. И если песню, которую он слышал, пели не тролли, то кто? Или что…

Словно услышав его мысли, в этот миг из воды выпрыгнуло животное. Джошуа успел разглядеть только зубы.

* * *

Речная тварь совсем не напоминала похожих на аллигаторов хищников, которых Джошуа уже видел в этом мире и старательно избегал. На самом деле это был какой-то человекообразный неизвестного Джошуа вида, с крупным телом, чересчур мускулистым и блестящим от гладкой шерсти, и ртом, да, ртом, полным крокодильих зубов. Джошуа никогда бы не поверил, что существо, которое выглядит как выдра на стероидах, может эволюционировать до такой степени, что-

бы так красиво петь.

Но впоследствии, когда у него появилась возможность подумать, появление такого хищника стало очевидным.

Хищники эволюционируют так, чтобы использовать слабые стороны своих жертв, и одной из уловок является обман доверчивых. Например, плотоядные цветы заманивают насекомых в свои смертоносные челюсти яркими, но лживыми обещаниями нектара.

Самой главной характеристикой троллей была песня. Отдельный тролль вовлечен в песню, поглощен ею, отвлечен. Песня выражает самосознание племени, в котором индивид, особенно детеныш вроде Мэтта, чувствует себя в полной безопасности. Значит, если подающий надежды хищник сможет подделать песню… Не нужно воспроизводить все ее богатство, не нужно рассказывать историю каждого тролля вплоть до первобытных саванн Базовой Земли. Нужно просто уловить ту суть, которая зачарует маленького тролля и заставит его потерять природную осторожность, почувствовать себя защищенным, когда на самом деле он в смертельной опасности.

Отвлечь всего на несколько мгновений: этого

достаточно.

* * *

Для Джошуа время замедлилось.

Даже сейчас, когда поющий убийца несся к нему по берегу, широко открыв кроваво-красную пасть, Мэтт не пошевелился. Взрослый тролль просто перешел бы от такой опасности, но маленькие тролли не переходили без родителей, боясь потеряться. Так что Мэтт просто будет сидеть там, пока…

— Не в мою смену, черт побери!

Джошуа отшвырнул костыли в стороны и, уже падая, обеими руками потянулся за оружием. Он метнул охотничий нож и попал в большой холодный глаз.

— Да!

Затем он выстрелил из электрического пистолета прямо в разинутую пасть, целясь в висящий орган у задней стенки горла, который лопнул, как воздушный шарик, разбрызгав кровь.

Тварь с ревом повернула к нему раненую голову и, под действием собственной инерции, рухнула на землю, едва не задев отползшего с дороги Мэтта, и Джошуа, который упал и откатился в сторону.

Получившая отпор тварь, извиваясь на животе, скользнула обратно в воду, оставляя за собой кровавый след.

Джошуа с трудом сел и нашел глазами Мэтта. Детеныш недоуменно оглядывался. Нужно убираться отсюда. Тварь ранена, но вряд ли покалечена, и Джошуа ожидал ее возвращения в любую секунду, еще более разозленной, но костыли валялись слишком далеко…

Сильные тролльи руки подхватили его под мышки и оттащили от воды. Поврежденная нога ударилась о землю, и Джошуа взвыл от боли. Но он увидел, что Патрик, подхватив Мэтта на руки, бежит прочь. Детеныш в безопасности.

Примчались взрослые тролли и стали швырять в реку камни размером с голову Джошуа, кричать и бить себя в грудь. Поющая тварь снова всплыла, изо рта текла кровь, а из раненого глаза сочилась прозрачная жидкость. Джошуа видел, что, даже столкнувшись с группой рассерженных, настороженных троллей, тварь напряглась для нового броска. Тролли подошли ближе, их крики стали более вызывающими.

И тут между ними пробежал Род в оранжевом летном комбинезоне, очевидно прямо от самолета. Он кричал и размахивал толстым ярко-

красным пистолетом.

— Род! Нет! Назад!

Но, конечно, Род не услышал отца за криками троллей и ревом поющей твари, да и все равно не подчинился бы. Он проскочил мимо троллей прямо к твари, которая оказалась выше его. Род поднял пистолет — теперь Джошуа узнал ракетницу — и выстрелил в упор в челюсть певуну.

Результат оказался зрелищным. Ракета взорвалась в огромной пасти твари, которая принялась изрыгать дым, подсвеченный изнутри яркой оранжевой вспышкой. Тролли отпрыгнули назад, напуганные вспышкой так же, как и поющим хищником.

Но тварь, хоть и выла от боли, еще не сдохла. Дым продолжал вырываться меж ее челюстей, когда она наклонилась, без усилий схватила Рода, словно куклу, своими маленькими передними конечностями — и исчезла.

Джошуа, не переставший звать Рода и пытаться встать без костылей, видел все. Тварь перешла! Конечно перешла, она же человекообразная, а эти жители Долгой Земли способны переходить. Теперь и сам Джошуа суматошно заметался по соседним мирам: восток, запад, один переход, два. Он не мог стоять, он распластался

на земле, но мог переходить — Джошуа Валиенте всегда умел переходить. Но в соседних мирах не было никаких признаков твари, хотя там сбились в кучу несколько троллей, инстинктивно перейдя подальше от беды. Ни поющей твари, ни Рода. И хотя Джошуа звал, пока не охрип, и переходил снова и снова, но каким-то образом он знал: где бы Род ни находился, это намного дальше.

Наконец он вернулся в домашний мир троллей. Как только он появился, к нему подбежала Салли, мать Мэтта. Рыдая, она обеими руками обняла Джошуа и прижала к себе.

В рот ему набилась черная шерсть, и он принялся вырываться.

— Вы должны мне помочь. Я потерял Рода, потерял своего сына. Вы должны помочь. Санчо! Приведите мне Санчо…

Глава 35

Твен ВМС США «Чарльз М. Дьюк» совершил последний переход на Запад-3141592. Адмирал Мэгги Кауфман, стоящая в обсервационном салоне на носу судна, заметила, что твен намеренно уменьшает скорость перехода. И она видела, почему «Дьюк» замедляется. Хотя среднеамериканские ландшафты этих нескольких последних миров казались необитаемыми, небеса заполнял транспорт: большие грузовые твены исчезали из виду, переходя к месту своего назначения.

Некоторые тащили настолько крупные элементы конструкции, что те не помещались внутри твенов и висели в люльках под гондолами. Нужно было соблюдать осторожность. Нельзя перейти в место, уже занятое другим твердым объектом вроде твена, и если попробовать это сделать, рулевые механизмы полетят к чертям. А учитывая размеры и сложность некоторых грузов, проблемы ни к чему. Тем не менее Мэгги отказывалась удивляться масштабам операции, глядя, как грузовые корабли появлялись и исчезали над пустынной землей.

— Чертово небо напоминает плохо смонтированный 3D-фильм, — проворчала она.

Рядом с ней стояла капитан Джейн Шеридан, которую отозвали от других обязанностей ради этой странной поездки — нужно было доставить сюда Мэгги для инспектирования сооружения «Корпорации Посланников».

— Материалы и рабочие текут мощным потоком в Яблочный ПИрог и обратно, — сказала Шеридан. — За пределами Ближних Земель нет такой концентрации промышленности. Даже Вальгалла не идет ни в какое сравнение, а это крупнейший город в Верхних Меггерах.

В результате небеса соседних миров заполнили корабли и грузы.

— И несколько месяцев назад ничего этого не было, так? Эда Катлера выдернули, чтобы он взял ситуацию под контроль, он в ответ выдернул меня… Знаешь, я достаточно стара, чтобы помнить первую прогулку Джошуа Валиенте, когда он открыл Дыру. Сейчас мы зашли на миллион миров дальше, а тут такое.

Джейн Шеридан, очень способный молодой офицер, родилась лет через десять, а то и больше, после Того Самого Путешествия Валиенте. Она вежливо снизошла до ответа на ворчание старой

леди.

— Все развивалось фантастически быстро с тех пор, как Посланники — Следующие — запустили свою программу с контрактами на разработку, изготовление и сборку. Проблему представлял контроль трафика. Как видите, военно-морские силы уже четко обозначили зоны выгрузки в самом Яблочном ПИроге. Та, куда мы направляемся, зарезервирована за военно-морским флотом и другим правительственным транспортом. Кстати, база называется Малый Цинциннати — именно в его версию мы едем. Все эти процедуры проверки — инициатива местных чиновников. Разумеется, мэм, вы можете все это пересмотреть, когда освоитесь в новой должности.

Мэгги хмыкнула.

— Если только мне не удастся убедить Эда Катлера передать эту работу мечты какому-нибудь другому простофиле. А теперь скажи, почему Яблочный ПИрог?

Шеридан пожала плечами.

— Не знаю, откуда такое название, мэм. Но вам известно, что Следующие, которые затеяли этот проект, выбрали для него мир отчасти из-за его последовательного порядкового номера.

— Число пи, ладно. И какой-то болван решил,

что это забавно?

— Ну, мы военные, мэм. И в этом последовательном мире перестраивается Северная Америка.

Мэгги изумленно уставилась на нее.

— Перестраивается Северная Америка? Странное выражение.

— Лучше, если вы увидите это сами, мэм, — дипломатично ответила Шеридан и показала вниз. — Там наш наземный регулировщик.

Парень в ярко-желтой куртке махал сигнальными жезлами, и Мэгги услышала треск рации. В нескольких последних мирах регулировщики переходили впереди твенов в пешеходном темпе, один мир зараз, и следили, чтобы не было столкновений.

— Почти прилетели, адмирал…

* * *

И даже учитывая заполненность небес соседних миров, последний переход на Яблочный ПИрог потрясал.

После привычных зеленых пейзажей предыдущего мира твен внезапно повисал над ковром техники. Повсюду валялись груды элементов: некоторые явно металлические, покрытые матово-красной краской для защиты от коррозии,

другие из более загадочных материалов — возможно, керамики. Многие элементы, особенно крупные, были на вид словно органического происхождения, вообще не похожие на обычную технику, с искривлениями, изгибами и вздутиями. Словно покрашенные из пульверизатора огромные водоросли, подумала Мэгги.

С высоты ей показалось, что она летит над огромным открытым складом техники, заполняющим всю поверхность до горизонта. На него энергично приземлялись твены, словно пчелы на цветочное поле.

Как и сказала Шеридан, погрузочно-разгрузочная зона ВМС, свободная от техники Посланников, представляла собой широкую бетонированную полосу, с наскоро размеченными площадками. Наземный транспорт сновал между временными постройками из готовых блоков или просто из брезента. Мэгги увидела множество кораблей, пришвартованных к опорам. Несмотря на масштаб, создавалось впечатление поспешности, импровизации. С флагштока вяло свисал флаг с голографическими звездами и полосами.

И все это под обыденным весенним американским небом, голубым с клочками облаков, сулящими небольшую вероятность дождя после

обеда…

— Хотела бы я знать, на черта все это надо, — проворчала она.

Шеридан осторожно ответила:

— По-моему, старший командный состав надеется…

— Что я буду во всем этом разбираться? Размечтались.

Как только твен пришвартовался, Шеридан повела Мэгги вниз по трапу в сопровождении пары младших офицеров. После очищенной атмосферы твена здешний воздух был душным, пах машинным маслом, горячим металлом и влажным бетоном. Спускаясь по трапу в тяжелой униформе, Мэгги чувствовала каждый год из своих шестидесяти девяти лет.

У подножия трапа ее встречала небольшая группа рядом с маленьким электромобилем.

— О боже, — вырвалось у нее. — Эд Катлер собственной персоной. Я угодила в самое пекло.

— Я буду рядом, мэм.

Катлер выступил вперед приветствовать ее. Кроме пары младших офицеров — вооруженных, как заметила Мэгги, — его сопровождала только женщина средних лет в строгом деловом костюме. Официальная, сдержанная, она стояла чуть

позади и показалась Мэгги знакомой.

— Адмирал Кауфман. — Катлер отдал честь. — Добро пожаловать в сумасшедший дом.

Мэгги тоже отдала честь.

— Рада прибытию, адмирал Катлер.

— Зови меня Эд. Во всяком случае, в приватной обстановке. Полагаю, мы знаем друг друга слишком давно, чтобы соблюдать формальности…

Мэгги скептически рассматривала его. Эд Катлер был таким, каким она знала его все эти годы, даже десятилетия, что они работали вместе. Худой, субтильный, энергичный, привыкший приказывать и контролировать, он больше подходил для кабинетной работы, чем для сложных полевых условий. Мэгги и ее офицерам не раз приходилось спасать положение вместо него, например, когда он потерял голову, пока ВМС и другие пытались сдержать более-менее мирное восстание в Вальгалле. Тем не менее он был бойцом. И человеком, который следует приказам, неважно, насколько неприятны они лично для него. Вот почему начальство ценило его и повышения следовали одно за другим.

И теперь, уже в пенсионном возрасте, он имел звание адмирала и командовал ДолАм, огромным военным подразделением, включающим в себя

всю Долгую Землю. Фактически здесь, в Верхних Меггерах, больше власти было только у президента Дамазио. Но Мэгги не впечатляли никакие достижения и деяния Эда Катлера.

— Ну, я приехала, Эд. Приступим?

Эд усмехнулся Шеридан.

— Вот так-то, капитан. Вот что я больше всего ценю в адмирале. Решительность. Способность сразу взять быка за рога. Да, Мэгги, нам многое нужно осмотреть. Я как мог прибрался в этом бардаке, но ты лучше подходишь для такой работы, а мне нужно возвращаться к другим обязанностям. Я знаю, что у тебя нет нормальных инструкций. Это все прелести Долгой Земли — корреспонденцию доставляют на перекладных. Я договорился об ознакомительной экскурсии, чтобы ты приступила прямо сейчас.

— Спасибо.

Обернувшись, он махнул своей спутнице.

— Сначала надо вас представить…

— Мы уже встречались. — Женщина с зачесанными назад волосами, в очках, слегка улыбнулась и протянула Мэгги руку.

— Роберта Голдинг, — вспомнила Мэгги, беря ее руку. Пожатие было крепким, решительным. — Да, мы встречались. После инцидента с Мягкой

Посадкой…

Тогда Эд Катлер проявил себя во всей красе, протащив на борт судна Мэгги атомную бомбу с намерением уничтожить поселок вместе со Следующими. Это было четверть века назад. И вот он стоит перед представительницей Следующих, словно она деловой партнер.

— Странные времена, доктор Голдинг.

— В самом деле странные, адмирал. Хотя я теперь профессор. Рядом со всем этим звания не имеют значения. — Она обвела вокруг рукой.

— Вы о своем проекте.

— Ну, он не наш. Мы, Следующие, и наши союзники люди просто вспомогательный персонал. Проект принадлежит стрельчанам — так мы называем обитателей центра Галактики, которые отправили Приглашение.

Мэгги вздохнула.

— Не успела сойти с твена, как уже обсуждаю галактических разумных существ с местным суперчеловеческим мегамозгом.

Шеридан поймала ее взгляд.

— Вот почему они позвали военно-морские силы, адмирал.

— Со своей стороны, — сказала Роберта, — рада видеть вас, адмирал. Хорошо помню вашу реши-

тельность в деле с Мягкой Посадкой — и ваши здравые суждения. Надеюсь, ваше присутствие продвинет проект.

Мэгги нахмурилась.

— Я здесь, чтобы продвигать национальную безопасность.

— Разумеется. Но эти две цели не должны противоречить друг другу.

— Об этом не нам судить, — отрезал Эд Катлер. — Этот проект очень мало контролируется федеральным правительством, не говоря уже о ДолАм — хотя все это целиком в границах Американской Эгиды. И все так чертовски быстро. Идемте садиться в эту электрическую колымагу.

Он отвернулся и повел их к машине. Все залезли в маленький автомобиль, расселись, пристегнулись.

— Хочу показать тебе, Мэгги, чем мы тут занимаемся. Эти штуки на земле. Тех, кто здесь работает. И наших м-м-м… гостей.

— Гостей?

— Увидишь, — прорычал он. Машина тронулась с места под управлением одного из вооруженных младших офицеров Катлера. — Насколько я помню, ты первая стала брать к себе в экапиж на твен не-людей. Сначала троллей, потом тех

проклятых собак.

— Биглей. Они называются бигли.

— Это одна из причин, почему я добился твоего назначения на эту работу. Ты, наверное, будешь чувствовать себя как дома в этом зоопарке. Понимаешь, Мэгги, администрация оказывала на нас прямое давление в этом отношении. Я говорил с президентом Дамазио, с ней самой. Посреди твоего первого срока на тебя сваливается черт знает что. И с точки зрения администрации это приходит из ниоткуда. Все, что нам было известно на начальном этапе, — это крупномасштабное привлечение производственных мощностей с Ближних Земель, даже с Базовой. И фактически создание новых мощностей. — Он взглянул на Роберту. — Мы не знали, что Следующие так чертовски богаты по человеческим меркам.

— Мы распоряжаемся существенными ресурсами, — сказала Роберта. — Накопленными благодаря продаже идей и инноваций предпринимателям-людям и инвестированию выручки. Это проделано аккуратно, чтобы избежать дестабилизации.

— Проделано аккуратно, ну как же! — проворчал Катлер. — Мэгги, первое, что мы услышали, — это вопли некоторых постйеллоустонских

агентств рекультивации и природопользования о том, что из их проектов внезапно начали изымать промышленные ресурсы. Затем на нас хлынули патенты от жаждущих быстрой наживы типов, которые запустили руки в энергетические технологии. Потом последовали кампании от параноиков, которые считают все это некой инопланетной ловушкой, Троянским конем.

— Вы забыли китайцев, — вставила Шеридан с ноткой иронии.

— Да, это нечто. Они хотят кусок инопланетного пирога для своих собственных экономических целей. И поэтому здесь есть и их конторские крысы из Организации Долгих Наций…

В действительности Мэгги одобряла ОДН — скромное порождение старой ООН, которая осторожно распространилась по Долгой Земле, предлагая помощь, поддержку, взаимосвязь всему невероятно разбросанному человечеству. ОДН по крайней мере была безвредной.

— Чтобы иметь возможность сооружать эту штуку, Следующие использовали коварные способы: обрабатывали народ, вербовали. По всей Эгиде. Не только крупные промышленные синдикаты: тут и кустарные мастерские. Дилетанты. Детишки штампуют детали в домашних

мастерских. Мы все это обнаружили постфактум. Ну, президент организовала экспертную комиссию. В нее вошли Национальный научный фонд, НАСА, Министерство обороны США, Совет национальной безопасности, силовые структуры и все чертовы футурологи и исследовательские центры, какие мы смогли найти. Но вся операция была задумана и запущена до того, как мы о ней узнали как следует. Мы с самого начала играем в догонялки.

— И поэтому позвали ВМС.

Катлер усмехнулся.

— Черт, мы уже были здесь. Потому что мы везде. Мэгги, ты знаешь так же хорошо, как и я, что за годы после Йеллоустона все в известном смысле разваливается. Только ВМС поддерживают форму, особенно военный флот твенов. Да, они послали за военно-морским флотом, потому что Эгиде больше не за кем посылать…

«Президент послала за ВМС, — кисло подумала Мэгги, — и ВМС послали за мной. Что ж, очевидно, что здесь будет очень много науки». Она сделала мысленную зарубку вызвать Маргариту Джа, которая служила офицером по науке в экспедиции по еще более странным мирам, чем этот…

Катлер изо всех сил продолжал бить тревогу:

— Мы не знаем, с какого рода опасностью столкнулись. Что этот масштабный мартышкин труд значит для нашего экономического потенциала? — Он махнул рукой на промышленный пейзаж. — И хотя все это происходит на территории Эгиды США, в копии Североамериканского континента, Следующие выбрали для постройки именно это место случайно. Как тебе известно, Мэгги, они не признают наши государственные границы, не больше, чем мы территории шимпанзе в джунглях. Поэтому как мы будем согласовывать все это с китайцами и остальными? Как это скажется на наших отношениях со Следующими? Поверь мне, это стратегический вопрос. И, самое главное, — что это за штука? Для чего? Что она будет делать, когда ее соберут?

Мэгги посмотрела на Роберту.

— Думаю, это резонный вопрос. Учитывая, что все это строится в Эгиде США.

Роберта спокойно ответила:

— Ну, расположение объекта было определено в Приглашении. Мы это обнаружили, когда начали его расшифровывать. Что же до того, зачем нужен Мыслитель…

Мэгги впервые услышала это название.

— Мыслитель? И о чем, черт возьми, он раз-

мышляет?

Роберта улыбнулась.

— Мы полагаем, он сам скажет, когда будет готов.

— И между тем мы должны доверять ему и вам, — проворчал Катлер. — И все, что мы вытянули из вас, Следующих, — это банальная собачья чушь.

— У экспертов президента должны быть какие-то идеи, — заметила Мэгги.

Катлер пожал плечами.

— Только предположения. Мэгги, ты меня знаешь. Я предпочитаю более консервативные мнения. Неотесанные космические мечтатели говорят, что я параноик. С чего бы кому-то устремляться к нам из центра Галактики, чтобы навредить? Что ж, я утверждаю, что они устремились к нам не просто так.

— У нас тоже мнения разделились, — сказала Роберта. — Но большинство из нас считают этот проект проявлением благожелательности. Мирным жестом инопланетян.

Катлер многозначительно посмотрел на Мэгги.

— И мы помним Нью-Спрингфилд.

Мэгги поняла невысказанный посыл Катлера. Если Роберта Голдинг ошибается, если эта

машина окажется вредоносной — что ж, тогда обязанностью Мэгги будет остановить ее.

Если она сможет разобраться как.

Глава 36

Оказавшись за пределами относительно свободной территории лагеря ВМС, они поехали по узким грунтовым дорогам по местности, заполненной непонятной техникой.

Катлер показал на деревянный столб с окрашенной в красный цвет верхушкой и вырезанным на боку номером.

— Как видишь, мы пытаемся придать этому месту хоть какую-то организованность.

— По большому счету, — сказала Роберта, — весь объект самоорганизующийся. Мыслитель сам знает, или по крайней мере неуклонно познает, как ему нужно располагаться…

— И вся эта словесная чушь ничем не помогает обычному водиле из Детройта найти место разгрузки. Так что мы отправили парочку военных твенов нанести на карту и пронумеровать зоны переходов согласно нашей собственной системе.

— Раскрашивание всех этих указателей и в самом деле обеспечивает занятость большому количеству людей в форме, — сухо заметила Роберта.

— Да, — ответил Катлер без малейшей иронии, — это еще один плюс.

Они въехали в производственную зону, как выразилась Роберта. Электромобиль остановился перед похожим на завод зданием, длинным, низким, с алюминиевыми стенами и потолком из больших стеклянных панелей. Войдя внутрь, Мэгги увидела на наскоро залитом бетоном полу линии сборки и знакомое оборудование: угловатых роботов-строителей, которых можно встретить на верфях твенов, вилочные автопогрузчики, перевозящие грузы туда-сюда, и под потолком большую раму, с которой свисали тяжелые цепи. Роботов больше, чем людей, решила она, но люди, которых она видела, были заняты делом. Над чем они работали, оставалось загадкой.

— Я выбрал эту площадку, — сказал Катлер, — потому что здесь представлены типичные действующие лица, как ты увидишь…

— Включая моих юных друзей из Дыры.

Роберта внезапно взяла руководство на себя и зашагала к небольшой мастерской, отделенной от остального помещения полупрозрачной пылезащитной пленкой от пола до потолка. Им навстречу вышли двое рабочих: мужчина

и женщина. Обоим, на взгляд Мэгги, не было и тридцати. Они носили синие комбинезоны с логотипами Космо-Д на груди. Женщина держала кусок чего-то похожего на стекло.

— Профессор Голдинг, рады встрече, — произнес мужчина и показал на себя и свою коллегу. — Дэв Биланюк. Ли Малоун. Сотрудники и акционеры Космо-Д…

Похоже, их не смутили высокие звания или военная форма Мэгги и Катлера. И не особенно заинтересовали, подумала Мэгги.

— Нам сообщили, что вы захотите посмотреть, над чем мы работаем, — сказала Ли. — Это образец.

Она подняла какую-то болванку.

— На самом деле этот экземпляр не прошел интеграционные тесты, так что его можно спокойно выносить из стерильной зоны. Мы разобьем его на составляющие и используем их позже…

Мэгги разрешили подержать штуковину. Она действительно походила на стекло, в котором смутно просматривалась замысловатая внутренняя структура, как в каком-нибудь фантастически сложном кристалле кварца. И тем не менее она явно имела искусственное происхождение, потому что Мэгги видела внутри составляющие:

кремниевые чипы, нити проволоки или провода и созвездия маленьких зеленых и золотистых огоньков.

— Как будто там, внутри, целый мир.

— Красиво, да? — улыбнулась Ли. — Нельзя сказать, что мы его сделали. Это больше вопрос самосборки. Так происходит со всеми составляющими Мыслителя, за исключением простейших структурных элементов.

— Нас назначили на эту работу, — сказал Дэв, — благодаря нашему техническому опыту в Космо-Д. Даже с Дырой космическая программа сильно зависит от миниатюризации. Вообще-то, нас привлекли прежде всего потому, что мы работали на расположенном в Дыре РТ, который поймал Приглашение.

— РТ? — настороженно спросила Мэгги.

— Радиотелескоп, — тихо подсказала Роберта.

— Расскажите, на что она смотрит, — рявкнул Катлер.

— Это один из самых умных подмодулей, — ответил Дэв. — Я хочу сказать, большинство элементов кажутся в какой-то степени умными, и все устройство после сборки… Ну, мы пока не разобрались, насколько умным оно будет. У вас здесь приблизительная модель компьютрония.

Мэгги снова пришлось ломать голову.

— Что-что?

— Человеческое название для инопланетной технологии, — улыбнулась Роберта.

— Вещество, в котором каждая частица — каждая молекула, каждый атом — посвящена обработке информации, — пояснила Ли. — Это, наверное, не дает полного понимания. Но мы узнаем в них вычислительные системы различных уровней, начиная с механических — видите те маленькие рычажки? — затем электронные, транзисторы и тому подобное, и заканчивая химическими и нано и, мы думаем, квантовыми.

— Но мы считаем, — заметил Дэв, — что самый сок заключается в структуре материала. Судя по всему, он вроде бриллианта, технического алмаза. Более продвинутый, чем даже нить космического лифта.

— И это новшество, способное само по себе совершить революцию в человеческой промышленности, — добавила Роберта.

Катлер потер подбородок.

— Заставляет задуматься о масштабе того, что здесь творится, правда? Реки твенов в небе, постоянный поток сырья со всей Долгой Земли. И эта штука у тебя на ладони, с компьютером в каждой

чертовой молекуле.

— Насколько именно умное? — спросила Мэгги.

— Ну, мы приблизительно оцениваем объем памяти как десять в двадцать второй степени бит на грамм, — сказал Дэв и пояснил, заметив непонимающее выражение лица Мэгги: — Это… десять миллиардов триллионов бит…

— Для сравнения, — добавила Роберта, — объем памяти человеческого мозга, и Следующего, если уж на то пошло, около ста триллионов бит. В сто миллионов раз меньше. На самом деле цифра, которую он назвал, в десять раз больше, чем приблизительный объем глобальной памяти всего человечества на текущий момент.

— Звучит не слишком впечатляюще, — фыркнул Катлер.

— Но он сказал «на грамм», — заметила Мэгги и подняла болванку. — Сколько она весит, около килограмма? И может хранить информации в десять раз больше, чем знания всего человечества, целую Библиотеку Конгресса, в одном грамме. — Она обвела завод взглядом. — Это слишком. Проклятье, Эд, ты должен был прислать мне хотя бы краткое описание.

— И ты бы поверила? Пойдем познакомимся с

другими гражданскими добровольцами…

* * *

— Карли Марик.

— Джо Марголис.

— Мы со стройки Бобового стебля в Майами-Запад-17…

Две смышленые и взволнованные двадцатилетние девушки использовали при изготовлении одного из крупных элементов опыт масштабного строительства, полученный на стройке космического лифта. Они сооружали блестящую бесшовную конструкцию из какого-то бледного гладкого материала. Расширяющееся основание переходило в сложную верхушку, где что-то вроде шарового сочленения соединяло нижнюю часть с широким щитом. Мэгги подумала, что это похоже на коленный сустав какого-то сюрреалистического монстра кисти Дали.

— Мы понятия не имеем, для чего это. Даже не знаем, закончено оно или нет, — сказала Карли.

— Но нам понравилось над ним работать, — подхватила Джо. — Некоторые детали изготовлены обычными способами. Здесь плавят железо, делают стальные конструкции, но большинство металлических элементов изготовлены из

алюминия, который прибывает на твенах из последовательных мест добычи. Кое-что изготовлено из материалов покруче, вроде углеродных композитов. А есть такое… Если честно, мы точно не знаем, из чего оно. Химики смогли бы сказать. Оно вроде как растет в большом чане, слой за слоем.

— Мы должны осматривать его, — нервно сказала Карли, — проверять погрешности, следить за поступлением материалов в чан, за температурой…

— Нам здесь очень нравится, генерал, — выпалила Джо.

— Адмирал, — на автомате поправила Мэгги.

— Я имею в виду, что дома не было работы с тех пор, как Бобовый стебель законсервировали.

И Мэгги, которая руководила некоторыми миротворческими миссиями на проблемных, наполовину заброшенных промышленных объектах в чрезмерно развитых, недостаточно загруженных поселениях Ближних Земель, полностью им сочувствовала.

Но когда они пошли дальше, Катлер проворчал:

— Вот вам и послание со звезд. Иногда это похоже на культурно-бытовое обеспечение войск.

У нас тут даже Смиренные есть, совсем как на промышленных пустошах Ближних Земель.

— Смиренные?

— Представь себе профсоюз, управляемый ханжами-Следующими. Скоро увидишь. И тебе придется найти способ взаимодействовать с ними. Желаю удачи, — мрачно сказал Катлер.

Экскурсия по заводу продолжалась. Последняя встреча, к удивлению Мэгги, была с маленьким мальчиком у принтера материи. Не старше десяти-одиннадцати лет, он просто сидел и складывал в лоток устройства всякий мусор, а с другой стороны выходили предметы, похожие на тяжелые болты длиной в два дюйма, с широкими головками, но без видимой резьбы. Очевидно, мальчик занимался этим уже какое-то время: коробка рядом с ним была наполовину заполнена болтами.

Рядом с мальчиком сидела монахиня и читала роман с планшета. Она улыбнулась и представилась сестрой Колин. Мальчика звали Ян Родерик. Они прибыли из какого-то детского приюта в Мэдисон-Запад-5.

— Не из простого приюта, — пробормотал Катлер Мэгги. — А из того самого, который воспитал Великого Джошуа Валиенте. Казалось бы, одного достаточно…

Мэгги знала все о Джошуа Валиенте и Приюте. Она наклонилась к мальчику.

— Это ты все сделал?

— Нет, принтер материи, — просто ответил Ян.

— Ну, да…

— Но я его запрограммировал. В конце смен я обхожу помещение, собираю отходы и перерабатываю их в штуки вроде этих.

— Все очень рационально, — одобрила Роберта.

— Ты знаешь, для чего они нужны? — спросила Мэгги.

— Нет. Но никто не знает, для чего это все, пока что не знает. Наверное, для чего-то годятся, иначе их не просили бы.

— Думаю, да.

Мэгги внимательно рассматривала Яна и вспоминала пару из Дыры, девушек с космического лифта. Их радостный энтузиазм. Похоже, этот проект действительно захватывал воображение, начиная с детей из приютов на Ближних Землях и заканчивая космическими рабочими.

— Почему ты это делаешь, Ян? Что тебя привлекает?

Ян посмотрел на нее, как будто не понял вопроса.

— Пришло Приглашение с неба. В нем говорилось: «Присоединяйтесь к нам». А потом появились сообщения от Следующих, и я сам их разгадал. Вирусные истории. Цифры, которые вели в этот мир, Яблочный ПИрог.

— Это правда, — уныло сказала сестра Колин.

— Вот почему я это делаю.

Появился еще один болт, мальчик наклонился, забрал его из лотка принтера и положил в коробку к остальным. Затем нажал кнопку запуска и беззубо улыбнулся.

— Присоединяйтесь к нам. Вот что там говорится. Я помогаю.

Катлер похлопал Мэгги по плечу.

— Сначала присоединись ко мне. Хочу показать тебе еще кое-что перед перерывом…

Глава 37

Ее привезли к какому-то обнесенному оградой месту.

КОММУНИКАЦИОННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЦЕНТР

ДОСТУП ТОЛЬКО ЧЕРЕЗ ПРОПУСКНЫЕ ВОРОТА

Внутри Мэгги разглядела кучку палаток, несколько постоянных строений и разнородные компании людей. Некоторые собрались вокруг костров, другие пели песни, одна группа прикрепляла к проволочной ограде какой-то плакат. Все это внутри ограждения. Снаружи стояли с дубинками морские пехотинцы, с невозмутимыми лицами, в тяжелой броне и пристально смотрели внутрь.

— Крутая охрана для «коммуникационного и общественного» места, — пробормотала Мэгги Катлеру.

— Да. Я одолжу тебе лейтенанта Кейт. Оказывается, она неплохо ладит с чокнутыми…

— Чокнутыми, Эд?

— Протестующими против проекта. Нам приходится проводить досмотр, задержали парочку

бомб. О, и наоборот, тех, кто чересчур любит Мыслителя. Они появляются в неожиданных местах — вот что значит переходить, — и нам приходится отлавливать их по всей территории Мыслителя, а она немаленькая, поверь мне. Здесь они сидят в клетке, неважно, знают они это или нет. Мы «официально» опрашиваем их, и у нас есть закрытая сеть, так что они могут снимать видео, трепать языком и писать друг другу. Но они в клетке, там и останутся. Пока они спокойны и держатся подальше от ограды, все счастливы.

Мэгги показалось, что где-то играет музыка — мягкая, убаюкивающая песня, словно поет какой-то большой, но далекий хор… Она постаралась сосредоточиться.

— Что за протестующие?

— Да кто угодно. Уфологи. Сторонники теории заговора, которые считают, что это коммунисты вернулись со звезд.

— Или Гитлер, — усмехнулась Шеридан. — Старик Адольф тоже среди кандидатов.

— Я бы разочаровалась, если бы его не было.

Катлер продолжал:

— Еще у нас есть христиане, которые спрашивают о божьей благодати того галактического народа, что послал сообщение. И несколько му-

сульман, которые опасаются, что Мыслитель — святотатство, и не строим ли мы какой-либо образ Божий. С другой стороны есть несколько христиан-сектантов, которые полагают, что мы должны сооружать эту штуку именно потому, что она разрушит мир и вызовет Пришествие Христа. Выбирай.

— Честно говоря, — добавила Роберта, — многие Следующие выражают похожие взгляды, по крайней мере относительно не поддающейся определению угрозы, которую представляет проект.

— Все еще серьезнее, Мэгги, — сказал Катлер. — Эти яйцеголовые Следующие разобщены не меньше нас. Здесь есть их фракция — я уже говорил, — они называют себя Смиренными. Они могут призывать к забастовкам, уходу с рабочего места, затягиванию сроков. Но они не просто агитаторы. Они типа… — Он махнул рукой, подбирая слово. — Типа культа.

Роберта улыбнулась.

— Культ. Адмирал, я действительно думаю, что это подходящее слово. Они называют себя последователями учения Стэна Берга — вы знаете Берга, адмирал Кауфман? Я лично присутствовала на Проповеди под Бобовым стеблем…

Мэгги вздернула бровь, глядя на Катлера. Тот пожал плечами.

— Но они искажают слова Берга. «Будьте смиренны перед лицом Вселенной». Смиренные толкуют это как «будьте смиренны передо мной»! «Творите добро». Ну конечно. Покуда добром является то, что я скажу, покуда это хорошо для меня. «Постигайте»…

— Философы, — фыркнул Катлер. — У нас их здесь целый зоопарк. Знаете как распознать философа? По тому количеству слов, которые он изрыгает, когда сетует на то, что сортир заперт. Это просто сотрясение воздуха. Но тебе нужно присматривать за ними, Мэгги.

— Я вижу, у тебя все под контролем, Эд.

Он пристально посмотрел на нее, видно, подозревая, что она насмехается. Она тоже это подозревала.

Они отъехали от забора и направились к другой огороженной территории, гораздо обширнее. Сама ограда была непомерно длинной, от горизонта до горизонта, и напомнила Мэгги заборы для защиты от кроликов, которые когда-то возводили в Австралии. Казалось, в этом проекте все монументальных масштабов, даже ограды. Заглянув за этот барьер, она увидела кипучую

деятельность. Широкие, раскинувшиеся здания. Дозорные вышки, на которых сидели наблюдатели, а может, охранники. Команды мощных рабочих таскали большие элементы. Черт, нет, они слишком массивны, чтобы быть людьми… Мэгги услышала пение — звучное, обстоятельное, непрестанное.

— Тролли, — выдохнула она. — Вы заполучили троллей.

— Нет, — весело возразил Эд. — Ты заполучила троллей. Тебе всегда нравились проклятые лохматые твари, да? Что ж, будь осторожна с желаниями. Это как уфологи в шапочках из фольги. Эти твари просто появились, и пришлось их куда-нибудь определить. Поэтому мы построили эту ограду, чтобы не прибавлять хлопот. На самом деле, не только тролли. Пришли и некоторые другие человекообразные. Кобольды, которые умеют немного говорить по-английски. Черт, они говорят лучше, чем средний морпех.

— Эй, не трогайте кобольдов, — встряла Джейн Шеридан. — Если бы не блошиный рынок Фингера, я бы давно осталась без белья.

— Присоединяйтесь к нам, — с улыбкой сказала Роберта. — Вы знаете, Приглашение не только для нас. Не только для людей или Следующих. И оно

транслировалось не только на радиочастотах. Вот почему здесь появились человекообразные.

Мэгги вытаращила глаза.

— Повторите еще раз? Нет. Позже. Профессор Голдинг, нам нужно поговорить.

— Разумеется…

— Ложись!

Внезапно Эд Катлер надавил на затылок Мэгги, заставляя ее пригнуться на сиденье. Она услышала, как рядом достают оружие и взводят курки.

Затем раздался резкий лай, будто большой собаки или волка.

Мэгги расплылась в улыбке.

— Знакомый лай.

— Не поднимайся!

— Черт, дай мне встать, Эд! Никому не стрелять, это приказ.

Присущая ее голосу властность сработала в ее пользу, как обычно. Эд, номинально ее начальник, отодвинулся и позволил ей выпрямиться. Остальные — Джейн Шеридан, офицеры и охранники Эда настороженно опустили оружие.

Что-то бежало к ограде с дальней стороны. Огромное энергичное тело на четырех лапах: несомненно, громадный волк. Даже Мэгги вздрогнула, когда он достиг ограды.

Но он затормозил и остановился, тяжело дыша. Затем встал на задние лапы — не совсем как дрессированная собака, а больше как человек. Самец, с вытянутой грудной клеткой, коротконогий, но стоял он уверенно. Теперь стало видно, что на нем какая-то куртка, перевитая кожаными кольцами и с глубокими карманами. В похожей на лапу руке он держал гаечный ключ.

Мэгги вылезла из машины, подошла к ограде и прижала руку к проволоке.

— Ты тоже?

— Мы с-слышали. Прис-соединяйтесь к н-нам. Мы пр-рилетели на твенах-х… Я увидел твой кор-рабль.

— Рада видеть тебя, мичман Снежок.

— И я, адмир-рал.

Бигль коротко отсалютовал.

— Боже, дай мне силы, — пробормотал Эд Катлер.

Глава 38

После нескольких часов беготни по территории Мыслителя в этой далекой версии Огайо Мэгги была ошеломлена и выжата как лимон. Ей хотелось уйти в свою каюту на «Дьюке», выпить односолодового виски и обсудить свои впечатления с Джо Маккензи, или — ввиду невозможности этого, поскольку старина Маккензи давно умер, — с родственной душой вроде Джейн Шеридан.

Но, похоже, такой вариант не предусматривался.

Когда начало смеркаться, электромобиль вернул их к центральной посадочной зоне, где был по-прежнему пришвартован «Дьюк». А рядом с ним теперь висел еще один незнакомый твен, гладкий, черный как смоль, очень дорогой на вид, явно частный. На просторной наблюдательной палубе в нижней части корпуса сияли огни.

— Вот сюда мы приглашены на ужин, — заявил Катлер.

— Приглашены? Кем?

— Старым другом. — Он бросил на нее взгляд. —

Не волнуйся, у тебя будет возможность освежиться. Запасная форма уже доставлена на борт. От тебя попахивает псиной. И мы прокатимся. Полноценный обзор твоих новых владений с воздуха. — Он почти злобно улыбнулся. — Ты еще ничегошеньки не видела, Кауфман.

Мэгги приходилось нести долгие вахты. Она умела держать удар.

Может быть, помогло и то, что ее способность удивляться уже притупилась к тому времени, когда пару часов спустя в сверкающем обсервационном салоне, полном гостей, она встретила хозяина в инвалидном кресле. Позади него невозмутимо стоял массивный, как тролль, молодой слуга.

— Дуглас Блэк, — изумилась Мэгги.

Он улыбнулся. Его почти эльфийское лицо казалось морщинистой, но загорелой маской. Блэк был совершенно лысым, скальп покрывали огромные пигментные пятна, а глаза за толстыми стеклами очков казались огромными.

— Он самый.

Он протянул ей тонкую костлявую руку.

Мэгги сунула фуражку под мышку и подавила детскую дрожь отвращения оттого, что придется коснуться этой похожей на клешню руки. Его

кожа оказалась пергаментной, но теплой.

— Я не видела вас с…

— 2045 года, — сказал он без запинки. — Когда высадили меня на Каракале.

— Запад-239741211.

— Незабываемый. Моя Шангри-Ла. Мое убежище от болезни и старения. И это сработало, как видите. — Он поднял руки, отчего стал похож на марионетку в руках неловкого кукольника. — Мне сто шесть лет. И тем не менее вы согласитесь, что я выгляжу не старше девяноста восьми. А эта шутка даже старше меня. Добро пожаловать на мое скромное судно.

Едва заметно вздрогнув, дирижабль начал подниматься.

Мэгги осмотрелась вокруг. Огромные окна и прозрачные панели пола открывали широкую панораму удаляющейся земли. Заходящее солнце отбрасывало длинные тени на ковер из элементов Мыслителя. По мере подъема твена обзор увеличивался. «Кроличий загон», территория троллей и биглей, сам по себе был обширным, но теперь Мэгги видела, что и это всего лишь островок, окруженный составляющими Мыслителя…

— Вот. — Рядом встал Эд Катлер и вручил ей бокал шампанского. — Подозреваю, тебе это не

помешает.

Блэк поднял бокал с фруктовым соком.

— За здоровье, долгую жизнь и плодотворное сотрудничество.

Мэгги улыбнулась.

— Не могу за это не выпить.

Шампанское было превосходным, изысканным, но слишком утонченным на ее вкус. Она с удовольствием поменяла бы ведро шампанского на рюмку славного односолодового виски…

— Мистер Блэк, я в этом новичок.

— Я знаю.

— Вы сказали «сотрудничество». Сотрудничество в чем?

— Можешь винить профессора Голдинг и ее сообщников из «Корпорации Посланников», — прорычал Катлер. — Следующие беспокоились, что проект продвигается не так хорошо, как мог бы, — неравномерно. Промышленные концерны Ближних Земель, с которыми они консультировались, либо не имели мощностей, либо не могли обеспечить нужное качество. Неуправляемые организации вроде Торговой Компании Долгой Земли, например.

— И они обратились ко мне. Естественно, — сказал Блэк. — Корпорация Блэка уже восемьдесят

лет поддерживает стандарты высокого качества, высокой мощности, быстрой доставки и инноваций. Я не мог отказаться от такого вызова, капитан Кауфман!

— Адмирал.

— Хотя признаюсь в некоторой обеспокоенности. Преимущественно тем, что мы на самом деле точно не знаем, что именно строим. — Он холодно улыбнулся Катлеру. — Видите, адмирал Катлер, я тоже скептик. Если я покину свой корабль, вы, несомненно, запрете меня в загон к ожидающим конца света. Что же касается меня, то я верю, что нужно надеяться на лучшее, а готовиться к худшему. Всегда. Адмирал Кауфман, я уверен, нам предстоит провести много плодотворных бесед на этот счет…

Но Мэгги все больше отвлекалась на преобразованный ландшафт, открывающийся под набирающим высоту твеном. Посреди обширного ковра техники все еще оставались участки голой земли, даже лесов, и переплетение конструкций сторонилось рек и озер. Но в остальном она покрывала всю землю. И Мэгги начала замечать структуры, которые не имели никакого отношения к местной географии: круглые структуры, большие круги, охватывающие скопления более

мелких.

Катлер стоял рядом.

— Чем выше поднимаешься, тем лучше видно всю штуковину. Несмотря на то, что она явно не закончена.

— Что за круги?

— Как мы выявили, это преобладающий рисунок. Самые маленькие имеют диаметр около десяти шагов — размером с небольшую комнату. Затем они группируются в скопления, масштаб которых последовательно увеличивается примерно в десять раз. Сто ярдов — размером с городской квартал, тысяча ярдов. Умники полагают, что это как-то связано с децентрализованной обработкой данных. Не забывай, вся эта штука вроде компьютера. Есть какая-то задача, разбитая на части, которые решаются в этих кругах и субкругах, а затем все это собирается вместе на высшем уровне.

— Видеть, как это строится, — большая честь, верно? — сказал Блэк, подъезжая на своем кресле. — Мне сказали, что эта идея инопланетного происхождения, а суперлюди-Следующие разработали ее и начали постройку. Удивительно.

— Сказать по правде, сэр, — произнесла Мэгги, — признаю, что для меня неожиданность

— видеть вас здесь собственной персоной. Мне казалось, вас устраивает Каракал. — Она посмотрела на Катлера. — Это джокер в глубине Долгой Земли. Низкая гравитация и высокая концентрация кислорода. У мистера Блэка была теория, что такие условия окружающей среды продлевают человеческую жизнь.

— Что ж, — ответил Блэк, — похоже, я оказался прав. Я живое доказательство!

— Вы надеялись привлечь других. Пожилых богачей, ищущих поселок для престарелых.

— Должно было получиться вроде мозгового трастового фонда для человечества, — печально сказал он. — Арена для медицинских инноваций, финансируемая мной и другими струльдбругами[10]. Но, к несчастью, этому не суждено было случиться. Меня подвела геология.

— Геология?

— Адмирал, мне хватило глупости финансировать расследование причин такой низкой гравитации на той Земле — почему ее масса настолько ниже средней. К несчастью для меня, нанятые мной геологи вернулись с ответом.

---

[10] Примечания: 10

Бессмертные люди, обреченные на вечную бессильную старость, полную страданий и болезней — жители страны Лаггнегг («Путешествия Гулливера» Джонатана Свифта).

Похоже, все Земли содержат радиоактивные вещества, и на всех Землях они могут скапливаться и образовывать колоссальные природные ядерные реакторы — атомные бомбы естественного происхождения. Огромных масштабов.

Он рассказал о молодости Базовой Земли, о концентрациях изотопов тория, урана, плутония, в огромных количествах скопившихся на границе мантии и земной коры. Скопившихся и в конце концов оказавшихся критическими…

— Некоторые теоретики считают, что эти взрывы откололи от Базовой Земли Луну или, по крайней мере, выбросили вещество мантии, которое ее сформировало. Самый большой ядерный взрыв, устроенный человечеством, — это Царь-бомба[11], создавшая огненный шар диаметром в шесть миль. Породивший Луну взрыв на Базовой был эквивалентен десяти триллионам таких бомб. А на Каракале, похоже, взрывы были еще мощнее.

Катлер присвистнул.

— Да. Это был чертовски мощный взрыв, если он выбросил столько массы, что снизилась сила

[11] Примечания: 11

АН602 — термоядерная авиационная бомба, разработанная в СССР в 1954–1961 гг. группой физиков-ядерщиков под руководством академика Академии наук СССР И. В. Курчатова.

тяжести.

— И некоторые из моих инвесторов, услышав, что мое драгоценное убежище в действительности реликт ядерных взрывов, испугались. Остаточной радиоактивности, видите ли.

— Это абсурд, — сказала Мэгги. — Радиоактивные осадки, даже изотопы, вызвавшие взрыв, должны были распасться миллиарды лет назад.

— Я знаю! Но это драгоценные персоны, решительно настроенные сохранить собственные шкуры и готовые вложить в это крупные средства. Малейший намек на ничтожные проблемы с местом вроде Каракала, и оно обречено. У меня до сих пор там резиденция, у меня и еще нескольких человек. Но моей мечте о Шангри-Ла Долгой Земли пришел конец.

— Что ж, — подвел итог Катлер, — мы рады, что, несмотря на это, вы с нами, сэр. Не так ли, адмирал Кауфман?.. Адмирал?

Твен продолжал набирать высоту, и под ногами Мэгги по-прежнему раскидывался техногенный ландшафт. Она перестала улавливать закономерности. Ее глаза искали структуры. Может, еще удастся разглядеть хоть намек на орнамент из кругов, накладывающихся друг на друга, как лунные кратеры.

— Хватит вешать мне лапшу на уши, Эд. Насколько большой станет эта штука?

— Ты еще ничего не видела.

— Ты говорил об этих кругах. Сотня ярдов, потом тысяча, потом десять тысяч — это что, шесть миль?

Он кивнул.

— Мы запустили парочку спутников. Можно различить скопления кругов, по крайней мере программы распознавания закономерностей могут это сделать. Шесть миль, да, потом шестьдесят, потом шестьсот. И оно продолжает расти, даже без нашей помощи. Что же касается того, каким образом они так быстро строят, то всего три слова, адмирал: инопланетная технология репликации. Примененная здесь, на земле Эгиды. Нам с вами надо об этом побеседовать. На внешней границе расположены какие-то самовоспроизводящиеся элементы, которые начинают распространяться по собственной воле…

— Шестьсот миль?

— Мы находимся над последовательной версией Цинциннати. Ты понимаешь, что эта версия Северной Америки не совсем идентична нашей собственной, Базовой… С востока на запад Мыслитель уже протянулся от Вашингтона до

Сент-Луиса, с севера на юг — от Детройта до Атланты в Джорджии. Он обходит крупные водоемы, поэтому огибает Великие Озера, например. Но на востоке уже переваливает через Аппалачи.

— Боже мой. Должно быть, он покрыл половину континентальной части Соединенных Штатов.

Те умные девочки сказали «на грамм». Один грамм этой штуки умнее, чем все человечество, вместе взятое. А тут скопление размером с половину государства.

— Что мы тут строим, Эд?

— Ты теперь главная, Мэгги, вот и скажи мне.

Боковым зрением Мэгги уловила, что сзади к Блэку подошел мужчина в простом черном одеянии.

— Мистер Блэк? Извините, что беспокою. Мы никогда не встречались, но ваши люди оказались весьма любезны и пригласили меня на борт. Я нечаянно услышал ваш разговор о рисках, связанных с этим проектом: Приглашением, Мыслителем. Я представляю группу несогласных Следующих, консервативную часть, которая, как и вы, обеспокоена тем, что нам следует — как вы это сказали? — готовиться к худшему. Могли бы побеседовать о сотрудничестве? Мы называем себя Смиренными. Мое имя Марвин Лавлейс…

Глава 39

В конце концов троллям пришлось оттащить Джошуа от реки и отвести в лагерь под утесом. Массивный, угрюмый Санчо шел рядом, как всегда укутанный в серебристое одеяло. Он предложил опустошенному Джошуа опереться на его плечо. Даже с наступлением ночи, когда Джошуа больше не мог двигаться, он кричал на Санчо за то, что не спасли Рода, взывал о помощи по радио к Лобсангу, к Салли Линдси, даже к сестре Агнес, и ему было за это стыдно. Но никто не услышал.

Наконец он заснул.

* * *

Он проснулся с засохшими слезами на лице. Ночью Санчо заботливо укрыл его спасательным одеялом.

Наконец Джошуа успокоился. Или же это была очередная стадия изнеможения.

Оглядевшись, он увидел в утреннем свете, что земля вокруг лагеря усеяна подарками — кореньями, кусками мяса, даже ветками деревьев, — возможно, робкая попытка обеспечить

его костылями получше.

Обнаружив, что спящий рядом с Санчо Джошуа проснулся, тролли осторожно подошли к нему. Его игриво похлопывали по спине, толкали в плечо, при этом не раз свалив на землю, несмотря на укоризненное рычание Санчо. По-видимому, он стал героем благодаря спасению Мэтта. И, что смутило его больше всего, Салли предложила ему заняться сексом. (Ну, он так решил, потому что она повернулась к нему спиной, нагнулась и двинула задом, словно сдающий назад небольшой грузовик…) К счастью, после отказа повторного предложения не последовало. Но он понял, что племя приняло его к себе в большей степени, чем когда-либо.

Но Рода здесь не было. И похоже, никто не пытался его отыскать.

Спустя два дня после исчезновения Рода Джошуа сидел с Санчо на вершине скалы, привычном насесте двух старперов, как он его называл.

— Санчо, я не могу здесь оставаться.

— Ха, — задумчиво ответил Санчо, закутываясь в серебристое одеяло.

— Нужно найти Рода. И если я не смогу найти его, то буду искать путь домой. Может, на самолете. За подмогой. Потом вернусь за ним. Все-таки

он прилетел за мной.

— Ух.

— А ты, старина? Думаю, рано или поздно ты найдешь какое-нибудь другое племя и начнешь все заново. Не забудь сказать им о поющей речной обезьяне. Для меня это было внове.

Санчо потянулся за тролльим зовом.

— Опасность.

— Да, большая, большая опасность. Хищник, который эволюционировал до охоты на троллей. Естественный отбор, будь он неладен! Всегда на один шаг впереди добычи.

Казалось, что Санчо глубоко задумался. Что-то решает. Затем он сказал:

— Найти.

— Что?

С легким стоном Санчо поднялся на ноги, поправил одеяло на плече и протянул руку Джошуа.

— Найти.

— Что? Кого найти? Рода? Ты поможешь мне найти Рода? — Внезапно взволнованный, с внезапным всплеском энергии, Джошуа неуклюже поднялся на одном костыле. — Как его найти? Где? Ты знаешь, куда его забрал певун?

Тролль не ответил, а показал на лагерь, разбросанные вещи Джошуа, к которым прибавилось

снаряжение Рода из самолета.

— Да, да. Понимаю. Нужно определиться, что взять.

Джошуа спустился с утеса. Белый медицинский рюкзак Рода по-прежнему лежал здесь. Джошуа сел на землю, открыл его и стал укладывать все, что попадалось под руку: ножи, спички, пистолет, кусок веревки. Он оставил медикаменты, но с тяжелым сердцем бросил на землю две последние неоткрытые бутылки пива. И последний предмет — он схватил потрепанный розовый помпон Санчо и сунул в рюкзак. И все это быстро, пока тролль не передумал.

Затем застегнул молнию, выпрямил ремни рюкзака и, по-прежнему сидя, неуклюже взгромоздил его на спину.

— Все в порядке, старина, я собрался.

Он засунул троллий зов в карман, предвосхищая будущие беседы.

Санчо оскалился в широченной орангутаньей усмешке, громадной рукой схватил Джошуа за шиворот, поднял на ноги и встряхнул, словно распрямляя ноги марионетке. Джошуа задохнулся, полузадушенный собственной рубашкой. Свисающая нога заныла, и он постарался опереться на костыли. Ремни рюкзака впивались в спину.

— Ух!
И он провалился в дыру между мирами.

Глава 40

Это не было похоже на переход.

Переходя, вы перемещаетесь из одного мира в другой, более-менее идентичный, за исключением таких деталей, как цивилизации и последствия катастроф, как будто переходите между последовательными кадрами фильма. А потом переходите дальше, в следующий кадр, а потом в следующий…

В этот раз было по-другому. Отвесное падение.

Больше похоже на путешествие через слабые места, которые Джошуа Валиенте много раз совершал вместе с Салли Линдси. Теоретик Долгой Земли Мелланье, ученый противник Уиллиса Линдси, отца Салли, первым подвел теоретическую базу под понятие слабых мест. Линдси представлял Долгую Землю в виде ожерелья из голубых жемчужин, которыми являлись все альтернативные миры. Простой переход позволяет двигаться по цепочке от одной жемчужины к другой. Но Клод Мелланье выдвинул гипотезу, что ожерелье в некой многомерной шкатулке может перепутаться, а нити наложиться друг на

друга. И он утверждал, что можно прорваться в смежную нить и таким образом одним прыжком путешествовать по Долгой Земле намного дальше, чем просто переходя. С помощью слабых мест можно даже перемещаться по Долгим Землям географически, в отличие от обычных переходов. Поговаривали, что самые одаренные путники среди Следующих могли создавать собственные маршруты по слабым местам…

Джошуа Валиенте считал слабые места долгоземельным эквивалентом червоточин из «Контакта», и падать сквозь них было так же неприятно. Этот переход напоминал слабое место, но слабое место со смазанными маслом стенами.

Это имело смысл. Физически тролли сильнее людей и уже пару миллионов лет настойчиво приспосабливались к странным условиям Долгой Земли. Конечно, их переходы, их тоннели слабых мест будут более суровым испытанием для обычного человека.

Но это уязвило Джошуа, который с тринадцати лет был образцовым путником. Теперь он узнал, каково приходится фобикам вроде его шурина, бедняги Рода Грина, которому становилось физически плохо, даже если его усыпить и переносить на носилках. Похоже, на Долгой Земле всегда

найдется что-нибудь новенькое, даже если это касается троллей.

Все вокруг расплывалось, единственной твердой реальностью была сильная троллья ладонь на его шее. И Джошуа показалось, что он видит лицо Салли Линдси и слышит ее насмешливый голос. «Уже не такой крутой, да, Валиенте? Вот реальность переходов. Так чувствует себя рыба, вытащенная из воды…»

* * *

— Салли, отстань.

— Ух?

Внезапно Джошуа осознал, что Санчо его больше не держит, и он стоит на собственных костылях.

Но его окружала ослепительная молочная пустота.

Это могла быть вьюга с нулевой видимостью, в которые он попадал во время долгой вулканической зимы на Базовой, или даже еще один джокер Биток. Но температура была нейтральной, и он чувствовал, как на лице собирается влага. Поверхность под ногами была тоже ничем не примечательной, как белый песок. Но затем Джошуа заметил что-то похожее на отпечаток

червя, как раз сбоку от висевшего ботинка его поврежденной ноги. Значит, не Биток.

Он поднял глаза на тролля, который нависал черной тучей на фоне белого тумана.

— Санчо, где это мы?

— Ух?

— Проклятье… — Он выудил из кармана куртки троллий зов и попробовал снова. — Мы уже на месте?

— Пляж, — просто сказал тролль. — Ух?

Санчо почти комично приложил ладонь к волосатому уху.

Поднапрягшись, Джошуа различил шум прибоя и повернулся в ту сторону.

Он стоял во мгле, возможно морском тумане, густом и влажном. Но теперь туман рассеивался, и Джошуа разглядел побережье, усыпанное чем-то очень похожим на водоросли, и сероватый океан, по которому лениво катились волны, почти элегантно разбиваясь о берег, шурша осколками ракушек. Горизонта по-прежнему не было видно.

Джошуа, у которого голова шла кругом от такого космического путешествия, поразился обыденности всего вокруг.

— Так где, Санчо? Какой пляж?

Санчо пожал плечами.

— Пляж.

Джошуа тихо рассмеялся. Он уже устал стоять, поэтому опустился по костылям на песок, вытянув вперед больную ногу, и уставился на спокойное море.

— Какая разница, что за пляж, верно? Джошуа, ты должен думать как тролль. Пляж он и есть пляж, один пляж, растянувшийся по всей Долгой Земле. И хорошее место, чтобы кормиться…

Санчо похлопал его по плечу.

— Лезть.

— Лезть? Лезть на что? Куда?

— Дерево.

Тролль показал пальцем в глубь суши и пошел в ту сторону.

— Дерево?

Джошуа снова поднялся, с трудом, и повернулся спиной к морю. Туман быстро рассеивался. Что ж, должно быть, тут утро, как и в том мире, откуда они пришли, как, надо полагать, во всех мирах Долгой Земли. И в утреннем свете морской туман испарялся, открывая на суше, над пляжем…

Сооружения. Как башни.

Большие, каждая представляла собой колонну, сверху окутанную туманом, а снизу окруженную подпорками. Целые ряды башен, хотя всего лишь

силуэты на фоне жемчужного тумана. Здания? Нет, слишком естественно они выглядели. На самом деле растопыренные подпорки были похожи на гигантских крабов.

Тролль размеренно шагал вверх по пляжу к одной из «колонн», и его плечи растворялись в тумане. Джошуа заторопился следом, неуклюже ковыляя на костылях. Туман расступился дальше. И Джошуа неожиданно разглядел.

Перед ним было дерево, большое, с толстым прочным стволом и тяжелой, массивной корневой системой, которую он принял за присевшего зверя или краба. Ветви и листва все еще скрывались вверху в тумане. Большое, но всего лишь дерево. Дальше он увидел такие же деревья — стройные силуэты, застывшие в тумане. Значит, какой-то разреженный лес, к которому его в маршевом темпе вел Санчо.

— Лес есть лес, — бормотал Джошуа, шаг за шагом продвигаясь вперед на своих костылях. — Так же как пляж есть пляж. Разве что — мы тут. Почему этот лес, почему эти деревья?..

Наверное, ответы найдутся, когда они дойдут до леса.

Но они все еще шли по проклятому пляжу. Костыли Джошуа все так же раздражающе погру-

жались в мягкий песок, сломанная нога болела от каждого движения, подмышки натерло костылями. А деревья казались такими же далекими, как и поначалу, несмотря на то, что тролль размеренно маршировал к ним.

— Что за чертовщина? Я на беговой дорожке?.. Ай, хватит жаловаться. — Джошуа нагнул голову, стиснул зубы и решил терпеть. — Род, я иду.

Дальше по пляжу идти стало легче, поскольку клочки травы на дюнах закрепляли поверхность. Затем они сменились травянистым лугом на песчаной почве, а после волнами невысоких дюн. «Невысоких», пока вам, как Джошуа, не приходится раз за разом на одной ноге взбираться по песчаному холму и спускаться в заросшую травой впадину. Но Джошуа двигался быстро, как мог, без риска упасть, стараясь не упускать Санчо из виду — туман стоял по-прежнему.

Дюны уступили место травянистой равнине с низким кустарником. Густой туман все еще скрывал горизонт, и Джошуа опять потрясенно осознал, что большие деревья все еще довольно далеко, потому что стелющийся у земли туман делал серыми их стволы и корни, а сверху окутывал ветви и листву.

Джошуа перестал думать и просто сконцен-

трировался на шагах: один за другим, одно подтягивание на костылях за другим, следуя за спиной удаляющегося тролля. Но тревога не уходила. Если он смог разглядеть корни с пляжа, из-за гряды дюн, то насколько же большими должны быть эти деревья?

На самом деле он не понимал, насколько они велики, пока не добрался до ствола ближайшего из них и не зашагал между корнями. Не обогнул их, не переступил, а прошел под ними, как муравей, который подбирается к дубу. Вокруг из лесной подстилки поднимались деревянные изваяния и исчезали высоко над головой. И это только корни. Если бы он не видел их издалека, то вблизи ни за что не догадался бы, что эти громадные объекты — деревья. И тем не менее Санчо все так же бесстрашно прокладывал путь в глубь корневой системы, несмотря на то что его собственное могучее тело казалось крошечным рядом с гигантскими растениями. Чувствуя себя карликом, Джошуа старался не отставать от тролля.

Его поразила тишина, не было слышно ни одной птичьей трели.

Наконец тролль остановился перед древесной стеной, отвесно поднимавшейся прямо из почвы.

Упавшие ветки усеивали землю у подножия — ветки достаточно толстые, чтобы быть стволами деревьев в большинстве лесов, которые Джошуа доводилось посещать. Даже Санчо тяжело дышал, но постучал большим кулаком по стене.

— Дерево.

— Это я вижу.

Джошуа тяжело опустился на землю и посмотрел вверх. Ствол оказался таким громадным, что с близкого расстояния не было заметно закругления. Стена тянулась слева направо и вверх, уходя в сгущающийся туман. На первый взгляд поверхность, черная кора, казалась гладкой, но теперь Джошуа видел борозды и трещины. Он глотнул воды из фляги и достал троллий зов.

— Санчо, три вопроса.

— Ух?

— Какого черта мы тащились всю дорогу от пляжа? Не могли твои чертовы семимильные сапоги перенести нас поближе?

Санчо только пожал плечами.

— Ладно. Второй. Зачем мы здесь?

Вместо ответа Санчо принялся копаться в грунте у подножия ствола. Он отбрасывал в сторону то, что показалось Джошуа огромными сухими листьями, — пока тот не понял, что это всего

лишь куски листьев, обрывки более крупных. Теперь из-под грунта показалась одна из огромных упавших веток. Без колебаний Санчо одной рукой схватил ее за толстую щепку на обломанном конце и легким движением подбросил. Внушительный кусок дерева размером с приличный ствол закувыркался в воздухе и медленно, лениво упал со стуком через несколько ярдов.

Джошуа молча таращился.

— Ого. Я знал, что тролли сильные, но это просто абсурд.

Мучимый любопытством, он встал на ноги и поковылял к брошенной ветке. Вот и щепка, за которую брался Санчо, зазубренный кинжал расколотого дерева. В качестве эксперимента Джошуа наклонился на костылях, схватился за щепку и потянул.

И вся ветка, деревянный столб не меньше двадцати футов в длину, поднялась с земли. Нельзя сказать, что она ничего не весила, но казалась сделанной из папье-маше, а не настоящим стволом.

— Ого, — повторил Джошуа. — Если бы обе мои ноги были здоровы, я бы смог ее раскрутить. Эй, Санчо. Что это за штука?

— Парящая древесина, — только и сказал Санчо, роясь в палых листьях по направлению к стволу.

— Парящая древесина? Но…

— Ух!

С триумфальным криком Санчо наконец достал что-то из земли. Цилиндр. Ярко-красный.

Сердце Джошуа пропустило удар. Ракетница Рода. Залитая кровью.

Он задумался: откуда Санчо узнал, где именно искать? Может, по запаху или из долгого зова? Неважно.

— Ладно. Я понял. Поющая тварь притащила его сюда. Что нам делать дальше?

Тролль поднял глаза на стену-ствол и широко улыбнулся.

— Лезть.

Глава 41

Для шестидесятивосьмилетнего Джошуа Валиенте со сломанной ногой существовал только один способ взобраться на это громадное дерево. На спине тролля.

Джошуа сильно смущала собственная беспомощность, но Санчо был бодрым и здравомыслящим. Он позволил Джошуа разобрать вещи, сложить и убрать легкие костыли, повесить троллий зов на шнурке на шею. Затем помог Джошуа залезть к себе на спину и обхватить мощную троллью шею. Для надежности они привязались друг к другу веревкой. Санчо действовал с такой сноровкой, что Джошуа предположил, не был ли тролль в прошлом носильщиком, возможно, на каком-нибудь предприятии по лесозаготовкам вроде Торговой Компании Долгой Земли. Использовать человекообразного с большим емким разумом и великодушным сердцем в качестве мула в какой-то шайке жадных до денег дровосеков? Что ж, таковы люди.

И вот, с надежно прикрепленным человеческим грузом, тролль поднял голову к громадной

стене ствола, поплевал на ладони и начал взбираться.

Кору усеивали узлы и выемки, Санчо без труда находил опоры для рук. Даже ступни тролля, подвижные и ловкие, находили опоры почти с такой же легкостью, что и большие ручищи. Пока Санчо лез, Джошуа ощущал громадные мускулы на плечах и спине тролля под волосатой кожей. Несмотря на пожилого мужчину в качестве груза, Санчо словно не лез, а поднимался по поверхности ствола продолжительным плавным движением. Тролли больше напоминали Джошуа орангутанов, чем горилл, и сходство с орангутанами никогда еще не было таким поразительным: руки и ноги тролля соответствовали длине, силе и гибкости конечностей этих обезьян.

И пока Джошуа изумлялся умению тролля, они неуклонно поднимались вверх.

Вскоре земля, усеянная упавшими листьями и ветками, которые с высоты казались почти нормального размера, осталась далеко позади. Но когда Джошуа посмотрел вверх, стена коры по-прежнему терялась в тумане, и если там и росли какие-то ветви, их еще нельзя было увидеть.

Откинувшись назад и цепляясь за мускулистую шею Санчо, Джошуа огляделся и теперь увидел

эти другие деревья — в тумане огромными вертикальными тенями маячили стволы. Некоторые деревья были словно обмотаны канатами — наверное, огромными лозами или лианами, смутно различимыми в тумане, какой-то паразитический вид. Это был настоящий лес, со множеством деревьев, но отдельные экземпляры были такими огромными и, вероятно, вынужденно росли так далеко друг от друга, что не производили впечатления леса. Деревья больше походили на гигантские сооружения, наподобие небоскребов. Базовый Манхэттен в древесной форме.

Тролль лез неуклонно, но не сказать, что неустанно. Время от времени он останавливался, и Джошуа слышал рокот его огромных легких, когда тот делал глубокий вдох.

По мере подъема Санчо ковырялся в коре перед собой. Он старался не повредить саму кору, но здесь росли растения — что-то вроде папоротников, орхидей и бромелиевых, черпающих питательные вещества напрямую из воздуха. На некоторых эпифитах были плоды, которые Санчо отправлял в рот. Из трещин в коре он доставал жуков — хрустящее лакомство. Джошуа же попивал воду из бутылки и ел энергетические батончики из рюкзака Рода, но он был впечатлен.

Повсюду, как на поверхности коры, так и внутри самого ствола этого дерева, была жизнь. Санчо потревожил птицу, похожую на гигантского, размером с орла, дятла с ярким оперением. Та взлетела с недовольным криком, и Джошуа пригнулся. Наверное, поэтому на земле он не слышал птиц. Просто они живут чертовски высоко.

А они все поднимались. В тепле, уюте, под убаюкивающий устойчивый ритм подъема и с ощущением абсолютной безопасности под присмотром этого замечательного тролля Джошуа заснул.

* * *

Он проснулся, когда Санчо опять остановился и начал осторожно разматывать веревки со своего груза.

Джошуа увидел, что они наконец добрались до веток.

В этом мире, мире громадных деревьев, солнце клонилось к закату, и низкие лучи бросали молочные тени через непрекращающийся туман. Должно быть, Санчо и Джошуа поднимались весь день. Они казались карликами, окруженными со всех сторон огромными объектами: ствол, гигантские ветки, листья, похожие на зеленые флаги.

Ветви сами по себе были гигантскими, размером со зрелый дуб с Базовой. Ветки казались слишком массивными, чтобы поддерживать себя, но если они состоят из аномально легкой парящей древесины, то вполне на это способны. До Джошуа дошло, что теперь вокруг стоит шум: поют птицы или кто-то похожий на птиц, кричат какие-то животные, и под просторным пологом до самого неба разносится эхо. Значит, вот где в этом мире кипит жизнь: высоко над землей. И скорее всего, это лишь самый нижний ярус гигантского леса.

Вдруг Санчо, напрягшись, поднял голову. Его ноздри раздувались. Джошуа подумал, что тролль слышит сквозь туман обрывок долгого зова.

Оглядевшись, Джошуа решил, что Санчо, наверное, остановился здесь, потому что нашел пруд — в развилке между стволом и веткой скопилась вода. Неподалеку от пруда Санчо мягко опустил Джошуа и намотал веревку на боковую ветку, тоже массивную. Затем пошел к водоему напиться.

Предположив, что они здесь заночуют, Джошуа укрепил веревку парой собственных узлов, сбросил рюкзак, так же старательно привязав его к ветке. Вытащил спасательное одеяло Санчо и легкий спальный мешок для себя. На поверхности ветки трудно было что-то делать — каждый

квадратный дюйм заполняли мох, лишайник и грибы, на которых ноги и руки предательски скользили. Как ни странно, Джошуа запыхался, как будто это он, а не тролль тяжело потрудился. Зато тролль на вид почти не устал, хотя его грудь тяжело вздымалась.

Джошуа подошел к пруду, у которого стоял Санчо. Тролль набирал воду руками. Джошуа наполнил пустую фляжку, но сначала процедил воду и бросил очищающую таблетку.

После этого Санчо расположился возле пруда в терпеливой позе, как во время охоты на кроликов в подземных убежищах. Джошуа сел рядом, неподвижный и молчаливый. Но он ничего не видел в луже, ничего, кроме похожих на лилии растений на поверхности и легкой ряби…

Санчо с мощным всплеском погрузил ручищу в воду и одним движением вытащил зажатого в кулаке аллигатора, который бился и вырывался. Аллигатор был крошечным и бледным, но Джошуа не сомневался, что все равно тварь вполне способна оттяпать палец. Но Санчо ударил его головой об ствол, и рывки аллигатора сразу прекратились.

Санчо погладил разбитый череп, словно успокаивая. Затем отломил от коры щепку и с ее

помощью вспорол брюхо животного. Когда тролль предложил своему спутнику горсть сырого мяса, еще теплого и сочащегося кровью, Джошуа отказался. У него в рюкзаке была солонина и аварийный паек с самолета.

— Если бы мы могли развести здесь костер…

Похоже, что Санчо даже без троллього зова понял это слово: костер. Он энергично помахал на языке жестов: нет-нет и схватил троллий зов:

— Не надо костер! Не надо костер!

Джошуа поднял руки.

— Хорошо, старина, я просто предложил. Не надо костра. Я понял.

Санчо успокоился, но, жуя мясо аллигатора, не сводил глаз с Джошуа, словно тот мог внезапно выхватить горелку.

Когда они поели, а дневной свет померк, они улеглись бок о бок, человек и тролль, один под спасательным одеялом, другой в спальном мешке. Несмотря на настойчивое стремление продолжать поиски Рода, Джошуа испытывал некоторое облегчение оттого, что они остановились. Он вымотался даже в качестве пассажира.

И его по-прежнему донимала эта одышка. Как высоко они забрались? Он вспомнил Денвер с его последовательными копиями: город в миле

над уровнем моря. Когда бы он туда ни прилетел, ему требовалась пара часов, чтобы привыкнуть к разреженному воздуху. Возможно ли, что сейчас они на такой же высоте? Санчо поднимался несколько часов, быстро и в одном темпе. И даже если они в миле над землей, очевидно, что до верхушки этого громадного дерева еще далеко…

Дерево в мили высотой? И это не единственный могучий Иггдрасиль, здесь таких явно целый лес. Как вообще это физически возможно?

Но, пусть и на высоте мили, его окружала жизнь — и рядом, и вверху в невидимой кроне. Лежа в сгущающейся темноте, он, как ему показалось, увидел какое-то животное, пробежавшее в ветвях — тень на фоне теней, не белка или аналог белки, не лазающая обезьяна, как можно было ожидать. Джошуа решил, что оно похоже на оленя, большое четвероногое животное, легко пробирающееся по толстым ветвям. Еще он услышал шум водоворота в том прудике в развилке ветвей — что-то такое же большое, как пойманный троллем аллигатор, или даже крупнее, охотилось в своих владениях на высоте в милю. Это был вертикальный ландшафт.

Деревья!

Деревья были спутниками Джошуа Валиенте

с самого Дня перехода, когда он, тринадцатилетний мальчишка, обнаружил, что перешел в лес из пригорода Мэдисона в Висконсине. Фактически лес был повсюду. Большинство Земель тонули в лесах. Человечество возникло только на Базовой Земле — и только на Базовой мировые леса исчезли в результате тысячелетий прилежной расчистки умными обезьянами с топорами.

Но Джошуа узнал, поначалу с помощью сестры Джорджины, что деревья были не просто фоновыми декорациями. Их стволы содержали значительную часть мировой биомассы, они питали целые экосистемы благодаря корням, проникающим до глубоких подземных источников, и, как он только что здесь видел, в их трещинах находили убежище животные, насекомые и даже другие растения. Все это питалось по сути солнечной энергией, падающей на листву. Похоже, в этом мире деревья приобрели максимальное значение, а земная поверхность оказалась более или менее заброшенной, за исключением корней могучих мировых деревьев.

Но если он уже находится где-то в миле над землей, то насколько высоко в конечном итоге может располагаться крона? Он знал, что, во всяком случае, на Базовой у высоты деревьев существует

предел. Рост секвой, например, ограничен способностью их древесины выдерживать вес ствола и внутренней структурой дерева, позволяющей поднимать воду с земли к листьям. Поэтому они вырастают на две-три сотни футов. Не на милю.

Может, эти деревья устроены иначе. Должно быть, так.

И где он?

Он вспомнил один джокер, который они с Лобсангом и Салли нашли во время Того Самого Путешествия в Верхние Меггеры сорок лет назад. Это было где-то между Прямоугольниками и Дырой, как он назвал ориентиры того грандиозного путешествия: мир, где «Марк Твен» летел высоко в облаках, а ветви с листвой задевали его киль… И он смутно помнил отчет одной из экспедиций Мэгги Кауфман на военных твенах в неизведанные пределы Долгой Земли. Где-то в доброй четверти миллиарда переходов они обнаружили мир или группу миров, усеянных огромными деревьями. Однако были ли они настолько большими, как эти? Конечно, здравый смысл подсказывал, что тролли и другие переходящие человекообразные не распространяются ни на запад, ни на восток за пределы Дыр, представляющих естественные вакуумные ловушки.

Но довольно об этом; дайте троллям способность переходить через слабые места, и они смогут попасть куда угодно. Джошуа представил небольшие скопления троллей, разбросанные по всей великой Долгой Земле, расселяющиеся из миров, куда их доставляют излюбленные слабые места…

Мог ли Джошуа и в самом деле зайти так далеко с Санчо и его суперпереходом? Наверное. Похоже, обычное ощущение своего местоположения на Долгой Земле осталось на берегу реки, с Патриком, Мэттом и остальными, но он чувствовал, что, где бы он ни был, он находится далеко за пределами Верхних Меггеров.

Не спрашивай, сказал он себе. Пусть когда-нибудь в этом разбирается кто-то умнее тебя. Он не Лобсанг. Джошуа предпочитал познавать все на собственном опыте, а не анализировать. К тому же сейчас важнее всего поиски Рода.

— Это как в День перехода, — сказал он вслух. — Искать заблудившегося ребенка в последовательном лесу. Мы идем, сынок. Просто держись. Мы идем.

Санчо заворчал и захрапел во сне.

Глава 42

Следующий день прошел почти так же. Тролль размеренно лез вверх.

Весь день.

У Джошуа, повисшего на спине Санчо, как ребенок на шее отца, затекло все тело. Он неважно себя чувствовал, наверное, давали о себе знать последствия болезни, и едва ли осознавал окружающий мир. А тролль лез все выше и выше с какой-то плавной грацией, контрастировавшей с его массивным телосложением. Воздух, казалось, становился все разреженнее с каждым вдохом, но Санчо продолжал карабкаться так же решительно, как и в самом начале.

Света прибавилось. Джошуа осмотрелся: они выбрались из полосы тумана. Нет, взглянув через плечо Санчо вниз, он понял, что на самом деле они поднялись выше слоя облаков. Могучий ствол дерева дерзко устремлялся к небу, словно космический лифт. Очевидно, поднялись они и выше первого яруса кроны, поскольку встающие из облаков стволы были голыми. Джошуа смутно припомнил, как когда-то читал, возможно, с кем-

то из сестер, что углерод для древесины деревья поглощают прямо из воздуха. Если так, то эти деревья представляют собой чертовски большие хранилища углерода. Возможно, в этом мире и в самом деле высокая концентрация углекислого газа, поэтому деревья так эволюционировали.

Хорош он — размышляет об эволюции, задыхаясь, как выброшенная на берег рыба, и цепляясь за мохнатую спину тролля. «Ближе к делу, Джошуа».

Похоже, они забрались и выше большинства обитателей, которых кормило дерево. Они миновали несколько редких коротких ветвей, а пруды, вроде того, у которого они провели ночь, стали попадаться реже. Джошуа предположил, что они залезли выше дождевых облаков и дожди тут редкость.

Но, похоже, это не беспокоило Санчо, который почти с самого пробуждения ничего не ел и не пил. Он просто лез выше и выше.

Джошуа оставалось только терпеть. Он цеплялся за спину Санчо, уткнувшись лицом в густую черную шерсть.

* * *

Когда Санчо сделал следующую остановку, Джошуа смутно разглядел, что солнце снова садится. Под ним простирались слои облаков, на этот раз перистых, решил Джошуа, — тонкий слой, сквозь который виднелись нижние облака, пронизанные древесными стволами. А над головой, за ветвями, раскинулось небо, как в космосе, темно-синее, усеянное бриллиантами звезд, лишенное облаков, за исключением единственной бледной полосы.

Джошуа смутно осознал, что Санчо развязывает веревки. Тролль осторожно сгрузил Джошуа и устроил его в основании ветки. Над ним, словно луны, нависли любопытные лица других троллей (это еще что за тролли?). Джошуа был сбит с толку и задыхался, его тошнило — и еще он замерз. Похоже, Санчо это понял, потому что с грубоватой нежностью укутал вялое тело Джошуа в спальный мешок.

Джошуа лег на спину. Ветви над головой образовывали полог с огромными листьями, похожими на развешенные для просушки одеяла. Значит, второй ярус кроны. Почему бы и нет? Здесь, наверху, в чистом безоблачном воздухе условия

для фотосинтеза должны быть идеальными, вяло подумал он, идеальными для поглощения неограниченного солнечного света под безоблачным небом — урожай, который питал все, что Джошуа увидел за многие мили подъема.

Мили?

Неужели это правда? Какова предельная высота перистых облаков? Двадцать, тридцать тысяч футов? Род — пилот, он знает. Значит, тут высота три-четыре мили. Как минимум. Откинувшись назад, он видел, что ствол дерева уходит выше этой кроны в небесную синеву. Насколько же высоким оно может вырасти? Пять миль?

Джошуа засмеялся.

— Салли, видела бы ты.

И здесь, наверху, были тролли.

В сгущающихся сумерках он различал тени взрослых особей и детенышей, больших тяжелых троллей с широкой грудью, которые осторожно передвигались вокруг. Может, они постоянно живут на высоте и их тела адаптировались к разреженному воздуху? Здесь были целые семьи. Они ели фрукты, личинки, что-то похожее на окорочка и пили воду из вогнутых листьев. Наблюдая за тем, как тролли питаются, Джошуа заметил, что они старались не брать ничего от

самого дерева. Он где-то читал, что некоторые виды деревьев, например дубы, научились вырабатывать яды против настырных травоядных.

Силуэты троллей на фоне темнеющего фиолетового неба походили на тяжелые фрукты, висящие на этих невозможных ветках на высоте в несколько миль. И Джошуа отчетливо слышал струящуюся в неподвижном воздухе бесконечную песнь троллей.

— Да, Салли, тебе стоило бы это увидеть. Тебе бы понравилось.

Он закутался в одеяло, натянул шляпу на уши и попытался заснуть.

Ночью он проснулся от жажды. Попробовал позвать Санчо, но вместо голоса вышел хрип.

Джошуа поднял голову: вокруг спали тролли, сбившись в большие кучи под яркими звездами. Когда он снова окликнул Санчо, на его плечо легла тяжелая ладонь. Джошуа повернулся и увидел крупное и печальное лицо Санчо.

— Воды…

Джошуа ожидал, что Санчо достанет флягу из медицинского рюкзака. Вместо этого тролль подал ему какой-то зеленый мешочек природного происхождения и странной обтекаемой формы — как капля, подумал Джошуа, — с жидкостью

внутри. Санчо мастерски проделал в мешочке дырку большим и указательным пальцами, поднес его ко рту Джошуа, и по его языку потекла чистая прохладная вода. Когда мешочек опустел, Санчо просто вытянул руку и отпустил его.

И пустой мешочек стал подниматься над головой Санчо, пока не затерялся среди ветвей.

Почему-то это вовсе не удивило Джошуа. В таком фантастическом месте что еще делать вещам, кроме как взлетать в небо? Он похлопал Санчо по плечу в знак благодарности и снова улегся спать.

Глава 43

Когда он проснулся при синем свете дня, в голове существенно прояснилось, мысли обострились, донимавшая легкая тошнота пропала. Очевидно, он адаптируется к высоте — на самом деле, адаптируется подозрительно хорошо. Может быть, в этом мире содержание кислорода выше, чем на Базовой. И вообще, планета с огромными деревьями должна иметь необычную атмосферу. Он понадеялся, что Мэгги Кауфман когда-нибудь пришлет сюда людей, чтобы изучить это место как следует.

Между тем ему сильно хотелось отлить, еще попить и поесть — вот в таком порядке. Он сел, но слишком резко, и голова на мгновение закружилась. Его обхватила за плечи сильная рука тролля, не давая упасть назад: конечно, Санчо. За его спиной Джошуа увидел остальных троллей, сгрудившихся на одной длинной толстой ветке.

Усмехнувшись, Джошуа мягко отвел руку Санчо.

— Спасибо, старина. Дай мне проверить, смогу ли я сделать это самостоятельно.

Убедившись, что веревка на его поясе крепко привязана к ветке, он осторожно встал и прислонился к грубой стене ствола. Затем, отвернувшись от Санчо, расстегнул штаны и расслабился. Моча разбивалась о гигантские ветки и желтыми каплями падала вниз. Джошуа лениво подумал, как далеко улетят капли, прежде чем испарятся или, возможно, замерзнут. Желтый град!

И что будет, если он оступится, если подведет веревка, если он упадет отсюда? Он быстро достигнет равновесной скорости даже в таком разреженном воздухе. Наверняка пройдет много минут, прежде чем он достигнет земли, летя вдоль ствола этого небесного дерева, пробиваясь сквозь слои веток и пугая воздушную фауну странного леса. А может, он вообще не упадет. Может, просто воспарит в воздух, словно…

Память вернулась, ясная и четкая. И стоя на одной ноге перед стеной-стволом, он мог поклясться, что слышит какое-то журчание, будто по скрытой трубе по какому-то водопроводу поднимается вода.

Он повернулся, чуть при этом не упав, схватил Санчо за плечи и потянулся в рюкзак за тролльим зовом.

— Санчо. Вода.

— Костер, — мрачно ответил тролль.

— Что? Нет, Санчо, вода. Как тот пузырь, из которого ты поил меня прошлой ночью.

Санчо поджал большие губы, потянулся к выемке на ветке и достал из заначки зеленый мешочек, наподобие того, что давал Джошуа вчера.

Джошуа схватил его. Мешочек был такой же, как он помнил, и для сосуда с водой размером с грейпфрут казался замечательно легким. Джошуа с жадностью разорвал его, вытряхнул воду — Санчо удивленно ухнул — и выпустил пустой мешочек.

Как и раньше, мешочек полетел вверх, поднимаясь в небо как воздушный шарик.

Возбужденный, Джошуа сказал Санчо:

— Покажи.

— Ух? Воду?

— Нет. Я не хочу воды. Я хочу сумки. Покажи, где ты берешь сумки с водой.

Санчо, понимая, что хочет Джошуа, был явно озадачен его поведением и продолжал повторять «костер», что, в свою очередь, озадачивало Джошуа. Тролль подвел его к стволу. Здесь был грубый разрез, вероятно, сделанный каменным орудием, которое старательно принесли с земли. Разрез был достаточно широк, чтобы в нем поме-

стилась рука тролля. Джошуа ничего не видел, но без труда засунул туда руку и пошарил.

Там оказались еще мешочки с водой, поднимающиеся по каналу с гладкими стенками глубоко внутри дерева.

* * *

Они сидели с Санчо прямо как раньше на своем «месте старперов» на утесе. Джошуа жевал спрессованный рацион, тролль кутался в спасательное одеяло.

— Боже, как я хочу, чтобы здесь был Лобсанг! Или сестра Джорджина!

Немного поразмыслив, Джошуа решил, что начинает постигать тайну небесных деревьев.

— У меня есть теория, старина. Почему эти твои невероятные деревья не так уж невероятны в принципе.

— Ух?

— Эти водяные мешочки как маленькие воздушные шары. Теряя водный балласт, они воспаряют в воздух. То есть, как и детские воздушные шарики, они должны быть наполнены каким-то газом легче воздуха. Горячий воздух? Нет, они даже не теплые на ощупь. Тогда чем? Гелием или водородом — как и твены. Но откуда деревьям

взять гелий? Насколько я знаю, это довольно редкое вещество. Во всяком случае, в большинстве миров. С другой стороны, водород есть везде. — Он вспомнил химические опыты, которые проводила с ним сестра Джорджина. — Водород можно взять из воды — аш-два-о. Пропускаешь через воду электрический ток, и молекулы воды разделяются на водород и кислород, а ты просто собираешь водород…

— Ха!

— Точно. — Джошуа посмотрел на верхнюю крону, где огромные листья, собранные на еще более огромных ветках, купались в солнечном свете. — Вся энергия, которая необходима для электрического тока, льется прямо с неба. Каким-то образом, может, посредством какого-то естественного проводника, часть этой энергии передается до корней. И спорим, что внизу ты найдешь некую естественную лабораторию электролиза, где расщепляют подземные воды, чтобы получить водород. Водород собирается в сосуды вроде твоих водяных мешочков. Прикольный механизм. Вот таким образом вода поднимается с земли на высоту в мили. В естественных водородных шарах, проходит через внутренние каналы в самом дереве. И вот так эти создания могут вы-

расти в семьдесят, восемьдесят раз выше самых высоких секвой.

— Ха?

Джошуа шлепнул себя по лбу.

— И парящая древесина! Я же сам видел. Вся древесина заполнена водородом. Вот что делает ее такой легкой, вот почему это чертово дерево способно стоять. А что, может, оно вообще не держит собственный вес. Может, его верхние слои такие легкие, что на самом деле привязаны к земле стволом и корнями, как твен на канате. Здорово!

— Костер!

— Да, старина! Что насчет костра? Водород легко воспламеняется. Так вот почему прошлой ночью ты не хотел, чтобы я разводил костер в кроне, верно? И удар молнии тут может натворить черт знает сколько бед. Хотя, надо думать, в процессе эволюции деревья должны были выработать способы противостоять огню. В них же полно мешков воды… Хотя лесозаготовители… Может, поэтому такая явно полезная штука, как парящая древесина, ультралегкая, так и не попала на Ближние Земли. Потому что люди, которым довелось зайти в эту группу миров — если кто-то сумел забраться так далеко, — в первую же ночь

привычно развели огонь… Ба-бах. Прощайте, лесозаготовители.

— Костер?

— Знаю, знаю. Какой вывод сделал бы Лобсанг? Он бы попытался выяснить, как оно эволюционировало, вот что. Полагаю, как только у деревьев появилась фишка с подъемной силой водорода, тут же началась гонка, кто вырастет выше и сильнее, чтобы первым поймать свет. Неудивительно, что деревья поднимаются так высоко, насколько могут, до тех пор, пока их не ограничивают холод или недостаток кислорода…

— Костер! Костер!

Впервые за много минут Джошуа обратил внимание на то, что тролль на самом деле пытается ему сказать. Это было не просто слово, Санчо показывал туда, где собрались остальные тролли на конце длинной ветки, нависшей над пустотой. Джошуа всмотрелся, проклиная старые глаза. Ему почудилось что-то на самом конце ветки, странный плод — какое-то большое тяжелое животное, больше тролля. Тролли загнали его в ловушку.

И ярко-оранжевый проблеск. Летный комбинезон.

У Джошуа будто остановилось сердце. Он опять схватил троллий зов.

— Это мой мальчик.

— Детеныш, — согласился Санчо.

— Ты нашел его. Черт, Санчо, я тебя расцелую. Но теперь нам надо до него добраться, верно?

— Костер!

Секунду подумав, Джошуа полез в рюкзак и достал коробку спичек.

— Ты думаешь, это поможет?

— Костер, детеныш, костер!

— Нам нужно как-то использовать костер, чтобы вернуть Рода? Ладно, старина. Послушаюсь тебя… Сдается мне, что мы не вернемся тем же путем.

Взволнованный, озадаченный, полный решимости, Джошуа сунул спички в карман и торопливо запихнул остальное снаряжение в медицинский рюкзак. Затем, взобравшись на спину тролля и обмотавшись с ним веревкой вокруг пояса, Джошуа пробормотал:

— Итак, моего сына захватил в плен древесный крокодил, я вскарабкался на пятимильную колонну водорода на спине тролля с коробкой спичек в кармане. Что может пойти не так?

Глава 44

Джошуа удивился, каким грациозным оказался певун, каким гибким и пропорционально сложенным было тело человекообразного, когда тот карабкался по ветке. Ведь Джошуа впервые столкнулся с певуном в реке. Но если он был прирожденным пловцом, то похоже, что и по деревьям лазил не хуже любого тролля.

Джошуа не понимал, как Санчо узнал, что поющая тварь придет в этот мир, именно на это дерево. Он не понимал, каким образом Санчо и местное племя троллей загнали это животное в тупик, на конец ветки. Но если оно изначально приспособилось охотиться на троллей, то, возможно, пользовалось теми же самыми суперпереходными путями, которыми Санчо привел сюда Джошуа. Его снова поразило, сколько всего человечеству — и даже Лобсангу — еще предстоит узнать о троллях, их образе жизни и способностях, а также о хищниках, которые на них охотятся.

Как бы то ни было, сейчас поющее животное стояло спиной к концу ветки, которая невероятно высоко и далеко выдавалась в небо, окруженное

троллями, загнавшими его туда. Теперь Джошуа видел сына, явно без сознания, перекинутого через ветку у ног певуна. С такого расстояния Джошуа не мог понять, жив Род или мертв, есть ли у него травмы и насколько серьезные.

Все это потом. Сейчас ему нужно просто вернуть сына.

Рядом стоял Санчо с толстым куском ветки парящей древесины, отдаленно напоминающим трубу.

— Костер.

Джошуа разглядывал ветку.

— Что ты задумал? Каким-то образом выкурить его оттуда?

Отбросив свою обычную флегматичность, Санчо сунул в руки Джошуа трубу из парящей древесины.

— Костер!

Он постучал пальцем по карману Джошуа, куда тот положил спички.

Джошуа внимательнее пригляделся к трубе. Она была обманчиво легкой и явно природного происхождения, но особенной формы.

— Это кусок дерева, верно? Полый внутри — дерево, заполненное водородом, — короткий и прямой, почти обтекаемый. И эти бороздки сна-

ружи почти идеальные спирали. — И тут до него, кажется, дошло. — Ого. Ты серьезно? Уверен, в тролльем зове не заложен перевод слова «снаряд»… Но зачем дереву выращивать природные ракеты на водородном топливе?..

— Костер!

— Хорошо, хорошо, я понял. Не думай, просто делай дело. Ты тут главный, Санчо. — Джошуа взглянул на певуна с обезьяньей головой, который стоял над его сыном и рычал на подначивающих его троллей.

— Ладно, но давай сначала потренируемся…

Джошуа нацелил «ракету» в воздух, в сторону от троллей и певуна. Затем, импровизируя на ходу, набил в основание трубы сухих листьев и отрезал кусок свечи, чтобы сделать запал.

— Не горю желанием взорвать себя, когда я так близко к Роду…

Затем Джошуа чиркнул спичкой, поджег фитиль свечи и быстро отошел.

Органический наполнитель задымился, заискрил и вспыхнул, мешочки с водородом начали лопаться. На мгновение стало тихо, и Джошуа подумал, что ничего не вышло. Но потом из основания «ракеты» вырвалось яркое белое пламя, и труба рванула в воздух, оставляя за собой дым-

ный след. Она вращалась вокруг своей оси — это спиральные гребни ловили воздух, и в результате кусок летел прямо и точно туда, куда направил его Джошуа. Но газ весьма быстро кончился, и горящая головешка упала вниз.

— Надо же, — изумился Джошуа. — Думаю, это может сработать.

— Ух!

— За дело.

* * *

В конечном счете это был вопрос времени.

Тролли были охотниками, привычными к совместным действиям. Так что племя продолжало кричать и махать кулаками на певуна, который рычал и огрызался, стоя над распростертым телом Рода. Все это отвлекало певуна от Санчо, который молча, спокойно, не испытывая ни малейшего страха отделился от племени и подошел чуть ближе к зверю. И к Роду.

И Джошуа заставил себя сосредоточиться на установке второй ракеты из ветки. Первая и последняя, которую он запустит в гневе, думал Джошуа, поэтому нужно все сделать правильно. Он повозился над прицеливанием, соорудив из палочек что-то вроде рельсовых направляющих,

и посмотрел вдоль узкого корпуса ветки, проклиная плохое зрение.

Решив наконец, что точнее уже не наведет, он не колебался. Снова поднес спичку к свечному фитилю, снова появился дым и послышался треск пропитанных водородом листьев. Джошуа откровылял в укрытие.

Фитиль догорел.

Снова вспышка ракетного топлива, снова пламя и дым, когда ракета стартовала — и ударила точно в живот поющей твари. Животное свалилось со своей ветки и, кувыркаясь, полетело вниз. Джошуа издал победный клич.

Но тело певуна оказалось таким тяжелым, что ракета, все еще горя и крутясь, отрикошетила от него и полетела обратно к стволу, вращаясь в воздухе, оставляя за собой сложный дымовой след.

Племя троллей ликующе кричало и ухало, а Санчо на четырех конечностях рванул по ветке к Роду и поднял его безвольное тело, словно кучу тряпья. Но Джошуа отвлекся на огненную вспышку далеко внизу. Его ракета, все еще горя, врезалась в дерево в месте соединения ствола с толстой веткой. В глубине раздался глухой взрыв, и все дерево содрогнулось.

— Ой.

Но Санчо уже принес Рода.

Джошуа помог троллю уложить сына на ветку. Он проверил пульс на шее Рода, наклонился, чтобы прислушаться к дыханию, и почувствовал его тепло на своей щеке. Затем он быстро ощупал его руки и ноги. Джошуа, с полными слез глазами, действовал быстро, заставляя себя ничего не пропустить.

— Похоже, он невредим, — сказал он Санчо. — Пульс ровный, дыхание есть, руки-ноги целы. Насчет внутренних травм — тут придется подождать, пока он очнется. Обезвоживание, возможно голодное истощение. Нам повезло, что певун его не убил, а может, эти животные любят есть своих жертв теплыми.

— Костер, — сказал Санчо.

— Санчо, старина… спасибо.

— Костер! Ой! Костер!

И тут в глубине дерева раздался колоссальный взрыв. Ветка, за которую они держались, затрещала и закачалась.

Джошуа огляделся. Троллей расшвыряло, каждый цеплялся за что мог. Чуть дальше ветви трещали и ломались, мимо пролетали огромные обломки, сами размером со взрослое дерево. Снизу разгоралось яркое сияние, поднимались

клубы дыма и раздавались еще взрывы. Джошуа предположил, что это разрушались природные хранилища водорода.

Он в ужасе уставился на Санчо.

— Что я натворил?

— Ой! — заорал Санчо. Он поднял безвольное тело Рода, перекинул Джошуа через второе плечо и побежал по ветке взрывающегося дерева.

Трясясь вниз головой, оглушенный новыми взрывами, Джошуа бормотал:

— Полковник Куоритч сдохнет от зависти.

* * *

Как позже выяснили Джошуа с Родом, когда обсуждали случившееся, невозможно эволюционировать до высоченного дерева, резервуара чрезвычайно горючего водорода высотой в пять миль — этакого пятимильного «Гинденбурга», — и не выработать способов пережить пожар. Даже использовать его себе на пользу. Потому что благодаря ударам молний, падениям метеоритов, извержениям вулканов и прочим природным бедствиям в любом мире всегда будут пожары, даже в тех, до которых еще не добрался Джошуа Валиенте с коробком спичек.

Неуправляемая ракета вызвала серию взрывов,

которые с удивительной скоростью разорвали могучий ствол дерева на куски. Само дерево не могло выжить, и большая его часть погибла в огне. Колоссальный костер создал столб дыма, пепла и водяного пара — продукт горения водорода в кислороде, понял Джошуа, противоположного электролизу, — который достиг стратосферы.

Но из этого дыма выплывали немаленькие куски парящей древесины, отколовшиеся от разрушающегося дерева: ветви, обломки ствола. Многие из них сами напоминали деревья, со стройными стволами, ветками с листьями, корнями, болтавшимися в воздухе, словно щупальца осьминога. Они выплывали из мясорубки и медленно опускались на землю. Джошуа предположил, что это саженцы, отпрыски дерева и хранилище его генов, семена будущих поколений. Похоже, они даже были двух видов, как пыльца, как цветы, — возможно, мужского и женского.

И одновременно, чтобы обеспечить саженцам место для роста, из пламени умирающего дерева вылетали искры жидкого света, оставляя дымные хвосты длиной в несколько миль. Ветки-ракеты, как те, которые поджег Джошуа своими спичка-

ми, но теперь они служили своей истинной цели. Они вылетали вслепую и как попало, но во все стороны и попадали в листву могучих соседей гибнущего дерева. Не все ракеты достигали цели, не все цели поддавались огню. Но достаточное количество ракет попало, достаточно соседей было уничтожено, чтобы обеспечить новым росткам как минимум шанс найти открытое место, чтобы укорениться и иметь доступ к солнечному свету, не оказавшись в тени более взрослых конкурентов.

Конечно, поскольку каждое второе дерево, в свою очередь, взрывалось, по колоссальному лесу летало все больше веток-ракет, пока не заполыхал достаточно большой его участок. Джошуа на мгновение подумал, уж не взлетит ли на воздух весь чертов континент в невероятном лесном пожаре. Но скоро он увидел, что огонь остановился перед широкими просеками, прорубленными в лесу, природными противопожарными полосами. А над головой, похоже, собирались тяжелые серые тучи, полные водяного пара, поднимающегося от горящих деревьев, возможно, они станут источником дождя, который еще больше ограничит огонь.

В каком-то из заросших лесами миров Лобсанг

сказал Джошуа, что, по его мнению, леса можно рассматривать как живые существа. Они коллективны, почти как племена троллей, впадают в спячку, когда холодно, вялые, когда жарко, ежедневно соки поднимаются по ним, как единое грандиозное сердцебиение. Так же и здесь, просто иной жизненный цикл, иной масштаб. Водородный лес использовал пламя, чтобы распространять свои семена, но, похоже, и пожар был способом самоограничения. Через столетие или два молодые деревья вырастут и лес исцелится, станет сильнее, чем раньше, словно этого пожара и не бывало, а единственным его следом останется питательный слой пепла в верхнем горизонте почвы.

Пока лес превращался в природное, хоть и зрелищное поле боя, пока из-под корней горящих деревьев бежали животные, похожие на оленей и кроликов, и даже несколько тролльих племен, один саженец медленно опустился на землю. За стройный ствол цеплялся пожилой тролль с двумя людьми на могучих плечах.

Глава 45

Наконец Род открыл глаза.

Сидящий рядом Джошуа постарался скрыть облегчение. Он убрал прядь волос со лба сына. Лицо Рода было призрачно-бледным, но, говорил себе Джошуа, такой эффект могло создать странное освещение в пещере, куда их привел Санчо.

Род попытался заговорить, облизнул губы, опять попытался. Получился сухой хрип.

— Папа?

Джошуа едва расслышал его в тихих отголосках неумолчного долгого зова.

— Я здесь. Не говори слишком много.

Род лежал на постели из мха на одном спасательном одеяле, укрытый другим. Свернутый оранжевый летный комбинезон служил ему подушкой, раскрытый белый медицинский рюкзак лежал неподалеку на земле. Джошуа приподнял голову Рода и подал ему чашку воды. К облегчению Джошуа, Род с жадностью выпил.

— Неплохо, — сказал Род окрепшим голосом. — Вкус… какой-то органический. Но неплохо.

— Ты голоден?

Род подумал.

— Нет. Думаю, нет.

— Хорошо. Я пытался покормить тебя, пока ты спал. Или когда ты наполовину просыпался. Бульоном, который одобрила бы твоя мама, посыпанным патентованными травяными снадобьями троллей.

— Чудесно. — Он огляделся. — Где мы?

— Где-то в районе Запада-230000000. Наверное. Если отчеты «Армстронга-2» точны…

— Папа, неважно. Я имею в виду, что это за место. Мы в какой-то пещере?

— Что-то вроде того.

Джошуа обвел взглядом замысловатый свод над головой, грибы и папоротники размером с небольшое дерево. Мягкое зеленоватое свечение исходило от свода и стен, проникая повсюду. В нескольких шагах безмятежно поблескивало подземное озеро, настолько обширное, что простиралось почти до горизонта пещеры, где земляное «небо» сходилось с полом. Джошуа попытался припомнить, как он все это воспринял в первый момент, когда тролли привели их сюда два дня назад — или уже три дня? В этом неизменном освещении время текло незаметно.

— Не волнуйся, — посоветовал он сыну. — Пусть

все идет своим чередом. Мы никуда не спешим. И здесь мы в безопасности. Думаю, настолько в безопасности, насколько это возможно где-либо на Долгой Земле. Спасибо троллям.

— Я слышу троллей, — сказал Род. — Их песню.

Это место населяли в основном старые тролли — во-видимому, «библиотекари», как и сам Санчо, и им нравилось проводить время, сидя небольшими группами по пятеро или шестеро, и вместе негромко петь. Голоса этих групп сливались в единый ансамбль отдельных маленьких хоров. В результате по пещере бесконечной волной разносилась музыка. Она прерывалась, усиливалась, усложнялась, время от времени достигая пика, когда подключались все «хоры».

— Никогда не слышал такой песни, — произнес Род.

— Привыкай. Здесь они поют все время.

— Хотя это прекрасно.

— Думаю, это часть долгого зова. Тем не менее в ней есть что-то знакомое. Я пытаюсь вспомнить…

— Это место троллей? Убежище. Они нас спасли.

— О да. После того как ты ринулся в самое пекло и спас некоторых из них. О Санчо, лишь на тебя

уповаю.

Род уселся на подушке и состроил гримасу.

— Даже сейчас цитаты из старого кино, папа?

Джошуа нахмурился.

— Не из кино. Я не помню, откуда это. — Он потер виски. — Что-то старше кино. Сестра Джорджина знала бы.

Род огляделся.

— Папа… Что за огонь? Я не помню, как попал сюда.

— Что ты помнишь?

Он покачал головой.

— Животное в реке, которое, похоже, гипнотизировало маленького Мэтта.

— И ты бросился на него. Если ты еще раз выкинешь подобный номер…

— Папа, перестань, ты сделал бы то же самое. А что потом?

— Тебя забрал тот поющий зверь из реки. Род, насколько я смог понять, это животное — человекообразный хищник, который специализируется на троллях. И похоже, он обосновался здесь, в этом мире, который является для троллей очагом, если не вообще домашним миром. Хорошая охота для убийцы троллей. Каким-то образом тварь принесла тебя сюда. В свой мир.

— Как? Переходя?

— Типа того. Долгая история. И нам — Санчо и мне — пришлось прийти, чтобы вернуть тебя. Ты ничего из этого не помнишь? Большие деревья?

— Какие большие деревья? Папа, я отключился всего на несколько часов…

— На самом деле дней. Певец держал тебя несколько дней.

Род, поморщившись, потрогал затылок.

— Похоже, там одна большая шишка.

— Наверное, певец тюкал тебя по голове, чтобы держать без сознания.

— Тюкал? Тебе легко говорить.

— Хотя не кормил, и у тебя сильное обезвоживание. Я поил тебя. Из озера. Наверное, поэтому у воды необычный вкус.

— Что за озеро?.. Неважно. Почему он просто не убил меня? Я был добычей.

Джошуа пожал плечами.

— Может, планировал с тобой поиграть. Отдать тебя молодняку поохотиться или попрактиковать на тебе фальшивый долгий зов. Для него ты должен был казаться просто необычным на вид троллем.

— Наверное, мне повезло, — с сомнением произнес Род.

— И нам обоим повезло, что Санчо спас нас.

— Ух.

Большой тролль приковылял к ним. Присев на корточки перед Родом, с сожалением потрогал пальцем спасательное одеяло.

Род, слабый, но решительный, снял одеяло с ног и вручил Санчо.

— Возвращаю, большой приятель. Мне больше не нужно.

— Ха!

С довольным видом Санчо накинул одеяло на плечи, где, как подумал Джошуа, ему было самое место.

Когда Джошуа повернулся к сыну, тот уже спал.

Глава 46

Прошли еще сутки, Род выглядел более окрепшим, и ему надоело лежать.

— Папа, поможешь мне встать?

Джошуа не мог, но на помощь пришел Санчо. Огромной ручищей он обнял Рода за плечи и аккуратно поднял на ноги, легко, как ребенок куклу. У Рода закружилась голова, но он выпил еще воды и подождал, пока мир перестанет вращаться. После этого Джошуа помог ему дойти до угла, где он облегчился.

Род немного растерянно осмотрел пещеру, высокий свод, поблескивающее подземное озеро — и троллей. Целое племя. Джошуа подумал, что Род с первого взгляда заметил, что это необычная по возрастному составу группа: полная стариков, многие из которых были явно старше Санчо, и всего лишь горстка молодых троллей и детенышей.

— Я помню, что ты все время повторял про большие деревья, папа. Но мы-то в пещере. Итак, большие деревья? Как секвойи?

— Больше. Такие высокие, что на верхушке

невозможно дышать. Деревья, высокие словно горы, Род. Высотой в несколько миль. Насколько я понимаю, по всей планете.

Род уставился на него.

— Ты уверен, что поющая тварь не тюкнула и тебя по голове пару раз?

— Я бы отвел тебя наверх, чтобы ты увидел собственными глазами, если бы это было безопасно. Но в этом нет необходимости. Посмотри вокруг. Посмотри на потолок этой пещеры. Ты под землей, понимаешь? Что ты видишь? Что поддерживает свод?

Род посмотрел на изогнутые черные колонны, которые соединялись у них над головами — достаточно высоко, чтобы теряться во мгле, — а между ними набилась скальная порода и земля.

— Ребра. Как каркас твена. Это скалы? Но я никогда не видел таких скальных образований. На вид они искусственного происхождения. Нет, природного. Как будто они тут выросли.

Род, прищурившись, осмотрелся, стараясь различить детали свода над водой, где он уходил еще выше.

— Боже. Это корни?

У Джошуа было время, чтобы обо всем догадаться, и сейчас он испытал неспортивное

самодовольство.

— Знаешь, у некоторых деревьев корневая система уходит в землю на глубину, равную высоте дерева над землей.

— Да, папа, до меня понемногу доходит. Это просторное место всего лишь пустота под корневой системой одного из твоих Иггдрасилей.

— Ага, и даже не одного.

Род поднял руку, и та отбросила тень.

— И все тут светится, да? Но где источник света? Тут нет солнца.

— Думаю, какой-то вид биолюминесценции, — ответил Джошуа. — Свод, некоторые растения. Как в море…

— Мрачновато. Много зеленого и коричневого.

— Через день-два начинаешь скучать по голубому небу.

— Но здесь тоже деревья, — сказал Род. — Деревья растут в пещере. — Он показал на парочку экземпляров. — Достаточно большие, чтобы под ними сидели тролли.

— Думаю, некоторые больше похожи на грибы. Большие грибы или поганки, приспособившиеся к свету. Не мой профиль, раз они не съедобные. Но тут есть папоротники и кустарники, и какие-то плодовые растения. Что-то вроде большого

банана. Если присмотреться, то тут, внизу, весьма оживленно. Большие жуки точат кору, муравьи строят дома в перегное. Хотя большинство из них слепые.

— И чем все они кормятся? Светом с потолка?

— Наверное. Вся экосистема питается ручейком энергии из солнечного света, который поглощают большие листья кроны в нескольких милях над нами. И тут просто обязана быть циркуляция воздуха и воды, чтобы озеро не застаивалось, а воздух оставался свежим. Ну, если можно назвать пердеж троллей свежим воздухом.

— Они должны что-то давать взамен, — сказал Род. — Так всегда. Должны быть причины, чтобы дерево так тратило свою энергию. Может быть, все это полезно для корней или еще что.

Глядя на озеро, Джошуа ответил:

— Ты прав. Уверен, здесь дерево производит необходимый ему водород. Природный электролитический резервуар. И все это поддерживают подземные формы жизни. Лобсанг бы знал.

— Водород?

— Потом объясню…

— Хорошая еда, — сказал Санчо с помощью троллього зова.

— Тут он прав, — согласился Джошуа. — Ника-

ких хищников, фрукты растут прямо на стенах — рай для этой кучки старых троллей.

— Больше похоже на Фиддлерс-Грин[12], — сказал Род.

— Как в «Пиратах Карибского моря»?

— Опять ты со своими фильмами, папа… Это старая морская легенда, а в мое время на твенах Вальгаллы служило много старых моряков. В Фиддлерс-Грин ром и табак никогда не заканчиваются, а скрипачи не перестают играть.

— Так и есть. Старые тролли приходят сюда, когда прекращают странствовать по Долгой Земле.

— Надо думать. Не самое плохое место, чтобы доживать остаток дней.

— Не доживать, — пророкотал Санчо в троллий зов.

Род развернулся и поднял голову к нему.

— Значит, не слоновье кладбище. И чем вы, стариканы, занимаетесь тут целыми днями?

— Не все старые.

— Большинство, — сказал Джошуа.

Тролль постучал указательным пальцем по своему крупному черепу.

— Библиотекари. Большие вместительные

---

[12] Примечания: 12

Fiddler's Green (в пер. *с англ.* — «поляна скрипача») — вымышленное место, где находят последний приют погибшие моряки и солдаты.

головы.

— А. И в них хранится память расы.

Род нахмурился.

— Я думал, что память расы заключена в песнях троллей, долгом зове.

— Да, — сказал Джошуа. — Но дело не только в этом, Род…

Род с сомнением воспринял объяснения Джошуа.

— То есть все эти библиотекари со всей Долгой Земли, с полными головами воспоминаний, приходят сюда и… что?

Джошуа улыбнулся.

— Думаю, Лобсанг сказал бы, что они синхронизируются. Они объединяют свои воспоминания, поправляют их, связывают — делятся друг с другом.

Словно по команде, песня троллей вокруг начала подниматься к одному из своих ритмичных пиков.

— Я даже могу предположить, как это эволюционировало, — продолжал Джошуа. — Разведчики из разных племен собирались на встречи, где делились информацией об охоте, о хищниках, о засухе. Это собрание разведчиков, только более грандиозное по масштабу и глубине.

Санчо взмахнул рукой.

— Библиотекари отовсюду. Песни издалека. Все принесли сюда.

— Песни далеких Земель, — пробормотал Джошуа.

Род хмыкнул.

— Память о прошлом… Насколько далеком?

— Никто не знает. Нам известно, что по сравнению с историей троллей наша выглядит просто смешно.

— Тем лучше, что ваше поколение не стерло их с лица земли, папа…

— Новое, — неожиданно сказал Санчо.

Джошуа с Родом переглянулись, и Джошуа повернулся к троллю:

— Новое? Что новое?

— В песне. — Санчо склонил голову набок, как будто прислушиваясь, а потом изобразил подзывающий жест. — Идите, идите. Присоединяйтесь к нам.

Род опешил.

— «Присоединяйтесь к нам». Папа, это…

— Приглашение. Знаю. Радиоастрономы, Карл Саган и поиск внеземных цивилизаций. Это было в новостях перед моим отъездом. — Джошуа улыбнулся. — Значит, тролли тоже слышат При-

глашение. Ну конечно. Приглашение — феномен всей Долгой Земли, а тролли на Долгой Земле так же важны, как и мы. Более того. Присоединяйтесь к нам… Все сходится. Мне кажется, я и сам это слышал.

— Пап?

Джошуа закрыл глаза.

— Знаешь, сынок, ты можешь критиковать меня за мои творческие отпуска, за то, что я сбегал от семьи, как считала твоя мать. Ты знаешь, я родился на Долгой Земле. В необитаемом мире. Но для меня он не был необитаемым. Я начал слышать это, когда стал сам переходить. Я называл это Тишиной. Песня самой Долгой Земли — песня, лежащая в основе всех песен, в основе трелей птиц и шелеста ветра. И в некотором смысле именно ее я и искал все время, когда отправлялся в одиночные отпуска.

— Знаешь, папа, я никогда не слышал, чтобы ты произносил так много слов сразу. — Род нерешительно положил руку на плечо Джошуа. — Я правда стараюсь понять. Мы все старались. Даже мама.

Джошуа улыбнулся.

— Полагаю, каждый на это надеется.

— Но мы не можем оставаться здесь. — Род

поднял лицо к Санчо. — Мы должны вернуться домой.

— Вести вас, — прорычал Санчо.

— Спасибо…

— Томас Таллис, — вдруг сказал Джошуа.

— Из какого он фильма?

Джошуа ухмыльнулся сыну.

— Старый английский композитор, кажется, из шестнадцатого века. Джорджина играла мне некоторые его сочинения. Наверное, засело в памяти. Похоже, именно это я слышу в песне троллей. Возможно, «Spem in alium». Вот почему я думал об этой строчке: «О Боже, лишь на Тебя уповаю…»

— С чего троллям петь какую-то старую английскую мелодию?

— Кажется, это называлось мотет. Полагаю, наша музыка просачивалась наружу задолго до Дня перехода. Интересно, был ли Томас Таллис прирожденным путником…

— Домой, — твердо сказал тролль.

Глава 47

В день, когда они покидали пещеру библиотекарей, Джошуа заметил, что Род вырезает что-то на одном из больших корней, поддерживающих земляные стены. У Рода был немного виноватый вид, когда его застукали, но затем он пожал плечами и отступил на шаг.

Джошуа наклонился, чтобы рассмотреть.

— Трудно читать при таком свете. И вырезано довольно коряво.

— Наверное, у меня нет гена Валиенте — мастера на все руки, — кисло сказал Род.

— А, Р, Н… — И вдруг он разглядел.

АРНЕ САКНУССЕМ[13]

— Надеюсь, написал правильно, — проговорил Род.

— Думаю, есть разные переводы.

— Не мог устоять, папа. Прочел эту книгу, когда она стояла у тебя на полке дома в Черт-Знает-Где.

---

[13] Примечания: 13

Якобы существовавший в действительности ученый-алхимик XVI века, который совершил путешествие к центру Земли. Упоминается в романе Ж. Верна «Путешествие к центру Земли».

— Я думал, тебе не нравится эта моя макулатура.

— Я ее просматривал. Правил нет, ты же знаешь.

К ним неторопливым шагом подошел Санчо, как всегда, в спасательном одеяле на плечах. Он вгляделся в надпись Рода и не выказал ни возмущения вандализмом на священном древе, ни особого интереса. Затем он выпрямился и поднял троллий зов.

— Готовы?

— Уходить отсюда? — уточнил Джошуа. Он всегда будет благодарен за это безопасное место, но находил, что приглушенный и неизменный свет подавляет, и при нем трудно спать. Он жаждал снова увидеть небо — любое небо. — Готовы, если ты готов, старый друг.

Санчо протянул ручищи. Джошуа с Родом, не имеющие ничего, кроме грязной одежды на себе и белого медицинского рюкзака на спине Джошуа, нерешительно взяли тролля за руки.

Джошуа внимательно посмотрел на Рода.

— Ты, наверное, не помнишь, каково это было, когда мы пришли сюда. Как спускаться по спиральной горке.

— Папа, я никогда не видел спиральной горки.

— Тогда спуск на космическом лифте. Это не столько переход, сколько падение. А без твоих таблеток…

Санчо строго сказал:

— Один шаг два шага домой.

Род улыбнулся.

— Папа, идем уже.

Они сжали руки Санчо.

Глава 48

Когда они вернулись к утесу с жалким лагерем Джошуа, местность казалась покинутой. Стоящий неподалеку самолет Рода выглядел нетронутым. Племя Санчо явно давно ушло. Но Санчо, похоже, намеревался задержаться на некоторое время.

Джошуа настоял на том, чтобы осмотреть Рода при помощи медицинской аппаратуры, которую не сумел втиснуть в белый рюкзак. Как они оба и подозревали, с Родом все было в порядке, за исключением нескольких ушибов, ударов по черепу и медленного восстановления после сильного обезвоживания. После такого пристального внимания Роду, в свою очередь, не терпелось подарить немного тепла и ласки своему брошенному самолету.

Когда он ушел, Джошуа неуклюже взобрался на утес и со вздохом облегчения сел рядом с Санчо.

— Вот мы и снова здесь, старина.

Санчо сидел, набросив на плечи серебристое одеяло.

— Ух.

— Будто ничего и не случилось.

— Ха!

— А тролли склонны к философии? Наверное, должны быть, учитывая все, что ты мне показал. Санчо, ты когда-нибудь задумывался о том, зачем все это?

— Ух?

— В чем смысл жизни? Что сказал бы тролль?

Санчо почесал заросший шерстью подбородок и поднял троллий зов.

— Тролль детеныш. Растет, мама-папа. Детеныши, мамы-папы, племя троллей. Песня, петь песню.

— Да, да…

— Охотиться, есть, спать, спариваться…

— Вот спасибо.

— Петь, еще детеныши. Племя троллей, долгий зов — найти еду. Более умные племена получают больше еды. Делают больше детенышей.

— Племя троллей — машина для собирания пищи. Чем лучше действует племя, тем больше еды вы добудете. Это ты хочешь сказать? Наверное, трудно дать лучшее определение человеческого общества. Да, но что насчет Долгой Земли, Санчо? Вы, тролли, жили здесь за миллионы лет до того, как в День перехода ввалились мы. На самом деле тут вы эволюционировали — Долгая Земля вас

сформировала. Но зачем? — Джошуа неопределенно махнул рукой. — В чем смысл всего этого? Этих бессчетных пустых миров…

Санчо широко улыбнулся и постучал пальцем по лбу.

— Пространство, чтобы сбежать от твари, поющей в реке. Место для долгого зова. Место для мыслей… И еще больше детенышей.

Джошуа обдумал его слова и тоже улыбнулся.

— Наверное…

От самолета вернулся Род.

— Папа, я закончил. Можем отправляться, как будешь готов.

Джошуа чертыхнулся и медленно поднялся на ноги.

— Что ж, дай мне попрощаться с приятелем.

Род нахмурился и осмотрелся вокруг.

— Санчо? Где он?

Джошуа оглянулся и с сожалением увидел, что Санчо ушел. И даже забрал серебристое спасательное одеяло.

— Увидимся, старый пердун.

— Пап?

— Не обращай внимания. Слушай, поможешь мне собрать вещи?..

Глава 49

К тому времени, как они вернулись в Черт-Знает-Где, Джошуа уже больше года не был в человеческих мирах. Он обнаружил кипу сообщений, в основном от Нельсона, который, как ни удивительно, хотел, чтобы Джошуа помог найти пропавшего внука.

Он провел некоторое время с Биллом Чамберсом и другими друзьями. Провел еще больше времени в больнице с ногой и обследованием всего организма. Что ж, это помогло: он вошел на костылях, а вышел с тростью.

Был уже июнь 2071 года, когда Джошуа вернулся в Мэдисон в Висконсине на Базовой Земле, свой родной город.

Он явился, чтобы сдержать данное жене обещание.

* * *

Он перешел в маленький поселок под названием Пайн-Блафф за шоссе Вест-Белтлайн, около десяти миль к западу от делового центра на Минерал-Пойнт-роуд. В руке трость, на спине

потрепанный рюкзак, на голове широкополая шляпа.

Он стоял на потрескавшейся асфальтовой дороге, вдоль которой высились заброшенные здания, перепачканные пеплом, а на расчищенных участках выросли новые дома. Построенные из алюминия, керамики и древесины с пропиткой — материалов, привезенных с Ближних Земель, — эти новые дома выглядели как разноцветные грибы. То здесь, то там были припаркованы аккуратные электромобили.

Как обычно, он испытал нечто вроде культурного, даже физического, шока, возвращаясь на изначальную Землю, колыбель человечества. То, насколько сильно ландшафт был изменен и застроен, поражало даже по сравнению со все более освоенными Ближними Землями, даже в этом глухом пригороде, который всегда был небольшим городком. Это наследие тысячелетий человеческой деятельности на планете, когда земли расчищали и застраивали, застраивали, а потом все сносили, бомбили и застраивали снова. Вы не поймете, как сильно влияние человека, пока не перейдете в другие версии мира, куда до Дня перехода ступала только горстка прирожденных путников. И это было даже до того, как

Йеллоустон превратил большую часть Земли, а в особенности Северной Америки, в покрытый пеплом мавзолей.

Тем не менее спустя тридцать лет после Йеллоустона Базовая восстанавливалась. Это следовало признать, стоя здесь посреди дороги. Послеполуденное небо было нормального для разгара лета голубого цвета с разбросанными по нему облаками. Аэрозоли и газы, выброшенные в воздух гигантской вулканической кальдерой, сейчас более-менее исчезли. Пепел тоже исчез, хотя за городом еще можно было увидеть большие кучи вдоль дорог, а копая землю на фермерских полях — наткнуться на его тонкий слой недалеко от поверхности. Но даже теперь, спустя столько лет, Джошуа казалось, что он еще чувствует в воздухе запах гари и бензина, призрак миллиардов заржавевших автомобилей. И было холодно, гораздо холоднее, чем раньше. Как говорили: спасибо вулканической зиме, в Висконсине теперь как в Манитобе…

Несмотря на холод, через трещины в асфальте пробивались цветы.

— Мистер, вы в порядке?

— А?

Перед ним стояла молодая женщина в практич-

ном комбинезоне. Лет тридцати, светло-рыжие волосы.

— Я хозяйка вон того мотеля. Точнее, с партнером, Джо. Вышла выставить вечернюю вывеску, а вы тут стоите посреди дороги.

Джошуа посмотрел на мотель. Доска на двери предлагала выпивку, еду и деликатесы — ассортимент висконсинских сыров.

— Кое-что не меняется, — заметил он.

— Вы правы. Только что перешли?

— Это так заметно?

— Вы выглядите, будто заблудились. Странно возвращаться, да? Столько призраков.

— Пожалуй.

— А вы не мистер Валиант?

— Валиенте. Джошуа Валиенте.

— Валиенте. Простите, необычное имя.

И похоже, что она раньше никогда не слышала этого имени. Вот тебе и слава.

— Пожалуй, да.

— Мы вас ждем. Вы единственный гость, который должен прибыть сегодня. Э-э, не хотите зайти в тепло? Мы вас зарегистрируем, и можете располагаться. Комнат с кондиционерами у нас нет, понимаете. У вас будет отдельная комната, как вы заказали, или то, что мы называем отдельной.

Там есть телевизор и Интернет, если повезет. О, и электричество отключают в десять вечера. Тем не менее мы живем лучше, чем раньше. Мы получили репатриационный грант для благоустройства. Вы об этом слышали? Деньги, чтобы люди возвращались на Базовую и отстраивались теперь, когда погода наконец налаживается, как говорят. Думаю, мне нравится президент Дамазио. Конечно, не голосовала за нее… О, что же я болтаю, а вы тут стоите. Давайте возьму ваш рюкзак?

— Нет, спасибо. — Он поковылял за ней к гостинице.

— У вас болит нога? Артрит?

— Скверный перелом.

— Уверены, что не нужна помощь?

— Нет, благодарю вас.

Они задержались под навесом рядом с вывеской.

— Мне сообщили, что вы хотите посетить кладбище.

— Да. Форест-Хилл. Там лежит моя жена.

— Оно на этой стороне города. Легче туда поехать. Вы можете арендовать у нас автомобиль… О, у вас есть водительские права?

Джошуа вытаращил глаза.

— Вам нужны права?

— Буду рада вас отвезти.

— Не хочу вас утруждать…

— Мне все равно завтра нужно поехать кое-что купить. — Она улыбнулась. — Я хочу сказать, автобусы тут не ходят. Туда не доходят.

Джошуа подавил вздох. Великий Валиенте, странник Долгой Земли, забытый даже в Базовом Мэдисоне, ходит с палочкой и опустился до того, что добирается на попутке с какой-то розовощекой малюткой.

— Что ж, вы очень добры.

— Тогда утром.

— Спасибо, мисс… э-э…

— Грин. Филлида Грин. — Она протянула руку.

Он с изумлением пожал ей руку. Гринами была семья Хелен. Довольно обычная фамилия. Но Мэдисон небольшой город, и цвет волос подходящий. Возможно ли?.. Ну, если это какая-нибудь дальняя кузина Хелен, то нормально позволить ей позаботиться о нем, немножко. Даже если она о нем никогда не слышала.

— Вы уверены, что хорошо себя чувствуете?

— Я в порядке, мисс Грин. Просто старые воспоминания.

— Тогда сюда. Осторожнее, ступенька.

Глава 50

Комната больше походила на шкаф, но стены, похоже, были хорошо изолированы, и Джошуа не мерз. Филлида Грин приготовила ему омлет с картофелем фри и фасолью, к тому же у нее имелся полный холодильник какого-то местного домашнего пива в бутылках из-под кока-колы.

Подключиться к Сети не удавалось, зато телевизор работал довольно хорошо — Джошуа решил, что сигнал шел со спутника. Он бегло просматривал каналы, как делал всегда, когда возвращался на Базовую, хотя бы потому, что она до сих пор оставалась почти единственным местом, где такое было возможно.

— Это единственное, что не стрясется с тобой в Верхних Меггерах, — сказал он себе. — Не вывихнешь большой палец, нажимая на пульт.

Однако большую часть эфира заполняли старые комедии или драмы, некоторые были сняты даже до Дня перехода. Появилось несколько новых каналов, всего лишь краткое изложение новостей говорящими головами и редкие репортажи с мест событий. Самыми интересными были докумен-

тальные фильмы, несмотря на то, что большая часть была снята кое-как, маленькой командой и одной-двумя камерами, спрятанными в уголках Долгой Земли. Джошуа посмотрел репортаж про уличных торговцев в Майами-Запад-4, которые под голубой нитью космического лифта продавали футболки с восемью словами Стэна Берга из его Проповеди под Бобовым стеблем.

— Единственная Библия, которая вам понадобится, — сказал один жующий жвачку продавец.

Какой-то проходимец в широкополой шляпе, похоже, совсем недавно купленной в каком-нибудь модном городском магазине, сжимал экземпляр «Руководства для путников» и нахваливал места, куда может вас отвезти, если вы присоединитесь к его бизнесу по организации туров по Долгой Земле на твенах.

— В мире на краю Кукурузного пояса я исследовал дно высохшего Средиземного моря. В мире далеко за Дырой я забрался на склон величайшего из открытых вулканов в тысячу раз мощнее Йеллоустона. В тридцати пяти миллионах переходов от Базовой я пересек единственный на весь мир континент, по которому протекает одна-единственная река, по сравнению с которой Миссисипи просто ручеек…

— Плавали — знаем. Вообще-то у меня нет футболки. Дальше.

Документальный фильм про Вальгаллу.

— Вальгалла с ее прямоугольной планировкой, промышленными зонами и парками, школами, больницами и магазинами, а также образцово-показательной центральной площадью, которая зовется Площадью Независимости с тех пор, как в 2040 году здесь прозвучало смелое заявление об автономии, имеет собственную историю. Но Вальгалла уникальна. Это самый крупный город человечества за пределами Базовой и Ближних Земель, на самом деле единственный значительный город в Верхних Меггерах. Вальгалла отличается от других городов Долгой Земли тем, что в ее окрестностях никто не занимается сельским хозяйством. Местные жители населяют широкий пояс миров по обе стороны миров, которые по большей части не освоены и в которых люди собирают фрукты и охотятся на крупных животных. То есть население охотников-собирателей способно поддерживать современный город. Такой образ жизни был невозможен до появления переходов. Жители Вальгаллы взяли лучшее от обоих миров!

— Но сейчас здесь ощущается некая тоска.

Некоторые здания, даже целые районы, стоят темные и заколоченные. Даже бары кажутся полупустыми. Как будто люди исчезают.

— До Дня перехода на Базовой Земле города притягивали население. Люди приезжали туда из сельской местности в поисках более легкой жизни. Но на Долгой Земле все наоборот. Если избегать грязной воды и москитов, жить дарами природы будет легче, дешевле… На Долгой Земле люди покидают города, а не едут в них. Даже мечту путников, которую воплотила Вальгалла…

Джошуа вспомнил Джека, своего тестя, активиста «Нежной революции» Вальгаллы, и, расстроившись, переключил канал.

Документальный фильм про Долгий Марс. Четверть века после первой экспедиции Салли Линдси и ее отца.

— Австралия насчитывала сорок тысяч лет цивилизации до того как приплыли варвары. Не наша вина, что капитан Кук не смог разглядеть то, что находилось у него под носом. Знаете, моя дочь мастерски изготавливает щиты из коры эвкалипта и подписывает их отпечатками руки с обратной стороны — выдуваете краситель через соломинку и оставляете силуэт. И в европейских пещерах ледникового периода можно

найти предметы, которые подписывали таким же способом…

Позади вежливой пожилой женщины по красной равнине двигался кенгуру. На вид выше окружающих его людей в скафандрах, он словно шел, шаг за шагом, а не прыгал, наверное приспособившись к более слабой гравитации.

— Конечно, я не утверждаю, что мы были более развитыми, чем вы. Не намного. Но у нас был свой уклад, мы были искусны, жили в гармонии со своим ландшафтом, своей экологией. Мы составили карту континента, не в картинках, а в словах и песнях. Более того, мы переходили. С самого начала. На Ближних Землях есть наскальные рисунки, которые это доказывают. Переходили на протяжении тысячелетий, потому что это полезный навык во внутренних районах Австралии, — десятки тысячелетий, как будто это естественно, вот что мы делали. И потом, когда остальные из вас «открыли» Долгую Землю — так же, как вы «открыли» Австралию, — мы уже были там. Неудивительно, что после Дня перехода бродить по Долгой Земле отправилось в процентном соотношении больше наших, чем представителей других групп планеты…

А позади кенгуру, на гладкой поверхности мор-

ского дна, темнели полосы, узкие, вертикальные, черные на фоне пурпурного неба этого мира. Монолиты. Пять штук. Изображение было четким, надписи на поверхности монолитов ясно различимыми, хоть и совершенно чуждыми.

— Что ж, теперь у нас есть Марс, Долгий Марс, еще один суровый, засушливый, прекрасный мир, к тому же бесконечный. Возможно, мы проведем еще четыреста веков, описывая все это в песнях. А потом решим, что делать дальше…

— Спи спокойно, Салли, где бы ты ни была.

Наконец Джошуа обнаружил старый фильм, который любил Лобсанг, — «Баллада о Кэйбле Хоге». Он заснул еще до финальных титров, и ему приснилось путешествие на дирижабле.

* * *

Джошуа проснулся затемно.

Это место больше не казалось ему прежним Мэдисоном. Было слишком холодно. И пахло по-другому, даже не так, как последовательные версии города на Ближней Земле, настолько сильно изменился климат. Не шумели машины, но, лежа в темноте, без электрического света, он слышал явный волчий вой и низкое рычание поблизости, бряканье мусорного ведра. Может

быть, медведь? Или всего лишь енот? Поговаривали, что канадские животные мигрируют на юг, убегая от наступающих льдов: рыси, лоси, олени карибу. Некоторые утверждали, что в самые холодные зимы не так далеко на север от Мэдисона можно увидеть белых медведей.

Он перевернулся на другой бок и попытался снова заснуть.

Глава 51

На следующее утро чуть позже девяти Джошуа с Филлидой Грин отправились в центральный Мэдисон.

Электромобиль ехал по Минерал-Пойнт-роуд — прямому шоссе, ведущему строго на восток к деловому центру. Они доедут по нему почти до самых ворот Форест-Хилла. Дорога поддерживалась в хорошем состоянии, трещины от мороза и рытвины были заделаны, хотя по краям асфальта пробивалась крепкая на вид поросль сосны и других деревьев. Дорожная разметка отсутствовала, работающих светофоров и других систем регулирования движения не было. Джошуа предположил, что движение на шоссе было не настолько интенсивным, чтобы содержание дорог окупалось.

Джошуа видел, что здесь, на Базовой, теперь царил иной жизненный уклад. Плотность населения сильно снизилась, и старая глобализированная цивилизация практически рухнула. Давно минули дни, когда можно было пользоваться финским мобильником и заказывать пиццу из

восточноазиатских ингредиентов, доставленную каким-нибудь чилийским иммигрантом. На Базовой, как и в последовательных мирах, люди теперь гораздо меньше путешествовали географически, сырье брали в основном из местных источников. Больше никто не ездил по автомобильным шоссе, железным дорогам, не летал на самолетах.

Сельская местность, по которой шла дорога, тоже изменилась. Местами земля была затоплена, и шоссе защищали наскоро вырытые канавы с насыпями. Джошуа предположил, что за несколько лет без обслуживания дренажные системы засорились и территория опять превратилась в болото, на месте которого когда-то построили большую часть города. Тем временем на возвышенных участках растительность дикой прерии в основном вымерла, и прелестные цветы в пояс высотой, которые некогда цвели в это время года, уступили свободные равнины низкой траве, что, на взгляд Джошуа, придавало местности сходство с арктической тундрой. Леса вымирали, зелень сосен пробивалась среди погибших дубов и елей. Даже символ штата — сахарный клен — предположительно вымер.

Кроме того, мир был молчалив, птицы не пели.

Джошуа стало интересно, что происходит на озерах, которые должны были уже очиститься от пепла и техногенных загрязнений. Он предположил, что вернутся птицы, какие-нибудь виды северных широт. А что насчет рыб?

Дело в том, что после Йеллоустона климатические зоны внезапно словно сместились к югу на сотни миль, может, даже на тысячи, так что широта Мэдисона теперь походила на прежнее южное побережье Аляски. А жизнь не может отреагировать так быстро. Лишь немногие местные виды смогли приспособиться к новым условиям. Когда-нибудь сюда массово переселится североканадская флора: сосны, березы, высокотравные прерии. Но до тех пор ландшафт будет казаться пустынным.

Они проехали мимо поля со странными раздутыми фигурами, каждая выше взрослого человека. В воздухе стоял необычный запах сыра. Джошуа вспомнил, как они с Лобсангом обнаружили такие грибы в далеком от Базовой мире в ходе своего первого путешествия много лет назад. Выяснилось, что их легко выращивать и они очень питательны. Лобсанг пригрозил привезти их домой и продать индустрии фастфуда. Похоже, сейчас, в условиях длинной постйеллоустонской

зимы, это открытие получило признание.

Через пару миль они пересекли шоссе Вест-Белтлайн. Здесь были контролируемые светофорами переезды, и пришлось подождать. Хотя некоторые полосы движения были закрыты, а мостом, по которому когда-то проходило шоссе над Минерал-Пойнт-роуд, по-видимому, больше не пользовались, само шоссе по-прежнему действовало и поддерживало незначительный трафик. Большинство машин были электромобилями, как у Филлиды, но попадались и старые дойеллоустонские, оснащенные большими цилиндрическими газогенераторами. Топливо они получали при сжигании дров и, на взгляд Джошуа, немного смахивали на колымаги времен Второй мировой.

На перекрестке красовались ярко-оранжевые предупреждающие знаки, что дало Филлиде повод поболтать о системе радиационно опасных зон вокруг Мэдисона. Джошуа кое-что помнил, но он никогда не оставался в Базовом Мэдисоне достаточно долго, чтобы это имело значение. Красная зона простиралась на несколько миль вокруг Капитолия или его развалин, где в тридцатом в знак протеста против путников взорвали бомбу. Сейчас сюда можно было заходить на

собственный страх и риск, но еженощно автоматические модули и пешие полицейские патрули останавливали всех, кто здесь задерживался. Оранжевая зона простиралась на добрый десяток миль от делового центра и охватывала весь Мэдисон к западу за пределы Белтлайна, на юг за озеро Монона и до Фичберга, на восток далеко за границу штата до поселков вроде Коттедж-Гров, а на север за аэропорт Дейн Каунти до Дефореста и Сан-Прейри. Филлида сказала, что выступ Оранжевой идет дальше на восток, потому что в день взрыва господствующие ветры разнесли туда радиоактивные осадки. Здесь можно жить, но обязательно ежегодно проходить медицинское обследование, особенно детям. И, наконец, Желтая зона простиралась неровной полосой шириной в пятьдесят миль вокруг делового центра, просто чтобы вы знали об опасной зоне в центре территории.

Они въехали в город и направились по плотно застроенным районам, в основном заброшенным.

— Некоторые считают, что зоны нужно убрать, — оживленно сказала Филлида. — Остаточная радиация сейчас предположительно не намного выше прежнего естественного фона.

Разумеется, кроме цезия-137, — добавила она со знанием дела. — В пищевой цепи по-прежнему есть угроза — дикие животные, пресноводные рыбы и грибы, за счет которых люди жили, когда у нас кончилась пища после Йеллоустона, разве вы не знали? Но все говорят, что от пепла и прочих вулканических выбросов больше вреда, чем от радиации. Я думаю, власти просто хотят понаблюдать, и ничего плохого в этом нет.

Джошуа пожал плечами.

— Наверное, никто точно не знает.

— И правда. Люди об этом спрашивают, когда переселяются сюда. У нас есть брошюры. Иногда приезжают бригады медиков и прочих изучать продолжительные эффекты. А иногда люди просто приезжают посмотреть, как туристы. Некоторые хвастаются, что побывали во всех трех дойеллоустонских невоенных зонах атомных взрывов — в Японии и здесь. Как будто коллекционируют приключения.

— Странно.

— Они платят, а мы зарабатываем на хлеб. — Она посмотрела на Джошуа. — Но большинство посетителей такие, как вы, у которых здесь семья — или, по крайней мере, была здесь семья…

— Мы с женой выросли в Мэдисоне. До атомно-

го взрыва. Но тогда мы не были знакомы. После Дня перехода она с семьей отправилась в путь, они основали город в Кукурузном поясе.

— Где это? Я никогда не была дальше Запада-5, потому что там правительственные учреждения и больницы.

— О, где-то в сотне тысяч переходов. Это было до твенов, они шли пешком. А когда мы поженились, то жили гораздо дальше, более чем в миллионе переходов.

— Надо же!

— Но она хотела, чтобы после смерти ее перенесли сюда. Ее кремировали.

— Значит, вы перенесли ее пепел.

«Не я», — подумал он. Он опять отправился в противоположную сторону, в Верхние Меггеры, убегая от всего этого. И Род, их сын, тоже сбежал, исчез в диких лесах Долгой Земли со своими неуловимыми спутниками. Это Кейти и Гарри, сестра Хелен и ее муж, перенесли ее домой на Форест-Хилл. С тех пор они почти не разговаривали с Джошуа.

Он сказал только:

— Что-то вроде того.

Большая часть жилых домов здесь была давно покинута, и спустя тридцать лет после Йеллоусто-

на лужайки перед домами и парки оккупировали довольно зрелые деревья и кустарники. Джошуа с Филлидой проехали мимо большого старого торгового центра, который теперь переделали в «утилизационный центр», согласно большой вывеске федерального правительства. Сюда можно было сдать в утиль любое барахло, которое завалялось еще с дойеллоустонских времен: почти не поддающиеся разрушению одноразовые кофейные стаканчики, алюминиевые банки, пластиковые и стеклянные бутылки — старые, но некоторые в таком состоянии, будто только вчера изготовленные. Здесь репатриационные деньги тратились на то, чтобы превращать эти отходы прошлого в полезные вещи для поддержки будущего.

Они были всего в нескольких милях от делового центра, когда добрались до Форест-Хилла. Столбы на обочине указывали расстояние до внутренней Красной зоны. Джошуа начал замечать повреждения, как он предположил, от атомной бомбы: гниющие деревянные каркасы без крыш, бетонные сооружения без окон. Но жизнь пробивалась где только могла: на заброшенных подъездных дорожках торчал зеленый бурьян, на покрытых землей подоконниках покачивались под июнь-

ским солнцем цветы.

Припарковавшись, Филлида предложила Джошуа сходить с ним к надгробию, но он отказался. Филлида убедилась, что у него есть работающий мобильник, и взяла обещание позвонить ей, когда он соберется ехать домой. Такая чрезмерная забота его немного раздражала, но Грины всегда отличались добросердечностью. Кроме того, его гордость была уже не та. С тех пор, как ему понадобился тролль, чтобы подтереть зад.

Однако на кладбище, приступив к поискам, он пожалел, что отказался от помощи Филлиды. Он заранее загрузил номер участка и приблизительную карту, но ему не приходило в голову, что после Йеллоустона кладбища в Мэдисоне и, несомненно, на всей Базовой, пришлось сильно расширить по сравнению с их прежними размерами. К Форест-Хиллу присоединили бывшее поле для гольфа, а также, как заметил Джошуа, жилой район между южной границей кладбища и Монро-стрит — район, который, наверное, сгорел при атомном взрыве. Но даже при таких размерах кладбища участки были тесными.

Это была жуткая одиссея.

К тому времени, как он отыскал могилу Хелен, солнце уже стояло высоко в пересеченном об-

лаками небе. Джошуа вспотел и тяжело дышал — наверное, в этом отвратительном воздухе Базовой еще оставался пепел. Он грузно опирался на трость, когда склонился над маленьким надгробием. Это была скромная мраморная плита на посыпанном гравием квадрате, с гравировкой аккуратным шрифтом. Он прочитал вслух:

— Памяти Хелен Грин Валиенте Доук, жены Джошуа Валиенте, жены Бенджамина Доука, матери Дэниела Родни, 2013–2067. И памяти Родни Грина, 2012–2051…

«Я сдержал обещание», — мысленно сказал он Хелен.

На его плечо легла рука.

— Ты ее нашел.

Джошуа повернулся.

— Нельсон. Я не слышал, как ты подошел. Теряю навыки выживальщика.

— Это точно, если к тебе удалось подобраться такому неуклюжему быку, как я.

Нельсон Азикиве в строгом черном плаще немного скованно наклонился, чтобы рассмотреть камень.

— Она хотела в конце вернуться домой.

— Могу это понять. Лично у меня есть участок в моем старом приходе Святого Иоанна-на-Водах.

Мое имя как бывшего приходского священника уже выгравировано в церкви сусальным золотом.

— Со вкусом. Семья Хелен разбросана по мирам. Отец похоронен в Вальгалле. Кейти, сестра со всей ее семьей, останется в Перезагрузке.

— А ты, Джошуа? Где будет место твоего последнего упокоения?

Тот пожал плечами.

— Думаю, там, где я упаду. И все же не хотелось бы стать закуской какого-нибудь уродливого хищника Верхних Меггеров. Особенно крокодила.

Нельсон прищурившись смотрел на надгробие.

— Так брат Родни лежит здесь с ней.

— Думаю, это одна из причин, почему она хотела вернуться домой. Ради Рода. Он не встречался ни с кем из родных до самой смерти в тюрьме. Она велела перенести его пепел сюда. Наверное, всегда чувствовала перед ним вину.

— Помню эту историю.

— Здесь, в Мэдисоне, преступники, взорвавшие бомбу, получили печальную известность, как ты можешь представить. Поэтому мы стараемся держать в тайне этот участок. Я говорил, что не

следует даже выбивать имя Рода на камне, но Хелен всегда на этом настаивала. Если надгробие когда-нибудь осквернят…

— Она будет покоиться в безопасности, — раздался новый голос. — Положись в этом на меня, Джошуа.

Они оба резко обернулись.

* * *

Новоприбывший тоже был пожилым мужчиной в джинсах и свободном пиджаке, почти таком же строгом, как и плащ Нельсона. Он был абсолютно лыс, чисто выбрит, с неприметными чертами лица. Морщины вокруг глаз, рта и на лбу создавали впечатление солидного, но также неопределенного возраста.

— У тебя новое лицо, — заметил Джошуа во время приветствия.

Нельсон осмотрел подошедшего сверху вниз.

— На самом деле, абсолютно новый передвижной модуль. Выглядишь впечатляюще. Но телосложение поплотнее?

— И рука на месте, — добавил Джошуа.

— Поврежденная копия, которую ты, Джошуа, доставил из мира транспортеров, послужила своей цели. Теперь она в хранилище Трансземного,

где на будущее изучаются различные импровизации, которые мне пришлось предпринять, чтобы прожить годы в изоляции.

Нельсон улыбнулся.

— Без сандалий и рясы?

— Я теперь предпочитаю анонимность.

— Если только не выбираешь иное, — иронично усмехнулся Джошуа. — Говоришь, что защищаешь могилу Хелен…

— Ты меня знаешь, Джошуа. Я вижу, как вращается мир — все миры, я вижу, как на надгробие падает пушинка. — Он вздохнул. — Но я могу отвести чужие глаза — по крайней мере электронные. Этот камень даже не отмечен на большинстве планов кладбища. Я сделал так, чтобы ты загрузил самую точную версию.

Джошуа нахмурился.

— Так ты видел, что я иду.

Нельсон тронул его за руку.

— Он присматривает за нами из лучших побуждений.

— Он всегда так говорит, Нельсон. — Джошуа посмотрел на передвижной модуль. — Как тебя звать на этот раз? Джорджем Абрамсом?

Модуль наконец улыбнулся, и его довольно неподвижное лицо изменилось.

— «Лобсанг» сгодится.

— Рад тебя снова видеть, — неохотно произнес Джошуа.

Модуль подумал.

— Несмотря ни на что?

— Считай это стандартной оговоркой.

— В самом деле. Я тоже по тебе скучал. Вот мы и воссоединились. Посмотрите на нас троих, реликтов ушедшей эпохи. Помните фильм «Космические ковбои»? В котором Клинт Иствуд и другие ветераны…

Джошуа поднял руки.

— Знаю наизусть.

— Ну и, как у тех ковбоев, у нас есть последняя миссия, джентльмены.

— Я слышал, — ответил Джошуа. — Мы найдем внука Нельсона и вернем его домой. Последняя гулянка. Хотя я понятия не имею, как это сделать. Разве что ты, Лобсанг…

— Разумеется, у меня есть план.

Нельсон оживился.

— План?

— И я прекрасно знаю, откуда мы начнем. Последуем по следу из хлебных крошек, оставленных кем-то гораздо более способным, чем я когда-либо был.

— Ты о Следующих, — предположил Джошуа.

— И начнем там, откуда все это началось для тебя, Джошуа. С мальчика в детском доме, который когда-то стоял на Союзном проезде до того, как его перенесли на Мэдисон-Запад-5. Вернемся к началу, понимаете. Что ж, вот такой это план. Мы можем вернуться на Запад-5 в любое время, когда будем готовы. Но интересно, не хотите ли сначала взглянуть на центральный Мэдисон?

Джошуа проворчал:

— Я не был там после Йеллоустона.

— Это всего в нескольких милях, пешком можно дойти. Но у меня есть машина. — Он посмотрел на собеседников — Нельсона с негнущейся спиной и Джошуа, тяжело опирающегося на трость. — Думаю, это будет разумно.

— Как всегда догадлив, Лобсанг, — сказал Джошуа. Глубоко вздохнув, он выпрямился и отвернулся от могилы Хелен.

Глава 52

На неискушенный взгляд Джошуа, электромобиль без верха был таким же, как у Филлиды Грин: белый пластиковый короб на колесах. Как их заряжают? На уличных пунктах электроснабжения?

Лобсанг ехал достаточно медленно, и первые несколько минут электромобиль почти бесшумно двигался по наскоро восстановленному асфальту Монро-стрит. Судя по обилию знаков с ярко-красными предупреждающими дисками, символами радиационной опасности и бесплатными телефонами аварийно-спасательных служб, они уже углубились в Красную зону, о которой говорила Филлида. Пепел Йеллоустона кучами лежал на обочине и внутри домов без крыш, как будто набивался туда.

Машина подпрыгнула на ухабе, и два старика на заднем сиденье застонали. Оглянувшись, Джошуа увидел, что асфальт на том месте расплавился, а потом застыл волнами.

Теперь они подъезжали к центру города, центральной зоне ядерных разрушений, и Лобсанг

еще снизил скорость. Здесь многие постройки сровняло с землей, однако некоторые особенно крепкие офисные и общественные здания в разной степени выдержали взрыв. Конечно, здесь ничего не восстанавливали, только возвели среди руин контрольные станции кричащих цветов и аварийные медпункты. Но повсюду прорастала зелень, пробиваясь через слои потрескавшегося бетона и асфальта, несмотря на радиацию и климатическую катастрофу. Жизнь продолжалась.

Холм, на котором когда-то стоял Капитолий, разнесло взрывом. Они затормозили у завалов. Среди бетонных блоков качались цветы.

— Полагаю, я должен извиниться перед вами обоими, — сказал Нельсон. — Это я виноват в том, что вы здесь. Вытащил оттуда, где вы, наверное, предпочли бы остаться.

— Не в моем случае, — быстро ответил Джошуа. — В кои-то веки я основательно заблудился в Верхних Меггерах.

— Я, конечно, рад, что тебя спасли, Джошуа, — заговорил Лобсанг. — Хотя бы только затем, чтобы услышать о новом виде троллей, во всяком случае, новом для меня.

— Ха! Даже ты не знаешь всего, да, Лобсанг?

— Пока нет.

— И я сожалею, что пришлось вернуть тебя из Тибета, Лобсанг, — сказал Нельсон.

Передвижной модуль пожал плечами очень механическим движением.

— Все равно со временем мне бы пришлось вернуться. Скрыться в виртуальном мире, в собственной голове — бесконечное искушение для таких, как я. И все же время от времени мне нужно подобное убежище. — Он бросил взгляд на разрушенный Капитолий. — Я помню, Джошуа, как ты много лет избегал моего общества после здешнего ядерного взрыва. Ты спрашивал, как я, существо, подобное богу, не сумел остановить такое очевидное зло, как нападение на город. Однако временами я даже себя не могу спасти. И вот мы здесь, в этом музее разрушения, в который, как вы знаете, приходит молодежь, поколения Долгой Земли, чтобы попытаться понять. И в действительности я надеюсь, что именно энтузиазм и любознательность молодежи приведут нас к твоему пропавшему внуку, Нельсон. Я говорю о Приглашении с неба и проекте по созданию Мыслителя, который разработали Следующие.

Нельсон нахмурился.

— Какое отношение это имеет к Трою и исчезающим транспортерам?

— Присоединяйтесь к нам, — догадался Джошуа. — Вот связь. Приглашение с неба. Его поймали радиотелескопы Следующих. И оно проникло в сознание троллей. Кажется, даже я его слышал, — с сожалением добавил он. — Присоединяйтесь к нам. Словно зуд на периферии сознания… Должно быть, транспортеры тоже услышали его каким-то образом.

— Долгая Земля всегда имела к разуму такое же отношение, как и к телу, — сказал Лобсанг. — Понимаешь, Нельсон? Я понятия не имею, куда транспортеры забрали твоего внука или как их выследить. Но Следующие строят гигантский процессор в ответ на то же самое Приглашение, которое, похоже, заманило транспортеров. Уверен, что наилучший способ найти Троя и транспортеров…

— Работать вместе со Следующими и следовать за ними, — выдохнул Нельсон. — Понимаю. И как нам это сделать?

И Лобсанг рассказал им про Яна Родерика, мальчика под опекой сестер Приюта, и его принтере материи.

— Энтузиазм и любознательность — вот что использовали Следующие, чтобы построить свой процессор. Миллионы детишек вроде Яна про-

изводят свои непонятные детали и вносят свой вклад в обширный поток материалов и труда на стройплощадке размером с целый мир. Я собираюсь проследить путь из Приюта на Союзном проезде до этой стройплощадки. Ее местоположение не тайна, но через Яна я надеюсь найти способ связаться с руководителями проекта. А через них, возможно…

— Что ж. Хороший план. И самый первый шаг — побеседовать с сестрой Иоанной. Возвращаемся на Запад-5? Если просто перейдем, то окажемся в центре города, конечно, где можно найти более удобный транспорт. Этот электромобиль сам найдет дорогу домой.

— А потом спланируем следующие шаги, — твердо сказал Нельсон.

* * *

Когда мужчины перешли, электромобиль, блестящие белые бока которого заляпали пепел и сажа, минут пять тихо стоял на месте. Некоторые насекомые отвлеклись от цветов, распустившихся на руинах Капитолийского холма, и с любопытством исследовали его, но, не найдя нектара, улетели.

Тогда электромобиль аккуратно развернулся

и почти бесшумно покатил в ту сторону, откуда приехал, на запад. Во всей Красной зоне он был единственным движущимся объектом больше кошки.

Глава 53

В итоге у «Космических ковбоев» ушел месяц на то, чтобы пройти по следу из хлебных крошек от первой встречи с сестрами в Приюте Мэдисона до того момента, как твен Лобсанга появился в мире под названием Яблочный ПИрог.

И Джошуа, сидящий с Лобсангом на капитанском мостике маленького дирижабля, обнаружил, что смотрит вниз на поле сверкающих технических объектов, простиравшееся насколько хватало глаз. Во всех мирах Долгой Земли было июльское утро, и низкое солнце отражалось на далеких поверхностях, словно в окнах многоэтажек. Ковер технических конструкций то здесь, то там нарушали огромные цилиндрические шахты, над которыми мерцал нагретый воздух. Повсюду, словно низкие облака, парили твены, под ними в люльках висели огромные детали. Это было поистине нечеловеческое зрелище, за исключением участков природной зелени там, где грудились палатки и лачуги, а на столбах развевались корпоративные и национальные флаги.

Кроме Лобсанга и Джошуа единственным другим пассажиром твена был Санчо — тролль-библиотекарь, которого разыскали и привезли по особой просьбе Джошуа. После всех чудес, которыми Санчо поделился с Джошуа и Родом, присутствие тролля казалось абсолютно правильным — он добавит это новое чудо в свои многотомные хранилища воспоминаний от имени троллього народа. Санчо удивленно ухал, прижавшись плоским носом к иллюминатору. Что ж, реакция Джошуа во многом была такой же.

Твен затрясся, когда Лобсанг направил его на посадку.

— Сильная турбулентность, — пробормотал он, сосредотачиваясь. — И вся эта техника выделяет много тепла. Те большие шахты на самом деле охлаждающие каналы. Они откачивают так много тепла, что создают устойчивые зоны низкого давления — нескончаемые ливни.

— Компьютер, который делает собственную погоду? — спросил Джошуа. — На мой взгляд, зрелище отвратительное. Какое-то масштабное заражение. Наверное, из космоса виден уродливый шрам.

— Действительно. Неплохая аналогия. Кон-

струкция началась с импорта материалов и рабочих рук из других человеческих миров Долгой Земли. Но теперь, похоже, запустился процесс самосборки. Самовоспроизведения. Конструкция начала распространяться по краям, преобразуя вещество этой Земли в свое собственное. В точности как паразит, поскольку в основном будет состоять из материалов, которые трансформирует из сырья здешнего мира.

— Как серебряные жуки.

— Да, печальное сравнение.

— Но для чего все это, Лобсанг? — удивился Джошуа.

— Это нам и придется выяснить, если мы хотим найти транспортеры, Джошуа.

* * *

— Не могу вам сказать, для чего все это, — говорила Мэгги Кауфман. — Пока что определенности нет. Даже наши коллеги Следующие этого не знают… По крайней мере, я так думаю.

Адмирал встретила их у подножия посадочного пандуса, когда твен приземлился на островке Мыслителя, который, как узнал Джошуа, назывался Малый Цинциннати. В униформе, со строгой осанкой, Кауфман выглядела сильной, бодрой и черт

знает насколько лучше, чем Джошуа, хотя они и были примерно одного возраста. Рядом с ней стояла вооруженная молодая женщина в форме офицера. На Джошуа произвело впечатление то, что Лобсангу удалось вызвать для приветствия саму командующую этой операцией. Очевидно, она встречала их как неких консультантов. Пора бы привыкнуть, что Лобсанга нельзя недооценивать.

Кауфман продолжала:

— Что ж, опять тайны. Рада встрече, мистер Валиенте. — Она коротко пожала ему руку. Он протянул правую, а не протез левой. Пожатие было впечатляющим, как и сама женщина. — Никогда не забуду, как вы помогли решить ту ужасную дилемму с Мягкой Посадкой и ядерной боеголовкой.

Он пожал плечами.

— Я просто пытался помочь другу.

— Так поступил бы любой из нас. А как ваша нога? Вы словно побывали на войне.

— Я справился.

— Мои корабельные медики могут вас осмотреть. Военная медицина в наше время лучше гражданской. Вам не придется далеко идти. Сейчас я провожу вас к нашему экскурсионному

транспорту. Что касается других гостей… — Она повернулась к Санчо.

Тролль смотрел на нее, седой, бесстрашный, любопытный.

— Ух.

— Тебя зовут Санчо. — Она подкрепила слова жестом из языка подопытных троллей, который развился там, где тролли жили и работали рядом с людьми или держались взаперти и изучались. — Прошу прощения, у меня нет с собой троллього зова, они есть в машине.

Санчо ответил жестом. «Так и быть».

— Он может помочь, — сказал Джошуа. — Иногда я думаю, что он больше нашего знает о Приглашении, о всем этом странном деле.

— В моем экипаже раньше служили тролли и другие представители нечеловеческих рас. Не вижу причины считать, что Приглашение не предназначалось им в той же степени, что и нам. Определенно, Санчо имеет право здесь находиться. — Она повернулась к Лобсангу. — Как и вы. Мне называть вас мистером Абрамсом?

— Сойдет и Лобсангом. — Он улыбнулся, как всегда спокойно. — Думаю, мы все теперь слишком стары для фальшивых личностей и прочих глупых фокусов.

— В самом деле. Мы кучка чудаков, и все стары, как Мафусаил. Что ж, странности только начались. Сюда, пожалуйста. — Она повела их по асфальту. — Кстати, зовите меня Мэгги, только не перед младшими по званию…

* * *

Джошуа поковылял с палочкой мимо аккуратных рядов палаток и сборных лачуг. Электрокары и грузовики катились по сети грунтовых дорог, а военный персонал, в основном молодежь, в новеньких униформах, сновали туда-сюда с включенными планшетами и кипами бумаг. Над головой торчал целый лес антенн. Очевидно, этот небольшой лагерь был командным и коммуникационным пунктом, из которого Кауфман с военной четкостью руководила операцией «Мыслитель», чего Джошуа и ожидал. Тем не менее он заметил проволочную ограду и вооруженных солдат на дозорных вышках. По-видимому, Малый Цинциннати нуждался в серьезной охране.

Их повели к небольшой автоколонне: пара тяжелых на вид бронированных автомобилей, а между ними что-то вроде туристического автобуса — большой, двухэтажный, с толстыми обзорными окнами.

Когда они залезали в автобус, Кауфман сказала:

— Мы совершим небольшую экскурсию. Мне в любом случае нужно провести текущую инспекцию, посмотреть на монтаж элементов нового типа. Который поручен этой молодой особе.

Перед ними стояла, нервничая, девушка лет двадцати пяти. Она держала какую-то очень замысловатую кристаллическую пластинку и пялилась на седого тролля за спиной Лобсанга.

— Язык проглотила? — сухо поинтересовалась Мэгги. — Ее зовут Ли Малоун. Она доброволец из Космо-Д, поэтому отлично разбирается в технике. И хочу представить нашего главного водителя. Дэв Биланюк, еще один доброволец из Дыры.

Дэв, улыбчивый мужчина лет тридцати, ответил:

— Космический пилот-стажер, но пока что водитель.

Джошуа наградил его президентским рукопожатием.

— Уверен, что вы довезете нас в целости и сохранности.

— Хочу произвести на вас впечатление широким спектром представленных здесь сообществ и интересов, — сказала Мэгги. — Правительство

Эгиды назначило меня ответственной за безопасность, охрану порядка и общее управление. Но это не военный проект. На самом деле в него вложены усилия всего человечества, разбросанного по просторам Долгой Земли. Поэтому у нас есть добровольцы вроде этих двух космических курсантов… Но проект никогда не был нашей инициативой, я имею в виду, человеческой, и не люди его контролируют.

Джошуа с трудом взобрался в автобус, за ним Санчо с Лобсангом. Ремни безопасности, которыми нужно было пристегнуться, больше походили на сбрую, но в остальном автобус был вполне роскошным. Вместе с Мэгги в салон зашли полдюжины вооруженных морпехов.

— Хорошая поездка, — сказал Джошуа, пристегиваясь.

Лобсанг улыбнулся.

— У автобуса знакомый дизайн. Корпорация Блэка?

— Ты как всегда прав, Лобсанг, — раздался новый голос.

На потолке загорелся экран, и на нем появилось изображение больничной палаты, как показалось Джошуа. На кровати, опираясь на кучу подушек, лежал очень сморщенный и очень

старый мужчина. По руке у него тянулась капельница, а на лице была прозрачная маска.

— К слову, я бы не слишком впечатлялся масштабом всего этого, — произнес он. — Размер — это еще не все. Я настолько стар, что помню первые мобильники: они были величиной с кирпич. Спорим, на планете Татуин, или где там организовали эту штуку, его уменьшили до величины десятицентовика…

— Дуглас Блэк, — пробормотал Лобсанг.

— Рад тебя видеть! Пока ты здесь, нам нужно обсудить финансовые дела Трансземного института.

— В самом деле, — с неловкостью ответил Лобсанг. — Не знал, что вы вернулись.

— Я так скучаю по моей Шангри-Ла. Но ты же знаешь, Лобсанг, я всегда был помешан на новых технологиях. Я не могу оставаться вдали от этого технического чуда. Боюсь, у меня больше не хватит сил даже на поездку в автобусе. Но душой я буду с вами, Лобсанг. Как всегда, буду заглядывать тебе через плечо!

— Как всегда, — без выражения повторил Лобсанг.

Джошуа было интересно, как Лобсанг на самом деле воспринимает свои отношения с Блэком

длиною в жизнь. Насколько понимал Джошуа, это Блэк спонсировал возвращение Лобсанга к «жизни», предоставив инновации, замечательный информационный гель и средства для запуска «реинкарнации» Лобсанга. Лобсанг разросся далеко от своего источника, фактически в сущность, охватывающую миры, но у него всегда были пределы. Подобно тому, как Следующие использовали его как некоего посредника между ними и человечеством, Блэк всегда имел над ним определенную власть. Когда Блэк на долгие годы исчез в своем убежище в глубинах Долгой Земли, он даже не общался с Лобсангом — Джошуа это знал. И вот теперь Блэк вернулся в жизнь Лобсанга.

Примечательно, что Лобсанг никогда на самом деле не принадлежал себе и никогда не пытался себя выкупить, несмотря на годы усилий верной союзницы Селены Джонс. И все это главным образом из-за Дугласа Блэка.

Джошуа коснулся руки Лобсанга.

— Старина, ты в порядке?

— Он что-то задумал, — пробормотал Лобсанг.

— Кто, Блэк? И что же?

— Ну, видимо, он мне не доверяет. Но он не тот человек, который довольствуется простым

наблюдением. Поживем — увидим.

Мэгги вывела на большой экран изображения еще трех людей: мужчину с женщиной постарше и молодую девушку лет восемнадцати. На женщине был практичный комбинезон, мужчина с девушкой носили просторные черные одеяния.

— Вам нужно познакомиться еще и с ними, — сказала Мэгги. — Они едут с нами в автобусе, но настояли на собственном закрытом салоне.

Джошуа присмотрелся.

— Это Следующие. Женщина — Роберта Голдинг.

Мэгги кивнула:

— Я давно ее знаю. Она стала кем-то вроде неофициального посла Следующих у человечества. Сглаживает трения между нами и ними. — Она усмехнулась. — До такой степени, что иногда я задаюсь вопросом, действительно ли она одна из наших суперумных хозяев. Мужчину с ней зовут Марвин Лавлейс. Он тоже Следующий, из Майами-Запад-4. Кажется, он одно время работал там под прикрытием. Теперь он вышел из тени и является номинальным лидером группы, называющей себя Смиренными.

— Знаю, — ответил Лобсанг. — Проповедники Следующих работают среди людей, особенно там,

где нищета, безработица, социальное напряжение. Они последователи учения Стэна Берга, и их политика отличается от мейнстрима Следующих — если этот термин имеет какое-то значение. Особенно в том, что касается Мыслителя. В каком-то смысле у Следующих мнения по поводу контакта разделились так же, как и у людей.

— Оставим теологию священникам, — сказала Мэгги. — На практике здесь, в Яблочном ПИроге, Лавлейс и остальные выступают в качестве свирепых профсоюзных боссов. Если вы хотите направить куда-то рабочую силу, вам придется действовать через них. Но я предоставляю это администрации, Корпорации Блэка и ТКДЗ. Однако властные полномочия только одна из причин, почему Лавлейс едет с нами. Девушку зовут Индра Ньютон. Она троюродная сестра Стэна Берга. Суперумная. И, похоже, она унаследовала немного его необычно продвинутых способностей к переходу.

Джошуа вспомнил. Салли Линдси довелось узнать Стэна Берга. Вдобавок к не по годам развитой философии морали Стэн умел переходить так, как Салли, королеве слабых мест, и не снилось. Он словно находил, или даже создавал, новые сочленения в великом клубке связей, который

представляет собой Долгая Земля. Этот талант в итоге стоил жизни ему и Салли в Нью-Спрингфилде…

— А Индра здесь почему? — спросил Лобсанг.

— Ну, мы еще не знаем, — ответила Мэгги. — Похоже, у Следующих есть некая стратегия относительно Мыслителя, которая включает Индру, но нам они не доверяют полностью. Хотя мы военно-морские силы. Ладно, все представлены. Если вы расселись и пристегнулись, то двинемся в путь…

Глава 54

Автобус тронулся, и Джошуа заметил, что военные автомобили аккуратно пристроились впереди и сзади, еще пара мотоциклистов ехала впереди. Лобсанг показал наверх, и Джошуа через люки в крыше разглядел зависший над головой мощный военный твен.

— Серьезная охрана, — заметил он, обращаясь к Мэгги.

— Мы продолжаем получать множество угроз. Хотя, надеюсь, моя реакция деликатнее, чем у моего предшественника. Уверена, что у нас все схвачено.

Но, несмотря на очевидную компетентность Мэгги Кауфман, Лобсанг с Джошуа недоверчиво переглянулись. И снова Лобсанг многозначительно посмотрел на улыбающееся, расслабленное лицо Дугласа Блэка на огромном экране.

Автобус пересек границу между зонами, выехал из Малого Цинциннати, и скоро пейзаж за окном стал совершенно чуждым.

Они направлялись на восток, определил Джошуа: было около полудня и солнце находилось на

юге. Прямую грунтовую дорогу явно специально освободили для проезда кортежа, но по обеим сторонам возвышался Мыслитель. Они проезжали между алмазными скалами, поверхность которых представляла сложные структуры из граней и панелей. Вещество было по большей части прозрачное, как кварц или алмаз, и многократно отраженные солнечные лучи создавали холодное голубое сияние. Джошуа проходил по мирам, в которых царил ледниковый период, и знал, что так выглядит очень старый лед, как сверкающие стены голубого света. Однако огоньки внутри мигали собственным светом, словно пойманные в ловушку созвездия. Время от времени автобус проезжал по неровностям вроде лежачих полицейских, только более рельефным, — упавшим колоннам из стекла. И автобусу с сопровождением приходилось объезжать более прозаичные препятствия: огромные, пышущие жаром ямы в земле, круглые шахты, ограниченные бетоном.

Ли Малоун подошла поговорить, однако после сурового взгляда Мэгги села и пристегнулась. Она подняла деталь, которую показывала им раньше.

— Позже я ее установлю. — Кусок кристалла с мигающими огоньками. — Видите, почему мы

зовем это устройство Мыслителем. Каждый его грамм предназначен для обработки информации.

— И мы едем сквозь него, — сказал Джошуа. — Как будто сквозь бесконечный мозг. Что оно делает со всей этой умственной мощью?

Они подъехали к месту, где техногенный рельеф прерывался гигантским разломом. Автобус снизил скорость, а пассажиры разглядывали стену обрыва, которая на добрых пятьдесят ярдов возвышалась над дорогой. Край выглядел неровным, а по поверхности излома пробегали искры, словно миниатюрные молнии. Но Джошуа видел соединения, похожие на струпы выступы, спускающиеся от приподнятой поверхности к нижним уровням. Вероятно, начался процесс заживления. Отчего-то Джошуа бросило в дрожь.

— Землетрясение, — сказала Мэгги. — Маленькое, но причинившее много разрушений. Ну, это я сказала «много», а в масштабе Мыслителя — минимальные. Вы увидите, он, похоже, чинит себя. Мы отправляли сюда человеческие команды, но они не знали, с чего начать.

Джошуа вглядывался в компьютронный утес, и ему показалось, что он заметил движение, смещение коротких полуденных теней на изло-

манных стенах.

— Клянусь, я видел какое-то движение.

— Возможно. — Мэгги щелкнула пальцами, привлекая внимание младшего офицера, который принялся звонить по телефону. — Это устройство размером с континент, Джошуа. Некоторые люди пытались долбить эту штуковину: внутри есть золото, платина. Сложно патрулировать ее всю, хотя мы очень стараемся. Дэв, едем дальше.

* * *

Скоро пейзаж стал однообразным. В конце концов, масштаб был буквально суперчеловеческим.

Джошуа начал клевать носом. Тролль на самом деле заснул и вдохновенно похрапывал.

Примерно через час автобус снизил скорость. Дэв Биланюк объявил, что они прибыли в Хиллсборо, или скорее на станцию в последовательной версии этого поселения Базовой. Они въехали на еще одну огороженную территорию, намного меньше Малого Цинциннати, всего лишь несколько акров, свободных от элементов Мыслителя. В центре этого объекта находилась еще одна огороженная металлической сеткой

площадка, намного меньшая, с собственными сторожевыми вышками и вооруженными автоматами морпехами. Джошуа стало интересно, какую тайну они тут охраняли.

И сразу за забором, с восточной стороны, Джошуа увидел открытый ландшафт. Кристаллические слои компьютрония, окружавшие огороженный объект, создавали неровную границу. Это был край Мыслителя.

— Все на выход, — скомандовала Мэгги, когда автобус остановился. — Нам подадут кофе и поесть. Но я посоветовала бы воспользоваться автобусным туалетом — местные уборные, которыми пользуются морпехи и служащие флота, вряд ли будут чистыми…

Джошуа с некоторым трудом выбрался из автобуса, но от помощи отказался. Опираясь на трость рядом с Лобсангом, он взял кофе.

На боку пустого автобуса светилась панель с изображением Дугласа Блэка, его голову, похоже, поддерживали свежие подушки. Увидев Лобсанга, Блэк изобразил жест из далекого детства Джошуа: показал двумя пальцами на свои глаза, а потом вперед. «Я слежу за тобой». И Блэк улыбнулся, как мальчишка.

Мэгги была заинтригована Лобсангом.

— Вы пьете кофе?

— Ради вкуса. И за компанию. Я могу подражать большинству человеческих действий.

— Я заказала еду и питье для тролля, — сказала Мэгги. — Разнообразные. Я привыкла обеспечивать троллей из своего экипажа и знаю, что они разборчивы.

— Санчо не слишком привередлив, — сказал Джошуа. — Но не давайте ему кофеин. Однажды я угостил его эспрессо. Боже, как же я пожалел об этом!

К ним подбежал офицер.

— Мэм, леденцы готовы встретиться с вами.

Джошуа и Лобсанг переглянулись. Леденцы? Это слово имело для Джошуа только одно значение. И не самое приятное.

Мэгги повела их к центральному огороженному участку.

— Хочу предупредить, что вы увидите проект Следующих, а не наш. Мне говорили, что у участников, по крайней мере их родителей, была свобода выбора. Постарайтесь не судить то, что увидите, не реагировать…

На стульях, лицом друг к другу сидели два Следующих. Их головы поддерживались металлическими рамами, а в голые руки впивались

капельницы. Тела их были почти нормальных пропорций, прикрытые легкими халатами, похожими на больничные. Но головы были гротескно раздутыми, полностью лысыми; большие, напоминавшие пузыри черепа доминировали над маленькими лицами. Это явно были мужчина и женщина, но возраст их практически не поддавался определению.

Рядом стояли сопровождающие, хотя Джошуа не мог сказать, Следующие или люди. Но охранники вокруг забора были американскими морпехами.

Леденцы. В памяти медленно всплывали картины. Прошло уже сорок лет. Во время Того Самого Путешествия Джошуа с Лобсангом остановились в мире более чем в ста тридцати тысячах переходов от Базовой. Там они нашли следы массового убийства человеческих колонистов… А позже очень странное создание. Пытаясь помочь рожающей самке эльфа с крупным мозгом, Джошуа в своем невежестве мог ее убить.

Существа в загоне были похожи на леденцов Джошуа, скрещенных с людьми.

К ним присоединилась Роберта Голдинг.

— Им не больно.

Джошуа нахмурился.

— Почему вы это говорите?

— Это первое, о чем обычно спрашивают люди.

— А зачем охрана?

— Затем, что люди пытались уничтожить этих двоих, — мрачно ответила Мэгги. — Даже кое-кто из нашего личного состава.

— Морские пехотинцы охраняют Рональда и Руби от таких ошибочных добрых дел, — сказала Роберта.

— Рональд и Руби? — вытаращился Джошуа.

— Они продукт генной инженерии, основанной на виде человекообразных, который открыли вы, Джошуа Валиенте…

— Какого черта они тут делают?

Роберта вздохнула.

— Мы пытаемся общаться с Мыслителем. Именно Рональд и Руби направили наши усилия на перевод весьма абстрактного и совершенно чуждого видения Приглашения в практическое проектирование и строительство. Так что у них всегда будет тесная связь с ним. А в этом конкретном месте большая плотность сложных электромагнитных полей. И человеческий мозг, или процессы, которые в нем происходят, тоже основываются на сложных электромагнитных полях. И, конечно, этими полями можно управ-

лять при помощи довольно развитой технологии: вашим мыслям можно придать форму, ваши представления, даже сами воспоминания можно изменить, не инвазивно, но очень глубоко. Поэтому мы привезли сюда Рональда и Руби в надежде на контакт. Сложно представить более полное общение, если это сработает…

Санчо подошел к ограде. Морпехи насторожились, но Мэгги махнула, чтобы тролля пропустили. Санчо прижался лицом к проволочной сетке и уставился на леденцов.

Джошуа тоже пялился на них в полном ужасе.

— Скажи мне, Лобсанг, — пробормотал он. — Как могут такие умные люди сотворить нечто настолько очевидно чудовищное?

— Я понимаю, о чем ты, — хмуро произнес Лобсанг. — Может быть, потому, что разум Следующих сам по себе настолько новый. Наспех переделанная система, которой, в конце концов, миллион лет. Когда слишком быстро растешь, начинаются проблемы. Наверное, на Ферме и в других местах есть приюты для психически больных. И конечно, нам известно несколько сумасшедших, пробравшихся в человеческие миры, например «Наполеоны», которые сбежали из Мягкой Посадки, угнав военный твен.

— И посмотри на этих двоих, — сказал Джошуа. — Они не выглядят здоровыми.

— Но, может быть, от них есть польза, — мрачно ответил Лобсанг. — Давай выясним.

Они вернулись к группе.

— И каких успехов вы достигли в своем коммуникационном эксперименте? — спросил Лобсанг у Роберты.

— Никаких, — тут же ответила Мэгги.

— Некоторых, — возразила ей Роберта.

Мэгги уперла руки в бедра и сердито зыркнула на нее.

— Вот это новость.

Худенькая, спокойная Роберта посмотрела на всех сквозь толстые очки.

— Вы должны видеть сложности. Интеллект Мыслителя почти за пределами нашего понимания. Вся мыслительная деятельность человечества может пронестись в уме Мыслителя за несколько дней. Вся, с тех пор, как мы слезли с деревьев. Как нам общаться с таким разумом? Руби сказала, что Мыслитель оперирует целыми системами мыслей — целыми научными концепциями, законченными философскими системами, — как мы оперируем словами в предложении.

Лобсанг обдумал ее слова.

— И тем не менее эти двое говорили с машиной, в некоторой степени. Они могут сказать, чего она хочет?

Роберта посмотрела на леденцов.

— Присоединяйтесь к нам. Это по-прежнему его основное послание.

Мэгги покачала головой.

— Присоединяйтесь к нам? Как? Мы что, должны построить какую-то червоточину, как в «Контакте»?

— Ничего подобного. Леденцы говорят, им снилось, что они открывают двери.

— Открывают двери. — Внезапно Джошуа понял. В конце концов, он пережил День перехода. — Переходы. Все дело в переходах.

Стоявший сзади Лобсанг улыбнулся.

— Точно. Мы должны были понять это с самого начала. Это как Нью-Спрингфилд. Я был там.

Мэгги нахмурилась, как всегда, не доверяя скоропалительным выводам и опасаясь за свой тщательно сохраняемый порядок.

— Лобсанг, продолжайте.

— Адмирал, это Приглашение — феномен Долгой Земли. Нам это известно. А какое понятие на Долгой Земле самое фундаментальное? Переход.

Взаимодействие разума и тела, позволяющее путешествовать из одного мира в соседний. Помните Салли Линдси и ее слабые места? Ее прыжки по Долгой Земле? Потом, в Нью-Спрингфилде мы обнаружили серебряных жуков…

— Которые умели переходить между разными планетами, — добавил Джошуа. — Перепутавшимися Долгими мирами.

— И возможно, — восторженно сказал Дэв, — поэтому мы получили Приглашение именно сейчас. Потому что они каким-то образом поняли, что кто-то перешел на север, в другой мир.

Лобсанг и Джошуа переглянулись.

— Главная директива[14], — сказал Джошуа. — Он прав. Вот почему мы получили Приглашение только сейчас.

Лобсанг кивнул

— Мы всегда думали, где же все? Они были там, но ждали, когда мы будем готовы. Мы можем присоединиться к вечеринке, только когда откроем более продвинутые способы переходов. И в Нью-Спрингфилде мы достигли ступеньки,

---

[14] Примечания: 14

В вымышленной вселенной «Звездного пути» Главная директива является руководящим принципом Звездного Флота, запрещающего своим членам вмешиваться во внутреннее и естественное развитие чужих цивилизаций.

эквивалентной изобретению варп-двигателя. Стэн Берг стал нашим Зефрамом Кокрейном[15]. И вот они, вулканцы, как по заказу.

Мэгги вздохнула.

— Вы осознаете, что никто здесь ни хрена не понимает, о чем вы двое болтаете?

— Адмирал, — осторожно вмешалась Роберта, — учитывая то, что мне известно о нашем общении с Мыслителем, это похоже на правду. Понимание частичное, но хорошая интуиция. — Она радостно улыбнулась. — Я всегда была с теми, кто настаивал, что людей надо вовлекать в самое сердце проекта. И вот доказательство, что я права!

— Рада за вас, — ровно ответила Мэгги. — Итак, Лобсанг, что дальше?

— Адмирал, мы должны принять Приглашение. Чем острее разум, тем более развита способность переходить. Я думаю, этот Мыслитель, этот грандиозный разум, даст нам возможность переходить в совершенно другой мир. И мы отправимся… куда-то. Совсем как жуки.

Мэгги все еще хмурилась.

---

[15] Примечания: 15

Зефрам Кокрейн — вымышленный персонаж из вселенной «Звездный путь». Создатель варп-технологии, положившей начало выходу человечества за пределы Солнечной системы и контактам с другими расами.

— Полагаю, поэтому я и позволила вам двоим приехать сюда, чтобы сделать эти выводы. Но мне не нравится, когда все происходит слишком быстро. Так куда?

Лобсанг поднял взгляд в небо.

— Кто знает? Может быть, Мыслитель нам скажет…

— Я пойду, — тут же вызвалась Ли, и все уставились на нее. — Просто сказала.

Лобсанг взглянул на Индру Ньютон, стоявшую на некотором расстоянии.

— И нам может понадобиться еще один член экипажа. Специалист. В конце концов, с жуками потребовался Стэн Берг, помните, суперпутник… А, и вы, Следующие, все это, конечно, предвидели. Поэтому и привезли сюда Индру.

Роберта улыбнулась. Только теперь немного самодовольно, подумал Джошуа.

— Мы старались предугадать. Да, мы предполагали, что дело в новом уровне перехода. Да, мы научились на опыте Нью-Спрингфилда. Похоже, соединение с миром жуков произошло случайно, по стечению обстоятельств. Но мы видели, что Стэн Берг мог сознательно менять соединение Долгой Земли, даже если это его истощило. Все это предполагает, что высший разум может управ-

лять своими Долгими мирами… В любом случае, если Рональд и Руби общаются с Мыслителем, то надеемся, что они, в свою очередь, могут научить Индру необходимым навыкам.

— Я кузина Стэна, — тихо сказала Индра. — Семья очень гордится его самопожертвованием. Если я пригожусь в этой миссии, я буду готова присоединиться к экипажу.

— А кто говорит об экипаже? — рявкнула Мэгги. — Вы говорите о путешествии, и, я полагаю, в полную неизвестность. К черту самопожертвование. Это безопасно? Мы сможем дышать? Не окажемся ли мы после перехода, не знаю, в сердце солнца?

— Вижу, вы читали Мелланье, — улыбнулся Лобсанг.

— Кого?

— Капсула, — сказал Джошуа. — Вот что нам нужно. Как Боумен в «Космической одиссее 2001 года» через Звездные врата. Мы построим капсулу и перейдем в ней. Что-то вроде батискафа.

— Да, — согласился Лобсанг. — Хорошо. Что-нибудь достаточно прочное, чтобы экипаж выжил и перешел обратно с докладом о том, что на другой стороне.

— Я тоже пойду, — поспешно сказал Дэв. — Вам

понадобится пилот.

Мэгги подняла руки.

— Придержите коней. Эта лодка, которой еще даже не существует, если и будет построена, то станет частью военно-морских сил, и экипаж будут выбирать ВМС. Если уж на то пошло. А значит, я.

— Конечно, — не удержался от улыбки Джошуа.

— На удивление конструктивная встреча, — сказала Роберта. — Неожиданно у нас появился план, результат совместной работы, нашей и…

— И тусклоголовых? — спросил Джошуа.

Женщина-Следующая открыто улыбнулась всем, без капли иронии. И все-таки он не мог обижаться. Его ждало новое путешествие, новое направление. Он чувствовал себя так же, как на следующий день после Дня перехода, когда ему не терпелось взять свой переходник и отправиться в неизвестность.

— Ладно. — Мэгги посмотрела на часы. — Давайте закругляться с экскурсией, мы работаем по расписанию. Мисс Малоун, вам нужно закончить дело.

— Конечно. — Ли нырнула в автобус и вернулась с куском компьютрония. — Мы хотели

показать вам подробности нашей работы здесь. Эта деталь будет установлена на окраине Мыслителя, недалеко отсюда. Прошу за мной…

* * *

Ли повела всех к границе компьютрония.

Оглянувшись, Джошуа увидел Дугласа Блэка, который внимательно следил за ними с экрана на автобусе. И еще Следующих, Лавлейса и Индру Ньютон. Они держались в стороне от территории леденцов, но теперь, после обмена многозначительными взглядами между Лавлейсом и Блэком, шли следом за всеми. У Джошуа зародилось подозрение. Атмосфера изменилась, что-то затевалось. Он припомнил подозрения Лобсанга относительно Блэка.

Только Санчо никуда не пошел. Тролль так и остался стоять, прижавшись лицом к забору, просунув крупные пальцы в ячейки сетки и жалостно глядя на Руби и Рональда.

Группа собралась на краю компьютрония. Толщина умного настила здесь составляла всего пару футов и не крепилась к земле. Дальше зеленела трава, земная трава, ни в чем не повинная перед инопланетной техникой, которая собиралась ее поглотить.

Ли села на корточки и показала принесенную деталь.

— Видите, как она войдет в этот паз с краю? Как и положено по проекту. Погрешности в нанодиапазоне, и как только я ее установлю, она интегрируется в единое целое без каких-либо швов… Конечно, десятки тысяч подобных деталей устанавливаются автоматически, каждый день. Но эта на самом деле одна из последней волны элементов, которые собираются и доставляются таким образом.

— Самовоспроизведение, — пробормотала Мэгги. — Вот что оно начинает. Вгрызается глубже в землю, растет в стороны… Производит собственные детали из камня и воздуха. После этого мы не сможем его остановить…

— Мисс Малоун, не устанавливайте эту деталь.

Глава 55

Голос из репродуктора заставил всех вздрогнуть.

Озадаченная Ли уставилась на деталь в своих руках, словно та превратилась в гремучую змею.

Джошуа повернулся. Морпехи в центре огороженной территории тоже казались растерянными и держали руки на оружии.

А яркое цветное изображение Дугласа Блэка на экране сбоку автобуса скалилось в улыбке.

— Простите, что разыграл бога из машины, так сказать.

— Вы нисколько об этом не жалеете, — пробормотал Лобсанг. — Джошуа, я же говорил, он что-то задумал.

Блэк отрывисто распорядился:

— Марвин Лавлейс, отойди в сторону. Мэгги, советую пока что взять его под арест.

Мэгги, очевидно, не понимающая, что происходит, тем не менее кивнула двум морпехам. Те поспешили к Лавлейсу.

— Мистер Блэк, если вам известно что-то, чего я не знаю…

— О, адмирал, моя дорогая, под эту категорию подпадает очень многое. Но сейчас речь вот о чем: я знаю, что внутри детали мисс Малоун. Не волнуйся, дитя, он довольно безвреден — пока. Но, возможно, его стоит забрать обратно на завод и проверить. Кстати, мисс Малоун ни в чем не виновата. Понимаете, адмирал Кауфман, некоторое время назад ко мне обратились Марвин Лавлейс с другими членами общины Смиренных и попросили помочь провернуть тайное дельце.

В элемент Ли было встроено какое-то оружие, как узнал Джошуа. Компьютерный вирус или серьезно переработанный потомок этих древних угроз — вирус, изготовленный Следующими, оружие, разработанное суперумными постлюдьми — фактически, как им сказали, замысел набросали сами Рональд и Руби в ходе разработки невероятно продвинутой инопланетной машины. Видимо, сомнения в разумности строительства этой штуковины пустили глубокие корни. Они захотели быть уверенными в том, что ее можно выключить.

— Черт! — выругалась Мэгги. — Вокруг этой штуки столько уровней защиты, а настоящая угроза притаилась прямо здесь — в самом центре.

— В том и смысл, — презрительно бросил Марвин.

— Это была шизофреническая хитрость, — сказал Блэк. — И это была последняя возможность ее применить — запустить до того, как начнется, как вы говорите, самовоспроизводящийся процесс вне контроля людей. Сработало бы это? Оружие сконструировано Следующими; я в нем не разбираюсь. Но, понимаете, им потребовалась моя помощь, чтобы убедиться в том, что вирус загружен в элемент, собранный на одной из моих фабрик, что он без проблем доставлен на место…

Адмирал Кауфман, я сотрудничал с этими ловкими, но неразумными саботажниками по двум причинам. Во-первых, я думал, что у противников контакта есть свои резоны. Может, мы в наших собственных интересах должны оставить за собой возможность остановить эту штуку. И во-вторых, я хотел сохранять контроль. Иметь право вето. — Костлявой рукой он поднял вверх какой-то дистанционный пульт. — Собственный выключатель на случай, если решу, что вирус вообще не стоит внедрять. И я вынес свой вердикт. Деталь сейчас на самом деле довольно безвредна. И это будет обоснованием моей защиты, когда мне предъявят обвинение.

Мэгги повернулась к Марвину Лавлейсу.

— Почему? Какого черта вы это делаете? Какое вы имеете право?

Он улыбнулся. Глаза скрывались за темными очками.

— Это не вопрос прав. Мы Следующие. Мы пытаемся защитить вас от вас самих…

— Все не так! — выпалила Индра и неуверенно огляделась.

— Продолжай, Индра, — сказала Мэгги.

— Я слышала, как они говорили. — У нее был странный акцент, будто английский для нее полностью иностранный, выученный по записям. — Не Руби и Рональд: их дилемма настоящая, глубокая, философская. С Марвином и остальными все иначе. Люди их не волнуют. Следующие тоже почти не волнуют. Они считают, что Мыслитель умнее их, и не хотят этого. Они хотят навсегда быть самыми умными. И…

— Да?

— Им скучно. Вокруг них миры, полные глупых людей. Им скучно приказывать глупым людям, манипулировать ими. Это чересчур легко. Поэтому они хотят ради забавы уничтожить всю штуковину. Почему нет?

Марвин дернулся к девушке, но морпехи удер-

жали его.

— Я тебе верю, Индра, — сказала Мэгги. — Я знала когда-то Следующего по имени Дэвид. Суперразумного монстра.

— Да, — мрачно произнес Лобсанг. — Скучающий бог. И что делать такому богу? Олимпийские боги боролись друг с другом, а в процессе уничтожали человеческие жизни… Похоже, это внутренний дефект в психологии Следующих. Тем не менее печально это наблюдать.

— Да, — добавил Джошуа. — Ты в каком-то смысле ожидал большего?

— Мы не закончили, мистер Блэк, — заявила Мэгги. — Вы правы: расследования не будет. Но все же почему вы их остановили?

— Потому что — «Присоединяйтесь к нам»! Я считаю, что мы должны доверять существам, которые зовут нас с другой звезды. Либо так, либо навсегда отвернуться от будущего. Я хочу посмотреть на запуск вашего батискафа!

Как ни странно, его слова вызвали аплодисменты у Ли, Дэва и даже некоторых морпехов.

— Но, — более цинично добавил Лобсанг, — у вас есть еще и другие интересы в игре. Они всегда у вас есть, Дуглас.

Блэк улыбнулся, его лицо сморщилось.

— Разумеется, ты прав, старый друг. Мне совсем не помешает упрочить свою репутацию у Следующих, которые играют такую существенную роль во всем нашем будущем. Понимаете, нужно задать вопрос: кто больше всех теряет, если среди нас ходит некая форма сверхчеловека? О, это не просто парень со скромными мечтами и не имеющий за душой никаких богатств. Возможно, он заживет лучше и в хорошо организованном мире. Нет, это власть имущие и состоятельные, это политики, банкиры, промышленники, которые обнаружат, что их положение на вершине нашего общества окажется под угрозой. Такие, как я. И вообще, император всех неандертальцев для кроманьонцев будет просто еще одной лохматой обезьяной, разве нет? Но, понимаете, я надеюсь использовать тот контроль, который все еще имею, чтобы оказать услугу нашим новым повелителям вселенной. Отсюда моя готовность раскрыть этот пустяковый мелочный заговор.

Лобсанг изучающе смотрел на Блэка. Его искусственное лицо было непроницаемым.

— Циник может заподозрить, что вы сами все и подстроили именно ради этой цели.

Блэк поднял снежно-белые брови.

— Лобсанг! Я поражен.

Джошуа похлопал Лобсанга по плечу.

— Черт с ним. Еще одно Путешествие, Лобсанг? Как в старые времена?

Лобсанг огляделся.

— Очень хорошо. У нас много работы. И нужно сказать Нельсону, что мы наконец отправляемся на поиски его внука…

Индра коснулась руки Джошуа.

— А я по-прежнему хочу прокатиться в вашей капсуле, мистер Валиенте.

— Браво! — провозгласил с экрана Блэк. — О, браво, дитя!

Глава 56

(Выдержки из «Джокаста, убедись, что ты хотя бы раз в жизни записала правильно: Официальная биография профессора Вотана Ульма». Автор Констанс Мелланье. Вальгалла: Трансворлд Харпер, 2061 год. Цитируется с разрешения.)

На склоне дней Ульм продолжал строить конструктивные, но довольно спорные теории о природе Долгой Земли и ее постижении людьми посредством процесса, известного как переходы. Разумеется, он мог быть в чем-то снисходительным к голословным предположениям, как это демонстрирует данная стенограмма беседы автора с Ульмом в самом конце его жизни.

— Люди болтают всякую чушь о Долгой Земле, как болтали с тех пор, как я ходил в коротких штанишках, и они не продвинулись ни на йоту. О, мы слышали все о новых измерениях на высших планах. Или нам говорили, что в «мультиверсуме», как предсказывает теория струн, существует десять в пятисотой степени возможных вселенных. Или про то, как *m*-браны и

p-браны отскакивают друг от друга, как щенки в мешке. Все это чепуха.

Переходы — это человеческая способность. И объяснение им мы найдем в нашей человечности.

После некоторых исследований, особенно касающихся поражений мозга, для меня стало очевидно, что переходы — по крайней мере то, что получило известность как классические процессы «перехода Линдси», — сильно завязаны на зрении. Под зрением я имею в виду не простой физический механизм глаз и даже не перезапись визуальных сигналов в коре головного мозга. Я говорю о глубоком внутреннем сознательном ощущении зрения, о сборе информации с места действия. И там понятия способности видеть и способности представлять стоят недалеко друг от друга.

В сочетании это дает нам способность переходить.

Случай Беттани Даймонд четко это демонстрирует. Эта женщина была неспособна переходить физически и тем не менее могла заглядывать в соседние миры. Она видела, как ее дети играют в саду, в последовательной версии ее гостиной. Но прикоснуться к ним не могла.

Значит, переходы связаны со зрением, с воображением. И чем сильнее способность представлять, тем сильнее способность переходить.

Но это еще не все, правда? Тогда что же еще, Джокаста? Ты бы задала этот вопрос, если бы у тебя хватило ума. И ответ может тебя удивить. Предполагаю, еще одна способность, необходимая для переходов, — это то, что ты должна уметь себя убедить в том, что ты не уверена.

Вспомни знаменитого квантового кота в ящике, которого то ли отравили, то ли нет, и нестабильные атомные ядра. Он жив или мертв? Это два возможных квантовых состояния, и квантовая неопределенность гарантирует, что мы не можем знать, что «реально», пока не откроем ящик и не посмотрим, пока одно из этих потенциальных состояний не реализуется. Ладно.

А теперь поразмысли сама, Джокаста. В любой момент твое местоположение описывается множеством квантовых состояний. В одном ты находишься здесь, со мной в этой комнате. В другом ты на луне. Еще в другом ты в коридоре, готовишь мне чай получше тех помоев, что принесла мне в прошлый раз. Еще в одном ты на Западе-2, в одном переходе отсюда. И так далее. В некоторых из этих мест ты можешь находиться с

большей вероятностью, чем в других.

Что, ты уверена, что находишься здесь? Просто предположи — если у тебя есть мозги, — что ты можешь представить, будто ты не уверена, где находишься. Ибо если ты не уверена, в квантово-физическом смысле, твое местоположение тоже становится неопределенным. В конце концов, ты же главный квантовый наблюдатель самой себя. Ты начинаешь, так сказать, размазываться по смежным возможностям, среди бесконечного числа вероятных местоположений, в которых можешь пребывать. Затем, если ты в дальнейшем становишься уверена, что действительно находишься на Западе-2, а не здесь со мной на Западе-1, то там ты и есть — понимаешь? Ты еще раз нарушила квантовую функцию, ты перешла.

Воображение и что-то вроде умышленной неуверенности. Вот и все, что нужно для перехода, Джокаста. И чем острее разум, тем выше способность переходить. Мы видели это с прирожденными талантами, которые находили «слабые места», видимо, какие-то изъяны в связности Долгой Земли, которые могут переносить за тысячи миров. Возможно, еще более странный изъян, обнаруженный в Нью-Спрингфилде, был свидетельством иного вида разума: разума, спо-

собного переходить в совершенно иной Долгий мир.

Между прочим, я сказал «острые разумы». Думаю, Homo sapiens не следует забывать, что Долгую Землю создали не наши разумы. А наших кузенов, троллей и других человекообразных, которые вышли за миллион лет до нас и шаг за шагом порождали своим воображением Долгую Землю. Не мы.

И почему вообще должны существовать такие Долгие миры — подумай над этим. Похоже, начиная с камней, летающих вокруг младенческой Солнечной системы, очень трудно создать мир, способный породить разум. Солнечной системе потребовались миллиарды лет, чтобы произвести плодородную Землю. Но создав один такой мир, ты можешь просто штамповать копии, словно страницы на печатном станке… Но это совместный процесс. Разум вызывает к существованию Долгую Землю. Может, сама Долгая Земля, взрастив разум, теперь использует его, чтобы воображением прокладывать свой путь в бесконечность.

Какого типа переход сможет создать могущественный интеллект? Даже я с трудом могу предположить. Наверняка я не доживу, чтобы это

увидеть. Возможно, увидишь ты, дорогая. А теперь я устал. Очень устал. Джокаста, выключишь свет, когда будешь уходить?..

Глава 57

Ясным октябрьским днем более чем в трех миллионах Земель от Базовой, в сердце огороженной территории Малого Цинциннати, островка человеческого хозяйства в великом технологическом океане Мыслителя, стояла капсула. Приземистый аппарат находился на широкой бетонированной площади, предназначенной для посадки грузовых твенов, но сегодня твены виднелись только высоко в осеннем небе, наблюдая и поблескивая камерами.

Джошуа Валиенте ковылял по асфальту с Лобсангом, Мэгги Кауфман и Дэвом Биланюком. На всех были синие насовские комбинезоны, в руках дыхательные маски. Они опаздывали и потому спешили. Их сопровождал тяжеловооруженный эскорт военно-морских сил под командованием Джейн Шеридан. Старались не рисковать, поскольку самые крайние противники контакта продолжали угрожать проекту.

Пока Джошуа и его спутники приближались к капсуле, их слепили вспышки фотоаппаратов, и приходилось пробираться через небольшую

толпу аплодирующих рабочих и других провожающих. Джошуа, опирающийся на трость, испытывал неловкость и даже чувствовал себя нелепым. Тем не менее во всем этом было что-то великолепное. Словно корабль заряжали энергией не какие-то технологии, а волна общего энтузиазма. Однако Джошуа не собирался произносить это вслух.

— Черт их побери, — проворчала Мэгги. — У меня нет времени на всю эту правильную фигню. Мы опоздаем.

Лобсанг непринужденно улыбнулся.

— Плывите по течению, Мэгги. На все это раскошелились бизнесмены и правительство. Иначе наш маленький корабль ни за что не построили бы всего за три месяца. Пришлось еще и откупаться от лобби противников контакта в правительстве. И способ компенсировать деньги, способ добиться политического доверия — это растрезвонить о нас во всех новостях со скоростью аутернета. Поэтому улыбайтесь в камеры.

— Проклятье, я адмирал военно-морских сил. Мы продаем души этому цирку.

— Моя собственная история жизни показывает, что души всегда можно выкупить обратно…

Наконец они пробрались сквозь толпу, прошли

за веревочный кордон и остановились перед кораблем. Он представлял собой приземистый конус на трех коротких толстых ножках. Из черно-белой изоляционной обмотки торчали короткие антенны, блестящие объективы и сопла, разинутые, словно клювы голодных птенцов. Каждый свободный участок, как показалось Джошуа, был залеплен флагами, в основном голографическим звездно-полосатым флагом Эгиды США, земным шаром в ладонях — символом Организации Долгих Наций — и логотипами корпораций: марширующие дровосеки ТКДЗ, шахматный конь Трансземного института Лобсанга, кругляш Дыры. У корабля стояла парочка грузовиков, закачивая в аппарат топливо, воду, воздух и другие необходимые вещества. Техники в белой униформе суетились, делая последние приготовления.

Все было таким маленьким по сравнению со старыми временами. Джошуа вспоминал, как запускали шаттлы с мыса Канаверал. И все равно капсула выглядела знакомой.

— Как командный модуль «Аполлона» на стероидах, — сказал он.

Дэв Биланюк был на короткой ноге с этими технологиями, потому его и взяли в команду.

— Это стиль Дыры, Джошуа. Да, типа «Аполлона». Конструкция основана на наших собственных переходящих шаттлах, которые переносят экипажи в Дыру. А они, в свою очередь, основаны не на «Аполлоне», а на технологии «Спейс-Экс» — своего рода сыне «Аполлона» 2010-х годов. Больше, просторнее, из современных материалов… — Дэв погладил бок корабля. — Мы рассматривали много вариантов. Настоящий батискаф для океанских исследований, эти штуковины очень прочные. Также предлагалось взять шасси армейского бронетранспортера. Но мы стремились к минималистской конструкции космического корабля на случай, если упадем в какую-нибудь Дыру. Корабль защищен от вакуума, и чтобы вернуться, придется корректировать инерцию и позицию, для чего понадобятся маневровые двигатели.

— Я думал, речь шла о том, чтобы добавить слой компьютрония, — усмехнулся Джошуа. — Мне по душе идея полетать на космическом корабле из бриллиантов.

— А я это запретила, — сурово ответила Мэгги. — Не хочу лететь в неизвестность в корабле из неизвестного материала. Неизвестность нужно минимизировать.

— Ваше присутствие вселяет уверенность, ад-

мирал Кауфман, — сказал Лобсанг.

— Ну, ВМС ни за что не оставят командование этой штукой.

— Но в адмирале нет необходимости. Уверен, для этой миссии сгодились бы множество офицеров младше по званию. — Лобсанг словно поддразнивал ее. — Кто-нибудь моложе, с лучшими рефлексами, зрением, слухом, координацией…

— Все в порядке, Лобсанг, спасибо. Это было мое решение. После того как вы забили корабль своим чертовым цирком, осталось место только для одного офицера ВМС. И, как вы помните, у меня есть некоторый опыт командования экспедицией в далекие последовательные места. — Она хищно усмехнулась. — Кроме того, разве я могла устоять против такой увеселительной поездки? А также я по-прежнему одна из немногих командиров, которые берут на корабль троллей.

— Санчо едет, — твердо сказал Джошуа. — Это в такой же степени его миссия, как и моя…

— Папа! Эй, папа!

Джошуа развернулся так резко, что чуть не потерял равновесие.

Род был внутри веревочного ограждения, но его теснили техники в белом. Позади него, за веревкой, стояла молодая женщина — смуглая

брюнетка, одетая так, что Джошуа сразу вспомнил стиль Салли Линдси — практичная одежда путешественника: линялые джинсы, куртка с множеством карманов, выгоревшая на солнце шляпа. И, Джошуа сразу заметил, что она на последнем сроке беременности, насколько он мог судить, а он не был специалистом в этом вопросе.

Не обращая внимания на техников, насторожившихся солдат, сердитый взгляд Мэгги Кауфман, он заковылял к ним. Они с Родом просто постояли несколько мгновений лицом к лицу, держа руки по швам.

— Бога ради, Род, — воскликнула молодая женщина, — мы проделали весь этот путь…

Род пожал плечами. Джошуа пожал плечами в ответ. Затем они обнялись.

— Не повреди мой скафандр, — сказал Джошуа, пытаясь скрыть волнение. — А то я замерзну, черт возьми. — Он заглянул через плечо Рода. — Это…

— Подойди сюда, София, — позвал Род. — О, не обращай внимания на этих морских громил. Папа — Джошуа Валиенте, познакомься с Софией Пайпер.

Джошуа по всем правилам пожал ей руку. У Софии оказалась крепкая хватка.

— Род о тебе говорил. И э-э…

Она вспыхнула, широко улыбаясь.

— И о следующем поколении. Знаю. — Она похлопала себя по животу.

— Папа, ты собираешься в очередное путешествие, но я хочу на этот раз проводить тебя. Насколько я понимаю, это будет круто.

— Не перехвали.

— И я хотел… ну… а, черт.

София только фыркнула.

— В эмоциональном отношении вы друг друга стоите. Понимаете, мистер Валиенте, Род хотел убедиться, что малыш встретится с вами, так сказать, перед вашим отъездом. Что бы ни случилось, мы сможем сказать ему или ей, что сегодня были здесь.

— Ты имеешь в виду, на случай, если я не вернусь? — усмехнулся Джошуа. — Можешь поспорить на свой дом, что я вернусь.

— Папа, у нас нет дома.

Мэгги Кауфман возникла у его плеча.

— Валиенте, вы вообще никуда не уедете, если будете здесь торчать. Пока мы тут болтаем, топливо выкипает, а у меня валит дым из ушей.

— Да, мэм. — Джошуа еще раз обнял Рода, чмокнул Софию в щеку — вот и все.

И поковылял за Мэгги к шаттлу.

Стоявший рядом с маленьким кораблем Дэв светился от гордости.

— Нужно придумать название. У всех исследовательских космических кораблей есть названия. «Орел», «Неустрашимый», «Водолей»…

— А что насчет «Дядюшки Артура»? — предложил Джошуа.

Лобсанг улыбнулся.

— В честь Артура К.?

— Конечно.

— Очень подходит.

Джейн Шеридан вырвалась вперед с толстым маркером.

— Позвольте мне.

С удивительной плавностью она написала «Дядюшка Артур» на белом участке обмотки рядом с тупым носом корабля.

Мэгги одобрительно кивнула.

— Все на борт?

Техник открыла люк.

Здесь оказалась низкая ступенька, которую Джошуа неуклюже преодолел с помощью трости. Техник — смышленая девушка, на взгляд Джошуа выглядевшая лет на двенадцать, предложила ему руку, которую он сердито отклонил. Задержав-

шись на пороге, он в последний раз оглянулся. С небольшой высоты он заметил Рода с Софией. И, над головами напирающей толпы, дальше, за инженерно-техническими сооружениями, жилыми корпусами и биотуалетами Малого Цинциннати, он увидел окружающий все это жуткий технический ландшафт: разум, искусственный и чуждый, в чьи сны он сегодня вступает.

Все это казалось нереальным. Может, это просто возраст. Он отвернулся.

* * *

Он был рад сбежать из-под октябрьского солнца, давления толпы, огней фотокамер и очутиться в спокойном, пахнущем чистотой, ярко освещенном помещении «Дядюшки Артура». Хотя Джошуа раньше не довелось увидеть корабль снаружи — тот строился в чертовой спешке, — он провел немало времени в его модели-симуляторе, и сейчас казалось, что это просто еще одна тренировка.

Он нашел свое сиденье — массивное кресло космонавта с крепкими ремнями безопасности. Место Джошуа на этой средней палубе было в центре, Мэгги расположилась справа, а Лобсанг слева. К счастью, Джошуа не пришлось лезть по

трапу на верхнюю палубу в нескольких футах над головой, отделенную сетчатой перегородкой. Вверху расселись «пилоты», если их можно было так назвать: Дэв Биланюк, который вел корабль, Ли Малоун, его помощница, и Индра Ньютон — та самая хрупкая на вид Следующая, чьи способности к переходу, как они надеялись, и понесут их туда, куда запланировал Мыслитель и его создатели.

Внизу, под еще одной сетчатой перегородкой, виднелся Санчо. Нижняя палуба была хранилищем, и тролля окружало всевозможное оборудование: баллоны со сжатым воздухом, установки утилизации, медицинский инвентарь, белые коробки без наклеек, в которых, как предположил Джошуа, находилось что-то для научных целей миссии. Старый тролль лежал на спине на охапке соломы, сложив под головой огромные руки и укрывшись спасательным одеялом Джошуа.

Джошуа постучал тростью по полу.

— Эй, старина, ты там держишься?

— Ух. — Санчо поднял большой палец. Казалось, ему было в высшей степени удобно. Впрочем, как всегда, подумал Джошуа.

Лязгнул закрывающийся люк, и звуки снаружи полностью стихли. Во внезапной тишине Джо-

шуа расслышал шум лопастей и насосов. Через маленький иллюминатор — диск толстого стекла — он увидел, как техники отступают назад, а провожающие на заднем плане все еще машут. Вооруженные морпехи по-прежнему стояли спиной к кораблю и лицом к толпе. Джошуа знал, что здесь больше уровней безопасности, есть наблюдатели на вышках и в твенах, и даже патрулирует маленький дрон.

Проводя собственную проверку, Лобсанг поинтересовался:

— Джошуа, как ощущения?

Он подумал.

— Наверное, как в День перехода. Помню, я, как умел, собрал переходник, приготовился щелкнуть выключателем, и у меня не было ни малейшего понятия, что случится…

— Но вы все равно повернули этот чертов выключатель, — сказала Мэгги.

— Да, мэм.

Она яростно усмехнулась.

— Ну что, приступайте, мистер Биланюк?

— Уже приступаю, мэм, — отозвался Дэв. — Мы только что убедились, что люк закрыт и задраен. Мы также задраили впускные и вентиляционные отверстия. Теперь мы закрыты и на самообеспе-

чении. Датчики окружающей среды показывают, что все нормально…

— Парень, прекрати болтать для истории и начинай, — рявкнула Мэгги.

— Хорошо, — сухо ответила Ли. — Индра, ты готова?

— Думаю, да…

Джошуа знал, что Индра, как и Стэн Берг в Нью-Спрингфилде, была ключом. Ей нужно быть готовой переходить не на запад или восток, не по Долгой Земле, а на север или юг, за пределы плоскости, в которой лежит общечеловеческое воображение. Готовой взять с собой всю капсулу и пассажиров в ней.

Или что-то вроде того. За всю свою жизнь на просторах Долгой Земли среди всех ее загадок Джошуа никогда не придерживался эзотерических теорий перехода. Если это сработает, то прекрасно. Если нет, они выберутся из капсулы, сойдут на бетонированную площадку, и всем придется краснеть.

— Индра, давай в последний раз пройдемся по процедуре, — сказала Ли. — Точно как мы репетировали, помнишь? Я запускаю системы, а Дэв будет контролировать полет. Мне нужно подготовить ракетные двигатели на случай, если мы

очутимся в Дыре и придется глушить скорость вращения. И наоборот, мне нужно привести в готовность систему аварийной остановки на случай, если что-нибудь произойдет с двигателями. Нам не повезет, если и то и другое случится одновременно, но ты должна быть готова. Просто сосредоточься на переходе. Я буду вести обратный отсчет. На пятой секунде я активирую аварийную систему. Потом подготовлю двигатель. И затем на счете один скажу «поехали», и ты перейдешь на счет ноль.

— Поняла.

В голосе Индры не было ни капли волнения. Но она же Следующая, к тому же одна из умнейших. Может, она уже продумала сегодня вероятные последствия своих действий гораздо глубже, чем смог бы когда-либо Джошуа, и приняла риски. Тем временем Ли говорила с замечательным спокойствием и уверенностью. Хорошие молодые люди, подумал Джошуа с неясным удовольствием. Все трое.

— Народ, мы отправляемся, — объявила Ли. — Обратный отсчет. Двадцать, девятнадцать, восемнадцать… Спасибо, что соблюли все меры безопасности.

Джошуа резко повернулся к Лобсангу.

— Ты показывал этим детишкам старые фильмы?

— А ты?

Дэв пробормотал:

— Черт с ними с фильмами. Просто вспомните молитву Шепарда: «Господи, не дай мне все запороть».

Мэгги фыркнула.

— Я слышала другую версию.

Ли продолжала:

— Девять, восемь, семь, шесть, пять, аварийная остановка подготовлена, двигатель готов к запуску, готово, поехали…

И они перешли.

Глава 58

Джошуа вдавило в кресло.

— Ой! Мне будто тролль на грудь прыгнул.

— Ух.

— Не ты, Санчо. Как ты там, старина?

— Ха!

Освещение снаружи изменилось, став серебристо-синим.

— Не двигайтесь, — приказала Мэгги. — Просто откиньтесь в своих креслах. Мне не нужны переломы или сердечные приступы из-за попыток встать. Давайте оценим обстановку. Мы на какой-то твердой поверхности. Мы не ускоряемся, значит, точно не падаем, мы не в космосе. Но сила тяжести здесь, где бы это «здесь» ни находилось, больше, чем дома. Лобсанг, остановите меня, если я ошибусь.

— Пока что все верно, адмирал.

— Зовите меня капитаном. На борту своего корабля я капитан… Насколько больше?

— Процентов на двадцать. Возможно, мы на какой-то супер-Земле.

— Перекличка. Лобсанг, Джошуа…

— Оба в порядке, капитан.
— Дэв?
— Все в норме, — сказал Дэв.
— Балда, сам ты как?
— Хорошо, капитан.
— Ли?
— Отлично.
— Черт побери. Индра?
— Я вижу звезды.

Джошуа не удержался. Он ослабил ремни безопасности и подался ближе к маленькому иллюминатору.

Он увидел пустынную равнину, усеянную кратерами и острыми скалами. Похоже на Луну. Но, судя по фиолетово-синему небу, тут явно присутствовал воздух. Возможно, справа за горизонтом скрывалось солнце. Там разгоралось розоватое свечение.

Но небо было усыпано звездами — звездами невозможно большими и яркими по сравнению с земными. Джошуа насчитал пять, нет, шесть очень ярких звездных дисков, около дюжины звезд послабее и тучу более далеких созвездий вокруг.

— Мы можем выйти осмотреться? — спросил Дэв.

— Я бы не советовал, — ответил Лобсанг. — Не считая большей силы тяжести, атмосфера тут состоит в основном из азота и углекислого газа. Кислорода очень мало. Больше похоже на мертвую Землю. Даже в скафандрах такая гравитация опасна. Мы оказались правы, что приготовили капсулу, захватили защиту…

— Все равно там, похоже, не на что смотреть, — сказала Мэгги.

Джошуа не был в этом уверен. Ему показалось, что на горизонте что-то есть, более сложная структура, чем скалистые неровности кратеров. Какая-то постройка?.. Его старые глаза не позволяли разглядеть лучше.

— Так где же мы? — спросила Индра.

— Резонный вопрос, — сказал Лобсанг. — Явно не в Солнечной системе.

И этот простой факт никак не укладывался в голове Джошуа.

— Ого. Конечно, нет. Мы только что пересекли межзвездное пространство. За один переход.

— Я знаю, где мы, — заявил Дэв.

— Я скоро выясню, видны ли эти звезды с Земли, и если да, то смогу сказать, где мы находимся, — начал Лобсанг. — Вы видели, что этот корабль утыкан телескопами, спектроскопами. А также

атмосферными датчиками. Мы можем определить температуру, радиацию. У нас есть зонды, чтобы взять пробы местных грунтов, захваты, чтобы собирать образцы любых форм жизни…

— Я не вижу тут цветов, Лобсанг…

— И бортовой ИИ, очень умный.

— Тебе ли не знать.

— Да. Потому что я и есть бортовой ИИ…

— Вы слушаете? — рявкнул Дэв. — Извините. Вы меня слушаете? Я знаю, где мы. Я астроном-любитель. Я уйму времени наблюдал за звездами в Дыре, на Кирпичной Луне.

— И где же мы? — спросила Мэгги.

— В Плеядах.

Лобсанг подождал несколько секунд, пока его автоматические датчики выдали результат.

— Угадал.

— Я не угадывал.

— Мы на планете, которая вращается вокруг одной из главных звезд этого скопления. Часть вон той дымки, вероятно, находится за пределами атмосферы.

— Я знаю, так и есть, — сказал Дэв. — Это облако межзвездной пыли в скоплении. Его легко увидеть в телескоп.

— Я впечатлен, — отозвался Джошуа.

— Отличная работа, мистер Сулу, — сухо произнес Лобсанг. — Но в этом случае мы удалились от дома всего примерно на четыреста световых лет.

Джошуа задумался. Всего четыреста световых лет…

— Когда мы заберемся чуть дальше, определить наше положение может быть сложнее.

Мэгги подняла руки.

— Довольно бодаться. Давайте разберем, что произошло. Итак, мы… перешли. Но вместо того чтобы переместиться вверх или вниз по цепи Долгой Земли, мы перешли в другом направлении…

— Условно говоря, — вставил Джошуа.

— И оказались здесь. На планете другой звезды.

— Так и ожидалось, — сказала Индра. — По отрывочным подсказкам, полученным из неполного общения леденцов с Мыслителем, Долгая Земля — это цепь миров, как ожерелье, дрейфующее в некоем многомерном пространстве. Оно может спутываться, а может пересекаться с другими ожерельями, другими Долгими мирами, дрейфующими в более сложном континууме.

— Вроде этого, — согласилась Мэгги.

— Да. Мы считаем, что Мыслитель — это маши-

на, чтобы представить эти более далекие миры, эти грандиозные прыжки. И в сочетании с моей волей, моей способностью декогерировать…

— Упс, я потерялась, — сказала Мэгги.

— Переход — свойство разума, — пояснил Лобсанг. — И Мыслитель, который мы построили, самый мощный разум, который видела наша маленькая планета. Отсюда и этот колоссальный переход.

— Значит, именно так серебряные жуки переходили в свой Долгий мир? — спросил Джошуа.

— Да, — ответил Лобсанг. — Но то была случайность. На этот раз мы все контролируем.

— Или Мыслитель, — добавил Джошуа.

— И что теперь? — спросила Мэгги. — Вы говорите, что теоретически мы перешли через соединение между одним Долгим миром — Землей — и другим. Я думала, что Долгие миры должны быть связаны с развитием разумной жизни. Я не вижу тут признаков разумных существ. Я вообще не вижу тут никакой жизни.

Джошуа продолжал всматриваться в объекты на горизонте.

— Насчет этого…

— Если это Долгий мир, — сказал Дэв, — то сможем перейти по нему. Я имею в виду, на восток

или запад.

— Да, — согласился Лобсанг. — Как Салли Линдси и ее отец переходили по Долгому Марсу. Разрешите мне.

— Проклятье.

Джошуа проглотил гордость и принялся искать свои солнечные очки с диоптриями, чтобы лучше рассмотреть далекие объекты.

Но не успел он нацепить очки на нос, как произошел еще один скачок.

* * *

Свет снова изменился, и далекие объекты исчезли, но тяжесть, давящая на грудь Джошуа, осталась.

Мэгги повернулась к Лобсангу.

— Какого черта вы только что сотворили?

— Я перешел, — рассудительно ответил Лобсанг. — Привычным способом. Как обычно, на запад. И тем самым перенес вместе с собой «Дядюшку Артура» как временное продолжение моего тела.

— В следующий раз, когда вам в голову придет подобная выходка, посоветуйтесь со мной.

Джошуа снова осторожно выпрямился и выглянул в иллюминатор. И снова вокруг были Плеяды

— плотное скопление звезд в небе, — но теперь их свет приглушало бледно-голубое небо с редкими полосками облаков. И поверхность заметно отличалась. Никаких лунных кратеров. Теперь Джошуа видел гряду холмов и неподалеку озеро с голубой на вид водой.

И жизнь. Что-то похожее на траву, на деревья, со стволами и кроной из ветвей с листьями.

— Это может быть почти Земля, — сказал он. — Если бы не преобладание фиолетовой цветовой гаммы.

Капсула зазвенела, словно гонг.

— Что за черт? — крикнула Мэгги.

— Виноват, — отозвался Лобсанг. — Я только что запустил метеозонд.

— Я не знала, что у нас есть метеозонды.

Джошуа рассмеялся, хотя его собственное сердце еще колотилось.

— О, Лобсанг любит эти метеозонды.

— Я подумал, что нам нужна более широкая панорама… Поступают результаты с моих датчиков. Теперь атмосфера снаружи кислородно-азотная. Не подходит для дыхания, слишком большая концентрация кислорода, а также углекислого газа. Но уже ближе к земной. И нестабильная. Я имею в виду химически. Я засек присутствие

жизни в этом мире.

— То есть ты только что засек существование всех этих деревьев, трав и цветов, которые мы видим? — иронично спросил Джошуа.

— Именно, — ответил Лобсанг без капли иронии. — Я получаю данные аэрофотосъемки… Я могу видеть на добрые сотни миль вокруг. Никаких признаков разумной жизни, по крайней мере ничего технологического.

— Как вы можете так быстро определить? — спросил сверху Дэв.

— Нет постоянных построек. Для этого у меня есть алгоритм поиска закономерностей. Также никаких признаков вырубки леса, костров, в воздухе нет примесей промышленных газов. Поверьте мне, я бы вычислил неандертальцев, притаившихся у своих очагов вон в тех лесах. Конечно, чтобы сказать с уверенностью, нам потребуется глобальная съемка. На самом деле я еще не видел никаких свидетельств присутствия крупных животных…

Удар. Капсула снова покачнулась. На этот раз за иллюминатором потемнело, и Джошуа, поморщившись, отпрянул.

— Что на этот раз? — прорычала Мэгги. — Лобсанг, еще один зонд?

— В этот раз он не виноват, — сказал Джошуа и показал на иллюминатор. Мэгги подалась вперед.

Вместе они уставились на какой-то влажный склизкий тоннель с фиолетово-черными стенами, слабо освещенными огнями кабины.

— Это чье-то горло, — изумилась Мэгги.

— Думаю, мы нашли доказательство присутствия животных, — заметил Джошуа.

Дэв осторожно встал и выглянул в свой иллюминатор наверху.

— Ого. Я вижу его отсюда. На ум приходит черепаха. Огромная. С бронированным панцирем. Серьезные лезвия. И ноги, как у тираннозавра. А челюсти как у крокодила. Не думаю, что она способна повредить корпус…

— Лобсанг, перенесите нас обратно, — крикнула Мэгги.

— Подождите, — вмешался Джошуа. — Мы же не хотим убить это животное. А так будет, если мы перенесем его с собой.

— Предоставьте это мне, — сказал Лобсанг и нажал кнопку.

На этот раз раздался резкий удар, как будто кто-то ударил по внешней обшивке. Джошуа услышал какой-то вой, и животное ушло.

Он повернулся к Лобсангу.

— Что это было? Оружие?

— Я воспользовался одним из наших ударных зондов. Не смертельно, но больно. Маленькая гильза, разработанная, чтобы зарываться в породу и проводить минералогический анализ…

— Хватит, — рявкнула Мэгги. — Мне все равно. Лобсанг, перенесите нас обратно.

Еще одно незаметное изменение, и они снова оказались посреди лунного пейзажа под яркими звездными скоплениями.

* * *

— Не понимаю, — сказал Дэв. — Здесь должны быть разумные существа. Прежде всего поэтому этот мир Долгий, верно? И тем не менее мы ничего не видим.

— Нет, — ответил Джошуа. — Кое-что есть, по крайней мере, в этой версии мира. Взгляните на горизонт, примерно на десять часов. Там строение… кажется. Я видел такие раньше…

Мэгги достала большой флотский бинокль.

— Какая-то конструкция. Выглядит как бункер. Без крыши, заброшенный. — Она опустила очки. — Значит, тут были разумные существа.

— Но больше нет, — сказал Джошуа.

— И эти кратеры, их не было в последовательном мире.

— Значит, они появились не в результате ударов, как на земной Луне. Полагаю, те, кто тут жил, кем бы они ни были, чем бы они ни были, — они себя взорвали.

— Тогда это раса еще более глупая, чем человечество, — заключил Лобсанг. — Я запишу это в журнал. Важное открытие.

— Где-нибудь могут быть выжившие, — сказала Индра Ньютон. — Мы знаем, что если у Долгого мира есть цель, то это служить убежищем для разумных существ, даже от их собственных глупостей.

— На поиски может уйти целая жизнь, — ответила Мэгги. — Оставим это будущим экспедициям. Это не наша забота. Давайте дальше.

— Но в какую сторону? — спросила Индра Ньютон. — На юг? Я могу перенести нас домой…

— На север, — произнес тоненький голос откуда-то из-под кресла Джошуа. — Давайте двигаться дальше.

Экипаж ошеломленно переглянулся. Потом Джошуа повернулся в кресле, чтобы посмотреть вниз через ячеистый пол, и у него закружилась голова от повышенной силы тяжести.

— Санчо?

— Ух?

— Кто там внизу с тобой?

— Никого.

— Выходи-ка оттуда, никто, — сурово приказала Мэгги.

Солома вокруг большого тролля зашуршала, и из нее вывалилась парочка коробок с инструментами. А затем вылез маленький человечек и встал, храбро задрав голову.

Ян Родерик.

Джошуа засмеялся.

— Что ж, это снижает средний возраст экипажа.

— Ты, — вспомнила Мэгги, — мальчик из Приюта, штат Висконсин. Который делал все те… болты.

— Эй, парнишка, — крикнул сверху Дэв. — Сядь. Ясно? Сядь на солому. Или на того тролля. А то переломаешь кости из-за такой гравитации.

Ян послушался.

— Как ты пробрался на борт? — рявкнула Мэгги.

Ян показал на Джошуа.

— Сказал, что я с ним.

Мэгги потерла лицо.

— Елки-палки.

Джошуа не удержался от смеха.

— Не надо меня винить.

— Полагаю, — заметил Лобсанг, — как только он оказался на борту, его было сложно засечь. Перевеса нет, нет и серьезных внутренних датчиков из тех, что обнаруживают посторонних. Этого не предвиделось.

— А должны быть, — сказала Мэгги. — А если бы это был смертник с бомбой? Когда вернемся, в моей службе безопасности полетят головы. Зачем ты это сделал, мальчик?

— Разве это не очевидно? — вмешалась Индра Ньютон. — Он здесь по той же причине, что и мы все. Любопытство.

— Они бы никогда меня не отпустили, — ответил Ян, подняв голову. — Сколько бы болтов я ни сделал. Я всего лишь ребенок.

— Так что ты полетел зайцем, — заключил Дэв. — Не знаю, хватило бы мне смелости…

— Биланюк, — сказала Мэгги. — Не поощряйте его. Что, если бы нам пришлось возвращаться из-за тебя, заяц? Как бы ты себя чувствовал, если бы из-за тебя мы прервали миссию?

Джошуа коснулся ее руки.

— Эй, полегче.

— Ладно, ладно. Лобсанг, я так понимаю, наша система жизнеобеспечения выдержит дополнительную нагрузку в виде десятилетнего негодника.

— Мне одиннадцать!

— Поправка. Одиннадцатилетнего негодника.

— Если мы не продлим миссию сверх меры, — ответил Лобсанг. — У нас большой запас. Меня больше беспокоит отсутствие перегрузочного кресла.

— А-а.

— Все наши кресла подогнаны под наши тела.

— Да уж, вряд ли я забуду процесс подгонки, — сухо произнес Джошуа.

— У нас нет запасного кресла. А если бы и было, то оно не подошло бы мальчику.

— Мне и в соломе нормально, — проговорил Ян.

— Ну конечно, — ответила Мэгги.

— Да ладно, — сказал Джошуа. — Старине Санчо вполне хватает соломы. А десятилетние дети все равно сделаны из резины.

— Мне одиннадцать!

— Извини. Слушай, парень. Просто прижмись к Санчо. Можешь?

— Конечно.

— Санчо, проследи, чтобы с ним все было в порядке, и не дай влезть в неприятности. Понимаешь?

Санчо помахал тролльим зовом.

— Ух.

— Хорошо. Поехали дальше. Но когда вернемся, парень, и я доставлю тебя обратно в Приют, ты попросишь прощения у сестры Колин и расскажешь сестре Иоанне, что натворил, и они посадят тебя под домашний арест на год.

— Переживу.

— Что-что?

— То есть извините, мистер Валиенте.

Мэгги сердито зыркнула на Джошуа.

— Мы закончили?

Джошуа пожал плечами.

— Что за цирк. Ладно, господа, пристегнитесь. Мистер Биланюк, мисс Малоун, будьте любезны.

— Ладно, Индра, — сказала Ли, — схема прежняя…

И снова на север.

Глава 59

Гравитация сразу уменьшилась. Может, на этот раз в самом деле стала меньше земной. Привыкший к весу тролля на груди Джошуа испытал ощущение внезапного падения, словно порвался кабель лифта. Подступила тошнота, и он тяжело сглотнул. Прежде ему не доводилось бывать в условиях иной силы тяжести, за исключением падения в Дыру.

Свет опять изменился, став зеленовато-голубым.

На этот раз они быстро отстегнулись и подались вперед. Новое небо имело отчетливый зеленоватый оттенок. Солнце то ли садилось, то ли поднималось. Серовато-красное, искаженное рефракцией, оно висело над горизонтом, который казался таким близким.

Землю покрывало одеяло — зеленоватое, как небо, расстелившееся до стены гор и безмятежного озера. Очевидно, это была жизнь, целый клубок, но такая непривычная, что Джошуа с трудом различал детали. Может, те вертикальные структуры с лохматыми верхушками были

какими-то деревьями или большими грибами. Но нет, одно из них начало двигаться — причудливо, плавно скользя по земле. А то, что выглядело как лужок у озера, покрылось рябью, запульсировало и потекло к воде. Размером с акр, оно двигалось как единый организм.

«Дядюшка Артур» лязгнул и содрогнулся.

— Метеозонд запущен, — объявил Лобсанг.

— Вы уже достали!

— Простите, капитан. Я вижу здесь жизнь, Джошуа, но не такую, к какой мы привыкли.

— Крылатая фраза.

— Да сколько можно?

— Хотя он прав.

— Я вижу в иллюминаторе, как поднимается большая луна, — воскликнул Ян. — С оболочкой.

— Тише, малыш, — рявкнула Мэгги. — Сиди, пока я не скажу, что двигаться безопасно.

— Опять же, — заявил Лобсанг, — воздух представляет смесь кислорода, азота и воды, не вполне пригодный для дыхания и в некоторой степени кислотный. Очевидно, нас заносит в миры, похожие на наш, со схожим химическим составом, но не вполне идентичные. Критерии, которые мы определяем для жизненных царств Земли: бактерий, животных, растений, грибов — здесь

могут быть неприменимы. Все выглядит довольно странно. Я бы не советовал работать за бортом, если только нет насущной необходимости, поскольку мы не знаем точно, куда перешли.

— За бортом? Оставь этот жаргон Джона Гленна[16]. Еще не разобрался, куда мы попали? По-прежнему в Плеядах?

— Думаю, мы зашли чуть дальше, капитан. Поймете, если посмотрите вверх.

Джошуа неловко подался вперед и глянул на зенит, где даже при большом заходящем солнце были видны звезды. Но такого звездного неба не было ни в одном мире Долгой Земли, равно как и в Плеядах. Небо густо усеивали звездоподобные объекты, но некоторые при более внимательном рассмотрении оказались звездными скоплениями: небо заполняли тысячи Плеяд.

Были здесь и структуры побольше. Почти в самом зените сиял огромный желто-оранжевый круг света, похожего на светящийся газ. Круг был комковатый, неровный, разорванный. Внутри внешнего круга находился другой, поменьше, тоже почти правильный. Чуть сбоку от центра обоих кругов светилась точка, похожая на звезду,

[16] Примечания: 16

Джон Гленн (1921–2016) — первый американский астронавт, совершивший орбитальный космический полет.

но более яркая — настолько, что слепила глаза. Когда глаза Джошуа привыкли к свету и он попытался смотреть не прямо в центральную точку, он смог разглядеть подробности: широкие полосы багровых облаков, более мелкие грязно-зеленые участки и, похоже, скопление звезд, роящихся как светлячки вокруг невероятно яркой центральной точки. Для Джошуа это выглядело странно неправильно. Как повреждение: разрушенное небо.

— Господи, — вырвалось у Мэгги. — Лобсанг, сколько звезд видно невооруженным глазом на нашем ночном небе? Несколько тысяч? — Она пальцами выделила в рамку участок неба. — Здесь должны быть десятки, сотни тысяч.

— Мы в центре Галактики, — просто ответила Индра.

Джошуа ахнул и увидел потрясение на лице Мэгги.

— Не совсем в центре, — спокойно возразил Лобсанг и показал вверх. — Если это центральная черная дыра, тогда, судя по яркости, мы где-то в пяти тысячах световых лет.

— Значит, примерно в двадцати тысячах световых лет от дома, — заметила Индра. — Как минимум.

Ли рассмеялась.

— В Космо-Д ни за что в это не поверят.

— Лобсанг, насколько мы в безопасности? — негромко поинтересовалась Мэгги.

— Хороший вопрос. Эта планета купается в высокой радиации, рентгеновских и гамма-лучах. Поблизости часто взрываются сверхновые. В какой-то степени нас защищает корпус «Дядюшки» и, возможно, атмосфера планеты, но задерживаться здесь надолго нельзя. Я осматриваю мир сверху с зонда. Перед всеми вами на стене есть планшеты. Ну, кроме тебя, Ян Родерик.

— Ух.

— Прости. И кроме тебя, Санчо…

На своем планшете Джошуа словно бы сверху увидел ландшафт, усеянный кратерами. Но он не был серым и мертвым, как лунный, и даже не как в мире Плеяд. Это изображение изобиловало красками и деталями. Некоторые кратеры заполняли озера, которые блестели в звездном свете, как монеты, и местная серо-зеленая жизнь переваливалась через окружающие горные хребты.

— Похоже, что здесь Луну терраформировали, — произнес он.

— Кстати, о лунах, — вставил Ян, но на него никто не обратил внимания.

— Из-за того, что поблизости так много звезд, —

сказал Лобсанг, — сюда во множестве прилетают кометы, нередки столкновения с ними. Часто происходят массовые вымирания. Но вымирания могут подстегивать эволюцию…

— Если вообще выживешь, — добавила Мэгги.

— Пожалуйста, посмотрите в иллюминатор! — закричал Ян. — Простите.

Они наконец послушались. Ян таращился на участок горизонта, который остальные не заметили.

Джошуа увидел восходящую луну. Огромную, жирную, слегка вытянутую, с цветными полосами на поверхности. И вокруг нее была оболочка: растрескавшаяся, раскрошившаяся по краям, а внутри находился газовый шар. Но определенно это была оболочка.

Оболочка вокруг мира.

— Да, не каждый день такое увидишь, — пробормотала Мэгги.

— Ничего себе луна! — воскликнул Ян. — Я же вам говорил.

— На самом деле, — сказал Лобсанг, — я думаю, ты поймешь, что этот мир — луна того газового гиганта.

— Не надо спеси, Лобсанг, — усмехнулся Джошуа. — Ты это абсолютно прозевал.

— Хватит подкалывать, — резко сказала Мэгги. — Мне интересно — что это за оболочка?

— Явно искусственная, — ответил Лобсанг, рассматривая телескопическое изображение на планшете. — Там, где она открыта, на изнанке видна какая-то ребристость. Если хотите, у меня есть для этого название: сверхмировая среда обитания.

Мэгги обдумала слово.

— Сверхмировая. В смысле над миром?

— Такие вещи уже изучались гипотетически. Например, подобная оболочка вокруг Сатурна была бы в сто раз больше поверхности Земли и имела бы примерно земную силу тяжести.

— Ты говоришь «изучались». Вряд ли при этом учитывались детали строительства такой штуковины.

— Зато вы видите, для чего она служит, — заметил Дэв. — Это убежище.

— А, ну конечно, — отозвался наконец Лобсанг. — Я об этом не подумал. Убежище от этого смертоносного неба. Чтобы жить внутри. На внешнюю поверхность можно нанести покрытие, чтобы улавливать энергию местного солнца. А внутри вы защищены от излучения сверхновых звезд и прочего. Даже убивший динозавров

астероид прошел бы насквозь, оставив дыру, которую вы успели бы залатать прежде, чем воздух улетучится.

— Но все разрушено, — сказал Ян. — Куда все делись? Они вымерли?

— Может, они продвинулись, — предположил Лобсанг. — Стали какими-то высшими существами, для которых даже оболочка вокруг газового гиганта — просто игрушка.

— Круто, — воскликнул Ян.

Мэгги издала смешок.

— Современные дети. Это все, что ты можешь сказать? «Круто»?

— И что теперь? — поинтересовался Дэв. — Думаю, мы можем исследовать этот мир последовательно.

Лобсанг покачал головой.

— Наверняка любая последовательная копия также будет близка к центру Галактики и не подойдет нам. Давайте двигаться дальше.

— Опять на север? — уточнила Индра.

— На север. У нас есть запасы, воздух, энергия по крайней мере на один прыжок.

— Хорошо. Всем пристегнуться, — объявила Мэгги. Когда все уселись, она повернулась к Лобсангу: — Я не понимаю, почему мы так пере-

скакиваем. Разве Плеяды не дальше от центра Галактики, чем Солнце? Я проверила по планшету. И затем мы приходим сюда, в самое сердце.

Сверху ответила Индра:

— Мы движемся через переплетение Долгих миров. Так почему расстояние через него, если переходить прыжком, должно соответствовать пространственному расстоянию, галактической географии? Расстояние определяют соотношения между элементами клубка. В физике существуют теории относительности, которые описывают всю нашу субъективную реальность, даже категории пространства и времени, как эмерджентные свойства отношений между более фундаментальными объектами…

— Поняла, — быстро сказала Мэгги. — Это сложно. Давайте посмотрим, что там еще есть. Дэв, Индра, вы готовы?

— На следующей остановке, — пробормотал Джошуа, — мне нужно будет сходить в туалет.

— Нам с тобой тоже, малец, — отозвалась Мэгги. — И плевать на инопланетян возрастом в миллиард лет…

* * *

Кабину заполнил яркий свет,
Тошнотворное ощущение падения,
И сильнейший всплеск.

* * *

За иллюминатором было темно, «Дядюшка» нырнул носом и крутанулся. Джошуа вцепился в кресло, жалея, что не посетил туалет раньше.

— Лобсанг, докладывайте! — проревела Мэгги.

— Мы под водой, — отозвался тот. — Или, если быть точным, погрузились в какую-то жидкость…

— Это вода, — крикнул вниз Дэв. — Получаю данные. Соленая, но не кислотная. Как морская вода на Земле.

— Мистер Биланюк, выровняйте нас, — скомандовала Мэгги.

— Уже делаем, капитан. У нас на носу есть воздушные мешки, чтобы стабилизировать шаттл, и под днищем плавучий хомут. Давление не слишком высокое. Шаттл выдержит нагрузки и посильнее… Давление уже падает.

— Мы поднимаемся, — сказал Лобсанг.

— Знаю, — отозвался Джошуа. — Мой мочевой это чувствует.

Внезапно они вырвались на воздух. Сквозь стекающую по иллюминатору воду Джошуа разглядел ярко-голубое небо.

— Мы на поверхности! — объявил Дэв.

— Но в таком случае почему мы по-прежнему поднимаемся? — спросила Ли.

Подавшись вперед, Мэгги всмотрелась в иллюминатор.

— Потому что мы на каком-то острове. И он поднимается.

— Круто! — воскликнул Ян Родерик.

— Ух! — поддержал тролль.

Джошуа с Лобсангом с изумлением переглянулись.

— Всплывающий остров? — переспросил Лобсанг.

— Ты думаешь то же, что и я? — ответил Джошуа.

Глава 60

«Дядюшка Артур» стоял слегка под наклоном на четырех ногах на пологом пляже, куда его вынесло приливом. Отступающее море мягко плескалось по берегу. Освещение снаружи было жутким: багровые сумерки. Если верить Лобсангу, солнце в этом мире еще не взошло. Небо напоминало неудачный спецэффект: загроможденное яркими звездами и огненными облаками, через которые, словно сквозь вуаль, просвечивало еще больше звезд. Джошуа понятия не имел, где находится. Это не небо центра Галактики. С другой стороны, это также и не обычное земное небо. Тем не менее, если не считать света, этот мир удивительно походил на Землю. Даже сила тяжести казалась нормальной…

И вдалеке в море маячила спина похожего на низкий остров транспортера, который поднял капсулу из глубины. Всего лишь силуэт, и его величавое движение было заметно, только если несколько минут внимательно присматриваться, выглядывая из маленького иллюминатора.

— Так вот куда ушли транспортеры, — сказал

Джошуа. — Но почему?

— Полагаю, потому что их пригласили, — ответил Лобсанг — Даже если мы не больше осведомлены об их форме Приглашения, чем они о нашей. — На взгляд Джошуа, он говорил с неприятным торжеством. — Джошуа, я всегда подозревал, что было какое-то вмешательство в эволюцию этих созданий. Кто-то превратил их в коллекционеров. Собирателей образцов. Кураторов, если хотите. Ожидающих зова с небес. И когда зов прилетел, они ушли с помощью какой-то своей суперпереходящей способности. Вместе с живым грузом, что собрали в Долгих мирах, из которых явились.

— Мирах, Лобсанг?

— Конечно. Почему бы не применить ту же стратегию в других мирах? Может, этот океан делят транспортеры с других умеренных, водных планет вроде нашей? А может, есть и чуждые океаны, где ты встретишь кураторов из аммиачных океанов миров наподобие Европы или даже из кислотных облаков миров типа Венеры?.. Думаю, это самое полное выражение способности к переходам, Джошуа. Мы очутились на перекрестке Долгих миров различных типов, с очень разными типами разумных обитателей.

Как и многое из того, что говорил Лобсанг с самого начала их отношений, это не укладывалось в голове Джошуа. Он попытался представить.

— Как карта метро? Все те линии, пересечения…

— Что-то вроде того, — по-доброму согласился Лобсанг. — Но этот мир в каком-то смысле — шаг за пределы. Место, где пересекаются линии многих миров, множественная узловая станция, вот почему транспортеры способны собираться, приходить из многих миров. Это Центральный вокзал Галактики, Джошуа. Кстати, воздух пригоден для дыхания.

* * *

Они открыли люк «Дядюшки Артура» и выбрались наружу.

Почти без предварительного обсуждения они вытащили из капсулы снаряжение: пару палаток, спальные мешки и одеяла, бутылки воды и пакеты с едой, фонари, москитные сетки. В любом случае нужно остаться на несколько часов, чтобы обновить запасы воздуха, и помимо этого со всеобщего согласия, как показалось Джошуа, они решили провести здесь некоторое время, поесть, возможно, заночевать. Не годится спешить

домой, не попытавшись провести хоть немного исследований.

— Но потом мы направимся прямиком домой, — строго сказала Мэгги. — Мы совершили эти три суперперехода и пережили их. Мы достаточно рисковали. Мы выполнили задачу, доказали, что новый способ путешествий возможен, и теперь обязаны вернуться на Землю, рассказать, что мы нашли, сфотографироваться с президентом Дамазио. Остальное предоставим будущим экспедициям.

— На самом деле будущим поколениям, — мрачно добавила Индра Ньютон. — Эта сеть Долгих миров может оказаться бесконечной. Это будет не исследование, а миграция. Причем беспредельная.

— Миграция в Клубок, — пробормотал Лобсанг, вглядываясь в странное небо. — Переплетение Долгих миров вокруг центра Галактики. Клубок — подходящее слово?

— Сойдет, — сказала Мэгги.

Ян Родерик уставился на Лобсанга, который пялился в небо. До Джошуа дошло, что мальчик впервые так близко к Лобсангу.

— Мистер, вы такой забавный.

Лобсанг посмотрел вниз.

— Ну, ты тоже.

— Вы робот?

— Долгая история.

Ян потрогал ногу Лобсанга.

— Уверен, вы даже не живой.

— Я живой.

— Докажите.

Лобсанг наклонился, упершись ладонями в колени.

— Что ж, это сложновато. Ты можешь разобрать меня по молекулам и не найти ни единственной частицы жизни или разума. С другой стороны, я то же самое могу сделать с тобой.

Ян обдумал это.

— Хороший ответ.

И побежал по пляжу.

Лобсанг пристально посмотрел на Джошуа.

— Вот мальчуган!

— Сестры держат его в ежовых рукавицах.

Санчо побрел прочь, один медленный шаг за другим, оглядывая небо, землю, океан. Тролль развел могучие руки, словно радуясь освобождению из тесноты капсулы, и опустил плечи.

— Ух!

Джошуа взял троллий зов и поковылял к нему.

— Приятель, как ты себя чувствуешь?

Санчо оскалил зубы и поднял большие пальцы.

— Хорошо, да? Но — стесняюсь спрашивать такое у библиотекаря — ты знаешь, куда попал?

— Домой, — ответил тролль.

— Домой.

Джошуа подумал, что понимает, что он имеет в виду. Дом — это не то место, где ты родился, а место, куда ты приходишь. Вот чем был «Клубок» Лобсанга. Как Приют на Союзном проезде. Это была очень приятная мысль.

— Что ж, об этом всегда говорили — Приглашение было не только для людей…

— Привели Санчо.

— Очень приятно, здоровяк.

И Санчо пошел дальше по пляжу, негромко напевая. Джошуа не был знатоком, но решил, что это мотив песни «Засунь заботы в заплечный мешок»[17].

* * *

После короткого обсуждения «взрослые» — Мэгги, Лобсанг и Джошуа — решили прогуляться к гряде осыпавшихся холмов в глубине суши.

---

[17] Примечания: 17
Английский марш времен Первой мировой войны.

«Молодежь» — Ли, Дэв и Ян — очевидно, была не прочь выпустить пар. Они скинули обувь и принялись играть в футбол на пляже. Только Индра отказалась присоединиться к своей возрастной категории; серьезная юная Следующая сказала, что для нее важнее исследовать этот новый мир.

Мэгги напутствовала футболистов:

— Ладно. Мы вернемся через пару часов. Если хоть что-то покажется слегка подозрительным, вернитесь в капсулу, закройте люк и продуйте воздух. И сделайте проверку на токсины на случай, если мы что-то упустили. Понятно?

— Мэм.

— Не слышу…

— Капитан, так точно, капитан!

— Кроме того, не пейте воду. Морская все равно соленая, но не прикасайтесь и к пресной. Не ешьте ничего местного. Живых организмов здесь мало, но в жуках, которых проверил Лобсанг, нет наших аминокислот и нет пригодных для нас белков…

— Капитан, это просто слизь. Мы не собираемся ее есть.

— Нет, и она вас есть не собирается. Даже если вы ее случайно проглотите, она прямиком пройдет через пищеварительный тракт. Но мы

не будем испытывать судьбу.

— Нет, мэм.

— Будем налегать на пайки, которые взяли с собой. Да?

— Мэм.

— Не слышу…

— Капитан, так точно, капитан!

Молодежь побежала за Санчо, а Мэгги присоединилась к Джошуа.

— Не могу поверить, что они взяли в космос футбольный мяч.

— Не могу поверить, что они берут вратарем тролля, — сказал Джошуа.

— Но с другой стороны, если мы прозевали целого десятилетнего мальчишку в грузовом отсеке.

— Одиннадцати…

— То по сравнению с ним протащить на борт футбольный мяч — это пустяк.

К ним подошел Лобсанг. Вся команда несла маленькие рюкзаки, но у Лобсанга был какой-то навороченный, поблескивающий линзами датчиков.

Когда они надели рюкзаки, Джошуа, опираясь на трость, потер инопланетный песок носком здоровой ноги.

— Итак, идем через Звездные врата, а, Лобсанг?

— Идем.

— Куда мы, черт побери, попали? Полагаю, у тебя есть идеи.

Лобсанг поднял голову к зловещему небу. Сияние звезд приглушали цветные облака, а от света единственной ослепительной точки отбрасывались тени.

— Полагаю, на полпути домой. Иначе говоря, далеко от центра Галактики. Я сужу по небу над головой и по расположению видимых звезд, которые, согласно нашим спектроскопам, содержат больше тяжелых элементов, чем звезды, которые ближе к Солнцу. Навскидку мы где-то в четырнадцати тысячах световых лет от ядра. Примерно в двенадцати тысячах световых лет от Солнечной системы.

Индра поправила:

— Это при условии, что мы движемся по одному и тому же радиусу. Внутрь и наружу, ближе и дальше от центра.

— И правда. Галактика обладает осевой симметрией.

— Тем не менее, — вмешался Джошуа, — мы стоим на пляже, под ногами песок, плещут волны.

— Универсальная формация, Джошуа.

— Надо думать. — Он посмотрел на пляж, на футбол. Крики молодежи и уханье тролля поднимались в тишине, нарушаемой только плеском волн. — Капсула выглядит очень не к месту.

— В то время как эти дети тут как дома, — добавила Мэгги. — И чертов тролль.

— В самом деле. Как и транспортеры в океане. Итак, прогуляемся?

Глава 61

Это была довольно обычная прогулка, несмотря на экстравагантное психоделическое небо над головой.

Они шли вверх по пляжу через песчаные гряды. Мэгги бодро шагала впереди. Лобсанг — следом за ней, оптика и прочие датчики гудели и вращались у него на рюкзаке.

Джошуа был рад плестись в арьергарде, опираясь на проклятую трость и не желая никого задерживать. Тем не менее Индра Ньютон шла рядом с ним, и Джошуа чувствовал, что она не спускает с него глаз. Его раздражало, что кто-то считает, будто за ним нужно присматривать. Но, с другой стороны, он был тронут — не ожидал такой заботливости от суперумного Следующего вроде Индры. Что ж, люди всегда удивляют.

Однако прогулка по песку была нелегкой работой. Джошуа все время вспоминал тот отчаянный поход по другому пляжу, в мире деревьев-Иггдрасилей.

Ему стало чуть легче, когда они выбрались из сухого песка в верхней части пляжа и земля стала

тверже. Песок здесь порос каким-то зеленоватым мхом, хотя Джошуа под этим странным небом не доверял цветовым ощущениям.

И затем он чуть не споткнулся, когда трость проломила какую-то корку и провалилась в землю. Индра схватила его под руку, чтобы не дать упасть.

Он обнаружил под ногами разворошенное гнездо, усеянное клочками мха, из которого прямо на него смотрело какое-то животное с детенышами. Джошуа вспомнил гнезда кротокроликов, которые Санчо научил его проламывать, но это животное ничем не напоминало кротокролика. Пару футов длиной, с шестью короткими и толстыми, почти треугольными конечностями, торчащими из туловища, оно чем-то походило на большую морскую звезду, покрытую ярко-синим мехом. Но в туловище был рот, и на пришельца уставились три очень человеческих глаза. Вокруг сновали три, четыре, пять более мелких копий извивающихся морских звезд размером с монету. Джошуа рассмотрел это в одно мгновение.

Большая Мамаша открыла маленький рот и зашипела на чужака. Малыши с визгом вскарабкались на нее, она подняла конечности и собралась в меховой шар, закрыв молодняк

внутри. Затем она выкатилась из разрушенного гнезда и, двигаясь с отменной скоростью, исчезла за изгибом дюны.

— Вижу, вы заводите друзей, Джошуа, — сухо сказала Мэгги.

— По крайней мере, пока никто никого не убил.

Когда они пошли дальше, Индра сказала:

— Значит, жизнь. Но непохоже, что здесь очень много жизни. На тех дюнах не растет ничего напоминающего траву. — Она посмотрела в глубь суши на голые, изрытые эрозией холмы. — Я не вижу ничего похожего на деревья, хотя они, наверное, представляют универсальную биологическую форму. И никаких животных, за исключением этих… морских звезд мистера Валиенте. Даже океан кажется относительно безжизненным, конечно, если не считать транспортеров.

— Ты почти права, — ответил Лобсанг. — На самом деле животных здесь больше. Вдалеке — мое усиленное зрение это улавливает, но вы можете не увидеть — там еще морские звезды, большие, пасутся на склоне того холма…

Джошуа стал всматриваться в указанном направлении, но разглядел только огромные тени,

движущиеся в багровом свете.

— Значит, мир морских звезд, — пробормотал он.

— Думаю, относительно недавно эта планета испытала массовое вымирание, — сказал Лобсанг. — Возможно, из-за вспышки сверхновой. Отсюда такая разреженность жизни и явное преобладание одной группы животных. Морским звездам посчастливилось выжить, возможно, благодаря очевидной привычке зарываться в землю. Что-то похожее произошло на Базовой Земле после массового вымирания четверть миллиарда лет назад. В слоях последующего периода не нашли ничего, кроме костей животных, которых биологи назвали листрозаврами — они похожи на уродливых свиней.

Мэгги насмешливо произнесла:

— Мистер, как заметил бы любой ученый, с которым я когда-либо летала, чертовски много предположений на основании незначительного факта.

— Верно. Но, за недостатком других свидетельств, можно предположить, что посещенное место типично для мира в целом.

— Но если вы правы, — заметила Индра, — то мы попали не в типичную эпоху. Разве что мы

прибыли сразу после массового вымирания… Если только…

Лобсанг улыбнулся.

— Давай. Примени дедукцию.

— Если только массовое вымирание здесь обычное явление. Тогда мы попали как раз в типичное время.

— Неплохо. Думаю, так и есть. Идемте же. — На этот раз он пошел впереди, пробираясь в глубь суши к более далеким холмам. — Вероятно, мы вблизи внутреннего края Рукава Стрельца. Это один из главных очагов рождения звезд в Галактике, очень активное место, в отличие от спокойной части спирального рукава, в котором находится наше Солнце. Ну, как вы сами можете видеть в небе.

— А, и поблизости так много сверхновых. Почти такое же опасное место, как и центр Галактики. Должно быть, на этот мир периодически обрушивается радиация и поток высокоэнергетических частиц.

— Тогда нечего надеяться найти здесь остатки разумной жизни… — проворчал Джошуа.

— Вовсе нет, — возразила Индра. — Этот мир должен быть Долгим, или мы бы сюда не попали. А без разумных существ мир не может быть

Долгим.

— Совершенно верно, — согласился Лобсанг. — Джошуа, в истории Галактики была великая волна рождения звезд, исходящая из центра. Поэтому чем ближе мы к центру, тем старше миры и солнца. По моим оценкам, этот мир на миллиард лет старше Земли. И в таком древнем мире сложная жизнь и разум могут возникать снова и снова, несмотря на бомбардировку массовыми вымираниями. Цивилизации здесь подобны детям, растущим на минном поле, и тем не менее некоторые из них, видимо, вырастают и процветают и добиваются великих свершений. Иначе нас бы здесь не было, Клубок не мог бы существовать.

Джошуа нахмурился.

— Это каких же «великих свершений» они добились, Лобсанг? Я вообще не вижу здесь никаких признаков разума.

— Их может быть трудно распознать. Может, даже морские звезды были смоделированы затем, чтобы приспособиться к подземному образу жизни. Так что, если случится самое худшее, то они хотя бы выживут.

Мэгги покачала головой.

— Легкомысленное теоретизирование. Хотя забавное. Но мой желудок начинает легкомыс-

ленно строить теории насчет обеда. Лобсанг, долго нам еще идти?

Лобсанг посмотрел в глубь суши и поднес к своим искусственным глазам навороченный бинокль. В том направлении на небе занималась заря и зловещий фон звезд и межзвездных облаков бледнел. Джошуа подумал, что скоро взойдет солнце.

— Еще немного, — ответил Лобсанг. — Кажется, я вижу что-то на вершине следующего холма.

— Тогда туда, — сказала Мэгги и повела остальных.

И опять Джошуа, стиснув зубы, двинулся за ней. Индра шла рядом с ним.

Они взобрались на невысокий утес и застыли на месте.

На ближайшем холме они увидели на жутком фоне местного неба группу темных полос — узкие, вертикальные, черные.

Монолиты.

Глава 62

Путешественники поправили рюкзаки и торопливо зашагали через последнюю долину. Джошуа старательно ускорял шаг, хотя особой надобности в этом не было — он поспевал за остальными.

Они больше не разговаривали, пока не остановились, тяжело дыша, у подножия огромного сооружения.

Монолиты. Пять штук.

— Не верится, — выдохнула Мэгги.

— Ого, — сказал Джошуа. — А еще там парень в костюме обезьяны подбрасывает кость в воздух…

— Заткнитесь, Валиенте.

— Простите, капитан.

— На них какие-то надписи, — проговорила Индра. — Я узнала конструкцию.

— Полагаю, как и все мы, — иронично сказал Лобсанг.

— Марс? — спросила Мэгги.

— Да, — ответила Индра. — Похоже, конфигурация в точности такая же, как и у монолитов, которые нашла на Долгом Марсе экспедиция Уиллиса Линдси.

Мэгги нерешительно прикоснулась к камню голой рукой. Поверхность покрывали символы, похожие на руны, каждый элемент размером с человеческую голову. Надпись была отчетливой, словно сделана лазером, и, казалось, нисколько не выветрилась со временем.

— Большие камни, — сказала Мэгги. — И на них много символов. Много информации, да?

— Как и на марсианской версии, — рассеянно ответил Лобсанг. — Сравниваю с изображениями, которые привез Линдси. Символы выглядят похожими — один и тот же алфавит, — но послание, видимо, иное.

— Никто не знает, о чем могут поведать марсианские монолиты, — заметила Мэгги. — Невзирая на четверть века изучения. Верно?

— Уиллис Линдси полагал, что достиг некоторого прогресса, — пробормотал Лобсанг.

— Да что вы говорите? — с легкой насмешкой произнесла Мэгги.

— Возможно, перед нами элементы ключа. Если мы сопоставим эти надписи с марсианскими, и после дальнейшего изучения…

— Но ключ к чему, Лобсанг?

Он только улыбнулся.

— Думаю, узнаем, когда он у нас будет.

Джошуа попытался осмыслить парадокс монолитов.

— Уиллис и Салли путешествовали по последовательным мирам Долгого Марса. И это был Марс, до которого надо добираться не с Базовой Земли, а из Дыры, расположенной далеко от Базовой через последовательные Земли. Между тем мы здесь перешли в центр Галактики и наткнулись на копию того, что нашли Линдси.

— У меня сейчас голова взорвется, — сказала Мэгги. — И виноват будет тот, кто скажет, что это потому, что я пытаюсь представить пятимерный космос своим трехмерным мозгом.

— Но я думаю, суть именно в этом, Мэгги, — улыбнулся Лобсанг. — Такова жизнь в Клубке. Все эти Долгие миры переплетаются. Нам придется привыкнуть ко вселенной, в которой нет простых связей.

— Он имеет в виду, что это в точном математическом смысле, — тихо сказала Индра.

— Спасибо, — иронично отозвалась Мэгги. — Что ж, по крайней мере этот памятник неизвестно чему сгодится на то, чтобы пообедать в его тени. — Она открыла свой рюкзак, уселась на землю у подножия монумента и достала пластиковые коробки. — У нас тут полевой военно-морской

паек. Сэндвичи. Куриный паштет, паштет из тунца или… паштет.

Лобсанг принялся открывать свой рюкзак.

— Может, стоит отложить такие деликатесы на потом? Я тоже захватил угощение. Джошуа, поможешь? Не нужно разводить костер, у меня есть маленькая походная плитка.

Джошуа увидел замороженные устрицы, бекон и даже вустерский соус.

— Устрицы Килпатрик, — объявил он с усмешкой.

— Подходящее меню, — сказал Лобсанг. — В честь отсутствующего друга.

— Не хватает только стада загорающих динозавров, и можно вернуться на сорок лет назад…

Затрещало радио.

— Капитан Кауфман, Биланюк. Прием, капитан, вы меня слышите?

Мэгги раздула щеки.

— Запомните эту мысль, мистер Валиенте. — Она нажала кнопку на своем рюкзаке. — Мы здесь, Дэв. Валяй.

— Спасибо, адмирал, — ответил Дэв. — Мэм, вам нужно вернуться. Мы не знаем, как они здесь очутились. Может, один транспортер зовет другого в этом их большом океане. Может, нас как-то

узнали, или по крайней мере вас, или Джошуа… Я не знаю. В любом случае он здесь. Они здесь…

Лобсанг с Джошуа переглянулись.

— Думаю, устрицам придется подождать, — с сожалением сказала Мэгги.

Глава 63

Джошуа увидел их еще до того, как они вернулись к пляжу, где «Дядюшка Артур» по-прежнему стоял на склоне.

В море теперь находился не один транспортер, тот живой остров, который поднял «Дядюшку» из бездны. Теперь их толпилось много — возможно, дюжина или даже больше. В океанской дали было трудно различить низкие спины чудовищ.

— Архипелаг, — сказала Мэгги. — Архипелаг транспортеров. Подходящее слово, правда? И посмотрите, как они сталкиваются друг с другом.

— Резвятся, — добавил Джошуа. — Существа размером с острова, по-видимому, пришедшие сюда через множество миров, резвятся в компании. В любой другой день это показалось бы странным.

Но вот Джошуа заметил, что один из транспортеров подошел к берегу ближе остальных. Большие блестящие клапаны на спине открылись, и оттуда прогулочным шагом вышли обычные люди. Некоторые залезли в примитивные лодки, которые достали из глубин транспортера, и по-

плыли к берегу.

Экипаж «Дядюшки Артура» наблюдал разинув рот.

Вышедшей на пляж женщине на вид было лет тридцать, рядом с ней шагал мальчик лет десяти. Полностью обнаженные, босые, с ногами, покрытыми песком и водорослями, они отважно встретили путешественников в высокотехнологичных костюмах. Мальчик с изумлением пялился, вцепившись в руку матери.

— Ты же знаешь, кто это? — спросил Лобсанг.

— Мне кажется, ты его пугаешь, Лобсанг, — проговорил Джошуа. — Предоставь это мне.

Он вышел вперед, старательно улыбнувшись.

— Люсиль? Трой?

Женщина коротко кивнула.

— Меня зовут Джошуа Валиенте. Это Лобсанг. Трой, твой дедушка, Нельсон Азикиве, просил отыскать тебя. Что ж, я точно не знаю, как это вышло, но вот мы здесь.

— Ха! — женщина ни капли не удивилась. — Вы не очень-то спешили.

Глава 64

Посредством межзвездных прыжков «Дядюшка Артур» вернулся на Запад-3141592.

Большую часть путешествия Джошуа старался объяснить своим новым гостям, Люсиль и Трою, какого черта с ними произошло и, да, как он найдет способ вернуть их когда-нибудь домой, в их океан в семистах тысячах переходов от Базовой, к Сэму и брошенным на берегу рыбакам.

И когда «Дядюшка» вернулся в Малый Цинциннати, в кои-то веки в центре внимания оказался не компьютер размером с континент. Небо над базой ВМС заполнял твен, и, как видел Джошуа, не просто какой-то твен, не корыто с Ближних Земель, не видавшая виды баржа с Долгой Миссисипи, даже не новейшее судно американских ВМС — это был небесный остров, громадный, с искусственным освещением, поблескивающим через порты в укрепленном днище. И его оболочка была не из какой-нибудь ткани, а из дерева, огромных деревянных панелей. Словно гигантский предмет мебели.

Выбравшись из «Дядюшки», Ян Родерик выта-

ращил глаза и разинул рот.

— О Господи!

Джошуа ухмыльнулся.

— Нормальная реакция.

Ли с Дэвом, оба любители техники, тоже глазели на дирижабль.

— Ого! — просто сказал Дэв. — Эта штука, должно быть, в милю длиной.

— Даже немного длиннее, — ответила Мэгги. — Мои юные исследователи, это корабль ВМС США «Сэмюэль Л. Клеменс». В пять с лишним раз длиннее «Дьюка». Дуглас Блэк, построивший этот опытный образец, задолжал мне несколько услуг…

— Блэк, — повторил Лобсанг. — Я так и знал.

Джошуа щелкнул пальцами.

— Парящая древесина. Вот что держит этот чертов дирижабль. Я знал, что ее обнаружат.

Мэгги поджала губы.

— Мистер Валиенте, я тоже когда-то мельком видела те леса с борта «Армстронга-2». После того как вы вернулись со своим отчетом, нельзя было упустить возможность проверить еще раз. Мистер Блэк заверил меня, что вырубка не нанесет миру большого вреда. А вы разве не слышали об этом обещании? Как бы то ни было, меня проин-

формировали, что он прилетит, чтобы отвезти вас домой. И, опять же, я подумала, что мы тоже можем попутешествовать с размахом.

Подошел озабоченный Ян.

— Мне не влетит?

Мэгги смерила его суровым взглядом.

— За то, что путешествовал зайцем? Если и влетит, разве оно того не стоило?

Ян поразмыслил.

— Черт, конечно.

Джошуа прочистил горло.

— Хороший ответ, малыш. Но только представь, что сестра Иоанна услышит все твои выражения. Я в шесть раз старше тебя и по-прежнему считаю, что монахини обладают суперспособностями.

— Никому не влетит, — заверила Мэгги. — Но тебе, молодой человек, нужно вернуться домой. В школу. А мне нужно вернуться в Перл-Харбор на Базовой, чтобы отчитаться перед Эдом Катлером, моей собственной матерью-настоятельницей.

— Но вы еще не уезжаете, — раздался интеллигентный голос. Подходили Роберта Голдинг и Стелла Велч. Роберта улыбнулась Мэгги. — Надеюсь, вы уделите нам пару часов, чтобы обсудить ваши приключения. Мы уже загрузили отчеты с «Дядюшки Артура», но считаем, что ваши личные

впечатления о планетах, которые вы посетили, также будут полезными, хотя и наивными.

— Спасибо, — с усмешкой ответил Дэв.

Индра выдала Роберте тираду на быстроговоре.

Мэгги заворчала, недовольная тем, что ее исключили из беседы.

— О чем вы там болтаете?

— Прошу прощения, адмирал, — спокойно извинилась Роберта. — Мы уже пришли к некоторым заключениям на основе доклада Индры. Похоже, Долгие миры не сконструированы намеренно, а представляют результат взаимодействия между разумом и структурой самого космоса. Настолько же изощренного, как и совместная эволюция пчел и цветковых растений. И теперь просматривается Галактический клуб — сообщество инопланетных разумов в великолепной топологии Клубка. Разумеется, многие из этих разумов более развиты, чем наши. Я имею в виду, более развиты, чем у Следующих.

— Разумеется, — с непроницаемым лицом подтвердила Мэгги.

— Индра при всей ее юности пришла к очевидным выводам. Мы должны пересмотреть наши отношения с другими разумными существами,

с которыми делим Долгую Землю. С людьми, троллями и другими человекообразными, даже с биглями. Индра предлагает созвать некий Конгресс, представляющий всех нас на равных правах. Конгресс Разумных.

— Хорошо, — ровно произнес Лобсанг. — Потому что вы привлекли внимание других. И в будущем вас осудят за ваше нынешнее отношение к Homo sapiens.

Джошуа усмехнулся.

— Разве ваш герой Стэн Берг не пришел к таким же заключениям, даже не тратя сил на покорение Галактики? Он ушел из вашей Фермы, он хотел работать с людьми. А вы, насколько я помню, его не слушали.

Роберта подняла руку.

— Согласна. Никто из нас не идеален. В будущем мы можем только стремиться поступать лучше. Мы уже планируем новые экспедиции в Клубок.

— Чтобы исследовать, — улыбнулась Индра. — И колонизировать.

— Аллилуйя, — провозгласила Мэгги. — А я тем временем поднимусь на твен принять душ, переодеться и съесть приличный военно-морской паек. Если хотите пойти со мной, то добро пожаловать.

— Вы очень добры, — ответила Индра торжественно. — Я в самом деле не прочь попробовать приличный военно-морской паек.

Наступило неловкое молчание. Индра Ньютон пошутила.

Джошуа рассмеялся первым.

Когда все разошлись, он отвел Лобсанга в сторонку.

— Лобсанг, вся эта болтовня о том, что Долгая Земля выращивает разумы. Типа Долгая Гея.

— Да.

— Я помню То Самое Путешествие. Ты разобрался во всем этом сорок лет назад.

— Что ж, Джошуа, это правда. Но умники никому не нравятся. — Он медленно подмигнул.

* * *

На следующее утро все на удивление трогательно прощались с Индрой. Она первой покидала экипаж «Дядюшки Артура». Были слезы и обещания оставаться на связи.

Затем Джошуа с Лобсангом взошли на борт «Клеменса» и уселись рядышком в обсервационном салоне, похожем на пещеру под корнями парящего дерева. Санчо тоже был здесь, сидел на охапке соломы, закутавшись в потрепанное

серебристое, как скафандр, одеяло, с солнечными очками Джошуа на носу.

«Клеменс» снялся с якоря и взмыл высоко в небо. Внизу уменьшался Малый Цинциннати, островок голой земли и палаток в простершемся до горизонта океане компьютрония — полупрозрачном, блестящем, повторяющем рельеф континента.

Вошла Мэгги Кауфман с пластиковыми пакетиками кофе в руках.

— Итак, мы в пути. Нужно покрыть три миллиона миров до Запада-5. Держите. С обычным молоком — Джошуа, латте с обезжиренным — Лобсангу, без кофеина — троллю.

— Ух.

Джошуа широко улыбнулся.

— Если вы высадите Яна из этого исполина у Приюта прямо перед его приятелями, у вас будет друг на всю жизнь.

Мэгги проворчала:

— Если он пообещает пойти служить во флот, я буду отдавать ему честь каждый раз, когда он перднет. Не особенно хочу поощрять его за безбилетный проезд, но у мальчугана есть мозги, инициатива и способности. И крепкие нервы. Не думаю, что я бы в десять лет сдюжила полет к

центру Галактики.

— Одиннадцать.

Она отхлебнула кофе и поморщилась.

— Что, кстати, представляет разительный контраст с разношерстной командой стажеров и бывалых моряков на борту этого корабля. Предполагалось, что для «Клеменса» это будет пробный рейс. Черт с ним. Мы пересечем три миллиона миров за три дня, двенадцать часов переходя, двенадцать отдыхая. Имейте в виду, что мы не переходим по ночам. Думаю, Джейн Шеридан не доверяет своим навигаторам найти даже собственные задницы в темноте, не говоря уже о пути на Ближние Земли. К исходу первого дня мы должны быть в Дыре, где высадим Дэва Биланюка и Ли Малоун. Строить в космосе собственное будущее, и успехов им.

— А где сейчас Дэв с остальными?

— Резвятся на тренировочной палубе. Это огромная игровая сотню футов длиной. Пускай выпустят пар и опять побудут молодыми. А теперь, если позволите, мне нужно надрать еще одну задницу…

Она взяла свой кофе и ушла.

Спустя некоторое время Джошуа произнес:

— Чувствую, скоро будет первый переход.

— Еще бы, — ответил Лобсанг.

— Ух, — отозвался тролль.

Джошуа поднял искусственную руку.

— Три, два, один…

Мыслитель исчез, словно какой-то космический волшебник сдернул скатерть.

Открылся ландшафт Запада-3141591. Джошуа увидел реку, холмы, покрытые лесом, в которых преобладал какой-то вид папоротника, и зеленые просеки, где росло что-то не очень похожее на траву. Ниже по реке медленно двигалось стадо каких-то больших травоядных. Это был соседний мир, типичный представитель безымянной группы миров. Но, глядя прямо под твен, Джошуа увидел кучи снаряжения и два ряда палаток. Он предположил, что этот последовательный мир использовался как склад для базы Малый Цинциннати, точно так же, как Ближние Земли вокруг Базовой в первое время после Дня перехода.

Еще один переход, склад исчез, а земля была покрыта немного другой растительностью, другими лесами и лугами. Корабль перешел снова и снова. Зелень начала размываться, река мелькала в различных руслах, как извивающаяся змея. Переходы следовали все быстрее и быстрее.

От мельтешения миров у Джошуа закружилась голова. Солнце сменялось облаками, дождем и опять солнцем. Но когда скорость переходов преодолела определенный барьер, Джошуа перестал ощущать отдельные скачки, и за пределами успокоительной надежности самого твена мир размазался. Основные очертания ландшафта выдерживались — холмы, речная долина, — но жизнь превратилась в серо-зеленый туман, река — в размытую ленту, а небо вокруг солнца, положение которого было постоянным во всех мирах Долгой Земли, превратилось в бледный серебристо-серый купол.

Перемещаясь через бессчетные миры, Джошуа Валиенте чувствовал себя дома.

* * *

После Дыры твен, прежде чем достичь Ближних Земель, сделал еще одну неожиданную остановку: на Западе-3141. В мире, разрушенном сверхновой.

Где большой тролль Санчо захотел сойти с твена.

У него по-прежнему был троллий зов, и он печально сказал Джошуа:

— Песня плохая здесь плохая. Тролли мертвы,

детеныши мертвы. Забыто забыто.

— А, у троллей здесь трудности, и твоя задача помочь им помнить, кто они такие…

Тролль посмотрел прямо в глаза Джошуа. Вглядываясь в эволюционную пропасть глубиной в миллионы лет, Джошуа чувствовал, будто смотрит в кривое зеркало.

— Мэтт. Род, — сказал Санчо и похлопал себя по голове. — Не забыть. Никогда.

Затем, подхватив троллий зов, он как орангутан выкатился через открытую дверь и исчез.

* * *

Лобсанг стоял вместе с Джошуа у обсервационного окна, попивая новую порцию военно-морского кофе. Серебристое спасательное одеяло тролля кучей лежало на столе.

— Без него словно чего-то не хватает, — заметил Джошуа.

— Да.

— Хотя воздух свежее.

— Смотри, какое зрелище это небо, — пробормотал Лобсанг. — Злое, грозное.

— Стейнман. — Джошуа уставился на него, пытаясь припомнить название трека. Когда-то он знал наизусть все стихи этого человека.

Лобсанг в ответ только смотрел на него.

Джошуа давно знал Лобсанга. Тот ничего не говорит просто так.

— Пытаешься мне что-то сказать, аниматронная задница? Что-то про Агнес? Род говорил, что Агнес умерла, что это ее выбор… Что ты натворил, Лобсанг?

— Прости, Джошуа. Я не мог позволить ей уйти. Не всей. Я слишком сильно в ней нуждаюсь. Я решился воссоздать в себе ее сущность и убеждения…

— Ты говоришь о новом воплощении, еще одном теле робота?

— Вовсе нет. Она совершенно определенно мертва. Но все, чем она была, я встроил в себя. Она не находится где-нибудь в бутылке. Но она в центре моего разума, неизменная, навсегда заветная.

Джошуа подумал.

— Что ж, точно так же она и во мне. Но для этого мне не понадобились никакие искусственные загрузки.

Лобсанг с горечью посмотрел на него.

— Тогда я тебе завидую.

Они немного посидели молча, держа в ладонях кружки с кофе.

— Что будешь делать дальше, Лобсанг?

Тот пожал плечами.

— Может, уйду из этого ожерелья миров. Хочу посмотреть, что это будет за «Галактический клуб». Стремления или мечты. Может, такие долгоживущие искусственные создания, как я, больше подходят к галактическим масштабам пространства и времени, чем люди. Но я не собираюсь отказываться от своей человечности.

Джошуа усмехнулся.

— И ты сделаешь резервную копию. У тебя всегда есть резервная копия.

— Конечно, ты прав. И я возьму с собой Агнес, куда бы ни направился. Мы будем вместе в облаке Оорта.

Джошуа почудился стон Агнес над этой старой шуткой.

— Знаешь, я часто беру Агнес покататься на ее «Харлее». Я как могу ухаживаю за ним. Он стоит в гараже — разумеется, на Базовой, в Нью-Мексико. Со всем этим железом нельзя перейти. Я забочусь о нем не хуже тебя, Джошуа: он стоит не на голой земле, шины накачаны, топливо слито из бака, все смазано. И там…

— Да?

— И там тоже все идет как надо. Все ремонти-

руется. Между прочим, сочувствие и сотрудничество — добрые буддистские принципы. Чинить поврежденные создания так, чтобы это могло воспитывать жизнь и разум, вечно — возможно, даже после конца времен. Я могу это понять. Ты же знаешь, что когда-то, когда я жил в Лхасе, я был мастером по ремонту мотоциклов. В каком-то смысле я им всегда был и являюсь до сих пор. Я ремонтирую.

— Лобсанг, нет выше призвания.

— Да, хотя, прежде чем я уйду, я должен выполнить еще одну приятную обязанность…

Лобсанг улыбнулся, и у Джошуа возникло внезапное острое и теплое ощущение Агнес, которая тоже улыбается за искусственным лицом.

Глава 65

Нельсон Азикиве наблюдал за тем, как пастух Кен схватил беременную овцу и взвалил на плечо.

Для Нельсона это была поразительная демонстрация силы: овцы Кена вовсе не пушинки. Но, как он помнил, Старый Кен тоже не был слабаком. Старый Кен, который первым построил ферму на английском Западе-1 всего в одном переходе от старинного прихода Нельсона Святого Иоанна-на-Водах на Базовой Земле. Старый Кен, который всю жизнь был Кеном, завещал все имущество Молодому Кену, который после смерти отца стал Кеном. Все идет своим чередом.

И вот Кен — Молодой Кен — направился к живой изгороди, сделал очередной переход и исчез.

Нельсон медлил, со вздохом подумав, что для него каждый переход как наказание. Но после завтрака прошло уже немало времени. Он положил палец на переключатель лежащего в кармане переходника и прижал ко рту носовой платок…

* * *

Когда он немного пришел в себя, то первое, что заметил в этой Англии в двух переходах от дома, — это остатки леса за каменной стеной, окружающей недавно расчищенное поле Кена. Большие деревья, старые деревья, гиганты.

— Я помню, — сказал Нельсон, немного хрипя.

Кен хмыкнул.

— Ваш отец говорил мне об этом, когда сюда начали наведываться после Дня перехода. Расчищать лес. Вырубать большие деревья, выпускать животных пастись на молодой поросли и так далее.

— Мой папаша знал в этом толк, ваше преподобие.

— Да. Да, думаю, знал. Понимаете, Кен, мне нравилось жить здесь, в приходе.

Кен хмыкнул.

— Но, видите ли, я всегда разрывался между наукой и призванием священнослужителя. Думаю, Дарвин бы понял.

— Что, Роберт и Энн Дарвин, которые заправляют в «Звезде»?

— Нет, нет… Возможно, далекий предок Роберта. Из-за этого противоречия я и уехал. Так далеко,

так надолго. И вот теперь…

— И вот теперь вернулся домой, — раздался новый голос.

Нельсон скованно повернулся. У каменной стены стоял мужчина — высокий, худощавый, очень спокойный, с обритой головой. Нельсон не слышал его приближения — очевидно, он перешел. Но Нельсон сразу его узнал.

— Лобсанг!

Кен ответил первым:

— Я читал про вас.

Он бросился к Лобсангу и пожал ему руку.

— Рад встрече, — сказал Лобсанг.

— Хорошее крепкое рукопожатие, — одобрительно произнес Кен и с усмешкой повернулся к Нельсону. — Он живой, что скажете, ваше преподобие?

Нельсон подумал.

— Он считает себя живым, и мне этого достаточно.

Лобсанг кивнул.

— Погодите.

И исчез.

Вернулся он, держа за руку ошеломленного мальчика, тепло укутанного, хотя осенний день не был холодным. Мальчуган широко улыбнулся

и, оторвавшись от Лобсанга, побежал вперед.

— Дедушка!

Нельсон неловко наклонился, протягивая руки.

— Трой, ну надо же!

— Я же сказал, что приведу его домой, — заявил Лобсанг.

— Надеюсь, это было не слишком хлопотно.

— Как прогулка в парке, — улыбнулся Лобсанг.

Глава 66

Прерия была плоской, зеленой, плодородной. Кое-где далеко росли дубы. Небо весело голубело, как на открытке. На горизонте двигалось облако пыли — там неслось стадо каких-то животных.

И новорожденная была одна.

Одна перед лицом Вселенной, которая подступала со всех сторон и обращалась к ней множеством голосов. А за ними стояла великая Тишина.

Детский плач превратился в воркование. Тишина была приятна.

Послышался вздох. Джошуа вернулся в зеленый мир под синим небом.

«Вниз» в переходах всегда было направлением к Базовой Земле. Вниз к суетливым мирам. Вниз к миллионам людей. «Вверх» — направление к безмолвным мирам и чистому воздуху Верхних Меггеров.

Но для Джошуа Валиенте в конечном счете «вниз» было дорогой домой.

Опираясь на трость, с неподвижным протезом руки, Джошуа поднял малышку, завернул в

потрепанное спасательное одеяло серебристого цвета, пахнущее троллем, и принялся укачивать. Личико малышки было странно спокойным.

— Хелен, — сказал он. — Тебя зовут Хелен София Валиенте.

Тихий хлопок — и они оба исчезли.

Остались только трава и небо.

Благодарности

Я опять выражаю благодарность нашим добрым друзьям доктору Кристоферу Пейджелу, владельцу мэдисонской клиники для животных-поводырей, и его жене Джульетте Пейджел среди прочего за дискуссию по поводу случайного открытия того, что Элли Эрроуэй из «Контакта», похоже, была их соседкой, а также за вдумчивое чтение книги. Кроме того, я благодарен профессору Йену Стюарту за впечатляющие размышления о необычных лесах на Западе-230000000, а также за другие очень полезные советы. Все ошибки и неточности, разумеется, лежат на моей совести.

С.Б.

Декабрь 2015 года, Базовая Земля.